

*Я люблю
этот город
вязевый...*

*К. Стародуб
В. Емельянова
И. Краусова*

*К. Стародуб
В. Емельянова
И. Краусова*

*Я люблю
этот город
вязевый...*

К. Стародуб
В. Емельянова
И. Краусова

Я люблю этот город вязевый...

Путеводитель
по литературным
местам Москвы

2-е изд., доп. и перераб.

Московский рабочий
1990

ББК 83.3(22) лб

С77

Рецензенты:

кандидат филологических наук *А. М. Крюкова*,
Ю. А. Федосюк

Первую часть книги — «От Кремля до Садовых» — написали: К. Стародуб — главы первую и третью; К. Стародуб в соавторстве с И. Краусовой — вторую;
В. Емельянова — главу четвертую.
Вторая часть — «За Садовым кольцом» — написана К. Стародуб.

Составитель К. Стародуб

Стародуб К. В., Емельянова В. В., Краусова И. В.
С77 Я люблю этот город вязевый...: Путеводитель по литературным местам Москвы.— 2-е изд., доп. и перераб.— М.: Моск. рабочий, 1990.— 383 с.: ил.

Книга «Я люблю этот город вязевый» является дополненным и переработанным изданием путеводителя «От Кремля до Садовых». Она знакомит с памятными литературными местами, расположенными по всей Москве. Читатель, через призму литературных произведений видит Кремль, Красную площадь, полукружье Бульварного и Садового колец, Арбат, Замоскворечье, Нескучный сад, Сокольники, местность неподалеку от Таганки с Крутицким теремком и Симоновым монастырем, Девичыё поле, Красную Пресню, Ленинские горы — эти исторически сложившиеся районы, каждый из которых имеет свое «литературное» лицо.

С $\frac{4403060000-280}{M172(03)-90}$ 64—90

ББК 83.3(2)лб

К. Стародуб, В. Емельянова, И. Краусова, 1990

ISBN 5—239—00777—2

*Светлой памяти
Эрнеста Всеволодовича Стародуба
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если читатель впервые открывает путеводитель по литературным местам Москвы «Я люблю этот город вязевый...», возможно, моего предисловия ему окажется недостаточно. Здесь он не найдет ни «истории вопроса» — какие справочники, путеводители по Москве выходили ранее, сколько их было, как они оценивались современниками, ни — более узко — истории данного издания. Конечно, за каждым сборником справочного характера стоит огромный труд поиска, отбора, упорядоченности, конструирования целого из множества частей, не говоря уже о литературной подаче материала.

Но, на мой взгляд, — и это большая удача — авторы путеводителя К. Стародуб, В. Емельянова, И. Краусова вручили себя не строгому и сковывающему научному методу, а интуиции, вдохновению, игре вольных сил, что не исключает, разумеется, эрудиции и глубокого знания материала.

Почти все вроде бы здесь случайно, могло быть, могло и не быть, цель, намерения не высовываются наружу, но каждый раз читатель получает сполна все, что интересует его о писателе, произведении, уголке Москвы, доме, где, кажется, слышен еще скрип половиц под ногами Пушкина и Лескова, Аксакова и Тютчева, где трепетно ждет бала Наташа Ростова и звучат голоса великих в литературном салоне княгини Зинаиды Волконской, на знаменитых литературных «Средах» Телешова, поэтических вечерах в Политехническом музее.

Читателя не смущает, что в путеводителе повторяются иногда одни и те же имена, потому что даны они непременно в ином контексте и освещении. А это означает, здесь присутствует строгий, умный и точный расчет, нисколько не мешающий иным началам: творчеству, вдохновению, воодушевленности.

Прекрасная внутренняя свобода позволяет составителям книги населять единое жизненное пространство Пушкиным и Блоком, Лермонтовым и Есениным, Брюсовым и Маяковским, мятежным Лесковым и неистовым протопопом Аввакумом... Да разве можно перечислить всех!.. Столько великих имен свято хранит Москва!

Литературному тексту путеводителя присуща раскованность. И независимо от того, в какой форме подается материал (история, биографическая справка, цитата, отрывок из мемуаров или сам авторский текст), это делается в свободной, изящной форме, так прекрасно не похожей на псевдонаучное чугунословие. Чистая русская речь, отсутствие специальной терминологии, иностранных пугающих слов, тяжело озвученного глубокомыслия, скрывающего тривиальность или пустоту. И везде ясная, добрая мысль, пристрастие — в хорошем смысле этого слова — к предмету раздумья и к личности того, кому посвящена публикация, ни следа пресловутой сухости, запаха паутины и плесени, сопутствующих в обывательском представлении историческим, архивным и справочным публикациям.

И пусть некоторые материалы путеводителя вроде бы случайны (мог, допустим, не посетить ничем не примечательный дом Гоголь или Пушкин, Герцен или Цветаева, Мандельштам или Булгаков), все это нисколько не идет ему во вред, напротив, наделяет естественностью, спонтанностью, той неожиданностью, на которую щедра жизнь. Есть у авторов путеводителя редкое свойство: умение приблизить и знаменитых, и малоизвестных участников литературной жизни Москвы к сердцу читателя.

Самые подробные, обстоятельные биографии, кропотливые исследования не создают иной раз такого «эффекта присутствия», как одно коротенькое письмо, выдержка из дневника, несколько сохранившихся в чьей-то благодарной памяти высказываний.

О, если бы столь же бережно хранили мы отмеченные былым присутствием гения дома своего великого города! Увы, то и дело спотыкается сердце на столь часто взятые в скобки слова: «дом не сохранился».

Меня всегда мучила мысль, что у москвичей нет того интимного ощущения своего города, которым отличаются ленинградцы. Москва необъятна, неохватна и слишком быстро меняется. Не успеваешь привыкнуть к одному облику города, а он уже стал другим. Сколько лет прошло, а я все ищу Собачью площадку, поглощенную Калининским проспектом. Когда вспоминаешь, сколько московской старины съел этот неоправданно широкий, архитектурно невыразительный проспект, так и не слившийся с арбатской Москвой, то начинаешь сомневаться в его необходимости. Быть может, потому теплеет на сердце, когда вдруг обретаешь вновь и Собачью площадку, и исчезнувшие арбатские переулки, дома вместе с дорогими тенями великих писателей, живших, творивших, гостевавших здесь. Все это возвращает мне путеводитель «Я люблю этот город вязевый...».

Как хладнокровно «махнули» мы так называемый «дом Фамусова»! Пусть это был не охраняемый государством памятник. Но здесь жила знаменитая в начале минувшего века барыня Римская-Корсакова, послужившая Грибоедову прототипом... Фамусова. Это была столь щедрая натура, что немало черт ее перешло и к искательному Молчалину. Для Грибоедова ее дом был золотым дном, и это дом безжалостно снесли.

Только за последнее десятилетие снесены: дом по улице Гиляровского, где бывал Ленин, дом поэта Плещеева (Ружейный переулок), Афанасия Фета (Плющиха), Белинского (Рахмановский переулок), Щепкина (улица Ермоловой), гостиница «Америка», где подолгу жил Рахманинов (Калининский проспект). В бесхозном состоянии дом Брюсова на проспекте Мира, дом в Большом Строченовском переулке, в котором жил Есенин, под угрозой дом Аксакова на улице Мясковского, где бывал Гоголь...

Что осталось от Москвы моего детства, от города, связанного с именами великих писателей? Красная площадь... Даже в исторический центр, в перепут арбатских переулков влезает безобразные башни и стандартные, безнадежно скучные громады...

Нет! Невозможно было бы в этих коробках существование телешовских «Сред», букинистических лавок, литературных салонов, не смог бы здесь Пушкин читать «Бориса Годунова»... И по сей день непонятно, кому и почему надо было жертвовать зданием «Тургеневки» — одной из самых любимых москвичами библиотек — имени Тургенева у Кировских ворот.

Эти «сердца горестные заметы» отнюдь не лирическое отступление от темы, путеводитель возвращает нас к утраченным ценностям и не даст равнодушному сердцу забыть святые места, так или иначе связанные с несметными богатствами литературной среды Москвы.

Авторы путеводителя избрали не совсем обычный путь. Работа, как отмечают они, не претендует на историко-литературные обобщения, она всецело построена на краеведческом материале. Список памятных мест столицы неисчерпаем, и все же книга предельно расширяет представление читателя о географии литературных произведе-

ний, действие которых происходит в Москве, об адресах, ранее, быть может, ему неизвестных, но так или иначе связанных с биографией писателей, для которых древняя столица была не только родиной, местом гостевания, но и источником творческой жизни. Вместе с тем это не сухое перечисление фамилий, улиц, домов, а непременно интересный рассказ, связанный с каким-либо адресом, — будь-то факт писательской биографии, место действия литературного произведения, цитата, письмо, выдержка из мемуаров

И пусть неузнаваемо изменился облик Москвы, куда так рвались героини чеховских «Трех сестер», но всегда влекут нас дома, где впервые прозвучали бессмертные произведения, где написаны «История государства Российского», «Горе от ума», «Мастер и Маргарита», где родились отец русского театра «северный Расин» Сумароков, Фонвизин, Радищев, Пушкин, Лермонтов, «Колумб Замоскворечья» А. Островский, где происходит действие «Войны и мира», где находилось книгоиздательство Сытина, книжные лавки, в которых было «не счастье алмазов», где на квартире Горького Ленин уоенно слушал бетховенскую «Appassionata», где вышел первый советский литературно-художественный и научно-публицистический журнал «Красная новь»...

Составители избрали нелегкий, но благодарный путь. Они подняли огромный материал, который показывает Москву такой, какой видели ее литераторы разных эпох. В сборнике не только мемориальные адреса, но и те, что связаны с героями, местом действия произведений. Однако, естественно, что писатели — так же как и персонажи их произведений — бывали в разных концах города, поэтому авторы путеводителя предлагают особую структуру: здесь применен совершенно правомерный историко-литературно-топографический принцип.

Книга разделена на главы: начальные — «От Кремля до Садовых», «Памятные литературные места центра города», «Арбат и прилегающие к нему районы», «Замоскворечье». Обычно подобного рода справочники и ограничиваются пределами старой Москвы. Но в этом путеводителе общепринятые границы расширяются, пересекают Садовое кольцо, лучами расходятся к Лужникам, новым районам Юго-Запада, за речку Сетунь, проспектом Мира к северным окраинам столицы, по Разгуляю, к Басманным, берегам Яузы... Как бы просеивая через мельчайшее сито поиска пути-дороги литераторов, они делают все для того, чтобы не упустить важной тропинки. И читатель узнает интересные подробности, связанные с бывшими дачными местами, поместьями в вошедших ныне в черту города микрорайонах — Кунцево, Покровское-Стрешнево, Троицкое, Теплый Стан...

«Казалось бы, дом — безмолвная оболочка, охраняющая жизнь, которая пульсирует внутри. Уже давно нет тех людей, которые жили здесь прежде. Давно другие запахи в комнатах, другие цвет обоев и мебель. Другая жизнь кипит в этих стенах. Но почему же нас тянет сюда просто побродить, хотя нет у нас здесь решительно никаких будничных дел?» — эти слова, взятые мною из текста, — всплеск неравнодушной души — могли бы стать эпиграфом к путеводителю.

Разбивая город на географические зоны, каждый раз возвращаясь на десятилетия назад и последовательно вновь возвращаясь к нашему времени, авторы сборника ставят перед собой очень интересную, на мой взгляд, задачу: дать возможность широкому читателю самому раскрыть многогранность творческой личности.

Знатокам литературной Москвы, конечно, известны знаменитые

пушкинские места: дом, где он родился («не сохранился!»), адреса его московских друзей Нащокина, Баратынского, Вяземского, дом Гончаровых («не сохранился!»), церковь, где поэт венчался со своей Мадонной, квартира молодоженов на Арбате. Но широкому читателю, быть может, неведомы: церковь, в которой крестили дивного младенца, дом дяди поэта Василия Львовича, куда в 1826 году Пушкин вернулся из ссылки, или знакомый поэту дом Мусина-Пушкина, связанный с историей памятника русской письменности «Слово о полку Игореве».

Интересен и другой ракурс сборника. Взяв одну улицу, например Арбат и его окрестности — этот город в городе, породивший целую литературу, авторы путеводителя раскрывают многоцветную картину художественной жизни (хотя воистину никому и никогда не пройти его из конца в конец!). Кажется, все здесь пронизано духом Пушкина: множество домов, в которых поэт бывал, встречался с декабристами, и три, в которых он жил. Своеобразная «пушкинская тропа» проходит по арбатским переулкам и как бы соединяет здание музея на Кропоткинской с домом, в котором после женитьбы он поселился с Натали.

Интересными фактами творческой биографии показан Арбат в жизни Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Аксакова... Лермонтов пережил здесь несчастную любовь к Н. Ф. Ивановой и узнал очаровательную Вареньку Лопухину. На Сивцевом Вражке встретился Гоголь с Аксаковым, а у него — с Загоскиным. Известно, что любой дом, в котором поселялся Аксаков, становился центром литературной жизни Москвы (попутно читатель узнаёт о западниках и славянофилах).

Арбат второй половины XIX века открывается именем Салтыкова-Щедрина. Улица уже потеряла свою былую привлекательность: духовно оскудело дворянство. И вот «пошехонский Арбат»...

Мы узнаем арбатские адреса Достоевского, Тургенева, Гончарова, Толстого, Чехова и литературную жизнь улицы в XX веке, которая связана с именами Горького, Маяковского, Есенина, Шагинян, Цветаевой, Фурманова, А. Толстого. Литературный материал при этом подобран живо, многокрасочно, неординарно и естественно, как течение самой жизни. Любая причастность к Арбату, любой, пусть мелкий, но яркий и точно подмеченный факт фиксируется зорким глазом, вызывая несомненный интерес читателя. На Арбате, в Театре имени Вахтангова, ставилась пьеса Афиногенова «Далекое», близ Арбата, в Серебряном переулке, жил скульптор Домогацкий, сделавший замечательный скульптурный портрет Пушкина, творчество которого изучал бывавший здесь Вересаев. На улице Фурманова в первом кооперативном доме московских литераторов (знакомое «не сохранился!») жили Булгаков и Мандельштам, Ильф и Петров, легендарный Мате Залка. Над ослепительно освещенным Арбатом свершался фантастический полет Маргариты и здесь искала она своего Мастера...

Не забывают авторы и, вероятно, не очень известных широкому читателю юных поэтов М. Кульчицкого, П. Когана, Вс. Багрицкого, погибших в годы Великой Отечественной, к этому же поколению принадлежит и певец Арбата Булат Окуджава. Не рвется связь времен!..

К несомненным достоинствам путеводителя надо отнести и то, что в нем нередко приводятся малозвестные факты. Многие ли из нас знают о друзьях Лермонтова Н. Павлове и его супруге К. Павловой-Яниш? Между тем творчество Павлова отмечал Тютчев, его

высоко ценил Пушкин, на его лирические произведения писал музыку Верстовский, а Каролину Яниш называли «княгиней русского стиха». Думается, не всем известно, что в полуподвале дома Герцена на Тверском бульваре был писательский клуб, куда приходили Есенин и Маяковский, Булгаков и Пастернак, что «Мистерия-буфф», пьеса, высоко оцененная Луначарским, впервые была поставлена в старом здании цирка на Цветном бульваре, что санаторий «Узкое», где отдыхают крупнейшие ученые, посещал Бернард Шоу, в Эюэне боярыню Морозову навещал ее духовный наставник неистовый Аввакум, что в знаменитом Петровском дворце (Ленинградский проспект) у своего друга и однополчанина Д. Розена в последний приезд в Москву останавливался Лермонтов...

Таких фактов-находок в путеводителе множество, что, несомненно, повышает читательский интерес. Не остаются за пределами книги и менее известные современному читателю литераторы: Загоскин, Майков, Ростопчина, Полежаев и другие.

И здесь мне вновь хочется вернуться памятью к тому, что меня мучит беспрестанно, о чем я писал и буду писать всегда. Любовь к родине начинается с любви к своей улице — банально, но это святая правда. Воспитать хорошего человека среди безликих каменных коробок труднее, чем на берегу Чистых прудов или в сплетении арбатских переулков, где все пронизано важной памятью. Проблема «коробок», то есть чаще всего новых районов, — проблема нравственная. Нравственна и другая проблема: нестабильность Москвы, ее улиц, имена которых меняются постоянно. К тому же новые имена зачастую нелепы, невыразительны — Стандартная улица, Силикатный проезд... Какая убогость воображения! Названия улиц отражают уровень культуры. И, читая путеводитель, с наслаждением вдыхая аромат несохранившихся, но священных для нас домов и улиц, с горечью думаешь, что в огромной столице, пусть взамен утраченных богатств, не нашлось места хотя бы для переулков, названных именами Тютчева, Бунина, Булгакова, Мандельштама, Платонова, Цветаевой (да и профессора Цветаева — основателя Музея изящных искусств!), Ахматовой, Пастернака.

Что ж, пусть путеводитель по литературным местам столицы еще раз вернет к великим именам благодарную память тех, кому дорог неслыжаемый родник духовной жизни нашего древнего города.

Юрий НАГИБИН

К ЧИТАТЕЛЮ

Город вязевый. Пусть не удивит читателя этот образ. Он заимствован у Есенина: «Я люблю этот город вязевый...» Вязь улиц, переулков, тупиков, зыбкие неровные линии бульваров, нечеткие абрисы площадей, перекрестков, площадок на месте когда-то существовавших крепостных ворот — Сретенских, Мясницких, Покровских... Вязь петляющих улиц, определившихся вдоль берегов ныне исчезнувших рек и речушек, вязь графично чернеющих на фоне серенького московского неба ветвей деревьев бульваров, скверов, старых, заросших дворов, вязь кованых декоративных решеток, оград, калиток, ворот, украшений старинных фонарей. И вязь имен тех, кто увековечил все это в своем творчестве. «Я люблю этот город вязевый...»

Это путеводитель по литературным памятным местам Москвы. Работа не претендует на историко-литературные обобщения. Она всецело построена на краеведческом материале. Мы хотели напомнить о памятных литературных местах, не беря на себя смелость полностью исчерпать их список. В книге рассказано о той роли, которую играла Москва в жизни известных поэтов и писателей, и об их связи с конкретной литературной средой. Другая важнейшая тема — Москва в творчестве отечественных литераторов.

Наша столица постоянно была для русских писателей источником, питающим творчество, дающим вдохновение, она была городом, где их силы сплачивались и крепили в спорах и идейной борьбе. В наши дни велико значение Москвы в жизни многонациональной советской литературы.

Конечно, лаконичное название адреса — это лишь формальное напоминание о том, что здесь жили, творили, встречались, обменивались мнениями. В небольшой книге мы не в состоянии «раскрыть» каждый адрес. Пребывание писателя по любому из них — сюжет для самостоятельной новеллы, рассказа или даже повести.

Изменились облик зданий, колорит улиц, настрой и ритм жизни города, а нас все влекут к себе дома, где были написаны фрагменты «Горя от ума» или повесть «Степь», роман «Как закалялась сталь» или поэма «Хорошо!». Сила притяжения памятных мест безгранична: завораживают понятия «дом, где жил Пушкин» или даже — «место, где стоял дом, в котором родился Лермонтов». Оказавшись, например, на Арбатской площади, мы не можем не взволноваться, вспомнив, что это ведь та самая, хотя и почти до неузнаваемости изменившаяся площадь, на которой герой романа «Война и мир» Пьер Безухов увидел комету 1812 года, сулившую большие несчастья.

Различны были истоки любви литераторов к Москве. Для А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского она была родиной, а для А. П. Чехова, родившегося в Таганроге и впервые приехавшего семнадцатилетним юношей в древнюю столицу, сила ее духовного воздействия была столь значительной, что его девизом стали слова «Я — навсегда москвич». В творчестве одних писателей, например А. П. Чехова, В. А. Гиляровского, образ Москвы отразился многогранно, и этих писателей называют московскими. Однако известны другие примеры, когда и не московские писатели — Ф. М. Достоевский, А. А. Блок — неоднократно обращались к изображению великого города, упоминанию о нем в своем творчестве.

Многие литераторы писали о Москве. Они воспринимают ее как символ Родины. Из рассеянных в произведениях разных авторов зарисовок и создается литературный портрет города. Отношение литераторов к Москве запечатлелось не только в художественных произведениях, но и в мемуарах, в эпистолярном наследии, в дневниковых заметках.

Облик города динамичен, разнолик. Шли годы, сменяли друг друга поколения, и каждое по-своему воспринимало то, что было сказано о Москве несколько десятилетий назад, давало свою интерпретацию этим картинам.

Мы стремились найти материал, который помог бы

показать Москву такой, какой ее видели литераторы в разные эпохи. Сложно в живом, пульсирующем теле современного города обнаружить приметы далекого или недавнего прошлого, но слово писателей позволило это сделать. Мы обратились не только к тем адресам, по которым «жили» творцы литературных произведений, но и к тем, с которыми связаны созданные их воображением герои.

В первой части книги — «От Кремля до Садовых» — условно намечены четыре района, находящиеся в пределах Садового кольца. Первый — Кремль и Красная площадь; второй — часть города, примыкающая к Кремлю и Красной площади и ограниченная с одной стороны улицей Герцена, с другой — Заяузьем, разделенная на две неравные части главной улицей города — улицей Горького¹; третий район — между улицей Герцена и Остоженкой, сердцевиной которого является Арбат, и четвертый — Замоскворечье. Мы стремились определить их с историко-литературной точки зрения, находя тому подтверждение в художественной литературе. Ведь за конкретными понятиями «арбатские переулки», «замоскворецкие дворы», «сретенские переулки», «район Трубной площади» и т. д. стоят знакомые нам литературные образы. Термины «литературный Арбат», «литературное Замоскворечье» — понятия, которые, наверное, имеют право на существование.

Известно, предметом какого пристального внимания наших литераторов на протяжении многих десятилетий являлись Кремль и Красная площадь! Этому в книге посвящена глава «И за рекою Кремль-красавец». Во второй главе «Каждый камень твой — заветное преданье поколений» рассказано о памятных литературных местах, сгруппированных подле комплекса старых зданий университета, Московской консерватории, а также улиц Горького, Петровки, Неглинной и Кузнецкого моста, где сосредоточены театры, концертные, выставочные залы и клубы творческих союзов. Сюда же мы относим кварталы, прилегающие к улицам Пушкинской, Кирова, Богда-

---

¹ Решением Моссовета от июля 1990 г. улице Горького в пределах Садового кольца возвращено прежнее название Тверская. В тексте здесь и далее, а также на схеме (с. 46) приводится название улица Горького, т. к. книга была подготовлена к выходу в свет до принятия этого решения и внести соответствующую правку не представлялось возможным.

на Хмельницкого, Чернышевского, Бульварное кольцо — от Тверского до Яузского бульвара, вплоть до Заяузья, составляющие большой регион, на территории которого находится множество улиц, носящих имена литераторов. Третья глава «Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц» представляет собой описание памятных мест, находящихся в районе, композиционным и историческим ядром которого является Арбат. Замечательна литературная биография Замоскворечья, которому посвящена глава «Я знаю тебя, Замоскворечье».

Вторая часть книги — «За Садовым кольцом» — состоит из семи глав, в шести из которых рассказано об одном из условно намеченных нами районов: на юго-западе — это Ленинские горы и прилегающие к ним жилые массивы, на западе — улицы, переулки и набережные, находящиеся неподалеку от Поклонной горы, севернее — созвездие улиц в районе главной магистрали — улицы Тверской и ее продолжения — Ленинградского и Волоколамского шоссе, северная окраина близ проспекта Мира, на востоке местность в бассейне реки Яузы, а на юге берега Москвы-реки в районе станции Москворечье.

Надеемся, что правомерен смешанный литературно-топографический принцип расположения материала, который избран в этой книге. Однако такая структура влечет за собой ряд особенностей в восприятии: ведь многие писатели жили и бывали во всех упоминаемых нами районах. Поэтому в каждой главе мы невольно возвращаемся к их именам и событиям, с ними связанным. В основу повествования положен хронологический принцип, он помогает организовать материал таким образом, что в нем отражаются вехи развития историко-литературного процесса.

Часть

1

От Кремля до Садовых

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали — небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева.

Владимир Соколов

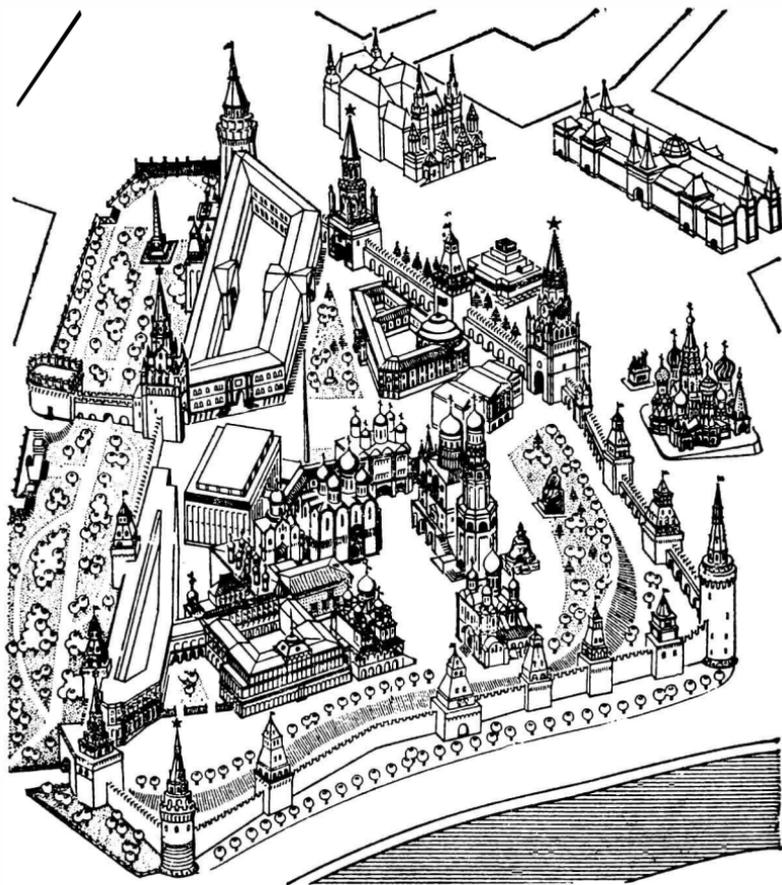
«И ЗА РЕКОЮ
КРЕМЛЬ-КРАСАВЕЦ»

У кого при слове «Москва» не возникают образы Кремля и Красной площади? «Москва, Кремль» — стоит в государственных документах. В Москве, в Кремле проходят важнейшие для жизни страны форумы. Москва, Кремль, Красная площадь — символы нашего времени.

Кремль — сердце Москвы, сердце страны. «И стоит Москва и сердце Москвы — Кремль» — так заключает одну из своих исторических повестей Вс. Н. Иванов. Все основные исторические вехи в развитии государства связаны с этим центром политической жизни. Мы ощущаем духовное единение с этим уголком русской земли.

Широко известна панорама восточной части Кремля, обращенная к Красной площади, центром которой являются Спасская башня и здания под государственным флагом, в которых работают Совет Министров СССР, проходят сессии Верховного Совета СССР, работает его Президиум. Прекрасна кремлевская панорама и со стороны набережной Мориса Тореза. Открылся еще один вид на Кремль — от гостиницы «Россия», расположенной в Зарядье. Нарядны постройки за высокой кремлевской стеной, вдоль которой тянется Александровский сад. Разнообразны ракурсы, в которых предстает перед нами Кремль, различно и восприятие каждым из нас этого памятника. По-разному видели и изображали Кремль и Красную площадь А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Герцен, Л. Толстой, А. К. Толстой, А. Н. Толстой, А. Чехов, А. Блок, В. Маяковский, В. Брюсов, К. Симонов, Дм. Кедрин, П. Антокольский, А. Твардовский, Р. Рождественский.

М. Ю. Лермонтов писал: «Москва не есть обыкновенный город, каких тысяча. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись... богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!..» Эти строки можно отнести прежде всего к Кремлю и Красной площади. Очень важно отметить, что писатели XIX века, особенно первой его половины, воспринимали Кремль как памятник истории, и все их произведения обращены в основном к его прошлому, которое было и величественным, и тревожным, и суровым. Современные нам литераторы связывают его с современными общественно-политическими событиями.

В советской литературе обращение к Кремлю совпадает, как правило, с обращением к событиям большого политического звучания.

Московский Кремль — замечательный памятник искусства, вошедший в мировую сокровищницу.

Кремлевские стены, окружающие замечательный ансамбль и существующие полтысячи лет, служили для обороны в дни вражеских нашествий, и люди воспринимали в основном их функциональное значение. В наши дни на стены и кремлевские сооружения мы смотрим как на произведения искусства, являющиеся и напоминанием о героическом прошлом. В полной мере осознать значение Кремля можно, лишь обратившись к его истории и художественной литературе, посвященной ему.

ПАМЯТНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА КРЕМЛЯ И КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

ЛЕТОПИСЦЫ ДРЕВНЕГО КРЕМЛЯ

Жизнь Москвы началась вместе с жизнью Кремля. На Боровицком холме были воздвигнуты первые кремлевские гражданские здания, стены, соборы. Уже давно переосмыслено первоначальное значение слова «Кремль», некогда означавшее «крепость». Слово «Кремль» встречается впервые в 1331 году при известии о пожаре Москвы, но потом оно надолго, почти на 200 лет, исчезает из летописей и исторических документов... название «Кремль» установилось лишь по возведении стен Белого города»¹, — сообщал историк С. П. Бартнев.

С момента создания и до наших дней образ Кремля находил отражение в литературе. Сначала это были летописи. В Ипатьевской летописи так сообщается о возникновении в 1147 году Москвы: в той части нынешнего Кремля, которая примыкает к Боровицкой башне, состоялась встреча суздальского князя Юрия Долгорукого и новгород-северского князя Святослава Ольговича. «Въ лето 6655 (1147) князь велики Юрьи Суждальскій, сынъ Владимирѣ Мономаха, внукъ Всеволожь, правнукъ Ярославль, праправнукъ великого Владимира, собра воинст-

---

¹ Московский Кремль в старину и теперь / Сост. С. П. Бартнев. М., 1912. С. 5.

ва и шедъ взя градъ Новый Торгъ... И посла къ нему князь велики Юрьи Суждальскій, глаголя сице: «како бы ся намъ видети съ тобою и въ любви и въ единстве житіе о Христе скончати и отъ враговъ своихъ стрещися за единъ и другъ за друга голова положити... И тако совещаши, снисдошася на Москву князь велики Юрьи изъ Суждала, а князь велики Святославъ Олговичъ съ Резани изъ Тешилова...»

Известно, что в 1156 году, через девять лет после упомянутых событий, князь Юрий Владимирович Долгорукий приступил к сооружению крепостных стен. Пожары, нападения войск других русских князей на Московский Кремль, взятие Москвы Батыем в 1238 году нашли отражение в летописях. Летопись — не только исторический документ, но и литературное произведение. Стиль его строг, торжествен и одновременно динамичен. В Никоновской летописи упоминается об упрочении положения молодого Московского княжества: «В лето 6836 (1328), зачало княженіа Московскаго». То есть это год, в который Москва стала великокняжеской столицей. Построены были при Иване Калите дубовые кремлевские стены (начало строительства 1339 г.). В 1366—1367 годах Дмитрием Донским были сооружены первые каменные. И вот наступил 1380 год — из ворот башни, на месте которой теперь стоит Константино-Еленинская башня Кремля, Дмитрий Донской вывел войска и направился с ними на Куликово поле. Это были полки не только москвичей, но и ярославцев, костромичей, коломенцев, собранные Дмитрием Донским. Куликовская победа — по выражению историка С. П. Бартенева, «заря освобождения» от ордынского ига — была одержана более чем в двухстах километрах от Москвы, но основа ее ковалась здесь, в Московском Кремле. Вот как эта мысль отразилась в «Сказании о Мамаевом побоище» — замечательном произведении древнерусской литературы, созданном в первой четверти XV века и имеющем множество списков XV—XIX веков: «И посла по брата своего по князя Владимира Андреевича в Боровек, и по все князи русские скорые гонци розослав, и по вся воеводы местныа, и по дети боярские, и по все служылые люди. И повеле им скоро быти у себя на Москве». Выезд русских войск из Москвы сравнивается с полетом соколов: «З нимъ и все князи полетели з Москвы, як белыи соколы, нарядное войско».

Так, десятилетие за десятилетием, век за веком все

значительные события в жизни Кремля отражались сначала в древнерусской, а затем в классической и советской литературе. Советские писатели В. И. Язвицкий и С. П. Бородин неоднократно обращались к изображению Кремля и Красной площади. Картины, созданные ими, точны, исторически правдивы. Кремль и Красная площадь — место, где разворачивается действие исторических романов «Дмитрий Донской» С. П. Бородина и «Иван III — государь всея Руси» В. И. Язвицкого.

Этапным событием в русской истории было «великое стояние на реке Угре», которое означало окончательное падение ордынского ига. Это произошло в 1480 году — ровно через сто лет после Куликовской битвы. Отсюда же, из Кремля, навстречу полчищам хана Ахмата вышли русские полки под руководством Ивана III.

Этому предшествовал знаменательный факт. С замиранием сердца, переносясь мысленно на пятьсот лет назад, мы читаем в книге Вс. Н. Иванова «Иван Третий» о том, как здесь, в Кремле, великий князь Иван разорвал грамоту хана Ахмата:

«Посол спешил на красное сукно и, приняв в обе руки ларец с ханской басмой, на своих кривых ногах конника легко двинулся по ступенькам. Вступив в бревенчатую палату, посол увидел, что на этот раз бояре и князья, духовенство и жильцы стоят в глубине, по стенам, а великий князь Иван сидит на кресле в епанче и в мономатовой греческой шапке, увенчанной крестом из самоцветов. Никто не пал встречу на колени, не встал и великий князь.

...Посол поднял было ханскую грамоту высоко, протянул ее Ивану Васильевичу, но великий князь схватил грамоту, плюнул на нее, с треском разорвал, бросил лоскутья на землю. Выхватил из рук шатнувшегося восточного вельможи его царёву басму, распахнул ларец и, вытряхнув воск наземь, растоптал каблуком своего пурпурного сапога».

В Московском Кремле, собираясь походом на войско Ахмата, Иван III держал совет. «В майский день собрал Иван Васильевич совет в своей избе... Белые высились в окнах березки, сквозили душистой листвой, ворковали голуби под застрехами, да накатывало, обдавало по временам колокольным звоном. Солнце в упор зажигало цветные искры на нарядах и на оружии, на поясах и светило прямо в темный лик Одигитрии. «Русские люди! — ска-

зал Иван Васильевич.— Приходит грозный час. Должны мы отстоять наше государство — Москву — от ордынского царя...» После этого двинулись русские войска на юг. Исторические персонажи — герои повести Вс. Иванова — именно в Кремль возвращаются «после столь неслыханным порядком, без крови одержанной умной победы». «Великий князь выезжал из-за Москвы-реки и смотрел, как Кремль высился, весь озаренный солнцем, осыпанный серебряным снегом, белокаменный, с золотыми куполами».

Утверждение могущества и независимости Русского государства требовало дальнейшего укрепления Московского Кремля. При великом князе Иване III было осуществлено в Кремле грандиозное строительство. Летописец в 1485 году отмечал, что началось строительство стен. «Белокаменные» стены были закончены в 1499 году русскими мастерами при участии итальянских — Марко Руффо, Антона Фрязина, Пьетро Солари, Алевиза Фрязина. В действительности стены были сложены из кирпича. Белый же камень использовался только для фундаментов и цоколей стен, башен и декоративного пояса, идущего посредине.

Реальные картины облика Кремля этой поры запечатлены в художественной литературе. Мы их найдем в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», написанной М. Ю. Лермонтовым в 1837 году:

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается.

Действующие лица «Песни» смотрят на Кремль со стороны Замоскворечья, любят розовеющими в свете зари постройками, а «за Кремлем горит заря туманная». Купец Степан Парамонович Калашников, выходя на поединок с опричником Кирибеевичем, так выражал по традиции свое уважение к Кремлю:

...Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.

Из этих описаний складывается зрительный образ Кремля.

В Кремле во времена Ивана Грозного были задуманы знаменитые походы на Казанское и Астраханское ханства, закончившиеся победой. К этому периоду истории обращается советский поэт Дмитрий Кедрин. В поэме «Зодчие», написанной в 1938 году, он рисует Кремль времен Ивана Грозного, куда были призваны Постник и Барма, будущие строители храма Василия Блаженного — памятника присоединения Казани и Астрахани к Москве:

Лился свет в слюдяное оконце,
Был дух вельми спертый.
Изразцовая печка.
Божница.
Угар и жара.
И в посконных рубахах
Перед Иоанном Четвертым,
Крепко за руки взявшись,
Стояли сии мастера.

В повести А. К. Толстого «Князь Серебряный» мы встречаем бытовые штрихи, которые, может быть, не совсем привычны для нашего представления о масштабных исторических событиях. В главе «Сказка» описано нападение разбойников Перстня и Коршуна на Ивана IV, произошедшее в его опочивальне. Сама опочивальня выглядит так: «Налево от двери была лежанка; в переднем углу стояла царская кровать; между лежанкой и кроватью было проделано в стене окно, которое никогда не затворялось ставнем, ибо царь любил, чтобы первые лучи солнца проникали в его опочивальню. Теперь сквозь окно это смотрела луна, и серебряный блеск ее играл на пестрых изразцах лежанки». Здесь разыгралась короткая схватка, в результате которой разбойник Коршун был схвачен опричниками.

Кремль является местом действия и других произведений А. К. Толстого — его драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». Действие драмы А. Н. Островского «Василиса Мелентьева» также разворачивается в Кремле, в царских покоях. Василиса Мелентьева — шестая, невенчанная жена Ивана Грозного — погибает под ножом боярина Колычева. Здесь действуют Малюта Скуратов, придворный врач Бомелий, Василий Шуйский, Борис Годунов. Перед читателями предстает это суровое, мрачное время. В ремарках пьесы указано: «Дворцовое крыльцо в Кремле», «Грановитая палата. На левой стороне трона

по обеим сторонам — скамьи, покрытые красным сукном», «Решетчатые сени в деревянном дворце», «Передний покой в тереме царицы».

Нам интересны картины Кремля и в творчестве А. С. Пушкина, в частности в трагедии «Борис Годунов». Поэт знал и любил Кремль как замечательный памятник русской истории.

Подзаголовки отдельных сцен трагедии точно определяют место действия: «Кремлевские палаты (1598 г., 20 февраля)», «Царские палаты» — здесь, вероятно, имеются в виду сооружения, находившиеся на месте нынешнего Большого Кремлевского дворца. Дворец был построен в 1838—1849 годах по проекту архитекторов К. А. Тона, П. А. Герасимова, Н. И. Чичагова. Возможно, поэт писал о Теремном дворце, который и поныне находится на территории Кремля. Его кокошь сохранился с XV века, а нижний этаж — с XVI.

Еще одно место действия, названное в трагедии, «Ночь, келья в Чудовом монастыре (1603 г.)», связано с реально существовавшим Чудовым монастырем, находившимся приблизительно на месте нынешнего здания Президиума Верховного Совета СССР. Это здание построено в 1932 году архитектором И. И. Рербергом.

Действие в сцене «Палаты патриарха», вероятно, происходило в Патриарших палатах, находившихся за Успенским собором с западной стороны (здание не сохранилось).

Название сцены «Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца» говорит о реально существовавшем и запечатленном на плане Кремля 1613 года, составленном амстердамским картографом Гесселем Герритсом, дворе боярина Бориса Годунова. Он находился на Троицкой площади, приблизительно на месте нынешнего Дворца съездов.

Есть в трагедии Пушкина сцены, в которых упомянуты сооружения, и поныне существующие. Так, сцена «Царская дума» проходит в Грановитой палате и вводит нас в мир напряженной политической борьбы при дворе Бориса Годунова. В этой сцене участвуют царь, патриарх, бояре Басманов, Шуйский и другие. Политические противники, собравшиеся под яркими расписными сводами, беседуют о расстриге Григории Отрепьеве. Патриарх предлагает перезахоронить тело царевича Дмитрия в Архангельском соборе, перевезя его из Углича в Мо-

ску, чтобы лишить Отрепьева возможности прикрывать его именем. На это возражает Шуйский.

В знаменитой сцене «Площадь перед собором в Москве», где отмечено в ремарке одно действующее лицо — «народ», Пушкин разворачивает действие на Соборной площади. На ее белокаменных плитах толпятся люди, среди которых юродивый Николка. Борис Годунов в сопровождении бояр, облаченных в тяжелые парадные одежды, выходит из Успенского собора на площадь. Обратившись к нему, юродивый говорит:

«Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Ц а р ь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.
(Уходит.)

Ю р о д и в ы й (ему вслед)

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит».

Борис Годунов был сложной, противоречивой исторической фигурой: он был изворотливым, осторожным политиком и вместе с тем человеком, не лишенным доброты. К его образу не раз обращались писатели. Известно, например, что во время страшного голода Годунов пытался наделить народ зерном и в то же время надстроил колокольню Ивана Великого. Обращая внимание именно на этот факт, малоизвестный поэт XIX века Грилуцкий замечал:

Там богатырь, начальник башен,
Его поставил Годунов.
Чтоб он из вечных житниц неба
Добыл кусок насущный хлеба.

Надстроенная часть колокольни и поныне украшена позолоченной надписью старославянской вязи: «Изволением Святыя Троицы, повелением Великого Государя Царя и Великого князя Бориса Федоровича всея Русии Самодержца и сына его благоверного Великого Государя царевича и Великого князя Федора Борисовича всея Русии храм совершен и позлащен во второе лето государства их 7108 (1600)».

В начале XVII века в борьбе с польско-шляхетской интервенцией ополчение во главе с Козьмой Мининым и Дмитрием Пожарским освободило Москву. В Оружейной

палате Кремля хранится меч Дмитрия Пожарского. Поэтесса Е. П. Ростопчина в стихотворении «Посещая Оружейную палату» восторгается этим мечом, хотя он по сравнению с другими ценностями замечательного музея выглядит более простым и скромным:

Но в битву сотни он водил других мечей,
Победой искупил честь родины своей:
То меч Пожарского, спасителя России!!!

ОТ ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН ДО 1812 ГОДА

Запечатлен в литературе и Кремль времен Петра I. Читая роман А. Н. Толстого «Петр Первый», мы представляем себе Кремль конца XVII века, тревожного времени стрелецких восстаний. На всю жизнь запомнил Петр I расправу, учиненную над братьями его матери Иваном и Афанасием Нарышкиными, над Юрием и Михаилом Долгоруковыми и Григорием и Андреем Ромодановскими, Матвеевым, Языковым.

Произошло это на глазах маленького Петра в 1682 году на Соборной площади на Красном крыльце Грановитой палаты, которое находилось с ее южной стороны, обращенной к Благовещенскому собору. «Дверь распахнулась. Увидели царицу Наталью Кирилловну во вдвоем черной опашени и золотопарчовой мантии. Взглянув на тысячи, тысячи жадных глаз, упертых на нее, царица покачнулась, мантия соскользнула с плеч. Чьи-то руки протянули ей мальчика в пестром узком кафтанчике. Царица с усилием, вздернув животом, приподняла его, поставила на перила крыльца. Мономахова шапка съехала на ухо, открыв черные стриженные волосы. Круглощекий и тупоносенький, он вытянул шею. Глаза круглые, как у мыши. Маленький рот сжат с испугу». «С крыльца в толпу сошли Хованский и Василий Васильевич. Кладя руки на плечи стрельцам и простым людям, уговаривали разойтись, но говорили будто с усмешкой». И тут-то вспыхнул бунт. «Кто-то оттащил царицу, отшвырнул Петра, как котенка. Огромное тело Матвеева с разинутым ртом высоко вдруг поднялось, задело сапогами за перила и перевалилось на уставленные копыя».

А. Н. Толстой отмечал, что писателю нужен взгляд в глубь истории: в ретроспективе можно четче увидеть чер-

ты национального характера, те возможности, которые таятся в душе русского народа. В романе «Петр Первый» ощущается биение напряженного пульса общественной жизни древней Москвы: стрельцкие восстания, мужание Петра как государственного деятеля, его борьба с боярством.

Москва и Кремль не раз были свидетелями триумфа Петра I. Здесь, в Кремле, в Грановитой палате, в 1709 году Петр I праздновал победу в Полтавской битве. Он повелел воздвигнуть в Кремле «Цей-хоуз» — Арсенал. Основные работы проходили в 1701—1736 годах.

Через сто лет обрушилось на Россию новое несчастье — война 1812 года. После Бородинского сражения русские войска согласно приказу М. И. Кутузова покинули Москву. Армия Наполеона вошла в древний город без боя. Однако Кремль сопротивлялся. Это описывает Л. Н. Толстой в романе «Война и мир». Вместе с героями романа мы следим за тем, как войска неприятеля входят в город, движутся по Дорогомиловской дороге, Арбату, Воздвиженке по направлению к Кремлю. Они подошли к Кутафьей башне, находящейся у западной стены Кремля и соединенной с проездой Троицкой башней мостом, под которым некогда протекала речка Неглинка. Башня Кутафья издавна предназначалась для обороны Троицкого моста. Французы узнали, что в опустевшей, оставленной жителями Москве «ворота в крепость (Кремль.— Авт.) заделаны и что, вероятно, там засада».

«Артиллерия на рысях ехала из-за колонны, шедшей за Мюратом, и поехала по Арбату. Спустившись до конца Воздвиженки, артиллерия остановилась и выстроилась на площади. Несколько французских офицеров распоряжались пушками, расстановливая их, и смотрели в Кремль в зрительную трубу.

В Кремле раздавался благовест к вечерне, и этот звон смущал французоз. Они предполагали, что это был призыв к оружию».

Действительно, в Кутафьей башне находились девять безымянных героев, семеро из которых были убиты французами. Яркий драматический момент боя изображен в романе:

«Несколько мгновений после того, как затихли перекаты выстрелов по каменному Кремлю, странный звук послышался над головами французоз.

Огромная стая галок поднялась над стенами и, кар-

кая и шумя тысячами крыл, закружилась в воздухе. Вместе с этим звуком раздался человеческий одинокий крик в воротах, и из-за дыма появилась фигура человека без шапки, в кафтане. Держа ружье, он целился во французов. Feu! — повторил артиллерийский офицер, и в одно и то же время раздалось один ружейный и два орудийных выстрела. Дым опять закрыл ворота».

Так погибли кремлевские защитники.

Отношение к Кремлю у Л. Н. Толстого связано с раздумьями о судьбах России. Впервые приехав в Москву из Ясной Поляны в 1837 году, Толстой, видимо, нередко бывал здесь. В 1839 году одиннадцатилетним мальчиком он написал первое известное нам сочинение — «Кремль»: «Какое великое зрелище представляет Кремль! Иван Великий стоит, как исполин, среди других соборов и церквей и напоминает этого хитрого похитителя престола. Этот странный теремок как бы свидетельствует о бурных временах Иоанна Грозного. Эти белые каменные стены вспоминают великого Гения и Героя, который у этих стен потерял свое счастье, и видели стыд и поражение непобедимых полков наполеоновских».

Пройдут годы, и Лев Николаевич станет частым гостем в семье А. Е. Берса, придворного медика, жившего в здании Кремлевского дворца на казенной квартире. 23 сентября 1862 года в кремлевской церкви Рождества Богородицы, изящный силуэт которой виден из-за стены со стороны Александровского сада, Л. Н. Толстой обвенчался с дочерью Берса Софьей Андреевной.

После изгнания войск Наполеона и победного окончания войны стал отстраиваться обезображенный войной Кремль. Известно, что Наполеон приказал его взорвать и от взрыва пострадали Грановитая палата, Арсенал, Потешный дворец, пристройка к колокольне Ивана Велико-го — звонница Петрока Малого, обрушились полностью Водовзводная и наполовину Никольская башни, были повреждены здание Сената и в пяти местах — кремлевские стены.

В 1820-е годы современники с гордостью смотрели на возрождавшийся Кремль. Это чувство выразил поэт Ф. Н. Глинка — участник Бородинского сражения и заграничных походов 1813—1814 годов:

Кто, силач, возьмет в охапку холм Кремля-богатыря?
Кто собьет золотую шапку у Ивана-звонаря?
Кто царь-колокол подымет?

Кто царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?

Жизнь замечательного предшественника Пушкина Василия Андреевича Жуковского была связана с Кремлем. В 1812 году Жуковский вступил в московское ополчение и участвовал в Бородинском сражении. Поэт любил Москву. В январе 1815 года в письме к друзьям он отмечал: «Пишу из священной нашей столицы... в которую въехал я с гордостью русского и с каким-то особым чувством, мне одному принадлежащим, как певцу ее величия». В 1817—1818 годах он некоторое время жил в одном из строений Московского Кремля, картина которого всегда волновала и вдохновляла поэта. Еще в 1814 году им было написано стихотворение «Певец в Кремле», в котором воспевается этот замечательный памятник — один из символов победы над захватнической армией Наполеона:

О Кремль, свидетель славных дней,
Красуйся обновленный.

Василий Андреевич находился в Москве в августе 1839 года в связи с открытием на Бородинском поле памятника героям битвы. Его радовало, что в армии повторяли его «Певца во стане русских воинов» — «песню — современницу Бородинской битвы».

ОБРАЗ КРЕМЛЯ В ВОЛЬНОЛЮБИВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. И. Полежаев в стихотворении «Кремлевский сад» воспринимает весь кремлевский ансамбль и Александровский сад, расположенный у западной стены Кремля, не только как парадные сооружения, но просто как уютный уголок Москвы, в котором он находил душевное успокоение, испытывал душевную гармонию:

Люблю задумчиво писать
Мои беспечные мечтанья
Вкруг стен кремлевских вековых
Под сенью липок молодых.

А в стихотворении «Иван Великий», посвященном знаменитой колокольне, вспоминая замечательные события,

свидетелями которых был этот памятник, Полежаев воспел:

Живи, цветы, Иван Кремлевский,
И, утешая слух московский,
Гуди во все колокола!..

Таким образом, Полежаев соотносит Кремль с событиями большого исторического звучания. О большом значении Кремля для русской истории говорил также К. Н. Батюшков в очерке «Прогулка по Москве»: «Тот, кто, стоя в Кремле и холодными глазами смотрев на исполинские башни, на древние монастыри, на величественное Замоскворечье, не гордился своим отечеством и не благословлял России, для того (и я скажу это смело) чуждо все великое, ибо он был безжалостно ограблен природою при самом его рождении...»

А. С. Пушкин — москвич по рождению — в детстве часто посещал Кремль. Мальчик в сопровождении крепостного воспитателя — «дядьки» Никиты Тимофеевича Козлова поднимался на колокольню Ивана Великого, бывал на кремлевских площадях, в монастырях и храмах. Очевидно, под впечатлением детских воспоминаний Пушкин в ранней своей поэме «Монах» поселил монастырского старца в лесной глуши под Москвой:

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван Великий,
На голове златой носящий крест...

В кишиневской ссылке, мысленно обращаясь к Москве, поэт представлял ее древние памятники, среди которых, вероятно, ему виделся и Кремль:

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчаные крестами,
Сияют ветхие главы...

8 сентября 1826 года поэт приехал в Москву по приказу Николая I и был им принят в большом кабинете Чудова дворца (здание не сохранилось). Известно, что беседа с императором закончилась тем, что царь объявил себя цензором поэта. Эта встреча произошла вскоре после коронации Николая I, состоявшейся 22 августа 1826 года в Кремле в Успенском соборе. Месяцем раньше в том же Успенском соборе проходил торжественный молебен по случаю казни пяти декабристов, среди которых были и друзья поэта. Однако, несмотря на драматизм

ситуации, Пушкин был рад встрече с Москвой, с древним Кремлем:

Ах, братцы! Как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!

Исполнен внутренней динамики и страсти образ Кремля в творчестве Лермонтова. М. Ю. Лермонтов — уроженец Москвы, воспитанник Благородного пансиона, студент Московского университета — хорошо знал и любил Кремль. Для него Кремль был символом русской истории, родины. В очерке «Панорама Москвы», написанном в 1833—1834 годах, поэт так выразил эту идею:

«Что сравнишь с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?»

Он — алтарь России, на нем должны совершаться и уже совершались многие жертвы, достойные отечества... Давно ли, как баснословный феникс, он возродился из пылающего своего праха?»

Кремль для Лермонтова — аллегорический образ. В стихотворении 1832 года «Два великана», говоря о единоборстве Франции и России в войне 1812 года, поэт, правда косвенно, также обращался к образу Кремля. Читая строки:

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран,—

представляешь золоченый купол колокольни Ивана Великого.

Вероятно, этот образ складывался в сознании поэта, когда он, взобравшись по вытоптаным ступеням на колокольню Ивана Великого, любовался замечательной панорамой:

«Что величественнее этих мрачных храмин, тесно составленных в одну кучу, этого таинственного дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лет уже не слышат звуков человеческого голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни в память царей великих?!

Нет; ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его тем-

ных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно... Надо видеть, видеть... надо чувствовать все, что они говорят сердцу и воображению!»

Так, из мозаики разрозненных картин создается в творчестве М. Ю. Лермонтова цельный, величественный образ Московского Кремля.

Многие литераторы первой третьей XIX века обращались к образу Кремля и даже посвящали стихотворения отдельным его достопримечательностям. Например, поэт Е. Л. Милькеев посвятил стихотворения Царь-колоколу «Колокол в Кремле», Ивановской колокольне — «Иван Великий»:

Горит и красуется сторож могучий,
Сокровище — взору, источник — мечтам.

В. Г. Белинский, приехавший впервые в Москву в 1829 году для поступления в университет, в «Журнале моей поездки в Москву и пребывания в оной», написанном под свежим впечатлением от путешествия, так характеризовал значение Кремля: «Какие сильные, живые, благодарные впечатления возбуждает один Кремль. Над его священными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков. Я не могу истолковать себе тех чувств, которые возбуждаются во мне при взгляде на Кремль!» Облик памятника произвел на Белинского неизгладимое впечатление: «Одна сторона Кремля открылась пред нами. Шумные клики, говор народа, треск экипажей, высокий и частый лес мачт с развевающимися разноцветными флагами, белокаменные стены Кремля, его высокие башни — все это вместе поражало меня, возбуждало в душе удивление и темное смешанное чувство удовольствия. Я почувствовал, что нахожусь в первопрестольном граде, — в сердце царства русского...»

Впоследствии образ замечательного ансамбля станет для великого критика литературным символом и даже аргументом в идейной борьбе. Так, восхищаясь творчеством М. Ю. Лермонтова, он сравнит поэта с «Иваном Великим».

А. И. Герцен — москвич по рождению — великолепно знал Кремль. Его детство, отрочество и юность прошли неподалеку от Кремля. Он бывал здесь ребенком. Интересно, что мальчиком Герцен был по ходатайству отца приписан к Кремлевской экспедиции. Он вспоминал в VI главе «Былого и дум»: «Несмотря на зловецкие про-

рочества... отец мой определил-таки меня на службу к князю Н. Б. Юсупову в Кремлевскую экспедицию. Я подписал бумагу, тем дело и кончилось; больше я о службе ничего не слыхал... А между тем эта мнимая служба чуть не помешала мне вступить в университет. Совет, видя, что я числюсь в канцелярии Кремлевской экспедиции, отказал мне в праве держать экзамен». (По существовавшему положению служащие Кремлевской экспедиции не могли поступать в университет.— *Авт.*) Однако Герцен поступил в университет и, как и все студенты, постоянно видел Кремль, так как здание находилось напротив западной кремлевской стены, в ту пору отделенной жилыми и торговыми кварталами от университетских построек.

Вскоре после казней декабристов, 19 июля 1826 года, юный Герцен присутствовал в Успенском соборе Московского Кремля на молебне по случаю «избавления от крамолы». Именно здесь в душе его вспыхнул протест против произвола.

«Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием. Середь Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийства. Вся царская фамилия молилась, около нее сенат, министры, а кругом на огромном пространстве стояли густые массы гвардии, коленопреклоненные, без кивера, и тоже молились; пушки гремели с высот Кремля.

Никогда виселицы не имели такого торжества, Николай понял важность победы!

Мальчиком четырнадцати лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, и тут, перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой, я клялся отомстить казненных и обрекал себя на борьбу с этим тронем, с этим алтарем, с этими пушками. Я не отомстил; гвардия и трон, алтарь и пушки — все осталось; но через тридцать лет я стою под тем же знаменем, которого не покидал ни разу».

Многие русские революционеры — представители трех, по определению В. И. Ленина, поколений освободительного движения, — бывавшие в Кремле, видевшие Успенский собор, может быть, и не читали этих строк Герцена, не дошедших до них из-за цензурных запретов, но испытывали те же самые чувства в своей ненависти к тирании.

КРЕМЛЬ ГЛАЗАМИ ЧЕХОВА, БЛОКА И БРЮСОВА

А. П. Чехов впервые увидел Московский Кремль семнадцатилетним юношей, когда в 1877 году приехал к родным на зимние каникулы. Об этом посещении вспоминает брат писателя М. П. Чехов в книге «Вокруг Чехова». Кремль произвел на Антона Павловича большое впечатление. Живя впоследствии в районе Замоскворечья в 1885—1886 годах, писатель часто возвращался из центра домой пешком и останавливался на Большом Каменном мосту, любясь панорамой Кремля, отражением силуэтов кремлевских построек в водах Москвы-реки. В произведениях Чехова Кремль — чаще всего просто место действия, естественно входящее в повествование. В рассказе «Палата № 6» один из главных героев, Андрей Ефимович, отправляясь со своим приятелем из провинции в Москву, посещает Кремль: «Затем пошли в Кремль и посмотрели там на царь-пушку и царь-колокол, и даже пальцами их потрогали, полюбовались видом на Замоскворечье...»

Кремль стоит на высоком берегу Москвы-реки, она течет почти у самого подножия потемневших от времени кирпичных зубчатых стен. С какой стороны ни смотришь на Кремль, ощущаешь обилие воздуха и света, связанное, наверное, с тем, что ансамбль просторно раскинулся на широком холме. И это создает неповторимое чувство праздничности и радости. Видимо, именно это впечатление и передал А. А. Блок в стихотворении «Утро в Москве». Оно написано в июле 1909 года в Александровском саду. Можно предположить, что в отношении поэта к Кремлю определяющими были впечатления от первого приезда в Москву зимой 1904 года. В письме к матери от 14 января 1904 года поэт описывал прогулку по Кремлю, освещенному вечерней зарей.

Юношеское ощущение чистоты и просветленности, испытанное им при созерцании Кремля, Блок пронес через всю жизнь. В стихотворении «Все это было, было, было...», написанном в 1909 году, поэт так передал это чувство:

В час утра чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальной
Веряет ли мне моя земля?

В творчестве Блока лирическое восприятие образа Кремля переплетается с глубокими переживаниями и размышлениями о сущности бытия.

1917 год открыл новую страницу в истории Московского Кремля. Жизнь изменялась, и художники слова увидели в Кремле не только памятник истории и архитектуры, но и символ этой новой жизни. В. Я. Брюсов, поэт, вся жизнь которого связана с Москвой, глубочайший знаток истории, хорошо знал Московский Кремль. В 1911 году в стихотворении «Москва» он дал историческую зарисовку Кремля, вспомнил о Юрии Долгоруком, строительстве каменных стен при Иване III, победах над польско-шляхетскими и французскими интервентами:

Здесь, как было, так и пыле —
Сердце всей Руси святой,
Здесь стоят ее святыни
За Кремлевскою стеной!

Впоследствии Октябрьская революция, которую безоговорочно принял поэт, содействовала тому, что он по-иному взглянул на окружающую действительность, в 1920 году вступил в ряды Коммунистической партии. В 1923 году им было создано стихотворение «У Кремля», в котором поэт дал характеристику новой Москвы, связывая ее образ с Кремлем:

С лент мертвых рек Месопотамий,
Где солнце жжет людей, дремля,
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!

ГОРЬКИЙ И МАЯКОВСКИЙ О КРЕМЛЕ

В октябрьские дни 1917 года переворачивается новая страница истории. 12 марта 1918 года Московский Кремль стал местом работы Советского правительства. Здесь жил и работал В. И. Ленин — организатор КПСС и основатель Советского государства. Он создал здесь многие из своих произведений. Художественно-образное отражение этого мы находим в пьесах Н. Ф. Погодина «Кремлевские куранты» и «Третья Патетическая».

В первые годы Советской власти А. М. Горький часто бывал в Кремле. В кремлевском кабинете В. И. Ленина он встречался с великим деятелем. У В. И. Ленина бывали

и другие известные писатели: Демьян Бедный, В. Я. Брюсов, А. С. Серафимович, А. И. Куприн, нарком просвещения, писатель и драматург А. В. Луначарский.

А. М. Горький в очерке «В. И. Ленин» описал кремлевский кабинет в небольшой «неуютной квартире», не акцентируя внимания на деталях обстановки. «Сидит за столом у себя в кабинете, быстро пишет и говорит, не отрывая пера от бумаги» — так характеризует Горький напряженную работу В. И. Ленина. В его кремлевской квартире богатая библиотека. Здесь произведения Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Некрасова, Чехова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Фета, Надсона, Златовратского, Чернышевского, Горького, Короленко и других писателей. В. И. Ленин часто использовал произведения художественной литературы для подтверждения своих мыслей, иллюстрируя отдельные положения работ. Н. К. Крупская в статье «Ленин и Чернышевский» писала: «Но одно было у Владимира Ильича — у него сливался воедино общественный подход с художественным отображением действительности. Эти две вещи он как-то не разделял одну от другой, и так же как у Чернышевского его идеи отражаются полностью в его художественных произведениях, так же и Владимир Ильич при выборе книг по беллетристике особенно любил те книги, в которых ярко отражались в художественном произведении те или иные общественные идеи»¹.

Владимир Ильич Ленин всегда находил время и возможность обращаться к литературе. Горький вспоминал:

«Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было»².

---

¹ Крупская Н. К. О Ленине. М.: Политиздат, 1983. С. 93.

² Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1951, Т. 17 С. 38—39.

О советском Кремле емко сказал В. В. Маяковский.

Знаю,
Марксу
        виделось
        видение Кремля
и коммуны
        флаг
        над красною Москвой,—

пишет он в поэме «Владимир Ильич Ленин».

В этой поэме в главе, где говорится о том, что мир узнал о смерти В. И. Ленина, Маяковский также упоминает Кремль:

Как бешено
        скачут
        стрелки на Спасской.
В минуту —
        к последней четверке прыжок.

Четко сформулировал поэт в стихотворении «Две Москвы» значение, которое имеет Кремль для нас. Он сказал о том заряде бодрости, творческой энергии, который дает каждому этот памятник:

Бессонен Кремль,
        и стены его
зовут работать
        и торопиться,
бросая
        со Спасской
        гимн боевой.

Для сотен тысяч обездоленных людей Кремль стал символом надежды. В поэме П. Г. Антокольского «В переулке за Арбатом» говорится о крестьянском парнишке, пришедшем в Москву учиться:

И за рекою Кремль-красавец
Внезапно вырос перед ним...

«СОРОКОВЫЕ-РОКОВЫЕ»

В сложное предвоенное время, в предощущении надвигающейся грозы люди искали возможности собраться с мыслями. Это ощущение, вероятно им самим испытанное, передает И. Г. Эренбург в романе «Буря». Приехавший из Парижа Сергей — герой романа — в тревожном на-

строении бродил по Москве. «Он дошел до реки, и вдруг в холодной зелени рассвета встал перед ним Кремль». Сергей как бы интуитивно стремился к какому-то величественному сооружению, в котором бы был заключен ответ на мучающие его вопросы. И видимо, он получил этот ответ, исшедший от спокойного вида ансамбля, который успокаивал своей необыкновенной красотой. «Сергей улыбнулся, почему-то махнул рукой и, больше ни о чем не думая, смертельно усталый, но успокоенный, поплелся к себе на Кудринскую».

В трудное время Великой Отечественной войны посурвел и облик Кремля: звезды на башнях были покрыты кожухами, группы кремлевских построек были разрисованы под кварталы жилых зданий.

Известно, какое впечатление оказывали на людей во время Великой Отечественной войны слова «Москва, Кремль». В суровые дни октября 1941 года К. М. Симонов писал в стихотворении «Голос далеких сыновей» о солдатах, которые вспоминали на фронте Кремль:

Мы здесь давно, но словно лишь вчерашним
Днем от своей Москвы отделены,
Видны Кремля нам вековые башни
И площади широкие видны.

Образы военной Москвы, Кремля в нашем представлении сливаются с песней тех лет, созданной на стихи А. А. Суркова, — «Песней защитников Москвы». Мы как бы видим Кремль, противотанковые ежи на Садовом кольце, витрины магазинов, заложённые мешками с песком. Все это оставалось за спиной солдат, уходивших на подмосковные рубежи. Уходя, они клялись: «За каждый расколотый камень отплатим мы страшной ценой».

Обращаясь к военной поэзии, вспомним лишь одно стихотворение «Моя Москва» М. Лисянского, также вско-ре ставшее песней:

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой,
Я люблю твою Красную площадь
И Кремлевских курантов бой.

Читая эти строки, мы представляем облик Москвы военной поры, осознаем ее значение для советских людей, и можно представить, как взволнованно произносили эти строки почти пятьдесят лет назад: «И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова...»

А. Т. Твардовский «зябкой ночью солдатской в сорок первом году» приехал в Москву на попутной машине. В стихотворении «Москва» он запечатлел картину военной столицы:

Тьма предместий вокзальных
И — Москва. И над ней
Горделивный, печальный
Блеск зенитных огней.

Запоминается образ военной Москвы — «матери родной, России», созданный поэтом:

И, как клятва, святые
В тесном горле слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

Во время войны в Кремле работал Государственный Комитет Оборона. 24 мая 1945 года, через пятнадцать дней после окончания Великой Отечественной войны, в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца состоялся прием командующих соединениями Советской Армии. Связывая образ Кремля с событиями минувшей войны, Твардовский в стихотворении «Кремль зимней ночью» писал:

Незримым заревом горят
На каждом выступе старинном
И Сталинград, и Ленинград,
И знамя наше над Берлином.

КРЕМЛЬ СЕГОДНЯ

Величествен, торжествен и наряден современный Кремль, но взгляд поэта находит в его облике и лиричные черты. А. Т. Твардовскому увиделась ширь России в скромной березе, выросшей у Спасской башни. Поэт так писал об этом в стихотворении «Береза»:

Нет, не бесследны в мире наши дни,
Таящие надежду иль угрозу.
Случится быть в Кремле — поди взгляни
На эту неприметную березу.

Поэтичен образ Кремля, созданный К. М. Симоновым:

Там, вдали, их руки за работою,
И не видно издали лица их,
Но в двенадцать Спасскими воротами
На свиданье входят в Кремль сердца их.

Эти строки можно отнести ко всем друзьям нашей страны, в том числе к зарубежным писателям. Международные Ленинские премии «За укрепление мира между народами» были вручены в Кремле многим из них: Луи Арагону, Иоганнесу Бехеру, Анне Зегерс, Пабло Неруде, Михаилу Садовяну, Янису Рицосу, Атеро Сильве, Эрве Базену, Аль Хамиси и другим.

Здесь, в Большом Кремлевском дворце, утверждались планы послевоенных пятилеток, здесь вручаются награды труженикам страны, этот дворец приветствовал покорителей космоса. Большой Кремлевский дворец — место, где была принята Конституция СССР.

В Кремле Президент СССР принимает высоких гостей. Здесь они встречаются с руководителями партии и государства. Кремль — место работы съездов Коммунистической партии Советского Союза, съездов народных депутатов СССР и РСФСР.

Кремль тесно связан и с творческой жизнью советских литераторов. Многие творческие съезды писателей СССР и РСФСР проходили в Кремле. В наши дни на всех языках это символ перестройки, передовых идей современности, надежды, мира и добра. В поэме Р. И. Рождественского «Двести десять шагов» вырастает символический образ Московского Кремля, который символизирует связь времен и поколений:

Крутые зубцы на кремлевской стене —
будто шлемы витязей.
И Спасская башня —
правофланговым
в этом строю.

О КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

У восточной стены Кремля находится главная площадь страны — Красная. Знакомые с детства — Мавзолей, Кремлевская стена, Спасская башня, храм Василия Блаженного, рядом с ним памятник Минину и Пожарскому, Лобное место, в противоположной части площади — здание Исторического музея.

Возникшая в XV веке, площадь была названа народом в XVII веке «красной», т. е. «красивой».

В наши дни это слово переосмысливается, и мы вкладываем в него иное содержание: красный — цвет нашего

государственного флага, цвет революции. Богатое революционное прошлое площади и события ее современной жизни нашли отражение в творчестве поэтов. Обратимся к их произведениям и заглянем в историю.

М. Ю. Лермонтов в очерке «Панорама Москвы» говорил о Красной площади и украшающем ее храме Василия Блаженного, «семидесяти приделам которого дивятся все иностранцы и которую ни один русский не потрудился еще описать подробно... Весьма немногие жители Москвы решились обойти все приделы сего храма. Его мрачная наружность наводит на душу какое-то уныние; кажется, видишь перед собою самого Иоанна Грозного,— но таковым, каков он был в последние годы своей жизни!

И что же? — рядом с этим великолепным, угрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики, суетятся булочники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину; гремят модные кареты, лепечут модные барыни... все так шумно, живо, непокойно!..»

В период работы Лермонтова над этим очерком и «Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Красная площадь была лишена торжественности, она была торговой, как и в период своего основания. Однако поэт воспринимал ее прежде всего как место, отмеченное необыденными явлениями. Описывая казнь купца Калашникова, он дает такую картину:

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-всет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую...

К давней истории площади обращается и наш современник А. А. Вознесенский в поэме «Мастера». В этом произведении древняя Красная площадь выступает как место действия. Поэтически осмысливает автор возведение храма Василия Блаженного, представляя себе, какое впечатление должно было производить это творение архитектуры на людей в XVI веке:

И башенки буравами
Взвивались по бокам,
И купола булавами
Грозили облакам!

Необычность облика храма, возвышавшегося над деревянными постройками Китай-города и Зарядья и царив-

шего, как символ победы, над Ордынской дорогой, волновала москвичей. В его непохожести на традиционные постройки поэт усматривал также и неосознанную мятежность духа русских людей, скованных царской тиранией.

А храм пылал в полнеба,
Как лозунг к мятежам,
Как пламя гнева —
Крамольный храм!

Мы представляем заполненную людьми, шумящую древнюю Красную площадь, над которой гудит набат:

Колокола, гудошники...
Звон. Звон...
.....
Москва бурлит, как вареву,
Под колокольный звон.....

Здесь действительно каждый камень — «заветное преданье поколений», по выражению М. Ю. Лермонтова.

В революцию 1905—1907 годов площадь не была местом активных выступлений рабочих, однако в напряженно-волнующие дни она привлекала внимание. Так, в романе «Жизнь Клима Самгина» Горький приводит описание Красной площади, обращаясь к факту монархической демонстрации: «На Лобном месте стояла тесная группа людей, казалось, что они набиты в бочку. И у монумента спасителям Москвы тоже сгрудилось много зрителей. Козьма Минин бронзовою рукою указывал им на Кремль, но они стояли неподвижно». На Красной площади «было пустынно, как бывает всегда по праздникам. Небо осело низко над Кремлем и рассыпалось тяжелыми хлопьями снега. На золотой чалме Ивана Великого снег не держался. У музея торопливо шевырялась стая голубей свинцового цвета. Трудно было представить, что на этой площади, за час перед текущей минутой, топталась, вторгаясь в Кремль, тысячи рабочих людей, которым, напротив, ничего не известно из истории Кремля, Москвы, России». В этой картине городской пейзаж тревожен, как и психологическое состояние главного героя романа, воспринимающего эти события.

Облик революционной Красной площади запечатлен прежде всего в поэзии певца революции В. В. Маяковского. Ленин и революция нерасторжимы в его творчестве.

Здесь каждый камень
Ленина знает
по топоту
первых
октябрьских атак.

Красная площадь со зданием Мавзолея и памятной доской работы С. Т. Коненкова на Сенатской башне Кремля, установленной в память о героях Октября, предстает на страницах поэмы Маяковского «Хорошо!»:

Стена —
и женщина со знаменем
склонилась
над теми,
кто лег под стеной.

О переживаниях людей в минуты посещения Мавзолея так сказал А. А. Вознесенский в поэме «Лонжюмо»:

Однажды, став зрелей, из спешной
повседневности
мы входим в Мавзолей, как в кабинет
рентгеновский,
вне сплетен и легенд, без шапок, без прикрас,
и Ленин, как рентген, просвечивает нас.

Здание Мавзолея В. И. Ленина — и идейный и композиционный центр площади. Вдоль стены мимо елей идет нескончаемый людской поток. Поэты разных поколений задумывались над судьбами людей, похороненных у Кремлевской стены. О них говорил В. В. Маяковский в поэме «Хорошо!». Его современник Н. Н. Асеев писал в стихотворении «Новая кремлевская стена». Вспоминает эти имена Р. И. Рождественский в поэме «Двести десять шагов».

Судьбы разных поколений советских людей перекрещиваются на этой площади. Сколько событий связано с ней! Здесь проходили демонстрации в годы первых пятилеток и первые парады. Суровый облик Красной площади 7 ноября 1941 года был запечатлен К. М. Симоновым в романе «Живые и мертвые»:

«Проходя обратно мимо Мавзолея, Климович (герой романа.— Авт.) остановился. У входа по-прежнему стояли часовые, а там, за ними, несколько ступенек вниз, в глубине, лежал Ленин. Если у Климовича и раньше не укладывалось в голове, что Москва может быть взята немцами, то сейчас, около Мавзолея, это казалось вдвой-

не немислимым. Представить себе, что здесь, на Красной площади у Мавзолея, не мы, а фашисты, в их форме, в их фуражках, с их свастиками на рукавах... этого не могло быть!..»

Исполненные подобных настроений люди присутствовали на параде 7 ноября 1941 года:

«На площади было выстроено квадратами несколько полков пехоты. На трибунах тоже стояла оборонявшаяся от немцев Москва — военная и гражданская.

В том, что все эти оставшиеся оборонять Москву военные и штатские люди сейчас, когда Гитлер был всего в нескольких десятках километров от нее, все равно, как всегда, собрались в этот день вместе, было и чувство собственной силы, и молчаливый вызов, и силу своего вызова, несомненно, чувствовали сами люди, собравшиеся здесь».

Облик Красной площади в день победы 9 мая 1945 года запечатлен И. Г. Эренбургом в романе «Буря»: «Светало. Из других домов выглядывали люди... Валя (героиня романа.— Авт.), не думая о том, куда идет, пошла к Красной площади. Там уже были люди. Они шли растерянные от радости. Не слышно было ни песен, ни криков, стояла большая, торжественная тишина... Все смутное и тяжелое, накопившееся за последние месяцы, вдруг разрешилось в глубокой радости этого раннего часа... Валя глядела на Кремль, горящий в свете встающего солнца, древний и беспокойно-молодой». Это было величайшее счастье: окончилась война — самая жестокая из тех, что знало человечество. За годы этой страшной войны люди еще сильнее духовно сроднились с Москвой, ее ансамблями-символами Кремлем и Красной площадью.

24 июня 1945 года на Красной площади проходил парад Победы, о котором написано много стихов, песен, воспоминаний. М. А. Дудин говорил о нем так:

Парад Победы,
Небо чисто
И легок ласточек полет,
Труба военного горниста
На Красной площади поет.
Вдоль площади наперерез
Шли победители поротно
С винтовками наперевес.

Советские люди, любующиеся Красной площадью сегодня, — носители тех же идеалов, что и солдаты парада

Победы. О торжественном настроении, возникающем при встрече с площадью, говорит К. М. Симонов в стихотворении «Красная площадь»:

Полночь бьет над Спасскими воротами,
Хорошо, уставши кочевать
И обветрясь всякими широтами,
Снова в центре мира постоять!

И в наши дни с особым чувством приходят люди на Красную площадь и в будни, и перед решающими событиями в своей жизни.

Дай мне
уверенности твоей,
Красная площадь!
И помоги мне
себя отыскать —
завтрашнего —

так определил это ощущение Р. И. Рождественский в поэме «Двести десять шагов».

* * *

Будут появляться все новые и новые произведения, в которых писатели и поэты обратятся к Красной площади и Кремлю, но непреходящими останутся те творения, о которых мы упомянули: ведь образы, созданные их авторами, столь выразительны, что, наверное, будут волновать еще многие и многие поколения читателей, как сейчас волнуют нас.

«КАЖДЫЙ КАМЕНЬ ТВОЙ —
ЗАВЕТНОЕ ПРЕДАНИЕ
ПОКОЛЕНИЙ»

Значительный район центральной части города, примыкающий к Кремлю и Красной площади, богат памятными литературными местами. С одной стороны его ограничивает улица Герцена ¹, с другой он подходит к Заяузью, а замыкает его Садовое кольцо. В этот район входят бульвары от Тверского до Яузского, без которых невозможно представить памятные места литературной Москвы, полукольцо центральных площадей — от Боровицкой площади до площади Ногина, лабиринты переулков, каждая группа которых имеет неповторимое лицо и историю: сретенские, примыкающие к Бульварному кольцу, улицам Горького, Рождественке, Кирова, Петровке, Неглинной, Кузнецкому мосту...

Многие улицы и площади носят имена писателей: Пушкина, Белинского, Гайдара, Герцена, Грибоедова, Макаренко, Медведева, Мицкевича, Огарева, Станкевича, Алексея Толстого, Чернышевского, Чехова, Лермонтова, Маяковского, Тургенева.

Здесь издавна располагались и театры. Известно, сколь плодотворно было творческое содружество А. П. Чехова с Художественным, а А. Н. Островского — с Малым театрами! Об этом напоминают изображение чеховской чайки — эмблемы Художественного театра — на фасаде

---

¹ Условно определив границу вдоль улицы Герцена между центральной частью города, которой посвящена вторая глава, и районами, прилегающими к Арбату, которым посвящена третья глава, отметим, что некоторые здания, стоящие по четной стороне этой улицы, могут упоминаться в третьей главе, а по нечетной — во второй, если это диктует сюжет.

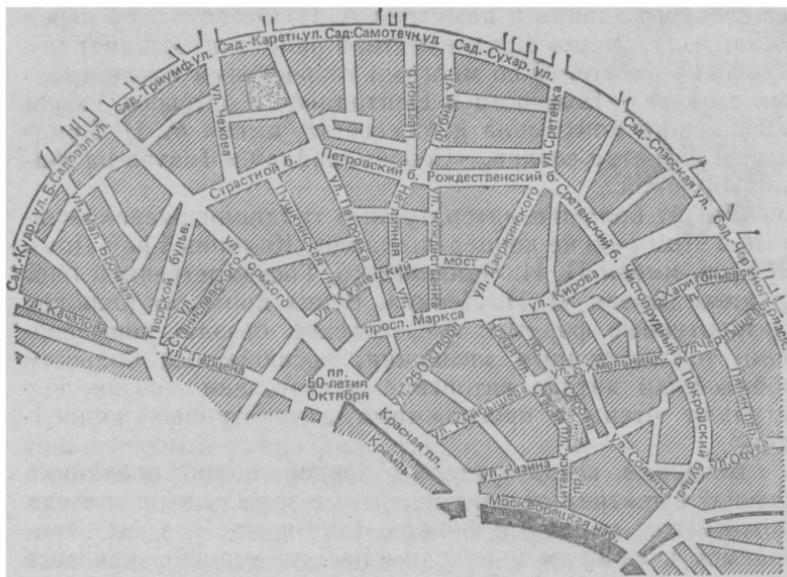
его старого здания и памятник А. Н. Островскому перед Малым. И в наши дни совместная работа объединяет московских писателей со многими творческими коллективами театров — Большого и Центрального детского, имени Ленинского комсомола и Моссовета, имени М. Н. Ермоловой и Театра сатиры, «Современника» и Театра на Малой Бронной...

Имеют большие литературные традиции расположенные в этом районе концертные залы: Колонный зал Дома союзов, имени П. И. Чайковского, Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. В них проходят широкие литературные форумы: писательские съезды, конференции, торжественные заседания, посвященные большим юбилейным датам; авторские вечера, дни поэзии, выступают чтецы с программами литературных концертов.

Вечерами, когда зрители в предощущении праздника спешат в театральные и концертные залы, у входов в них зажигаются нарядные фонари. Еще и еще раз мы обращаемся к афишам и находим на них хорошо знакомые писательские имена...

В центральной части города располагались многие литературные кружки и объединения. В первой половине прошлого века это литературные салоны З. А. Волконской на Тверской, К. К. Павловой на Рождественском бульваре, Д. Н. Свербеева — на Страстном (а затем на Тверском) бульварах и А. П. Елагиной у Красных ворот. Значительно позже — телешовские «Среды» и Литературно-художественный кружок, менявшие свои адреса также в пределах центра... Богата событиями литературной жизни биография Дома Герцена (Тверской бульв., 25). Со многими яркими писательскими именами связаны в наши дни клубы творческих союзов, где проходят выступления литераторов и их встречи с читателями.

Бесконечен список редакций московских газет и журналов, находившихся в этой части города. От «Московского журнала», издаваемого Н. М. Карамзиным в 1791—1792 годах, до современных периодических изданий, редакции которых подчас находятся в домах с богатой литературной биографией. Редакция журнала «Знамя» долгое время располагалась во флигеле Дома Герцена на Тверском бульваре, «Нового мира» — в Малом Путинковском переулке, поблизости от дома, в котором начинал

свой литературный путь в журнале «Зритель» юный А. П. Чехов. Редакция газеты «Труд» до недавнего времени располагалась в доме 18 по улице Горького, который некогда принадлежал книгоиздателю И. Д. Сытину и в котором в разное время находились редакции многих изданий. Среди них газеты «Правда», «Известия». Здание связано с именами Л. Н. Толстого, А. М. Горького, В. В. Маяковского и В. М. Дорошевича, Д. Бедного, А. И. Безыменского, М. Е. Кольцова, многих других писателей. Редакция журнала «Вопросы литературы» размещается в доме 10 по Большому Гнездниковскому переулку, в котором в 1914 году московская литературная общественность чествовала английского писателя Герберта Джорджа Уэллса.

В XIX веке московские книжные лавки были местом встреч писателей и ученых. На Большой Дмитровке (Пушкинская ул.) находилась книжная лавка «московского Смирдина» И. В. Базунова, а на Большой Лубянке (ул. Дзержинского) — лавка Н. М. Щепкина.

В наши дни любителям книг хорошо знакомы расположенные в этой части Москвы «Книжная лавка писателей» (Кузнецкий мост), «Пушкинская лавка» (пр. Худо-

жественного театра) и «Книжная паходка» подле памятника первопечатнику Ивану Федорову.

Центральная часть города была местом, где жили и творили замечательные писатели и поэты. Многие из них были уроженцами Москвы: А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев, И. А. Крылов, Д. В. Веневитинов, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, В. Я. Брюсов, М. И. Цветаева, К. Г. Паустовский и многие другие.

В этой части города располагались и гимназия при университете, в которой учились Д. И. Фонвизин и Н. И. Новиков, и Благородный университетский пансион, воспитанниками которого были В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, М. Е. Салтыков-Щедрин. В Московском университете, старые корпуса которого и по сей день являются гордостью москвичей, учились замечательные писатели. Сколь богат перечень поэтических имен, связанных с Литературным институтом имени А. М. Горького! Здание института стоит на Тверском бульваре; который в пушкинское время называли «зеленым клубом», так как он был излюбленным местом встреч и бесед литераторов. Свидетелями столь значительных явлений литературной жизни Москвы были эти места, что каждое из них достойно подробного описания.

Одни писатели жили в Москве подолгу, иногда часто меняя квартиры. Другие, приезжая в Москву, останавливались в гостиницах, многие из которых уже не существуют. С именем А. С. Пушкина связаны гостиницы «Англия» и «Север» (Глинищевский пер.—ныне ул. Немировича-Данченко), Л. Н. Толстого — гостиницы Шевалдышева на Тверской улице (ныне ул. Горького) и Шевалье (Камергерский пер.—ныне пр. Художественного театра), Ф. М. Достоевского — «Европа» (Неглинная ул., не сохранилась) и Дюссо (Театральный пр.—ныне просп. Маркса), А. П. Чехова — «Славянский базар» (Никольская ул.—ныне ул. 25 Октября), «Большая Московская» (Воскресенская пл.—ныне пл. Революции, не сохранилась). Некоторые квартиры и дома стали музеями, другие отмечены мемориальными досками.

Итак, ~~начнем~~ путешествие по старым московским улицам.

ОТ ЛОМОНОСОВА ДО ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Деятнадцатилетний *Михаил Васильевич Ломоносов* (1711—1765) поступил в Славяно-греко-латинскую академию (помещалась во дворе дома 7 на улице 25 Октября — бывшей Никольской), где он проучился пять лет. Он полюбил Москву, интересовался ее историей, упоминал о ней в своих стихах: «...великая Москва в языке столь нежна».

В то время главная улица Москвы Тверская начиналась от Воскресенских ворот Китай-города. Перед китай-городской стеной протекала река Неглинная. Рядом с Воскресенской воротной башней, украшенной двумя изящными шатрами, был мост с плотиной, а поодаль мельницы, приводившие в движение станы Монетного двора, построенного при Петре I. После перевода Монетного двора в Петербург в этом здании разместились судебные учреждения губернского правления. На месте уже не существующего дома, в котором первоначально располагался Московский университет, впоследствии построили Исторический музей, на стене которого мемориальная доска из красного гранита с барельефным портретом М. В. Ломоносова, изображением здания университета и надписью: «На этом месте находилось здание, в котором в 1755 году был открыт Московский университет, основанный великим русским ученым М. В. Ломоносовым». А. С. Пушкин писал: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Университет пронес через века память о великом мыслителе и поэте, который писал:

Может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Память о нем жива в названии Московского университета. Перед зданиями этого учебного заведения стоят памятники его создателю, первый из которых был сооружен в 1870-е годы на народные средства. Ныне существ-

вующий памятник установлен в 1957 году, скульптор И. И. Козловский, архитектор Г. Г. Лебедев.

С самых первых лет существования Московского университета с ним связана жизнь многих талантливых людей, оставивших след в отечественной литературе. Одним из первых ректоров университета стал *Михаил Матвеевич Херасков* (1733—1807). В 1755 году он поступил в штат Московского университета на должность ассессора¹. Общественную деятельность Херасков плодотворно сочетал с занятиями литературой. К январю 1763 года М. М. Херасков написал стихотворный текст для общенародного маскарада «Торжествующая Минерва», устроенного под руководством А. П. Сумарокова и Ф. Г. Волкова с участием московских студентов.

В университете он прослужил более сорока лет. Ведал типографией. В тридцать лет Херасков был назначен директором (ректором) университета и в этой должности последовательно вел борьбу за внедрение русского языка в систему преподавания вместо латинского и немецкого.

Херасков добился чтения лекций на русском языке, учредил пансион при университете, открыл педагогический семинар, издавал журналы «Полезное увеселение» и «Свободные часы» и в них сотрудничал.

В 1778 году он становится куратором и благодаря этому получает возможность пригласить в Москву Н. И. Новикова, с которым его связывала старая дружба, и отдает ему в аренду университетскую типографию.

Херасков — автор эпической поэмы «Россиада» (1779), написанной в стиле классицизма, стал «крестным отцом» многих известных литераторов. С благословения писателя делали свои первые шаги в литературе Фёнвизин, Державин, Карамзин, Дмитриев, Жуковский.

Херасков также принимал участие в судьбе «северного Расина» — так современники называли *Александра Петровича Сумарокова* (1717—1777).

Сумароков родился в Москве, в доме по Большому Чернышевскому переулку (ул. Станкевича, 6). Первые сведения об этом доме восходят к XVII веку. Он потом подвергался перестройкам и менял свой вид. Расположенный в глубине двора, одноэтажный, он богато украшен

---

¹ Ассессор — особое должностное лицо в губернских правлениях, казенных палатах и управлениях государственными имуществами. Звание ассессора введено Петром I при учреждении коллегий.

пилястрами, лепными деталями и декоративными наличниками.

Принадлежал дом с 1710-х годов деду будущего писателя — П. Б. Сумарокову, затем перешел к его отцу. Здесь А. П. Сумароков провел детские годы. Подростком в 1732 году его отправили отсюда в Петербург для получения образования. Александр Петрович стал первым русским профессиональным литератором. Он писал оды, элегии, эпиграммы, басни, сатиры. Сумароков был автором шести трагедий, в частности таких известных, как «Синав и Трувор» и «Хорев», двух текстов для опер. Современники с полным правом называли Сумарокова отцом русского театра. Многие его пьесы впервые были поставлены на сцене студенческого театра Московского университета. Сумароков издавал журнал «Трудолюбивая пчела».

Последние годы Сумароков провел в Москве, живя в своем доме в районе Новинского монастыря (не сохранился).

Вслед за пьесами Сумарокова в театр пришли комедии *Дениса Ивановича Фонвизина* (1744 или 1745—1792). Родился Фонвизин в Москве, в доме на Рождественском бульваре (не сохранился). В 1755 году стал посещать дворянскую гимназию при университете (здание не сохранилось).

Классы университетской гимназии располагались и в доме университета на Красной площади, и на углу Моховой и Большой Никитской, в бывшем доме князей Репниных, находившемся на месте старого здания университета. Через много лет писатель вспоминал: «В бытность мою в университете учились весьма беспорядочно. ...Но как бы то ни было, я должен с благодарностью вспоминать университет. Ибо в нем, обучаясь лагынн, положил основание некоторым моим знаниям, в нем научился я довольно по немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам».

Будучи гимназистом, Фонвизин перевел басни датского писателя и драматурга Л. Гольберга и издал их отдельной книгой в 1761 году в университетской типографии.

Автор «Недоросля» и «Бригадира» нередко вспоминал годы своей юности, прошедшие в Москве. Он так выражает отношение к этому городу:

Я знаю, что Москва свои имеет нравы,
Где сердце веселят различные забавы.
Какое множество в Москве прекрасных лиц!
Там всякий рай найдет в собрании девиц...

Уехав из Москвы, он ведет переписку с М. Е. Медоксом, антрепренером, одним из основателей Петровского театра, просуществовавшего четверть века и стоявшего на месте нынешнего здания Большого театра. Фонвизин пересылал ему свои пьесы для постановки на сцене. Писал в Москву в дом родителей на Большой Никитской (дом не сохранился, он находился на территории университета): «Мне истинно только те дни и милы, когда приходит сюда из Москвы почта...» Любимую сестру Федосью Ивановну (в замужестве Аргамакову) он упрекает: «Я удивляюсь, что ты мне о Москве ничего не пишешь». В доме Аргамаковых на Малой Дмитровке (ул. Чехова, 18, не сохранился) автор «Недоросля» нередко бывал и читал там свои произведения.

Последний московский адрес Фонвизина — Денисовский переулок, дом 13. Здесь Фонвизин жил, уже будучи тяжело больным.

Москва была родиной *Александра Николаевича Радищева* (1749—1802). Мать писателя происходила из большой семьи Аргамаковых. Атмосфера широких культурных интересов и острой критики пороков современно-го общества, царившая в доме, определила черты характера будущего писателя и его идеалы.

Ребенком он мог видеть Тверскую, Кремль, у Воскресенских ворот мост через Неглинную, университет, Московское губернское правление (Исторический пр., 1). Мог ли он предполагать, что по знакомой ему Тверской его, больного, привезут в 1790 году из Петропавловской крепости? Здесь под арестом он должен был провести три недели перед отправкой в Илимск.

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был, и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх,
В острог Илимский еду.

Причиной гонений была книга «Путешествие из Петербурга в Москву». В 1790 году он купил типографский

станок и напечатал «Путешествие из Петербурга в Москву» — около 650 экземпляров. Накануне ареста автор сам сжег большую часть тиража. Те экземпляры, что он не успел подарить друзьям, уничтожила полиция. Уцелевшие переписывали от руки. В наши дни экземпляры, напечатанные самим Радищевым, — библиографическая редкость. В России книга вышла в свет только в 1905 году, в разгар первой русской революции.

«В Москве, — свидетельствует сын писателя, — Радищев пробыл несколько дней в семействе своего отца, где его снабдили на дорогу всем нужным». Но тяжелые думы не отступали, даже когда он находился среди близких...

6 октября 1918 года на Триумфальной площади (пл. Маяковского) состоялось открытие памятника А. Н. Радищеву. Гипсовый бюст был установлен на деревянном постаменте. В начале 1930-х годов при реконструкции площади памятник был разобран. В настоящее время бюст Радищева находится в Музее архитектуры.

В 1962 году на здании бывшего Московского губернского правления (Исторический пр., 1) была открыта мемориальная доска из серого гранита с барельефным портретом А. Н. Радищева и надписью, рассказывающей о трагических днях писателя — революционного просветителя.

В 1779 году поселился в Москве и арендовал университетскую типографию, которая помещалась во втором этаже здания Воскресенских ворот Китай-города (не сохранилась), *Николай Иванович Новиков* (1744—1818). Восхищаясь деятельностью Новикова, В. Г. Белинский писал о нем: «Когда явился Пушкин, всякое ходячее по рукам стихотворение, действительно хорошее или только казавшееся хорошим, приписывалось Пушкину, хотя бы оно вовсе не принадлежало ему. Так и Новикову приписывалось издание всякой книги и одобрение всякого таланта. Это выразительно указывает на его роль на сцене русской литературы...»

Н. И. Новиков 24 апреля 1792 года по распоряжению императрицы Екатерины II был арестован в своем подмосковном имении Авдотьино и заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) написал оду «К милости», в которой он просил за Новикова. Это произведение вызвало недовольство правительства.

Карамзин редактировал новиковский журнал «Дегское чтение для сердца и разума». Когда начались преследования Новикова, он уехал за границу. Возвратившись в Россию в 1790 году, Карамзин приступил к изданию «Московского журнала», в котором сотрудничали лучшие литераторы России. Но к концу 1790-х годов Н. М. Карамзин вынужден был отказаться от издательской деятельности, так как она становилась опасной.

В 1801 году Карамзин женился на москвичке Е. И. Протасовой. Брак был счастливым, но недолгим. Летом 1802 года жена Карамзина умерла. Убитый горем, Николай Михайлович перебирается на Малую Дмитровку (ул. Чехова, 17, дом не сохранился). Только работа отвлекает его от горестных воспоминаний. В 1802 году Карамзин начал издавать журнал «Вестник Европы». В нем печатались переводы иностранных авторов и произведения лучших русских литераторов — Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, И. И. Дмитриева, В. Л. Пушкина и других. «Вестник Европы», по отзывам современников, «по всей справедливости может называться лучшим нашим журналом».

В 1804 году Карамзин женился вторично, на побочной дочери А. И. Вяземского — Е. А. Кольвановой, женщине незаурядной, умной, образованной. Автор известных мемуаров Ф. Ф. Вигель рассказывает: «Она была бела, холодна, прекрасна, как статуя древности. Душевный жар, скрытый под этой мраморной оболочкой, мог узнать я только позже». Он поселился у Вяземских близ Колымажного двора в Малом Знаменском переулке, 5 (ул. Маркса и Энгельса, 5, во дворе, перестроен).

В это время он приступил к главной книге своей жизни — «Истории государства Российского». Еще в мае 1790 года он писал: «Больно, но должно по справедливости сказать: у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть написанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречьем». В 1800 году в одном из писем говорит: «Я по уши влез в Русскую Историю: сплю и вижу Никона с Нестором». Двадцать один год работал Карамзин над «Историей». Восемь из двенадцати томов были созданы в Москве и в подмосковном имении Остафьево.

Как отмечал Пушкин, труд Карамзина имеет историческую ценность: «...наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина».

Некоторые исследователи предполагают, что Москва была местом рождения великого баснописца и драматурга *Ивана Андреевича Крылова* (1768 или 1769—1844). Начало литературной деятельности писателя связано с Петербургом. До сорокалетнего возраста Крылов занимался драматургией, а затем — журналистикой. Он редактировал антифеодальные по направленности журналы «Почта духов» (1789), «Зритель» (1792), «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793). В 1792 году Екатерина II начала расследование по делу типографии «Крылов с товарищи». Памятуя о преследованиях А. Н. Радищева и Н. И. Новикова, Крылов покинул Петербург и переехал в Москву. Иван Андреевич поселился у армейского полковника И. И. Бенкендорфа (Страстной бульв., 6). В 1793 году он жил под Москвой в имении Виноградно на берегу Долгих прудов, встречался с поэтом и баснописцем И. И. Дмитриевым (Б. Козловский пер., 12, дом не сохранился). При его содействии басни Крылова были напечатаны в первом номере журнала «Московский зритель» за 1806 год.

На одном из скверов Москвы у Пионерских прудов (бывш. Патриаршие пруды) в 1976 году был установлен памятник И. А. Крылову. Фигуру великого баснописца окружают персонажи его басен. Авторы — А. А. Древин, Д. Ю. Митлянский, А. Г. Чалтыкьян.

ПУШКИН И ЕГО ЭПОХА

Памятные места города связаны и с именем *Василия Андреевича Жуковского* (1783—1852) — поэт-романтика. Широко известен ставший хрестоматийным факт, что на подаренном юному Пушкину своем портрете Жуковский написал: «Победителю ученику от побежденного учителя». Родившийся в глуши Тульской губернии, Василий Андреевич получил образование в Москве. В 1800 году он закончил с отличием университетский Благородный пансион. Здание пансиона не сохранилось; на его месте стоит Центральный телеграф на улице Горького.

С именем Жуковского связано старое здание университета (просп. Маркса, 18). Здесь поэт бывал у ректора И. П. Тургенева, проживавшего в университете с семьей на казенной квартире. В последний свой приезд в Москву

Жуковский посетил Московский университет, где в аудиторном корпусе присутствовал на одной из лекций.

В лабиринте улиц, примыкающих к площади Ильинских ворот, в живописном своей изломанностью Петроверигском переулке в окружении зелени стоит дом 4. Его облик сохранил черты уютного барского особняка. Он построен в конце XVIII века и восстановлен после пожара 1812 года. К нему примыкал большой сад, часть которого сохранилась. Усадьба расположена на горе. Рядом с домом был деревянный флигель. Из окон открывался вид на Замоскворечье. Двухэтажный дом со множеством переходов, галерей, нарядной парадной лестницей был местом, где юный Василий Андреевич встречался с Андреем и Александром — сыновьями И. П. Тургенева, поселившимися здесь. Юноши создали «Дружеское литературное общество», в котором председательствовал Жуковский. Этот дом в ту пору представлял собой один из центров литературной жизни Москвы. Полагают, что здесь происходили встречи В. А. Жуковского с Н. М. Карамзиным.

В этом доме в 1839 году поселился В. Г. Белинский. Памятная доска рассказывает, что в 1850—1851 годах здесь жил Т. Н. Грановский. Здесь бывали Н. В. Гоголь, А. В. Кольцов, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. С. Щепкин, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой.

И в дальнейшем ни петербургская жизнь, ни пребывание за границей не уменьшили любви Жуковского к Москве. В последний раз он приезжал в древнюю столицу в январе 1841 года, посещал дом библиофила А. Д. Чертова на Мясницкой (ул. Кирова, 7) и литературный салон Авдотьи Петровны Елагиной у Красных ворот в Трехсвятительском переулке (Хоромный туп., 4). Оба дома сохранились в измененном виде. В последний приезд в Москву Жуковский был особенно радушно встречен москвичами, и это было выражением их большой любви к замечательному поэту-патриоту, ценившему древнюю столицу, не раз обращавшемуся к ней в своем творчестве.

Долгая дружба связала Василия Андреевича Жуковского с родственником и другом Николая Михайловича Карамзина — *Петром Андреевичем Вяземским* (1792—1878).

Поэт, прозаик, журналист, критик принадлежал к старинному княжескому роду. Его отец умер, когда Вязем-

екому было пятнадцать лет. Став единственным наследником большого состояния и старинного подмосковного имени Остафьево, юный Вяземский занял блестящее положение в высшем московском свете. Этому немало способствовали его природное остроумие, открытый, веселый нрав и утонченная светскость. В двадцать лет он участвовал в Бородинском сражении, вступив в ополчение.

Сам он не без гордости говорил, что сердцем москвич. Здесь он родился, здесь протекало лучшее время его жизни, его молодость и его зрелые лета. Дом П. А. Вяземского в Большом Чернышевском переулке (ул. Станкевича, 9) был памятен многим современникам. Большая барская усадьба дошла до нашего времени в сильно перестроенном виде. Сохранились два дома. В левом, надстроенном в 1895 году третьим этажом, П. А. Вяземский поселился в 1826 году. Усадьба была приобретена в 1821 году. Основной дом дошел до нас перестроенным. Флигель реставрируется. В первых этажах обоих домов располагались жилые комнаты, наверху — парадные; гостиные были обставлены мягкой мебелью красного дерева, украшенной бронзой; на стенах — дорогие картины и гравюры; паркетный пол был устлан пушистыми коврами.

Вяземский был либералом и поддерживал связи со многими декабристами, но в тайные общества не входил. Однако Николай I был убежден в том, что Вяземского нет среди декабристов только лишь потому, что он умнее и осторожнее других.

Пушкин более всего в многогранном творчестве своего друга ценил критические статьи, в которых находил «отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального». К Вяземскому обращены его строки:

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском колких слов, и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе.

Здесь после ссылки А. С. Пушкин читал «Бориса Годунова». О своем впечатлении от пушкинской трагедии Вяземский писал друзьям А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому в 1826 году: «Зрелое и возвышенное произведение. Трагедия ли это или более историческая картина, об этом пока не скажу ни слова: надо вслушаться в нее, вникнуть, чтобы дать удовлетворительное определение; но дело в том, что историческая верность нравов, языка, поэтических красок сохранена в совершенстве...»

Именно здесь, в кабинете дома в Большом Чернышевском переулке, в 1826 году возникла идея создания нового журнала, получившего название «Московский телеграф». Вяземский начал издавать его вместе с Н. А. Полевым. Он сумел сосредоточить вокруг нового журнала лучшие литературные силы. Петр Андреевич, будучи литератором и издателем, прекрасно понимал, какое значение имеет Москва в деле просвещения и распространения печатного слова: «Россия училась говорить, читать и писать по-русски по книгам и журналам, издаваемым в Москве. Русская литература долго имела Москву своею столицею и своею колыбелью». На страницах «Московского телеграфа» печатались В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, И. И. Козлов, А. И. Дельвиг, А. Мицкевич. Вяземский хорошо знал польский язык со времени своей службы в Варшаве, где он познакомился с представителями передовой польской интеллигенции. Статья Вяземского, в которой он называет А. Мицкевича первоклассным поэтом Польши, во многом способствовала быстрому признанию польского поэта в России. П. А. Вяземский перевел на русский язык его «Крымские сонеты», изданные в Москве в конце 1826 года.

Москва — родина *Александра Сергеевича Пушкина* (1799—1837). В 1811 году увезли его отсюда в лицей, но воспоминания о городе постоянно жили в его сознании. После пятнадцатилетней разлуки в 1826 году он вновь в Москве:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Родился великий поэт, как считалось до недавнего времени, на Немецкой улице (Бауманская ул.) в Немецкой слободе. Но последние исследования указывают другой адрес — Малая Почтовая улица. Годы его детства прошли в Огородной слободе, в Большом Хомутовском переулке (ныне Б. Харитоньевский пер., 21). За кованой узорчатой оградой сооружение, правая часть которого вызывает в памяти слова «хоромы, палаты». Это одна из немногих гражданских построек XVII века, дошедших до нас. В ту пору, когда поэт жил здесь ребенком, здание принадлежало «блестящему умом и богатством» князю Н. Б. Юсупову.

Первый этаж с маленькими окошками врос в землю; на второй, парадный, ведет со двора наружная лестница красного крыльца; завершается дворец четырехскатной крышей с прорезными коньками и подзорами. Левая часть здания, сильно отличная от построек XVII века, долго была самостоятельным домом. В 1891 году строения соединили переходом. Московский краевед С. К. Романюк определил, что именно в левой части дома родители А. С. Пушкина снимали квартиру с 1801 по 1803 год. Позже Пушкины переехали в домовладение графа Сан-ти (Б. Харитоньевский пер., 8, дом не сохранился).

...8 сентября 1826 года Пушкина по приказу Николая I привезли из Михайловского, где он отбывал ссылку, в Москву. Сразу же его доставили в Чудов, или Николаевский, дворец Кремля, где Пушкин «и был тотчас же представлен, в дорожном костюме, как был, не совсем обогрешивший, усталый и кажется даже не совсем здоровый» императору. Как сообщает один из очевидцев, в этот период «император был чрезвычайно мрачен, вид его производил на всех отталкивающее действие». Пушкин так рассказывал о своем разговоре с царем: «Фельдъегерь выхватил меня из моего вынужденного уединения и на почтовых привез в Москву, прямо в Кремль, и, всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет государя, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты тем, что возвращен?» Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил: «Пушкин, принял бы ты участие в 14-м декабря, если был в Петербурге?» — «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог не участвовать в нем».

Царь объявил Пушкину, что прощает его, разрешает жить свободно и что сам будет цензором его произведений. Донесения полиции о пребывании Пушкина в Москве свидетельствуют о том, насколько был бдителен надзор за ним. Московский полицмейстер Миллер доносил обер-полицмейстеру Шульгину о том, что А. С. Пушкин, «за коим секретный надзор учрежден», прибыл в Москву и остановился в гостинице «Англия». Из ссылки поэт привез в Москву новые произведения. Среди них была и трагедия «Борис Годунов».

Одно из первых чтений трагедии состоялось в доме поэта и литературного критика *Дмитрия Владимировича Веневитинова* (1805—1827) в Кривоколенном пере-

улке, 4. Особняк в стиле классицизма, желтого цвета с белыми пилястрами, на высоком цоколе, отмечен двумя памятными досками. Одна напоминает, что здесь родился и жил талантливый поэт Д. В. Веневитинов, вторая — что Пушкин читал здесь трагедию «Борис Годунов». В доме Веневитиновых собирался кружок «любомудров». Возглавляли его В. Ф. Одоевский и Д. В. Веневитинов. Членами кружка были в основном воспитанники Московского университета. Круг их интересов составляли литература и философия. «Любомудры» были близки к членам московских тайных обществ. Веневитинов умер в возрасте двадцати двух лет. Направляясь в Петербург, он и его спутники были задержаны полицией. Веневитинов был препровожден на гауптвахту, где пробыл под арестом двое суток. Показания о поездке он давал одному из следователей декабристов генералу Потапову. Поэт в эти дни пережил «глубочайшее нравственное потрясение» и долго не мог освободиться от тяжелого впечатления, которое произвел на него допрос. Пребывание же на гауптвахте окончилось для него сильной простудой, повлекшей за собой серьезную болезнь и скорую смерть.

Чтение трагедии происходило в этом доме 12 октября 1826 года. В просторном белом зале находились М. П. Погодин, С. П. Шевырев, С. А. Соболевский, И. В. и П. В. Киреевские, А. С. и Ф. С. Хомяковы. Пушкин пришел ровно в полдень. Погодин вспоминал об этом чтении: «Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно... кровь приходит в движение при одном воспоминании... Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. Эван, эвое, дайте чаши! Явилось шампанское... Не помню, как мы разошлись, как закончили день, как улеглись спать. Да едва ли кто и спал из нас в эту ночь. Так был потрясен весь организм».

Во время приездов в Москву в 1828 и 1829 годах Пушкин, как уже упоминалось, посещал гостеприимный дом Вяземских в Большом Чернышевском переулке. «Здесь,— пишет Петр Андреевич жене 12 декабря 1828 года,— Александр Пушкин; я его совсем не ожидал... он вовсе не переменился, хотя, кажется, не так весел».

Пушкин жил в этом доме две с половиной недели в августе 1830 года, приехав в Москву с Вяземским из Пе-

тербурга. Здесь же у Вяземского 30 августа 1830 года он записал в альбом Ю. Н. Бартенева сонет «Мадонна», обращенный к Н. Н. Гончаровой.

В бывшем Глинищевском переулке (ул. Немировича-Данченко, 6) сохранилось здание гостиницы «Север». Этот дом построен еще в конце XVIII века. Двухэтажный, с полуподвалом, он завершается традиционным классическим фронтоном. Фасад второго этажа украшают пилястры, прямоугольные и круглые лепные панно с рельефами. К дому вплотную примыкают два флигеля, образуя небольшой двор. Дом этот, принадлежавший известной модистке-француженке мадам Обер-Шальме, имевшей магазин на Кузнецком мосту, затем перешел к ее сыну Л. Н. Оберу. Одно время в доме Обера была гостиница «Север», затем здесь разместились гостиница «Англия». В старом путеводителе о ней сказано, что номера здесь расположены «спокойно», вина и стол хорошие. Бывая в Москве, Пушкин дважды останавливался в гостинице «Север», а затем жил здесь же, когда гостиница уже называлась «Англия». Лишь с 1828 по 1832 год он останавливался здесь пять раз.

Уехав из Москвы 1 мая 1829 года, Пушкин вернулся сюда в конце сентября и прожил здесь до 12 октября того же года. Здесь в это время им были написаны стихотворения «Дорожные жалобы», «Кавказ», здесь работал он над «Путешествием Онегина». В этой гостинице Пушкина посещали его московские друзья — поэты П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Д. В. Давыдов, И. И. Дмитриев и другие. Здесь его навещал друг — польский поэт Адам Мицкевич. На фасаде укреплен мемориальная доска с горельефными фигурами поэтов. На доске изображены двое беседующих молодых людей. Один из них — Пушкин, другой — Мицкевич. Между ними виден силуэт памятника Петру I. Под изображением — две последние строки из стихотворения Мицкевича «Памятник Петру Великому» и строки стихотворения Пушкина «Он между нами жил», посвященные великому польскому поэту: «Он говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

В 1826 году Пушкин часто навещал В. П. Зубкова на Малой Никитской (ул. Качалова, 12). Зубков, являвшийся членом тайного общества «Практический союз», был привлечен по делу декабристов. В этом гостеприимном доме поэт написал стихотворение «Стансы». Здесь

же он пережил страстное увлечение своей дальней родственницей С. Ф. Пушкиной.

Зимой 1828/29 года в доме Кологривовых на Тверском бульваре, 22 (дом не сохранился), на балу у знаменитого Йогеля Пушкин впервые встретил свою будущую жену Н. Н. Гончарову. Он стал бывать в доме родителей Натальи Николаевны на Большой Никитской (ул. Герцена, 50, дом не сохранился). Первое сватовство вызвало неопределенный ответ, и лишь в апреле 1830 года Пушкин получил согласие. 18 февраля 1831 года в церкви Большое Вознесение у Никитских ворот состоялось их венчание.

В последний приезд в Москву А. С. Пушкин останавливался на квартире П. В. Нащокина в Воротниковском переулке, в доме 12. На доме установлена мемориальная доска.

Очень хорошо были знакомы Пушкину московские дворянские клубы. Часто он бывал в московском Благородном собрании (Пушкинская ул., 1). Один из старых путеводителей рассказывает: «Главный фасад его лицом на Дмитровку; по обоим углам прекрасные ротонды, украшенные колоннами; дом сей не так высок, но огромен; оный принадлежал прежнему генерал-аншефу князю В. М. Долгорукову; ныне внутри великолепно убран; зала оногo вмещает в себе до 3000 посетителей». Строил здание архитектор М. Ф. Казаков. Главным украшением скромного снаружи дома является Колонный зал, сохранившийся до наших дней с небольшими изменениями. Зал славился балами. Их описание мы находим в «Евгении Онегине»:

Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц легкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг
Все чувства поражает вдруг.

Сохранились волнующие воспоминания кузины А. И. Герцена Т. П. Пассек о том, как на одном из этих балов осенью или зимой 1826 года юный Александр Иванович увидел гениального поэта: «Мы страстно желали видеть Пушкина, поэмами которого так упивались, и увидели его... в Благородном собрании. Мы были на хорах, внизу многочисленное общество. Вдруг среди него

сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодых человека, один — высокий блондин, другой — среднего роста брюнет, с черными курчавыми волосами и резко выразительным лицом. Смотрите, сказали нам, блондин — Баратынский, брюнет — Пушкин. Они шли рядом, им уступали дорогу.

Александр Сергеевич с 1829 года был членом Английского клуба. На воротах ансамбля, сохранившегося до нашего времени на улице Горького (дом 21), — знаменитые львы, упомянутые в седьмой главе «Евгения Онегина». Безвестный крепостной мастер, которому, вероятно, львов встречать не довелось, создал фигуры забавных, симпатичных фантастических зверей. В. А. Гиляровский в книге «Москва и москвичи» писал об этом доме: «...на воротах до сего времени дремлют их современники каменные львы с огромными, отвисшими челюстями, будто окаменевшие вельможи, переваривающие лукулловский обед. Они смотрят безучастно... Так же безучастно смотрят, как сто лет назад смотрели на золотой герб Разумовских, на раззолоченные мундиры членов клуба в парадные дни...»

Дом этот построен в 1780 году для брата поэта М. М. Хераскова. С 1807 года усадьбой стал владеть Л. К. Разумовский, который, по словам историка Москвы М. И. Пыляева, «забавлял Москву своими праздниками, спектаклями, концертами и балами, он был человек высокообразованный: любил книги, науки, художества, музыку, картины, ваяние. Едва ли не у него первого в Москве был зимний сад в доме».

В клубе собиралась мужская часть дворянского общества. Играли в карты, обсуждали новости, беседовали о политике. В клубе была хорошо оборудованная «газетная» комната, где посетитель мог найти и русские и иностранные газеты и журналы.

В политических прениях здесь особое место занимал П. Я. Чаадаев. В. А. Гиляровский вспоминает предание, по которому Петр Яковлевич Чаадаев в 1837 году в «говорильне», т. е. комнате, где члены клуба вели бесконечные беседы, читал стихи Лермонтова «На смерть поэта». Некоторые считали клуб законодателем общественного мнения, и Николай I, по словам Бартенева, «иной раз справлялся, что говорят о той или другой правительственной мере в Московском Английском клубе».

Многие члены Английского клуба послужили про-

образами героев произведений А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого.

Герцен в «Былом и думах» отмечал, что «Английский клуб сделался всего менее «английский»: что в нем Собакевичи кричат против освобождения и Ноздревы шумят за естественные и неотъемлемые права дворян...». «Это был клуб Фамусовых, Скалозубов, Загорецких, Репетиловых, Тугоуховских и Чацких,— писал В. А. Гиляровский.— Конечно, ни Пушкин, ни Грибоедов не писали точных портретов; создавая бытовой художественный образ, они брали их как сырой материал из повседневной жизни...»

В 1833 году Пушкин не возобновил членский билет и был чуть ли не исключен из клуба. В. А. Гиляровский писал: «Уже впоследствии «Пугачев» помог ему расплатиться с клубом, и он снова стал посещать его».

На Тверской (ул. Горького, 14, дом перестроен до неузнаваемости) находился один из блистательнейших литературных салонов пушкинской поры — *Зинаиды Александровны Волконской* (1789—1862). «Я слежу за сочинителем Пушкиным, насколько это возможно. Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома княгини Зинаиды Волконской, князя Вяземского (поэта), бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются по большей части на литературе» — так писал в тайном сообщении жандармский полковник Бибилов Бенкендорфу. В салоне княгини З. А. Волконской Пушкин появился вскоре после приезда в Москву в 1826 году. При первой же встрече княгиня очаровала и поэта исполнением его элегии «Погасло дневное светило».

«Великий русский поэт должен творить или в степях или под сенью Кремля и автор «Бориса Годунова» принадлежит царственному граду», — писала З. А. Волконская. За салоном не прекращалось полицейское наблюдение. Шефу жандармов Бенкендорфу 9 мая 1826 года сообщалось: «Между дамами — две самые непримиримые и всегда готовые разорвать на части правительство, княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат сосредоточением всех недовольных, и нет брани более злее той, какую они извергают на правительство и его слуг».

Репрессии, начавшиеся в России после поражения восстания декабристов, непосредственно затронули и ок-

ружение Волконской. Она приняла решение уехать из России, выбор пал на Италию, в которой она родилась, язык которой прекрасно знала. Прощание было грустным. Московские поэты Е. А. Баратынский, С. П. Шевырев и Н. Ф. Павлов, неоднократно бывавшие в салоне, по этому поводу написали стихи:

Из царства виста и зимы,
.....
Она спешит на юг прекрасный,
Под Авзонийский небосклон...

Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844) в 1825 году переехал в Москву для ухода за больной матерью.

9 июня 1826 года Баратынский женился на А. Л. Энгельгардт: поэт нашел счастье в семейной жизни, о которой мечтал еще, выйдя в отставку, служа в Финляндии, нашел «нежную подругу» — женщину с тонко развитым поэтическим чувством, большим умом, непреклонною волей и мягким, отзывчивым сердцем. Супруги поселились в доме отца Анастасии Львовны в бывшем Большом Чернышевском переулке (ул. Станкевича, 6). Дом этот принадлежал когда-то семейству Сумароковых. После женитьбы жизнь Баратынского не богата значительными внешними событиями. С. Л. Пушкин так описывал ее: «Не зная бессонных ночей на балах и раутах, Баратынские ведут жизнь самую простую: встают в семь часов утра во всякое время года, обедают в полдень, отходят ко сну в девять часов вечера и никогда не выступают из этой рамки, что не мешает им быть всем довольными, спокойными, — следовательно, счастливыми».

В стихах и поэмах этого времени Баратынский рисует картины Москвы. В поэме «Цыганка» он описывал народные гулянья под Новинским монастырем, ныне не существующим, находившимся на Садовом кольце между нынешней площадью Восстания и Проточным переулком.

Неделя светлая была
И под Новинское звала
Граждан московских. Все бежало,
Все торопилось: стар и млад,
Жильцы лачуг, жильцы палат,
.....
Шумя цветными флюгерами,
Средь града новый град возник:
Столица легкого безделья...

Поэта часто можно было встретить на знаменитом бульваре, когда:

...Бульвар Тверской
Дремал под нисходящей мглой,
Пустела длинная аллея.

Тогда же Е. А. Баратынский писал: «Как не любить родной Москвы!» К этому необходимо добавить, что он близко познакомился с Вяземским, Погодиным, Языковым, Веневитиновым, Хомяковым и братьями Киреевскими. В доме у Баратынского часто бывал А. С. Пушкин. «Гармония его стихов,— писал великий поэт в одной из статей о Баратынском,— свежесть слова, живость и точное выражение должны поразить всякого, хотя несколько одаренного вкусом и чувством». «Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды»,— отмечал Пушкин.

В 1828 году поэты выпустили книгу под названием «Две повести», в которой были напечатаны поэма Пушкина «Граф Нулин» и поэма Баратынского «Бал». В 1829 году Пушкин и Баратынский были избраны членами Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Это общество было создано в 1811 году, и в его деятельности принимали участие К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин. Одно время в заседаниях общества, которые проходили, как правило, в стенах университета, участвовала Зинаида Волконская. Во второй половине XIX века деятельность общества была связана с именами С. Т. Аксакова, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева. Общество просуществовало до 1917 года.

В конце 1830 года, приехав в Москву из Болдина, Пушкин читал здесь «Повести Белкина», от которых Баратынский пришел в восторг. О частых встречах Пушкина с Баратынским в последующие приезды в Москву свидетельствуют строки пушкинского письма к жене, написанного осенью 1833 года: «Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера у него был. Мы всякий день видимся».

Итак, литературная карта центра города пестрит пушкинскими адресами. Именно в центре Москвы, на

Тверском бульваре, был установлен в 1880 году памятник поэту (скульптор А. М. Опекушин).

Среди московских друзей Пушкина особое место принадлежит *Александру Сергеевичу Грибоедову* (1795—1829). Записей о рождении Грибоедова не обнаружено, некоторые исследователи условно годом его рождения считают 1794-й. А. С. Грибоедов родился в Москве. В 1803 году он был определен в московский Благородный университетский пансион. Двенадцати лет, в 1806 году, поступил в Московский университет на словесное отделение.

Александр Сергеевич превосходно владел французским, немецким, английским, знал латынь, разбирался в греческом, прекрасно знал русскую и европейскую литературу. За шесть с половиной лет обучения в университете Грибоедов закончил курс словесного и юридического факультетов, занимался математикой и естественными науками, приготовился к докторскому испытанию. По общему признанию современников, он был одним из образованнейших людей России.

Грибоедов так писал о Москве: «...этот дом родимый, в котором я вечно как на станции!!! Проеду, переночую, исчезну!!!» Приезжая в Москву, Грибоедов часто останавливался у своего друга С. Н. Бегичева. В конце марта 1823 года, когда он приехал в Москву в очередной раз, прямо с дороги явился в дом Бегичева на Мясницкой (ул. Кирова, 42). Здание сохранилось, построено оно по проекту М. Ф. Казакова. В его ансамбль вошли палаты XVII века. Нарядная ограда с воротами связывает крыльцо дома и отделяет от улицы глубокий парадный двор. Высокий портик является центром композиции. Здание сохранило интерьеры парадных комнат, украшенных декоративными росписями, лепкой, искусственным мрамором.

Сюда Грибоедов привез два акта комедии «Горе от ума», во время чтения которой Бегичев сделал ряд замечаний другу, после чего Грибоедов сжег многие страницы и написал их заново.

А. С. Пушкин писал, что эти годы для Грибоедова были и «переворотом в его судьбе и началом непрерывных успехов. Его рукописная комедия «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами».

В 1959 году, неподалеку от дома, у входа на Чисто-

прудный бульвар, открыт памятник А. С. Грибоедову. Авторы его — скульптор А. А. Мануилов и архитектор А. А. Заварзин. Писатель изображен во весь рост. Бронзовая фигура Грибоедова установлена на высоком гранитном постаменте. В опущенной правой руке он держит перчатку, левой придерживает наброшенную на плечи крылатку. С обеих сторон цилиндрического постаamenta ниспадает театральный занавес, приоткрывающий подмостки сцены с изображением персонажей бессмертной комедии, на которых в смятении оглядывается Чацкий.

Грибоедов часто вкладывает в уста героев свои раздумья о Москве. Так, Чацкий говорит:

Нет, недоволен я Москвой.

Он недоволен ею потому, что знает заранее, что отрицательным будет ответ на вопрос:

Что нозого покажет мне Москва?

И потому, что и автор, и его любимый герой — выражение его мыслей и души — знают, что светлая мысль гаснет, обволакивается рутиной в том кругу московского общества, к которому они принадлежат:

Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?

О серьезных занятиях здесь никто и не помышляет:

Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать, и весело пожить.

Или:

Ах нет, братец! У нас ругают
Везде, а всюду принимают.

В финале пьесы разочарованный Чацкий стремительно покидает Москву:

Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.

Мы находим в комедии конкретные упоминания о московских улицах, например о Кузнецком мосте:

Вот он, Кузнецкий мост, наряды да обновы!

Правда, в комедии немного названий улиц. Разве что мимоходом упомянет Хлестова, приезжавшая на бал:

Легко ли в шестьдесят пять лет
Ташиться мне к тебе, племянница?..— Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — света преставленье!

Долгие годы дом М. И. Римской-Корсаковой (не сохранился) на нынешней Пушкинской площади назывался «домом Фамусова». Фасад здания выходил на Страстную площадь. Дом был большой, просторный, в два этажа и в два десятка комнат, с залой, позволявшей устраивать маскарады и балы на сотни персон.

«По преданию,— пишет Вересаев,— именно в этом доме разыгрывается действие «Горя от ума». Рассказывают, что однажды на балу у Корсаковой Грибоедов сильно напал на пристрастие москвичей ко всему французскому. Это вызвало общее изумление и негодование. Все порешили, что Грибоедов сошел с ума.

Весть быстро распространилась по городу, многие заезжали к Грибоедову справиться о здоровье. Грибоедов сказал: «Я же им докажу, что я не сошел с ума». И написал «Горе от ума».

Хозяйка дома «Мария Ивановна Римская-Корсакова должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы и маскарады, разные увеселенья, зимою санные катания за городом, импровизированные завтраки... Красавицы дочери ее, и особенно одна из них, с намеками воспетая Пушкиным в *Онегине*, были душою и прелестью этих собраний. Сама Мария Ивановна была тип московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова» — так писал о ней П. А. Вяземский.

В последний приезд в Москву Грибоедов останавливался неподалеку от Страстной в доме С. Н. Бегичева на Большой Дмитровке (Пушкинская ул., 15, перестроен).

Москва также была родиной *Михаила Юрьевича Лермонтова* (1814—1841). «Москва — моя родина и такою будет для меня всегда: там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив!» — писал поэт. Сопоставляя старинную гравюру, изображавшую просторную площадь Красных ворот начала XIX века, с обликом современной Лермонтовской площади, мы понимаем, что трехэтажный дом (Садовая-Спасская ул., 21), в котором родился поэт, стоял на месте высотного зда-

ния, сейчас отмеченного памятной доской с изображением Лермонтова.

В юности Лермонтов жил в центральной части города. Поэт учился в Благородном пансионе при Московском университете. Там существовало литературное общество, составлялись сборники статей в виде альманахов и даже сжемесячных журналов. В этих журналах принимал участие и Лермонтов. Он начал писать стихи в 1828 году. Тогда же были созданы первые поэмы — «Черкесы» и «Кавказский пленник».

Благородный пансион был известен своим вольнолюбием. Один из пяти казенных декабристов, Петр Каховский, был его воспитанником. Уже в ранних стихах пансионера Лермонтова звучал протест против угнетения человеческой личности:

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

По приказанию Николая I в 1830 году была проведена строгая ревизия пансиона и сделано заключение: «Благородный университетский пансион можно с большей основательностью назвать школой разврата — нежели домом воспитания». Указом от 29 марта 1830 года это не вполне благонадежное, либеральное учебное заведение было упразднено, а вместо него создана обычная гимназия, где были разрешены телесные наказания. Лермонтов подал прошение об увольнении из преобразованного учебного заведения.

Осенью 1830 года он был принят в Московский университет, где проучился два года. Здание Московского университета, построенное в 1766—1793 годах по проекту М. Ф. Казакова, горело во время пожара 1812 года. Работы по восстановлению возглавил архитектор Д. И. Жилярди. Он не изменил основных объемов и внутренней планировки здания. Сохранились помещения, где слушали лекции Лермонтов, Белинский и многие другие студенты, ставшие впоследствии видными деятелями культуры и науки.

«Ни одно из светских учебных учреждений не принесло столько просвещения России, как Московский университет», — писал впоследствии Н. Г. Чернышевский. Лермонтов так характеризовал его:

Святое место! Помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром,
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их шютруки, висящие клочками...

Одновременно с Лермонтовым в университете учились В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. В. Станкевич, Н. П. Огарев. Названия близлежащих улиц — Герцена, Белинского, Станкевича — хранят память о них.

В университете зрела революционная мысль, формировались новые люди, полные жажды действия, ненавидевшие угнетение, ощущавшие себя продолжателями дела декабристов. «Мы были уверены, — вспоминал позднее А. И. Герцен, — что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней». В то время в университете возникли кружки братьев В. И., П. И., М. И. Критских, Я. И. Костенецкого, А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Был известен кружок молодого В. Г. Белинского. Вокруг Лермонтова тоже образуется кружок, так называемая «лермонтовская пятерка», состоявшая из его ближайших друзей: Алексея Лопухина, Николая и Владимира Шеншинных, Андрея Закревского и Николая Поливанова. В юношеской драме юного поэта «Странный человек» нашли отражение встречи молодых людей, их беседы.

За время пребывания в пансионе и университете Лермонтовым было написано около трехсот стихотворений, пятнадцать поэм, три драмы и повесть. В 1832 году Лермонтов покинул университет. Как вспоминали его товарищи, «дерзкими выходками Лермонтова профессора обиделись и постарались срезать Лермонтова на публичных экзаменах». Поэт предполагал перейти в Петербургский университет и уехал из Москвы.

В 1836—1839 годах Лермонтов бывал в Москве, но особую память оставили приезды в 1840 и 1841 годах. В 1840 году он прожил здесь около месяца, направляясь на Кавказ. М. Ю. Лермонтов бывал в салоне у Свербеевых. Собирались обычно у Свербеева по пятницам. Бывали здесь Пушкин и Чаадаев, А. И. Тургенев и Гоголь. У Свербеева встречались люди разных взглядов и направлений, позднее — представители славянофилов и западников. Сам Свербеев ни к какому направлению открыто не примыкал, держался независимо.

По словам Герцена, в ту пору, в 1830—1840-е годы, жизнь литературной Москвы была очень насыщенной: «Говоря о московских гостиных и столовых, я говорю о тех, в которых некогда царил А. С. Пушкин; где до нас декабристы давали тон; где смеялся Грибоедов; где М. Ф. Орлов и А. П. Ермолов встречали дружеский привет, потому что они были в опале; где, наконец, А. С. Хомяков спорил до четырех часов утра, начавши в девять; где К. С. Аксаков, с мурмошкой в руке, свирепствовал за Москву, на которую никто не нападал, и никогда не брал в руки бокала шампанского, чтоб не сотворить тайно моление и тост, который все знали; где Р<едкин> выводил логически личного бога, *ad majorem gloriam Hegelij*¹; где Грановский являлся со своей тихой, но твердой речью; где все помнили Бакунина и Станкевича; где Чаадаев, тщательно одетый, с нежным, как из воску, лицом, сердил оторопевших аристократов и православных славян колкими замечаниями, всегда отличными в оригинальную форму и намеренно замороженными; где молодой старик А. И. Тургенев мило сплетничал обо всех знаменитостях Европы, от Шатобриана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгаген; где Боткин и Крюков пантеистически наслаждались рассказами М. С. Щепкина и куда, наконец, иногда падал, как Конгривова ракета, Белинский, выжигая кругом все, что попадало».

Лермонтов бывал и на Рождественском бульваре в салоне Павловых (дом 14). Хозяйева литературного салона *Николай Филиппович Павлов* (1803—1864) и *Каролина Карловна Павлова-Яниш* (1807—1893) — известные литераторы. Н. Ф. Павлова Лермонтов знал еще в юности. Имя Павлова мало известно современному читателю. А между тем было время, когда его относили к числу «наших первостепенных повествователей». Шумный успех имел его сборник «Три повести» (1835). Тютчев писал об этом сборнике: «...мысль свободная схватилась прямо с роковыми общественными вопросами...» Высокую оценку повестям Павлова дал Пушкин.

Известностью пользовалось и поэтическое творчество Павлова. На его лирические произведения писали музыку Верстовский, Глинка, Даргомыжский. Мог Павлов привлекать Лермонтова и своей необычной судьбой: сын крепостного, он сумел во многом благодаря своему уму и

---

¹ К вящей славе Гегеля (лат.).

таланту стать образованным человеком. Ему приходилось нередко встречать пренебрежительное отношение к себе в дворянском обществе, и это, вероятно, еще более закалило его характер.

В 1837 году Н. Ф. Павлов женился на дочери профессора Медико-хирургической академии поэтессе Каролине Карловне Яниш. С Каролиной Яниш Павлов познакомился еще в 1820-е годы, когда она считалась невестой А. Мицкевича, у которого брала уроки польского языка. Девушка поражала способностями и образованностью. П. И. Бартенев в своих записках величал ее «княгиней русского стиха», «удостоенной внимания со стороны Гете».

В 1836 году Каролина Карловна, по замечанию Панаева, «кроме своего таланта стала владелицей еще тысячи душ крестьян и дома на Сретенском бульваре с парадной лестницей и швейцаром». Панаев имел в виду дом 14 по Рождественскому бульвару. Сейчас в этом небольшом и не слишком выразительном доме трудно распознать барский особняк в стиле классицизма (в 70-е годы XIX века дом был перестроен). В этом доме по вторникам, а затем по четвергам собирались литераторы, журналисты, преподаватели университета. Известно, что у Павловой ранее бывали Пушкин и Мицкевич.

В 1840 году Лермонтов в этом салоне мог слушать и «говорить о Фаусте, о французах, о Западе, о бессмертии души, о Гегеле, о любви...». Поэт попал в самую гущу споров о прошлом и будущем России, о значении для судьбы русского народа петровских реформ, об особенностях русского национального характера, об отношении России к Западной Европе и ее культуре. Лермонтов застал салон «в полном блеске», здесь иронизировал «умнейший человек России» — Чаадаев; страстно защищал русскую старину А. С. Хомяков; отстаивал философию Гегеля профессор Московского университета Крюков, пускался в исторические экскурсы знаток истории Европы Грановский. М. П. Погодин, исторические познания которого были не менее обширны, объединялся в своих воззрениях с публицистом, критиком и поэтом Шевыревым, шутил «всех знающий находящийся в переписке со всеми знаменитостями Европы» А. И. Тургенев.

Лермонтов произвел большое впечатление на московское культурное общество. «Я часто видел Лермонтова за все время его пребывания в Москве. Это чрезвычайно

артистическая натура, не поддающаяся никакому внешнему влиянию... Вы еще не успели с ним заговорить, а он вас уже насквозь раскусил...» — вспоминал литератор Ю. Ф. Самарин. Под непосредственным впечатлением от встреч с Лермонтовым А. С. Хомяков писал: «Лермонтов отправлен на Кавказ за дуэль. Боюсь, не убили бы. Ведь пуля дура, а он с истинным талантом поэт и прозаитор» (прозаик.— *Авт.*).

Гибель М. Ю. Лермонтова тяжело переживали в республике «у Красных ворот» — так называли в Москве блистательный литературный салон А. П. Елагиной. Жила семья Авдотьи Петровны в Трехсвятительском тупике (Хоромном тупике, 4). П. И. Бартенев писал о ее доме: «Прекрасный и обширный, с большим тенистым садом, находится в так называемом «тупике», то есть в переулке, в который можно въехать только с одного конца, а другой упирается в строения. Это целая усадьба, каких в старину было в Москве много». Здесь жили и ее многочисленные родственники и приятели.

Хозяйка дома — племянница и друг В. А. Жуковско-го — женщина «начитанная, умная и очаровательно приветливая привлекала самое изысканное общество, умела оживлять его своим неподдельным участием ко всему живому и даровитому, ко всякому благородному начинанию и сердечному высокому порыву». Хозяин дома А. А. Елагин — участник заграничного похода русских войск — был близко знаком с А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, П. Я. Чаадаевым. Большой известностью пользовались сыновья Авдотьи Петровны от первого брака — Иван и Петр Киреевские. Братья получили прекрасное образование, «изучили математику и языки французский и немецкий и прочитали множество книг по словесности, истории и философии из библиотеки, собранной еще их отцом...».

Иван Васильевич Киреевский (1806—1856) после окончания университета поступил в архив коллегии иностранных дел. Он стал литератором, публиковался в «Московском вестнике», альманахе «Денница». И. В. Киреевский начал издавать журнал «Европеец». Пушкин писал, что журнал соединяет в себе деятельность и занимательность, и предвещал ему долголетие. В первых номерах была опубликована статья издателя «Девятнадцатый век», где автор писал: «Литература наша в первой весне, каждый цвет ее пророчит новый плод и обнаружи-

вает новое развитие. Между тем как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мерилем их просвещения, у нас неусыпные попечения прозорливости правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой, и таким образом, единственным указателем нашего умственного развития остается литература. Вот почему в России следовать за ходом словесности необходимо, и не только для литераторов, но и для каждого гражданина, желающего иметь какое-нибудь понятие о нравственности настоящего своего отечества». Донос в III отделение прервал издание «Европейца».

Младший брат Ивана Васильевича — *Петр Васильевич Киреевский* (1808—1856) — многие годы жизни посвятил собиранию русского фольклора. Как и брат, он был талантливым публицистом. После смерти Петра Васильевича собранные им песни были переданы Обществу любителей российской словесности при Московском университете, которое осуществило два издания: первое — под редакцией П. А. Бессонова в 1860—1874 годах и второе — под редакцией В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского в 1911—1929 годах.

Летом 1832 года в Москве впервые появился *Николай Васильевич Гоголь* (1809—1852). В доме Щепкина (ул. Ермоловой, 16, не сохранился) началась двадцатилетняя дружба Гоголя и великого актера, создавшего на сцене Малого театра галерею образов в пьесах Гоголя.

В уютном особняке все располагало к творчеству. Его стены слышали немало интереснейших бесед о постановках гоголевских пьес на сцене Малого театра, где Щепкин играл Подколесина и Кочкарева в «Женитьбе», Утешительного — в «Игроках» и городничего — в «Ревизоре».

М. С. Щепкин был знаком со своими великими современниками А. С. Пушкиным и Т. Г. Шевченко. Благоговейно относился к гениальному поэту и Н. В. Гоголь: «О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни и как печально было мое пробуждение!» Пушкину им были прочитаны первые главы «Мертвых душ».

В университетской типографии, здание которой выткнулось фасадом вдоль Пушкинской улицы (дом 34), впервые были напечатаны «Мертвые души», которые, по свидетельству А. И. Герцена, «потрясли всю Россию». Над вторым томом этого произведения Гоголь работал

тоже в Москве. А. С. Пушкин рекомендовал Гоголя своим друзьям, и, бывая в Москве, Николай Васильевич часто посещал сердечного друга Пушкина — П. В. Нащокина, который жил в Ворониковском переулке в доме 12. Нащокин послужил Гоголю прообразом одного из героев второго тома «Мертвых душ» — Хлобуева. Здание в ту пору выглядело иначе, чем сейчас. Над центральной частью первого каменного этажа был расположен деревянный мезонин в три окна. В конце 30-х годов прошлого века дом приобрел нынешний вид: мезонин расширили, перестроили во второй этаж.

Дружба связывала Гоголя с профессором Московского университета С. П. Шевыревым, дом которого стоял в Дегтярном переулке (№ 4, не сохранился). В этом доме Гоголь жил в 1848 году. Начиная с 1843 года С. П. Шевырев вел дела Гоголя по изданию сочинений, оплате долгов, выделению пособий для бедного студенчества.

Давнее знакомство приводило Николая Васильевича и в дом Васильчиковых (ул. Герцена, 46), здесь бывали И. К. Айвазовский, М. И. Глинка, В. А. Соллогуб, С. М. Соловьев.

Николай Васильевич часто бывал в театрах Москвы. В октябре 1851 года он смотрел в Малом театре «Ревизора». «Он сидел в ложе бельэтажа, около самой двери и, вытянув голову, с нервическим беспокойством поглядывал на сцену, через плечи двух дюжих дам, служивших ему защитой от любопытной публики... Какая-то затаянная боль и тревога, какое-то грустное беспокойство примешивалось к постоянно-проницательному выражению его лица» — таким запомнил Гоголя И. С. Тургенев. Актер С. В. Шумский впервые исполнил в этом спектакле роль Хлестакова.

Гоголь бывал в Москве в салоне *Николая Васильевича Сушкова* (1796—1871). Мать Сушкова, урожденная Храповицкая, была писательницей и переводчицей. Дядя, Храповицкий, служил литературным секретарем Екатерины II, редактировал ее сочинения и занимался издательской работой. Брат Н. В. Сушкова, Михаил, делал художественные переводы, другой, Петр, писал стихи (дочерью его была поэтесса Е. П. Ростопчина).

Н. В. Сушков получил образование в московском Благородном университетском пансионе, о котором оставил «Воспоминания». После окончания пансиона он совме-

щал государственную службу с литературной деятельностью. Печатал стихи, критические заметки, водевили. В 1820-х годах оставил занятия литературой, а в 1841 году закончилась и его служебная карьера. Ф. И. Тютчев так прокомментировал его отставку: «Он погубил себя во мнении правительства излишней прямою и независимостью характера». Сушков поселился в Москве. Его дом стал одним из центров жизни Москвы (Старопименовский пер.— ныне ул. Медведова, 11). В течение двадцати пяти лет дом Сушковых редко пустовал: принимали здесь ежедневно. Своеобразие этих собраний, видимо, нравилось Тютчеву, о чем он писал: «Салон Сушковых если и не первый в Европе, то уж, конечно, один из самых многолюдных». Или: «Салон Сушковых положительно приятен». В разные годы здесь бывали Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, П. А. Вяземский, Д. В. Григорович, Ф. Н. Глинка, Н. Ф. Павлов, Е. П. Ростопчина, С. А. Соболевский. Эти вечера описывал М. Н. Загоскин:

«Сушковы — люди небогатые, жили весьма скромно в маленьком наемном доме, в одном из переулков Тверской близ Старого Пимена...

Николай Васильевич, маленький, живой, седенький, имел свежее румяное и предоброе лицо, окаймленное большими седыми бакенбардами... Он был человеком старого покроя, вежливый, благовоспитанный, но чрезвычайно болтливый и слишком много говоривший о своих сочинениях, что вполне замечала и понимала его умная жена Дарья Ивановна... Она если и не обладала талантом своего брата (Ф. И. Тютчева.— Авт.) и не писала стихов, то разговор ее был столько же пленителен, увлекателен и поучителен... Раз в год, на именины Сушкова, все знакомые приглашались на большой раут: в этот вечер масса гостей наполняла небольшие комнаты их дома, а сам именинник сиял радостным лицом и встречал каждого гостя по «номерам» словами: «Здравствуйте, мой 10-й, 20-й или 100-й гость», изъявляя всем свое удовольствие, что их собралось много, как будто желая сказать: смотрите, мы люди не богатые, не чиновные, угощение у нас неважное, а вся Москва, светская и несветская, ученая и неученая, приехала к нам — значит, нас любят и уважают!»

Позднее к Сушковым приехала из Петербурга и поселилась у них двадцатилетняя Екатерина Федоровна Тютчева — дочь поэта, девушка редкого ума, начитанно-

сти и всесторонней образованности. Со дня ее приезда посетителей стало еще больше, среди них — влюбленный в нее Л. Н. Толстой.

Был связан с Москвой и *Виссарион Григорьевич Белинский* (1811—1848). Впервые он приехал в Москву 22 августа 1829 года для того, чтобы поступить в университет. Спустя несколько лет он вспоминал свое изумление при взгляде на Тверскую — улицу узкую, кривую, по горе тянущуюся, с домами, где один «выбежал на несколько шагов на улицу, как будто бы для того, чтобы посмотреть, что делается на ней, а другой отбежал на несколько шагов назад, как будто из спеси или из скромности,— смотря по его наружности». И самое удивительное, как отмечал Белинский, «что в странном гротеске этой улицы есть своя красота». Он любовался московскими переулками и тенистыми бульварами. «...Обе линии по сторонам Тверского и Никитского бульваров состоят преимущественно из «господских» (московское слово!) домов. И тут видите больше удобства, чем огромности или изящества. Во всем печать семейственности: и удобный дом, обширный, но тем не менее для одного семейства, широкий двор...» Прожив здесь четыре года, Белинский восторженно писал брату: «О, Москва, Москва! Жить и умереть в тебе, белокаменная,— есть верх моих желаний. Признаться, брат, расстаться с Москвой для меня все равно, что расстаться с раем».

Первые дни в Москве он провел в Ипатьевском переулке, дом 9, рядом с Кремлем. После поступления в университет снял скромную комнату «у портного Казакова на Тверской» в доме 5 (не сохранился). По совету товарищей вскоре он подал прошение о зачислении на «казенный кошт». 17 октября 1829 года просьба Белинского по решению правления была удовлетворена. Он переехал в студенческое общежитие при университете на Моховой улице (просп. Маркса, 18) в комнату № 11. Здесь и прожил до сентября 1832 года.

В левом флигеле старого университетского здания в верхнем этаже находилось шестнадцать комнат — «нумеров», где жили казеннокоштные студенты. Во времена Белинского их было около ста пятидесяти человек, да еще около сотни тех, кто состоял на содержании военного ведомства и воспитательного дома. Виссарион Григорьевич в письме к родителям сообщал: «Теснота, толкотня, крик, шум, споры; один ходит, другой играет на гитаре,

третий на скрипке, четвертый читает вслух — словом, кто во что горазд! Извольте тут заниматься!» В общечитии с будущим критиком жили преимущественно студенты-медики, естественники и словесники, в большей части по происхождению — разночинцы.

Литературный кружок «11-го номера» был одним из очагов мысли и литературной деятельности прогрессивно настроенной молодежи. Члены кружка читали, переписывали и распространяли запрещенные произведения Радищева, Рылеева, Пушкина. В 1830 году студент Виссарион Белинский читал на заседании общества «11-го номера» свою пьесу «Дмитрий Калинин». Пьесу переписали и представили в цензурный комитет, чтобы получить разрешение для напечатания. Московский цензурный комитет вынес решение о запрещении пьесы, так как в ней, по мнению цензора, «заключаются многие места, противные религии, нравственности и российским законам», а ее главный герой «декламирует против рабства возмутительным образом для существующего в России крепостного состояния».

В 1832 году Белинского исключили из университета. Молодой человек без средств к существованию первоначально поселился у своего земляка А. П. Иванова в Рахмановском переулке в доме 4 (не сохранился). В этом доме он жил в 1835 и 1836 годах — в моменты крайней нужды.

Первый раз вырваться из дома в Рахмановском переулке помог перевод романа Поля де Кока «Монфермская молочница». Получив 100 рублей гонорара, он переехал на лучшую квартиру (Тверская ул., 8, дом не сохранился). В 1836 году жил у Н. И. Надеждина — профессора Московского университета, вместе с которым издавал журнал «Телескоп».

После публикации «Философических писем» П. Я. Чаадаева Надеждин потерял место, в квартире его произвели обыск.

В эти годы Белинский посещал кружок Н. В. Станкевича, один из очагов свободомыслия, из которого, по словам Н. Г. Чернышевского, «вышли или впоследствии примкнули к нему почти все те замечательные люди, которых имена составляют честь нашей словесности». Станкевич в 1835 году жил на Никольской (ул. 25 Октября, 23, дом перестроен).

Белинский всегда находился в центре культурной

жизни Москвы. Он посещал театры. В «Литературных мечтаниях» и других статьях великий критик дает высокую оценку игре П. С. Мочалова, М. С. Щепкина. Белинский еще студентом мог видеть их не только на сцене, но и в известной кофейне Печкина. Здесь в компании своих просвещенных друзей засиживался за полночь М. С. Щепкин. По утрам выпить чашечку кофе заходил сюда П. С. Мочалов. Располагалась кофейня на углу исчезнувшей Моисеевской площади. (Находилась на части территории нынешней площади 50-летия Октября.) Рядом с ней в те годы существовала так называемая «Литературная кофейня» (ближе к Театральной площади).

Среди домов, где в это время часто бывал Белинский, особенно примечателен уже упомянутый нами дом Василия Петровича Боткина в Петроверигском переулке (дом 4).

Василий Петрович Боткин (1811/12—1869) свыше тридцати лет находился в гуще русской литературной жизни. Его дарили любовью и дружбой Бакунин, Герцен, Грановский, Некрасов, Тургенев, Л. Толстой, Фет и многие другие писатели, ученые, художники. Юность В. П. Боткина, сына крупного московского чаеоторговца, прошла в обстановке «темного царства». Через много лет он писал брату: «...из моего детского возраста нет отрядных воспоминаний...» Он обучался в частном пансионе Княжева, где изучал основы гуманитарных знаний, а затем всю жизнь самоучкой пополнял свое образование. Дом, где располагался пансион Княжева, сохранился — он находится за пределами рассматриваемого нами района, на Верхней Сыромятнической улице, 7 (мемориальная доска). В конце 1835 года он познакомился с Белинским, который и ввел его в кружок Станкевича. Возможно, по инициативе Белинского, одного из главных сотрудников журнала «Телескоп», Боткин написал очерк «Русский в Париже», особенно ценный описанием визита к Виктору Гюго. Боткин активно сотрудничал в журналах «Московский наблюдатель» и «Отечественные записки». Но, даже будучи известным литератором, он вынужден был просиживать в чайном «амбаре» с десяти часов утра до шести вечера и, только когда подросли братья, смог там чередоваться с ними. Лишь в середине 1850-х годов, после смерти отца, литератор окончательно освободился от купеческих дел.

В 1840-х годах Боткин много путешествовал по Европе. М. А. Бакунин познакомил его в Париже с К. Марксом. Летом 1845 года Василий Петрович совершил поездку по Испании. В 1849 году он опубликовал «Письма об Испании», вызвавшие споры и восхищение современников. А. И. Герцен с тех пор часто называл Боткина «маросейским андалузцем». Василий Петрович писал письма В. Г. Белинскому для альманаха «Левифан», который тот собирался издавать.

СЕРЕДИНА — КОНЕЦ XIX ВЕКА

Мы уже говорили о доме 25 на Тверском бульваре, в котором родился *Александр Иванович Герцен* (1812—1870). Дом этот неоднократно упоминается в мемуарах, очерках и в художественной литературе, прежде всего в «Былом и думах». На пилоне въездных ворот доска-медальон с барельефным портретом Герцена и цифрами, расположенными по кругу (1812—1870—1920). 1812-й — год рождения великого писателя, философа и революционера. Герцен писал: «Рождение мое озарено было пламенем московского пожара». 1870-й — год смерти и 1920-й — установки доски. Это одна из немногих сохранившихся досок, установленных в первые годы Советской власти. Первоначально, в 1920 году, ее прикрепили на самом доме, где родился писатель. Позднее перенесли на нынешнее место. Автор — скульптор Н. А. Андреев. В 1959 году перед домом открыли памятник А. И. Герцену. Бронзовая фигура установлена на низком постаменте из черного полированного гранита. В левой руке писателя — гранки «Колокола». Памятник стоит в окружении густых деревьев.

Имена А. И. Герцена и Н. П. Огарева связаны с Московским университетом. Оба пришли в университет в то время, когда, по меткому выражению академика М. В. Нечкиной, студенты подхватили знамя революции, выпавшее из рук декабристов на Сенатской площади, унесли и хранили его в Московском университете.

В 1922 году по ленинскому плану монументальной пропаганды во дворе здания Московского университета были открыты памятники двум великим гражданам России — А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Памятники, выполненные в бетоне, созданы скульптором Н. А. Андреевым.

В университете вокруг Герцена сгруппировался кружок молодежи. Собирались чаще всего у *Николая Платоновича Огарева* (1813—1877) на Большой Никитской (ул. Герцена, 23/16, мемориальная доска). Герцен в «Былом и думах» вспоминает об этом доме. Воспоминание относится уже к 1840-м годам. «Вот и дом,— ему нахлобучили какой-то огромный герб, он чужой уж; в нижнем этаже, где мы так юно жили, жил портной...» Кружок Герцена и Огарева носил социально-философский характер. В него входили В. В. и Д. В. Пассек, Н. Х. Кетчер, А. Х. Лахтин, Н. М. Сатин, М. Н. Носков.

В «светлой, веселой, обитой красными обоями с золотыми полосами» комнате Герцен и Огарев с друзьями часами говорил о французской революции, республике, сен-симонизме, декабристах. Отголосками этих юношеских настроений будет проникнуто стихотворение «Памяти Рылеева», написанное Огаревым уже в 1859 году, в котором есть строки:

Рылеев был мне первым светом.
Отец! по духу мне родной —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.

С лета 1833 года за Огаревым был установлен секретный надзор полиции, отметившей, что в декабре 1833 года он у подъезда Малого театра распевал с товарищами «Марсельезу». Его арестовали в этом доме в 1834 году. Тогда же началась и шестилетняя ссылка А. И. Герцена. Преследования царского правительства, как известно, вынудили Герцена в январе 1847 года покинуть Россию. В 1856 году к нему присоединился и Огарев. Прах Огарева привезли в Москву из Англии в 1966 году и захоронили на Новодевичьем кладбище. В том же году на этом доме была установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что он жил здесь с 1822 по 1834 год.

(В 1905 году в этом здании находилась редакция и главная контора большевистской газеты «Борьба», первый номер которой вышел 27 ноября 1905 года. В газете сотрудничали В. В. Воровский, А. В. Луначарский, В. Л. Шанцер (Марат), М. С. Ольминский.)

В центральной части Москвы есть немало зданий, в которых бывали А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Герцен дружен был со многими москвичами, в частности с великим русским актером М. С. Щепкиным, заслушивался его

рассказами, а один из них лег в основу повести «Сорока-воровка». Бывал он в доме у Щепкина в Большом Каретном переулке (ул. Ермоловой, 16, не сохранился). М. С. Щепкин жил здесь в 1830—1847 годах. «При доме,—вспоминает сын Щепкина,—был большой сад с фруктовыми деревьями, с клумбами для цветов около небольшой террасы...». Дом М. С. Щепкина посещали многие известные литераторы.

В гостях у знаменитого актера можно было встретить С. Т. Аксакова и его сыновей, В. Г. Белинского, Н. П. Огарева, И. С. Тургенева и профессоров Московского университета.

Провел в Москве юные годы и *Федор Иванович Тютчев* (1803—1873). Родителям Тютчева принадлежала усадьба в Армянском переулке (дом 11). В глубине обширного двора красивый дом со службами — настоящая городская усадьба. Построена она была по проекту М. Ф. Казакова для князя Гагарина. В этом доме поэт останавливался, приезжая в Москву. В 1836 году усадьбу продали. В Московском университете в 1816 году Тютчев в качестве вольного слушателя посещал лекции знаменитых профессоров. 30 марта 1818 года Общество любителей российской словесности отметило юношу званием сотрудника.

В 1819 году Тютчев стал своекоштным студентом Московского университета. В «Речах и отчетах» университета впервые напечатаны его стихи. В 1821 году он окончил университет и в 1822 году, поступив на дипломатическую службу, покинул Москву. В 1825 году Тютчев провел несколько месяцев в Москве, встречался со своим бывшим университетским товарищем М. П. Погодиным.

Посещал поэт в Москве и салон З. А. Волконской, где имел возможность встречаться с «любомудрами». Будущий декабрист Д. И. Завалишин, бывавший в доме Тютчевых на правах родственника, привез список «Горя от ума», сделанный им с рукописи Грибоедова. Д. И. Завалишин вспоминал, что списком овладели Федор Иванович и его братья, читали его в салоне Волконской и других местах.

В 1843 году, после восемнадцатилетней разлуки, Тютчев вновь в Москве. Поэт восторженно отзывался о Кремле, клубах, Малом театре. С этой поры он бывал в Москве почти ежегодно, принимал участие в литературной жизни города. По его словам, «Москва — архилитератур-

ный город, где очень серьезно относятся ко всем тем произведениям, которые пишутся и читаются». Бывал он и у Н. Ф. Павлова, повести которого ценил. «С нежностью и радостью...» его принимает С. Т. Аксаков (Тверской бульв., 24).

Родственные отношения приводили Ф. И. Тютчева в дом дочери Анны, вышедшей замуж за И. С. Аксакова (Пушкинская ул., 7). Бывал он и на Малой Дмитровке, 3, в доме А. И. Георгиевского — сотрудника журнала «Русский вестник».

Оживление литературной жизни Москвы в конце 1850-х годов выразилось и в появлении новых газет и журналов. Очень популярен был «Русский вестник». Основатель его М. Н. Катков привлек к участию в журнале И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и многих других писателей. Редакция журнала находилась на Страстном бульваре в доме 10. К сожалению, с 1862 года журнал стал рупором консервативных кругов и к нему стали терять интерес представители передовой общественной мысли.

На углу Страстного бульвара и Пушкинской улицы и сейчас стоят два дома. Оба они до 1861 года принадлежали университетской типографии. В доме по Страстному бульвару жили редакторы, чиновники типографии и помещалась книжная лавка. В 1820—1830-х годах она принадлежала А. С. Ширяеву и считалась лучшей в Москве. Ширяев был коммиссионером по продаже сочинений лучших русских писателей, и у него часто бывал А. С. Пушкин. Бывал он в этом же доме и у князя П. И. Шаликова, редактора и издателя популярного тогда «Дамского журнала».

На Пушкинской улице находится здание бывшей университетской типографии (дом 34) — одно из лучших производственных зданий Москвы XIX века. Дом строили в 1817—1821 годах по проекту зодчего Д. Г. Григорьева. Боковые части здания рустованы. Сооружение выдержано в традиционных для архитектуры классицизма желто-белых тонах.

С этим зданием связаны первые публикации «Отцов и детей» и «Накануне» И. С. Тургенева, «Войны и мира» и «Анны Карениной» Л. Н. Толстого, «Преступления и наказания», «Бесов» и «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского и многих других замечательных произведений русской литературы.

Москва — родина *Федора Михайловича Достоевского* (1821—1881).

Прямых упоминаний о Москве в его произведениях немного, однако некоторые сохранившиеся здания связаны с примечательными событиями. Так, в Старосадском переулке находится здание Государственной публичной исторической библиотеки. Это сооружение 1914 года, в которое вмонтирован двухэтажный особняк XVIII столетия, частично сохранившийся. Фасад особняка обращен в сторону двора. Как предполагали исследователи творчества Ф. М. Достоевского, этот-то особняк и принадлежал родственникам Достоевских — Куманиным, которые играли большую роль в жизни семьи писателя. Некогда фасад украшал балкон, с которого видно было Москву-реку и часть Замоскворечья.

Отношения между семьями были сложными. И есть основания предполагать, что зависимость от Куманиных могла рождать в душе юного Достоевского острое чувство социального протеста.

Москва, вероятно, дала Достоевскому больше впечатлений для писательской работы, чем принято думать. Так, по-видимому, в родном доме мальчик слышал о докторе тюремных больниц Ф. П. Гаазе и даже, возможно, мог видеть его. Гааз жил в Малом Казенном переулке (пер. Мечникова, 5) в районе Покровки (ул. Чернышевского), врачевал в полицейской больнице для бесприютных, которую москвичи называли гаазовской. Во дворе дома 14 октября 1909 года был открыт памятник Гаазу, переданный скульптором Н. А. Андреевым в дар Москве. На гранитном постаменте бюст: доброе, симпатичное лицо человека, который, кажется, никогда не откажет в просьбе. На пьедестале высечен девиз Гааза: «Спешите делать добро».

Этого «святого доктора» запомнил Достоевский. И отголоски детских впечатлений предстают перед читателем в черновиках «Преступления и наказания» и в романе «Идиот».

Впоследствии, приезжая в Москву, Достоевский останавливался в гостиницах Дюссо (просп. Маркса, 6, здание перестроено) и «Европа» (Неглинная ул., 4, дом не сохранился). Отсюда с философом Соловьевым в период работы над романом «Братья Карамазовы» Достоевский совершил поездку в Оптину пустынь. В Москве он и печатал этот роман. Достоевскому хорошо был знаком уже

упомянутый нами дом 34 на Большой Дмитровке (Пушкинская ул.), где находилась типография университета, в которой печатались некоторые его романы. Это сооружение вошло в архитектурный комплекс зданий Союза театральных деятелей.

У Федора Михайловича Достоевского были тесные связи с культурной, литературной Москвой: он встречался с актерами Малого театра, писателем А. Н. Островским, поэтами А. Н. Плещеевым, А. Н. Майковым, А. Григорьевым. В июне 1880 года Достоевский принял участие в Пушкинских торжествах. Они начались в Благородном дворянском собрании, продолжились на открытии памятника А. С. Пушкину на Тверском бульваре, созданного на народные сбережения. Событием в культурной жизни Москвы стала знаменитая речь Достоевского, произнесенная им в Благородном собрании. Его увенчали лавровым венком, который писатель возложил к подножию памятника великому поэту.

Это был последний приезд Достоевского в Москву. Через год его не стало. Именно в Москве, где начался сложный, трудный, противоречивый путь писателя, в 1918 году был поставлен ему памятник работы скульптора С. Д. Меркурова.

30 июля 1918 года за подписью В. И. Ленина было принято «Постановление об утверждении списка памятников великим людям», где вторым после Толстого стояло имя Достоевского.

В 1936 году с Цветного бульвара, где первоначально он был установлен, памятник перенесли на улицу Достоевского к дому 2, в котором родился писатель.

Центральная часть Москвы связана с именем *Льва Николаевича Толстого* (1828—1910). В 1850-х — начале 1860-х годов Толстой наездами бывал в Москве, останавливаясь в гостинице Шевалье (пр. Художественного театра, 4, перестроен), описанной в повести «Казак», романе «Декабристы», и в других гостиницах. В это время Толстой посещал В. П. Боткина (в Петроверигском переулке, 4, и на даче в Кунцеве), историка М. П. Погодина (Погодинская ул., 12), А. А. Фета (М. Полянка, 3, не сохранился), общался с А. Н. Островским, А. В. Дружининым. 30 января 1858 года Толстой был на балу в доме Рюминых на Воздвиженке (просп. Калинина, 9), который раньше принадлежал деду Толстого — Н. С. Волконскому.

Лев Николаевич бывал в Московском университете: в 1887 году он прочел реферат «Понятие жизни», в 1896 году слушал две лекции на научные темы; в 1859 году был избран членом Общества любителей российской словесности при университете, на заседании которого прочитал 16 февраля 1875 года отрывок из «Анны Карениной», а 30 марта 1886 года — «Смерть Ивана Ильича».

В 1870-е годы великий писатель, работая над романом «Декабристы», встречался с вернувшимся из ссылки декабристом П. Н. Свистуновым (Гагаринский пер.— ныне ул. Рылеева, 25), с родными М. И. Муравьева-Апостола (М. Дмитровка — ныне ул. Чехова, дом не сохранился).

По произведениям Толстого можно изучать быт, нравы и топографию Москвы XIX века.

Улицы и площади древнего города являются местом действия романа «Война и мир». В Английском клубе (Страстной бульв., 15/29) происходило в 1806 году чествование героя Шенграбена — князя Багратиона: «...3 марта, во втором часу пополудни, двести пятьдесят человек членов Английского клуба и пятьдесят человек гостей ожидали к обеду дорогого гостя... В Английском клубе, где собиралось все, что было знатного, имеющего верные сведения и вес... стоял стон разговаривающих голосов, и, как пчелы на весеннем пролете, сновали взад и вперед, сидели, стояли, сходились и расходились, в мундирах, фраках и еще кое-кто в пудре и кафтанах, члены и гости клуба. Пудренные, в чулках и башмаках, ливрейные лакеи стояли у каждой двери и напряженно старались уловить каждое движение гостей и членов клуба, чтобы предложить свои услуги».

На перрон Николаевского вокзала приезжает из блестящего, холодного Петербурга Анна Каренина. И именно здесь завязываются в трагический, неразрешимый узел отношения главных действующих лиц романа: в вагоне поезда, прибывшего из Петербурга, встречаются Анна и Вронский.

Роман «Анна Каренина» начинается так: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Эта сентенция относится к московской дворянской семье Облонских. Мы встречаем на страницах романа и конкретные московские адреса. Например, ресторан «Англия» (ул. Петровка, 15), куда Стива Облонский ездил обедать вместе с Левиным.

Толстой тонко передает тот особый «московский дух», который был присущ только уютной древней столице с ее деревянными барскими особнячками, мезонинами, извилистыми живописными улочками, палисадниками, тихими зелеными дворами с куртинами и хозяйственными постройками в глубине владений. «Дома Левиных и Щербацких были старые дворянские московские дома и всегда были между собою в близких и дружеских отношениях. Связь эта утвердилась еще больше во время студенчества Левина. Он вместе готовился и вместе поступил в университет с молодым князем Щербацким, братом Долли и Кити. В это время Левин часто бывал в доме Щербацких и влюбился в дом Щербацких. Как это ни странно может показаться, но Константин Левин был влюблен именно в дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи Щербацких». Под «домом» Толстой прежде всего понимает уклад жизни, всю ее атмосферу.

Москва издавна соединяла имена представителей разных направлений общественной мысли. В центральной части города в сквере у Покровских ворот установлен памятник революционному демократу, философу-материалисту, публицисту *Николаю Гавриловичу Чернышевскому* (1828—1889). Автор памятника — скульптор Г. В. Нерода. Приезжая из Петербурга, Н. Г. Чернышевский жил по разным адресам, в частности — М. Бронная, 5; Волхонка, 10. В 1857 году познакомился в Москве с Н. М. Щепкиным. В 1861 году принимал участие в совещании против цензурного гнета. Известны его связи с московским издательством К. Т. Солдатенкова.

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Москва нашла отражение во многих произведениях *Антон Павловича Чехова* (1860—1904), в частности в таких, как «В Москве на Трубной площади», «Татьянин день», «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Дама с собачкой», «Припадок», в повестях «Три года», «Скудная история».

О себе Антон Павлович писал: «Я — навсегда москвич». Его герои часто связывают с Москвой надежды на лучшее в жизни. Для нас остается символом ожидания перемен призыв сестер в пьесе «Три сестры» — «В Москву! В Москву! В Москву!» Нина Заречная в «Чайке» так-

же связывает мечты о изменении жизни с переездом в Москву.

А. П. Чехов родился в Таганроге. Первый раз приехал в Москву в 1877 году. Родные его жили в Даевом переулке, дом 29 (не сохранился). В августе 1879 года Чехов окончательно переехал в Москву и поступил в университет. На Страстном бульваре у Петровских ворот, в доме 15/29, во времена Чехова находилась Новоекатерининская больница (ныне городская больница № 24), где Антон Павлович, будучи студентом, проходил практику. В автобиографии, написанной в 1899 году уже известным и всемирно признанным писателем, А. П. Чехов говорил: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность». Семья его поначалу жила в подвальном этаже на Трубной улице, дом 36 (не сохранился), а позже переехала во второй этаж дома 23. «С этой квартиры началась литературная деятельность брата», — вспоминал М. П. Чехов. С 1881 по 1885 год Чеховы жили в Малом Головином переулке (дом 3 — сохранился в перестроенном виде). На этой квартире Чехова посетил Н. С. Лесков и подарил свои книги. Не случайно, вероятно, район Трубной площади, Трубной улицы (до 1907 г. — Грачевка) стал местом действия рассказов молодого автора, подписывающего свои рассказы А. Чехонте. Угрюмый район, застроенный маловыразительными зданиями, казалось бы, мало располагал к творчеству. Но, живя именно здесь, в 1880 году Антон Павлович написал свой рассказ, с которым он вошел в литературу, «Письмо донского помещика Степана Владимировича к ученому соседу д-ру Фридриху».

В пору жизни в районе Трубной Чехов сотрудничал в журнале «Зритель» (Пушкинская пл., 7). Это двухэтажное светло-зеленое здание с мелкими лепными украшениями, еще хранящее черты особняка начала XIX века, хорошо сохранилось. В журнале он поместил рассказы «В вагоне», «Суд» и многие другие. Работал он в этот период и в журнале «Будильник» в Леонтьевском переулке (ул. Станиславского, 21). На страницах этого журнала появились его рассказы «Петров день», «Жены артистов», «Ненужная победа» и др. В газете «Новости дня», редакция которой размещалась на Тверской, недалеко от Газетного переулка (ул. Огарева), была напечатана «Драма на охоте».

Район Трубной площади Чехов описал в очерке «Татьянин день». Начиная писатель упоминал трехэтажное здание, и поныне стоящее на углу Трубной площади и Неглинной. В этом доме располагался ресторан «Эрмитаж», который А. П. Чехов неоднократно посещал, будучи студентом, здесь праздновали татьянин день — день московского студенчества.

На печальной памяти бывшей Драчевке, или Грачевке, — в прошлом в районе заведений сомнительной репутации развертывалось действие рассказа А. П. Чехова «Припадок»:

«Приятели с Трубной площади повернули на Грачевку и скоро вошли в переулок, о котором Васильев знал только понаслышке. Увидев два ряда домов с ярко освещенными окнами и с настежь открытыми дверями, услышав веселые звуки роялей и скрипок... Васильев удивился и сказал:

— Как много домов!

— Это что! — сказал медик. — В Лондоне в 10 раз больше. Там около ста тысяч таких женщин».

Как нынешняя Трубная площадь не похожа на старую! Хотя частично сохранилась прежняя застройка: жилые трехэтажные дома, стена и угловая башня Рождественского монастыря. Изменило ее облик белое новое здание Дома Общественного центра МК и МГК КПСС на углу Цветного и Рождественского бульваров.

Действие рассказа «Дама с собачкой» развертывается в центре города. По направлению к Никольской улице в гостиницу «Славянский базар» (ул. 25 Октября, 17), где и сейчас находится известный москвичам ресторан того же названия, идет Дмитрий Дмитрич Гуров, герой рассказа, на свидание с приехавшей в Москву Анной Сергеевной.

«С ним шла его дочь, которую хотелось ему проводить в гимназию, это было по дороге. Валил крупный, мокрый снег.

— Теперь три градуса тепла, а между тем идет снег, — говорил Гуров дочери...

Он говорил и думал о том, что вот он идет на свидание, и ни одна живая душа не знает об этом и, вероятно, никогда не будет знать».

На какой-то московской улице, томимый сильным желанием «поделиться с кем-нибудь своими воспоминаниями», Гуров однажды ночью, выходя из Докторского клу-

ба (Пушкинская ул., 32, строение во дворе) со своим партнером, чиновником... не удержался и сказал:

«— Если бы вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:

— Дмитрий Дмитрич!

— Что?

— А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!»

Вот оно, разрывающее душу настроение,— город, с мигающими сквозь снежную завесу огнями, завораживающий своим обаянием, и тоска живущих в нем людей.

С конца августа 1886 года Чехов жил на квартире, находящейся недалеко от центра. «Живу в Кудрине на Садовой — место тихое, чистое и отовсюду близкое, не то что Якиманка»,—писал он. Антон Павлович отмечал, что квартиру сняли в «доме Корнеева, похожем на комод. Цвет дома либеральный, то есть красный». На Садовой-Кудринской Антон Павлович жил по 1890 год, о чем напоминает мемориальная доска. В стенах этого дома бывший сотрудник юмористических журналов Антоша Чехонте стал писателем Антоном Павловичем Чеховым. Здесь написаны повести «Степь», «Огни», «Скучная история», пьеса «Иванов», сборники «Рассказы», «Хмурые люди». В гостях у Чехова бывали Д. В. Григорович, А. Н. Плещеев, В. А. Гиляровский, В. Г. Короленко, И. И. Левитан, П. И. Чайковский. Сейчас в этом здании располагается литературно-мемориальный Дом-музей А. П. Чехова — филиал Государственного Литературного музея.

В Кудрине родилась у А. П. Чехова мысль о поездке на Сахалин. Некоторым современникам писателя, его родным и знакомым эта поездка казалась случайной, неожиданной, что объяснялось в значительной мере тем, что Чехов, не любивший говорить о себе, не раскрывал своих намерений.

«1888—1889 годы были какими-то необыкновенными по душевному подъему у Антона Павловича»,—вспоминал его брат Михаил, а сам писатель в одном из писем отмечал: «Если опять говорить по совести, то я еще не начинал своей литературной деятельности... Сам я от своей работы благодаря ее мизерности... удовлетворения не чувствую... Рано мне жаловаться, но никогда не рано спросить себя: делом я занимаюсь или пустяками». Так

писал художник в годы всеобщего признания его таланта, когда за сборник «В сумерках» он получил от Академии наук Пушкинскую премию! К этим годам относятся его строки о необходимости искать ответ на мучивший всех вопрос: «Что делать?» Если бы ответ был найден, то «Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор... и нам не было бы скучно и пудно, как теперь...».

Из Москвы Чехов выехал 21 апреля 1890 года. В его отсутствие семья переехала на Малую Дмитровку (ул. Чехова, 29). Маленький двухэтажный дом находится в глубине двора (на здании мемориальная доска). Возвратившись с Сахалина, в октябре 1891 года он писал: «Если я врач, то мне нужны больные и больницы; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке...» Вскоре он купил небольшое имение под Москвой — Мелихово. В мелиховский период (1892—1899) Антон Павлович так же был связан с Москвой. Т. Л. Щепкина-Куперник вспоминает, что в Москве «он останавливался всегда в «Большой Московской гостинице» (ныне пл. Революции, не сохранилась), напротив Иверской (там у него был свой излюбленный номер), и давал знать о приезде».

Последние приезды Чехова связаны с посещением редакции «Русской мысли», где печатались его рассказы и пьесы, и с постановкой чеховских пьес на сцене Художественного театра. В центре города есть ряд зданий, напоминающих о деятельности Чехова в театре. Прежде всего, это дом 3 на улице Москвина (ныне филиал МХАТа), где в ту пору находился театр Ф. А. Корша. На его сцене впервые была поставлена пьеса «Иванов».

Свои мечты о новом театре Чехов воплотил в пьесе «Чайка», премьера которой состоялась в Художественном театре 17 декабря 1898 года в арендованном помещении «Эрмитажа» (Каретный ряд, 3). Специально для Художественного театра были написаны «Три сестры», «Вишневый сад». (Когда шли репетиции «Вишневого сада», писатель жил на Петровке в доме 19.) Московский Художественный театр ныне носит имя Чехова: ведь он обрел в писателе автора, наиболее соответствовавшего духу театра, и чайка — символ чеховской пьесы — стала эмблемой Художественного театра.

Вскоре обострилась болезнь, и врачи потребовали отъезда в Крым. Приехав из Ялты в Москву 12 апреля

1899 года, Чехов остановился у родных (М. Дмитровка, 12,— ныне ул. Чехова), а через несколько дней переехал там же в дом 11. В этом доме его посетил Л. Н. Толстой.

Дом 24 в Леонтьевском переулке (ул. Станиславского, дом сильно перестроен) связан с последними днями пребывания Чехова в Москве. Здесь он прожил с 3 мая по 3 июня 1904 года. Посетивший больного писателя Н. Д. Телешов вспоминает: «То, что я увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные... Сомневаться в том, что мы видимся в последний раз, не приходилось. Было это так ясно. Я боялся заговорить в эти минуты полным голосом... Нужна была какая-то нежная тишина, нужно было с открытой душой принять те немногие слова, которые были, несомненно, для меня последними и исходили от чистого и прекрасного — чеховского сердца».

Из Баденвейлера, где он скончался, 9 июля 1904 года тело А. П. Чехова было доставлено на Николаевский (Ленинградский) вокзал. Тысячи москвичей вышли на улицу проводить любимого писателя. За гробом шел и А. М. Горький. У здания Художественного театра процессия остановилась. Рабочие сцены вынесли громадный венок из полевых цветов. «...Два лица запомнились мне в ту минуту: лицо Евгении Яковлевны, матери А. П. Чехова, и лицо Горького,— вспоминал В. И. Качалов.— Они оказались рядом около катафалка. В обоих лицах, как-то беспомощно по-детски зареванных, было одно общее выражение какой-то, мне показалось, физической нестерпимой боли, какой-то невыносимой обиды».

Москва — город, где хранят память о Чехове. В центре, на Пушкинской площади находится станция метро «Чеховская», а рядом со входом на станцию библиотека имени А. П. Чехова.

Неотделимо от Москвы имя *Владимира Алексеевича Гиляровского* (1853—1935).

Среди персонажей гоголевских произведений, изображенных на бронзовых барельефах памятника Гоголю на Суворовском бульваре работы скульптора Н. А. Андреева, есть кряжистая и одновременно задорная фигура Тараса Бульбы. Не все знают, что это портрет В. А. Гиляровского. Скульптор Н. А. Андреев лепил фигуру Тараса Бульбы для этого памятника именно с него.

Журналистская деятельность Владимира Алексеевича началась в уже знакомом нам юмористическом журнале «Зритель» (Пушкинская пл., 7). Именно здесь, в

редакции «Зрителя», завязалась дружба В. А. Гиляровского и А. П. Чехова, говорившего журналисту: «Ты курьерский поезд. Остановка — 5 минут». Результатом глубокого изучения жизни явилась первая книга Гиляровского «Трущобные люди», изданная уже в период работы писателя в «Русских ведомостях», где он вел «московский отдел». Она была запрещена цензурой за ее беспощадную правдивость. Весь тираж был сожжен во дворе Сушевской полицейской части.

Чтобы представить литературную борьбу той поры, следует вспомнить, что в конце XIX века «Русские ведомости», основанные в 1863 году, являлись как бы антиподом «Московским ведомостям», издаваемым Катковым. В «Русских ведомостях» печатались представители передовой русской мысли И. А. Бунин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. К. Михайловский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Н. Г. Чернышевский. Редакция находилась в доме 4 в Бобровом переулке. Это двухэтажное, желтого цвета здание, затерявшееся в лабиринте узких переулков, существует и поныне.

Богатая событиями жизнь выработала в Гиляровском, по его собственным словам, «все необходимые качества для репортера». Он знал любой уголок города. Только благодаря своей отчаянной смелости, редкой выносливости и силе он мог проникнуть в притоны Трубной площади и Драчевки, уже упомянутой нами ранее, побывать там в разбойничьем трактире «Крым», пройти подземным руслом Неглинки под Цветным бульваром, изучить зловещий Хитров рынок, который находился на углу Подколокольного и Астаховского переулков. Сейчас на этом месте обычные жилые дома, магазины, четырехэтажное здание электромеханического техникума, а Гиляровский видел здесь железный навес, скамьи, а в окружающих домах — ночлежки и трактиры жуткой, нищей, воровской Хитровки, жизнь которой описана им в «Москве и москвичах».

Книга создавалась на его последней квартире в Столешниковом переулке в доме 9 — четырехэтажном здании, на стене которого у парадной двери укреплена мемориальная доска. На ней знакомый профиль, пушистые запорожские усы, мерлушковая папаха, известная когда-то всей Москве. Полвека — с 1886 по 1935 год — жил здесь писатель. Многие годы квартира сохраняется усилиями близких в том виде, в каком она была при Гиля-

ровском: абажур гармошкой, сделанный его руками, уютный диван-«вагончик», так любимый Чеховым, картины И. И. Левитана, А. К. Саврасова, И. Е. Репина, А. Е. Архипова, вещи, напоминающие о том, что у Гиляровского бывали Л. Н. Толстой, А. М. Горький, А. П. Чехов, Н. Д. Телешов, А. И. Куприн, И. А. Бунин, В. В. Маяковский, С. А. Есенин, знаменитые художники и актеры, которые когда-то любили зайти «на огонек к дяде Гиляю».

В. А. Гиляровский писал о Москве на протяжении пяти десятилетий. Он знал и литературно-художественную жизнь города. Одним из интереснейших явлений в художественной и литературной жизни Москвы начала века был Литературно-художественный кружок, первоначально размещавшийся на Воздвиженке (пр. Калинина, здание не сохранилось). Затем он арендовал помещение на Большой Дмитровке (Пушкинская ул., 15а). Кружок был основан в 1899 году московскими литераторами и театральными деятелями. На его членских билетах был изображен памятник Пушкину в Москве.

Среди организаторов Литературно-художественного кружка были писатели, в частности А. П. Чехов, и многие известные актеры, в том числе А. И. Южин-Сумбатов, который в течение многих лет был его председателем. Возглавляли кружок также Л. В. Собинов, а с 1908 года В. Я. Брюсов.

В центре Москвы размещались печатные органы символистов. В частности, издательство «Скорпион» находилось в здании гостиницы «Метрополь», сооруженном в стиле модерн в 1899—1904 годах (архитектор В. Валькотт при участии Л. Кекушева и А. Эрихсона. Ныне реставрируется). Керамические панно, в частности «Принцесса Греза», украшающие фасады здания, выполнены по рисункам М. А. Врубеля и А. Я. Головина. Архитектурный стиль этого здания отвечал направлению символистского издательства. Здесь были подготовлены и вышли в свет сборники стихов К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, В. Брюсова, М. Волошина, Ф. Сологуба. «Скорпион» издавал альманах «Северные цветы» и журнал «Весы». Главой издательства был С. А. Поляков.

Центром литературной жизни Москвы этого периода были так называемые «Среды», проходившие на квартире писателя *Николая Дмитриевича Телешова (1867—1957)* и поэтому называвшиеся часто телешовскими. В этих собраниях принимали участие В. Я. Брюсов, К. Бальмонт,

Леонид Андреев, П. Д. Боборыкин, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский, В. А. Гиляровский, Максим Горький, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. С. Серафимович, Ф. Сологуб. Однажды дом Телешова посетил А. П. Чехов. Сам Телешов писал об этих встречах: «В течение четверти века не было или почти не было в Москве ни одного общественного дела, ни одного культурного начинания, где бы так или иначе не принимала горячего и ближайшего участия «Среда».

Писатель менял квартиры, меняли адреса и «Среды». Первое место заседаний — Чистопрудный бульвар, 21. Здесь они проходили до 1904 года, затем с 1904 по 1909 год местом встреч стал дом 51 на Земляном валу (ул. Чкалова). После этого писатель вновь поселился на Чистопрудном бульваре, но уже в доме 23. Памятная доска, установленная на доме 18 на Покровском бульваре, свидетельствует, что здесь он прожил до конца своих дней. В этом доме сохраняются книги и вещи, ему принадлежавшие, а в других помещениях дома проходят заседания членов комиссии Общества охраны памятников истории и культуры — знатоков Москвы, что является добрым отзвуком давних традиций.

Следует заметить, что не всегда местом заседания «Сред» была квартира Телешова. Сам писатель отмечал: «...начиная с 1909 года характер «Среды» коренным образом изменился. Собираться стали уже не у меня и не в частных квартирах, а в Литературно-художественном кружке, на Большой Дмитровке...» Показательна оценка «Сред» А. М. Горьким. «Сильно мы пожили, не правда ли? Крепко жму вашу руку, старый, хороший товарищ», — писал он Телешову, прочтя его книгу «Записки писателя». Горький запомнил и то заседание «Среды», когда в 1902 году читалась его пьеса «На дне»: «Первое чтение ее происходило у нас на «Среде», на квартире Леонида Андреева. Присутствовали писатели, артисты, крупные журналисты, врачи, юристы, ученые, художники. Народа было множество: сидели на подоконниках, стояли в других комнатах, где было все слышно, но ничего не было видно... Успех был исключительный. Ясно было, что пьеса станет событием». «Записки писателя» Н. Телешова — книга, подробно раскрывающая нам историю «Сред», дающая представление о жизни литературной Москвы начала XX века.

Мы познакомились с памятными местами центральной части Москвы, связанными с жизнью и творчеством писателей XIX века. Большой интерес представляет знакомство со зданиями и монументами, напоминающими нам о связи с Москвой советских литераторов,

В ГОРНИЛЕ РЕВОЛЮЦИИ (ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ЦЕНТРА МОСКВЫ)

Алексей Максимович Горький (1868—1936) впервые познакомился с Москвой в 1889 году. Это был период формирования его мировоззрения, подведения первых жизненных итогов, настойчивых поисков места в жизни. В Москву он пришел пешком, чтобы увидеть Л. Н. Толстого, но встреча не состоялась. Писатели познакомились только в 1900 году. А. М. Горький к тому времени был автором таких произведений, как «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Трое», роман «Фома Гордеев».

В 1900 году Горький жил в Нижнем Новгороде. Он вел активную революционную работу. За его плечами были два ареста, он состоял под надзором полиции. Горький рвался в Москву. В марте 1901 года он остановился у книгоиздателя С. А. Скирмунта в Гранатном переулке, 20 (ныне ул. Щусева). На квартире Скирмунта бывали писатели С. Г. Скиталец, И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, С. А. Найденов, артисты и режиссеры Ф. И. Шаляпин, В. И. Немирович-Данченко, Л. А. Сулержицкий. В романе «Жизнь Клима Самгина», отмечая значение Москвы для развития личности, Горький напишет: «В московском шуме человек слышней».

Наезжая в Москву, Горький бывал на спектаклях Художественного театра, которые шли какое-то время в «Эрмитаже» в Каретном ряду. С 1902 года МХТ переехал в Камергерский переулок в скромный дом оливкового цвета в стиле модерн. Перестройка здания была завершена в 1902 году по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля.

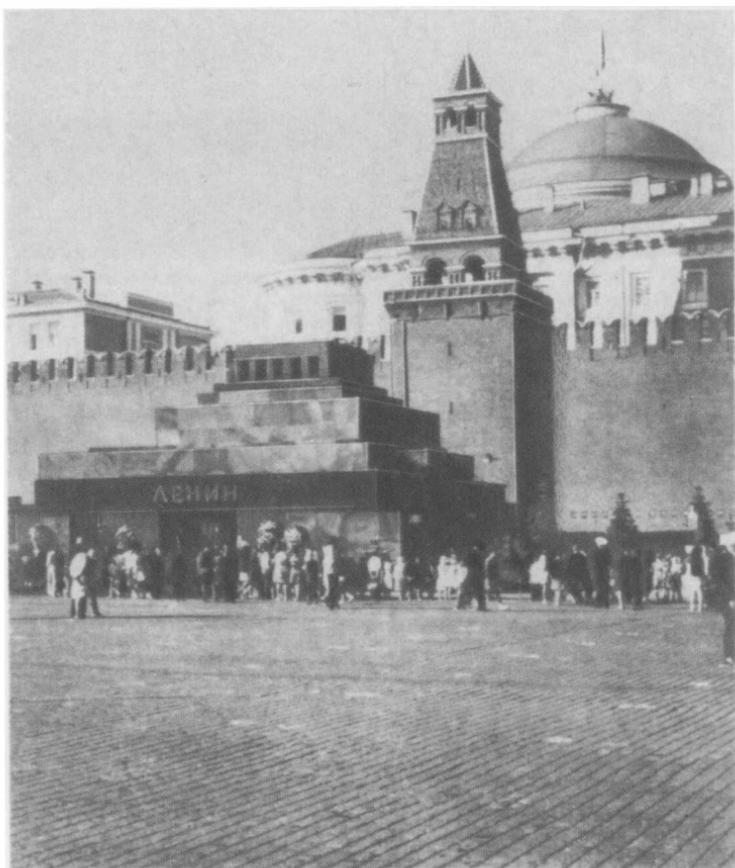
Постановкой пьесы Горького «Мещане» 25 октября 1902 года Художественный театр открыл свои спектакли в новом здании, а пьеса Горького «На дне», поставленная на сцене Художественного театра 27 декабря того же года, стала основной пьесой этого сезона. «Художественный театр — это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный и все самое луч-

«И ЗА РЕКОЮ
КРЕМЛЬ-КРАСАВЕЦ»

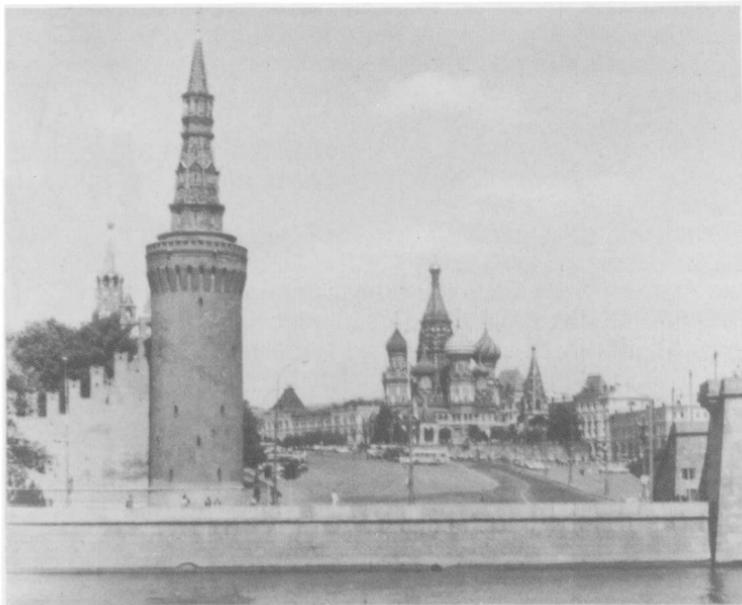

Красная площадь

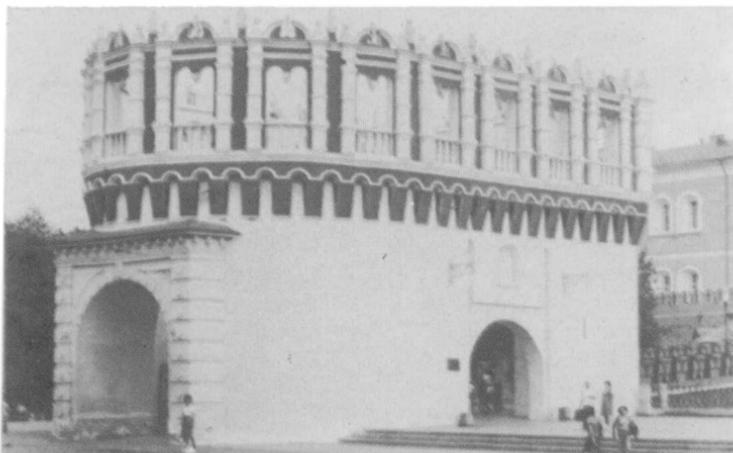
«И за рекою Кремль-красавец»

Вид на Красную площадь
с набережной Москвы-реки

Башня Кутафья
Московского Кремля

«И за рекою Кремль-красавец»

Панорама Московского Кремля

Барельеф на лафете
Царь-пушки

«КАЖДЫЙ КАМЕНЬ ТВОЙ—
ЗАВЕТНОЕ ПРЕДАНИЕ ПОКОЛЕНИЙ»

Пушкинская пл.
Памятник А. С. Пушкину

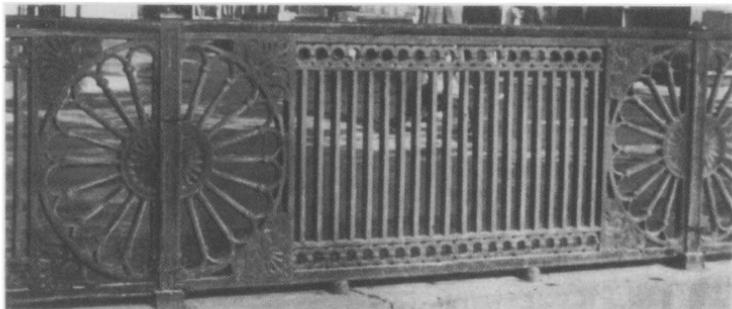

Кривоколенный пер., 4.
Памятная доска,
посвященная
А. С. Пушкину

Кривоколенный пер., 4.
Памятная доска,
посвященная
Д. В. Веневитинову

Дом, где у поэта
Д. В. Веневитинова
12 октября 1826 г.
А. С. Пушкин читал
трагедию
«Борис Годунов»

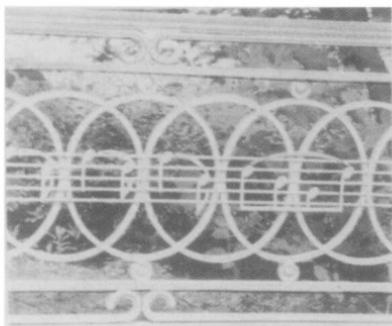

«Каждый камень твой — заветное преданье поколений»

Ул. Немировича-Данченко, 6.
Памятная доска,
посвященная А. С. Пушкину
и А. Мицкевичу

«Каждый камень твой — заветное преданье поколений»

Чистопрудный бульвар.
Памятник Грибоедову

Барельефное изображение персонажей комедии «Горе от ума»

«Каждый камень твой — заветное преданье поколений»

Тверской бульв., 25.
Памятник А. И. Герцену

«Каждый камень твой — заветное преданье поколений»

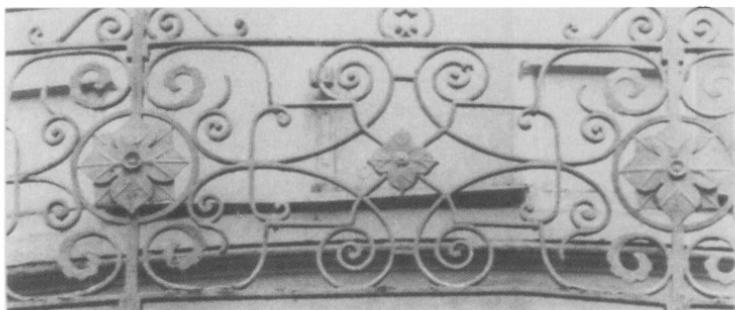

МГУ. Старое здание
на проспекте Маркса.
Памятник А. И. Герцену

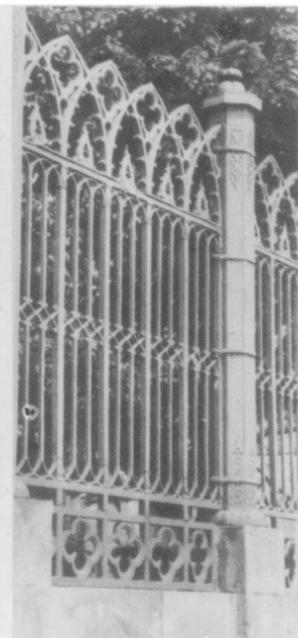

Памятник Н. П. Огареву

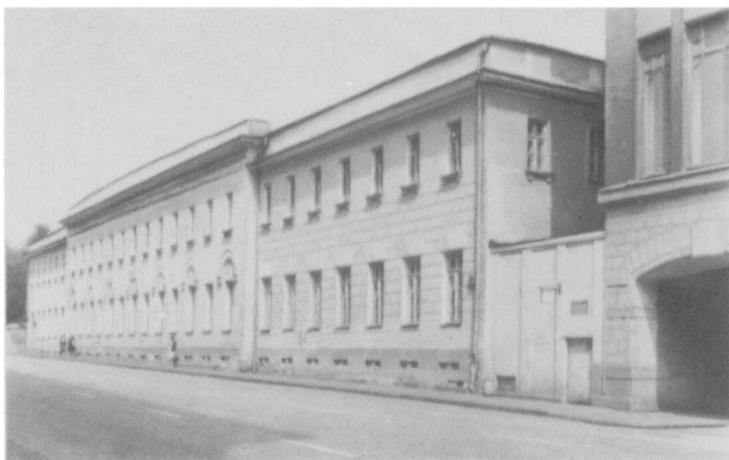
«Каждый камень твой — заветное преданье поколений»

Пионерские пруды.
Памятник И. А. Крылову

Пушкинская ул., 34.
Здание бывшей типографии
университета

Пушкинская пл., 7.
Здание, где располагалась
редакция журнала «Зритель»,
в котором печатались
А. П. Чехов
и В. А. Гиляровский

Садовая-Кудринская ул., 6.
Дом-музей А. П. Чехова

Интерьеры Дома-музея
А. И. Герцена

Ул. Чаплыгина, 1а.
Мемориальная доска на доме,
в котором жил А. М. Горький

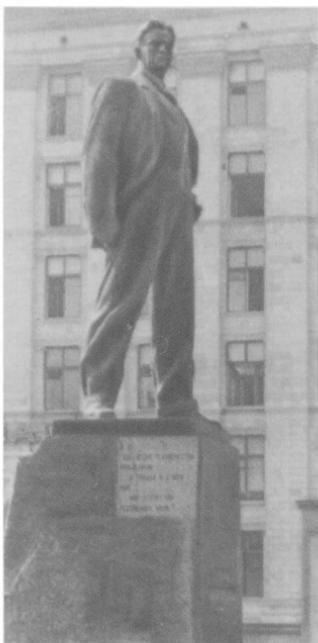
Столешников пер., 9.
Мемориальная доска на доме,
в котором жил
В. А. Гиляровский

Ул. Мархлевского, 14.
Во флигеле этого дома
родился В. Я. Брюсов

Каретный ряд, 4. Дом, в кото-
ром у К. С. Станиславского
бывал А. А. Блок

Памятник В. В. Маяковскому
на площади его имени

Рабочий кабинет
В. В. Маяковского в д. 3/6
в пр. Серова

Страстной бульв., 11.
Мемориальная доска на доме,
где находился Жургаз, в кото-
ром работал главный редактор
журнала «Огонек» М. Е. Кольцов

Ул. Москвина, 5.
Памятная доска,
посвященная С. А. Есенину

Ул. Москвина, 5.
Дом, где жил С. А. Есенин

«Каждый камень твой — заветное преданье поколений»

Тверская, 27/29.
Памятная доска,
посвященная А. А. Фадееву

Большая Садовая ул., 10.
Дом, где жил М. А. Булгаков

шее в Москве. Не любить его — невозможно, не работать для него — преступление» — так писал Горький Чехову. С 1932 года Художественный театр носит имя М. Горького. Ныне коллективу МХАТа, работающему в старом здании (пр. Художественного театра, 3), присвоено имя А. П. Чехова.

Революционные события захватили Горького, и 8(21) октября 1902 года в доме Горчакова (дом 4) на Страстном бульваре на конспиративной квартире врача К. Б. Розенберг состоялась его встреча с представителями «Искры» и Московского комитета РСДРП. Представитель «Искры» В. В. Кожевникова вела переговоры с Горьким о формах его участия в революционной работе. В письме, перехваченном полицией, Кожевникова подробно сообщала о своем свидании с Горьким, который, по ее словам, «произвел на всех нас чудное впечатление». «...Единственным органом, заслуживающим уважение, талантливым и интересным, находит лишь «Искру» и нашу организацию — самой крепкой и солидной... и так как его сочувствие лишь на нашей стороне, то он и хочет помогать нам чем может...» Как видно из дальнейшего текста этого письма, Горький предложил свою помощь партии в форме ежегодной денежной субсидии в сумме пяти тысяч рублей, а также выполнением отдельных поручений конспиративного характера.

27 ноября 1905 года в Петербурге состоялась первая встреча А. М. Горького с В. И. Лениным. Алексей Максимович много рассказывал о событиях 1905 года в Москве. Эти рассказы оживают для нас в главах романа «Жизнь Клима Самгина». Главный герой романа Самгин «первый раз ощутил себя вполне согласованным, внутренне спаянным с человеческой массой этого дня. Когда вдалеке из пасти какой-то улицы на Театральную площадь выползла красная голова небывало и неестественно плотного тела процессии, он почувствовал, что по всей коже его спины пробежала холодноватая дрожь; он не понимал, что вызвало ее: испуг или восхищение? Над головой толпы колебалось множество красных флагов... Слабо доносится знакомый, торжественно угрюмый мотив похоронного марша: «Вы жертвою пали...»

В художественном описании Москвы в «Жизни Клима Самгина» много автобиографического. Но в отличие от Горького у Клима Самгина Москва не вызывала восхищения. Самгину противопоставлен в романе Макаров,

влюбленный в Москву: «Москва несколько путает мозги, я очарован, околдован ею и чувствую, что поглупел здесь... Обожаю Москву! Горжусь, что я москвич! Благословенно — да-с! Хожу по одним улицам со знаменитейшими артистами и учеными нашими! Счастлив снять шапку перед Василием Осиповичем Ключевским, Толстого Льва — Льва-с! дважды встречал. А когда Мария Ермолова на репетицию едет, так я на колени среди улицы встать готов — сердечное слово!»

Действие романа развивается в период с 1880-х по 1918 год. Значительная часть событий происходит именно на фоне Москвы. Одна из героинь романа — Сомова отмечает: «Какой сказочный город! Идешь, идешь и вдруг почувствуешь себя, как во сне». Живописна и своеобразна картина зимней Москвы: «Москва была богато убрана снегом, толстые пуховики его лежали на крышах, фонари покрыты белыми чепчиками, всюду блестело холодное серебро, морозная пыль над городом тоже напоминала спокойный блеск оксидированного серебра. Под ногами людей хрящевато поскрипывал снег, шуршали и тихонько взвизгивали железные полозья саней».

Революционные события 1905—1907 годов изображены писателем ярко и взволнованно. Тверская, Охотный ряд, Арбат, Воздвиженка, Поварская, Моховая, Большая Никитская, Театральная площадь, Манеж, университет, Кремль проходят перед читателем. Ходынская катастрофа, студенческие демонстрации, похороны Баумана, октябрьская забастовка, Декабрьское восстание — все эти события, связанные с Москвой, подробно изображены в романе.

В разные периоды творчества Горький по-разному смотрел на Москву. Шли годы. Менялась Москва. Писатель находил в ее облике новые черты. Приезжая из Петрограда, он останавливался и работал в Москве первых лет Октября. Это было суровое и величественное время. В тяжелых буднях гражданской войны рождалась новая, советская культура. Алексей Максимович стоял у ее истоков.

В тихом, уютном Машковом переулке (ул. Чаплыгина, 1а, здание отмечено памятной доской) жил А. М. Горький в первые годы Советской власти. Шестиэтажный серый дом, фасад украшен барельефами на темы античной мифологии. Квартира из четырех комнат находилась на четвертом этаже. Его кабинет был хорошо знаком мо-

сковским литераторам. У окна стоял широкий письменный стол, рядом с ним — низкий журнальный. Когда Алексей Максимович был особенно взволнован, он быстро шагал от одного стола к другому и в плоской каменной пепельнице разжигал костер из бумаги и спичечных коробков. В этой любви к огню отражался характер человека, который отдавал всего себя работе, людям. В скромном кабинете обсуждались дела КУБУ — комиссии по улучшению быта ученых, председателем которой он был. Сюда приходили переводчики, редакторы организованного Горьким издательства «Всемирная литература», подготавливавшего в холодной, голодной Москве к печати произведения Сервантеса, Свифта, Рабле. Приходили члены комиссии по охране художественных ценностей, созданной им при Наркомпросе, и секции исторических картин.

Но особенно хорошо был знаком этот дом начинающим литераторам — «литературным младенцам», как называл их Горький. Впоследствии о беседах с ним в этом кабинете вспоминал К. Федин, частым гостем был здесь начинающий иваново-вознесенский литератор Д. Семеновский.

На этой квартире в небольшой столовой 20 октября 1920 года в кругу литераторов В. И. Ленин слушал в исполнении И. Добровейна «Appassionata» Бетховена. Этот момент запечатлен художником Д. А. Налбандяном на живописном полотне «В. И. Ленин у Горького в 1920 г.». Взволнованный чудной музыкой, Ленин, прощаясь в передней с гостеприимным хозяином, говорил:

«— Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм,— должность адски трудная!»¹

Владимир Ильич, чуткий к людям, обратил внимание

---

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 17. С. 39—40.

на нездоровье перегруженного работой Горького. 9 августа 1921 года он послал Горькому записку:

«Алексей Максимович!

Переслал Ваше письмо Л. Б. Каменеву.

Я устал так, что ничегошеньки не могу.

А у Вас кровохарканье, и Вы не едете!! Это ей-же-ей и бессовестно и нерационально.

В Европе в хорошем санатории будете и лечиться и втрое больше дела делать.

Ей-ей.

А у нас ни лечения, ни дела — одна суетня. Зряшняя суетня. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас.

Ваш Ленин»¹.

Отсюда в 1921 году писатель уехал на лечение за границу.

В 1928 году он приехал в Москву. 31 мая в Большом театре состоялось торжественное заседание, на котором чувствовали Алексея Максимовича. Какой же он увидел столицу в эти дни? Его поразила одна черта в облике города — Москва помолодела. Он отмечал, что улицы стали чище, заполнились красивыми автомобилями. Горький писал: «Одноэтажная деревянная Москва не будет ремонтирована, а ее разрушат и построят так же, как разрушается хозяином Союза Советов — рабочим классом — все прошлое, отживающее».

Обратил на себя внимание, казалось бы, незначительный факт, но в нем Горький усмотрел контраст между чертами старой и новой Москвы: обилие громкоговорителей, в скверах звучала музыка — а вместе с тем раздавался звон колоколов. А. М. Горький писал об этом в письме к невестке — Надежде Алексеевне.

Чтоб более сосредоточенно рассматривать город и не обращать на себя внимания, 13 июня и 1 июля писатель ходил по Москве загримированным, а 13 июня 1928 года в «Известиях» был помещен отзыв Алексея Максимовича о столице: «В Москве — наибольшее скопление энергии. Москва — новый город, в котором живут и работают новые люди. Все здесь для меня стало неизнаваемым, все помолодело, помолодело изнутри. Нет прежней российской мягкотелости, раньше человека давили, и он попи-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 109.

скивал, но вы — уже не то. Вы говорите громко, хорошим баритоном. Вас слушает мир».

При участии Владимира Ильича Ленина был организован первый советский толстый журнал — «Красная новь» (Кривоколенный пер., 14). Этот литературно-художественный и научно-публицистический журнал издавался с 1921 года. Ответственным редактором до 1927 года был А. К. Воронский. В журнале печатались И. Бабель, Л. Леонов, Ю. Олеша, Л. Сейфуллина, Вс. Иванов, Ф. Гладков, А. Толстой, С. Есенин, В. Маяковский, Э. Багрицкий, В. Луговской, П. Антокольский, Н. Асеев. Первым редактором литературно-художественного отдела был А. М. Горький. Известно, что В. И. Ленин отмечал у писателя «громадный художественный талант». Отношение писателя к деятельности В. И. Ленина нашло отражение в речи Горького «О В. И. Ленине», произнесенной 23 апреля 1920 года в здании МК ВКП(б) (Пушкинская ул., 15а), в Красном зале, расположенном в правом крыле. А. М. Горький выступил на торжественном собрании, посвященном 50-летию В. И. Ленина, и сказал: «И на ваше счастье, на счастье всей страны существует этот человек... надо помочь ему в его великой, в его всемирной, в его планетарной работе».

А. М. Горький находился в гуще литературной жизни Москвы. О ее сложностях и противоречиях напоминают события, связанные с некоторыми домами.

Одним из примечательных литературных адресов советской Москвы является дом 25 на Тверском бульваре (о прошлом его уже рассказывалось в нашей главе) — это Дом Герцена. В 1920-е годы здесь располагалось объединение пролетарских литераторов. В этом же здании находилась Московская ассоциация пролетарских писателей — МАПП, возникшая в 1923 году, в которую входили писатели А. Афиногенов, В. Киришин, В. Ставский, А. Фадеев и другие. Позже, в 1925 году, на основе МАПП создавалась Российская ассоциация пролетарских писателей — РАПП, тоже располагавшаяся в этом же доме. Здесь находились редакция рапповского журнала «На литературном посту» и издательство «Федерация».

После принятия в 1925 году постановления ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» была сделана попытка объединить литературные организации в Федерацию объединений советских писателей — ФОСП, правление которой также

находилось здесь. Чуть позже в этом здании расположился ЛОКАФ (Литературное объединение Красной Армии и Флота). Он был создан в июле 1930 года по инициативе Вс. Вишневского, а прекратил существование в 1934 году, после образования СП СССР. Главная задача этого литературного объединения состояла в объединении писателей из военной среды. В инициативную группу входили: Н. Асеев, Д. Бедный, А. Безыменский, Вс. Вишневский, М. Горький, Ю. Либединский, В. Ставский, А. Сурков и другие. С 1 января 1931 года выходил ежемесячный литературно-художественный журнал «ЛОКАФ», с 1933 года переименованный в «Знамя», редакция которого длительное время находилась в правом флигеле здания. В полуподвальном этаже правой части дома располагался в 1920-х — начале 1930-х годов писательский клуб. Здесь бывали М. Булгаков, С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пастернак, И. Сельвинский, Д. Фурманов.

С 1 декабря 1933 года в этом старинном особняке проходят занятия студентов Литературного института имени А. М. Горького СП СССР. Он был создан в сентябре 1932 года в честь 40-летия литературной деятельности М. Горького. В Литературном институте преподавали: Ф. Гладков, Вс. Иванов, Л. Леонов, В. Лидин, Вл. Луговской, К. Паустовский, Б. Ромашов, А. Сурков, А. Фадеев, К. Федин. В институте учились: В. Ажаев, М. Алигер, Ю. Бондарев, К. Ваншенкин, Е. Винокуров, П. Воронько, Р. Гамзатов, Е. Долматовский, Е. Евтушенко, Н. Ильина, П. Коган, М. Кульчицкий, М. Луконин, С. Михалков, В. Розов, К. Симонов, Б. Слуцкий, В. Солоухин, А. Яшин.

На левом флигеле дома 25 по Тверскому бульвару установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что здесь жил *Андрей Платонович Платонов* (1899—1951) — автор произведений трагического звучания «Чевенгур», «Котлован», «Впрок (Бедняцкая хроника)». Ему принадлежат слова: «Мы — рыцари жизни, мы дети грязной, безумной земли. Но мы хотим и мы сможем довести ее от низа до неба...»

В апреле 1932 года ЦК ВКП (б) принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» — создании единого Союза советских писателей. Работа по организации единого литературного сообщества была начата раньше А. М. Горьким, вернувшимся в Москву из Италии в 1931 году. С этими событиями связан дом 6/2 по улице Качалова (М. Никитская), где сей-

час находится мемориальный музей-квартира писателя.

Дом 6/2 по улице Качалова и прежде хорошо был знаком советским писателям: в 1920-е годы здесь помещался Госиздат.

Здание является памятником архитектуры. Сооружено в стиле модерн по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля, интерьеры отделаны в 1904—1906 годах при участии архитектора И. А. Фомина. Светлые стены отделаны керамической плиткой, их венчает декоративный майоликовый пояс с причудливыми изображениями орхидей. Широкие окна с замысловатыми переплетами, пропускающие много света, являются украшением дома. За ними угадываются просторные, светлые помещения с такими же, как и фасад, замысловатыми, но функционально обоснованными украшениями.

В доме хранится библиотека писателя. Из всего многочисленного собрания мы остановим внимание только на книгах, которые свидетельствуют об его интересе к истории, облику и быту Москвы: Е. Баранов «Московские легенды», И. Белоусов «Ушедшая Москва. Записки по личным воспоминаниям с начала 1870 года», В. Гиляровский «Москва и москвичи», М. Ильинский «Опыт исторического описания о начале города Москвы, как и по каким причинам она основывалась, как и когда престол великокняжеский туда перенесли; и отчего сей город получил тогда свое возвышение», А. Мартынов «Названия Московских улиц и переулков с историческими объяснениями», М. Пыляев «Старая Москва» — с пометками Горького на полях, «Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою».

На здании установлены две памятные доски. Одна из красного гранита с бронзовым барельефным портретом писателя напоминает: «А. М. Горький жил здесь в 1931—1936 годы». У писателя бывали Р. Роллан, Б. Шоу, А. Толстой, П. Корин, В. Мухина, Л. Орбели, Н. Бурденко. Эта квартира являлась местом деловых организационных встреч. Во дворе соседнего дома — улица А. Толстого, 4 (Спиридоновка) — помещались редакции журналов «Наши достижения», «СССР на стройке», «За рубежом», редактируемых Горьким. На квартире Алексея Максимовича проходили редакционные собрания редакций и других журналов и изданий, руководимых писателем, — «Колхозницы», «Истории фабрик и заводов», «Истории гражданской войны» и др.

26 октября 1932 года здесь состоялось совещание, одним из главных вопросов которого был вопрос о путях развития советской литературы и сущности ее нового творческого метода — социалистического реализма. На квартире А. М. Горького собралось около пятидесяти человек. В числе других были А. Афиногенов, Э. Багрицкий, Ю. Герман, Ф. Гладков, Л. Леонов, Вл. Луговской, Ф. Панферов, Л. Сейфуллина, А. Фадеев, М. Шолохов, К. Зелинский, В. Ильенков, В. Катаев, М. Кольцов, Ю. Либединский, А. Малышкин, С. Маршак, Л. Никуллин, П. Павленко, А. Сурков. Члены Политбюро приехали в 9 часов вечера. Беседа длилась до рассвета.

В этом доме проходил первый расширенный пленум оргкомитета по созданию Союза советских писателей, а 9 марта 1934 года здесь же состоялось заседание оргкомитета, на котором определилась повестка дня съезда, обсуждался устав Союза писателей.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей начал свою работу в 17 часов 17 августа 1934 года в Колонном зале Дома союзов (Пушкинская ул., 1). А. М. Горький открыл его словами: «С гордостью и радостью открываю первый в истории мира съезд литераторов Союза Советских Социалистических Республик». Писатель был избран председателем съезда. Интерес к съезду был таким, что на здании установили репродукторы, чтобы собравшиеся на улице слышали, что происходит в Колонном зале. А. М. Горький выступал несколько раз. На съезде присутствовали многочисленные зарубежные гости, крупнейшие прогрессивные писатели мира Мартин Андерсен-Нексе, Луи Арагон, Иоганнес Бехер, Эми Сяо, Жан Ришар Блок и другие.

И участники съезда, и его гости не знали, что пройдет немного времени, и 61 делегат с решающим голосом и 21 — с совещательным будут репрессированы. Среди них такие широко известные, талантливые, яркие литераторы, как А. Я. Аросев (1890—1938), И. Э. Бабель (1894—1941), Артем Веселый (Н. И. Кочуров, 1899—1939), Б. П. Корнилов (1907—1938), П. Д. Маркиш (1895—1952), Б. А. Пильняк (Boqay, 1894—1937), Б. А. Ручьев, репрессированный в 1937 году, реабилитированный в 1957 году, Т. Ю. Табидзе (1895—1937), Е. А. Чаренц (Согомонян, 1897—1937), Б. Ясенский (1901—1941).

Москва чтит память А. М. Горького. Его прах захоронен на Красной площади. В городе установлены ему

памятники: на площади Белорусского вокзала, на улице Воровского, в ЦПКиО имени Горького. Его имя носит часть главной улицы, площадь в районе старой Хитровки, набережная; в Москве работает Институт мировой литературы имени А. М. Горького и при нем Литературный музей А. М. Горького, имя писателя, как мы уже говорили, носит Литературный институт.

Владимир Владимирович Маяковский (1893—1930) хорошо знал и любил Москву, в шутку называл себя «вдумчивым пешеходом». Свыше двухсот упоминаний о Москве содержится в его стихах и поэмах. Например, в этом описании мы можем угадать черты московской жизни в 1920-е годы:

Пыль
взбили
шинной губатой,—
в мосм
автомобиле
мои
депутаты.
В красное здание
на заседание.

Первый адрес поэта в Москве — Спиридоньевский переулок, дом 12/9. Переулок выходит на улицу Малая Бронная. В «Автобиографии» поэт отмечает: «Москва... Сняли квартиру на Бронной». Квартирка состояла из трех комнатшек и находилась в трехэтажном доме, выстроенном в узком дворе-колодце. Здесь в 1906 году началась московская жизнь поэта.

Москва белокаменная,
Москва камнекрасная
всегда
была мне
мила и прекрасна —

так напишет впоследствии о любимом городе В. Маяковский.

В 1911—1914 годах он занимался в Училище живописи, ваяния и зодчества, а после Октябрьской революции выступал в этом здании перед студентами Вхутемаса (ул. Кирова, 21).

С именем Маяковского связана деятельность художественно-поэтической мастерской РОСТА — Российского телеграфного агентства, где труд художников и поэтов был коллективным. Вдохновенно и быстро делали плакаты, которыми откликались на злободневные события.

Плакаты РОСТА расклеивали в витринах магазинов и на стенах зданий, преимущественно в центре города. Мастерская располагалась в шестиэтажном доме 16 по Малой Лубянке на четвертом этаже (по ул. Мархлевского числится под № 11). Он возвышается между Малой Лубянской, улицей Мархлевского и Сретенским переулком, приметный и сейчас, а в ту пору царивший над малоэтажной застройкой. Вместе с художниками М. М. Черемных и И. А. Малютиным Маяковский работал здесь с октября 1919 года по февраль 1922 года. Об этом времени поэт писал: «Вспоминаю — отдыхов не было, работали в огромной нетопленной, сводящей морозом (впоследствии — выедающей глаза дымом буржуйки) мастерской РОСТА».

В агитационных стихах, помещенных на плакатах, поэт следовал традициям частушки и райка. Всего было выпущено 1600 плакатов. Маяковский создал из них свыше 500, а написал тексты к 800. Тексты вошли в Полное собрание сочинений поэта, многие из стихов стали крылатыми.

Далеко не все уже помнят, что другое примечательное здание — цирк на Цветном бульваре — было местом, где поставили пьесу В. В. Маяковского «Мистерия-буфф». Поэт отмечал: «1918 год — РСФСР не до искусства. А мне именно до него. 15 октября 1918 года. Окончил «Мистерию-буфф». Читал. Говорят много». Именно эту пьесу, которую так высоко оценил нарком просвещения Луначарский («Единственной пьесой, которая задумана под влиянием нашей революции, поэтому носит на себе ее печать, задорную, дерзкую, мажорную, вызывающую, является «Мистерия-буфф»), решили поставить перед делегатами III конгресса Коминтерна в июне 1921 года.

Для грандиозной постановки, которая была задумана, понадобилось просторное помещение. С этой целью и избрали арену Московского цирка. В центре арены расположили макет земного шара, опоясанный канатами широт и долгот. Спектакль шел на немецком языке, который был рабочим языком Коминтерна. Переводчица пьесы, студентка медицинского факультета Рита Райт, вспоминает: «Спектакль шел в море разноцветных огней, заливавших арену то синей морской волной, то алым адским пламенем. Финальное действие развернулось в победный марш нечистых и парад всех участников спектакля под гром «Интернационала», подхваченного всей мно-

гоязыкой аудиторией. ...Маяковского долго вызывали. Наконец, он вышел на середину арены с какой-то совершенно несвойственной ему неловкостью, сдернул кепку и поклонился представителям всего земного шара, о судьбе которого он только что рассказал».

Имя Маяковского неразрывно связано с поэтической трибуной города — Политехническим музеем. Здание Политехнического музея (Новая пл., 3) строилось в течение тридцати лет. Оно состоит из трех сооружений, которые были поочередно построены по проектам разных архитекторов. Музей был открыт в 1872 году с целью пропаганды естественнонаучных знаний по инициативе Д. И. Менделеева и И. М. Сеченова. Но помимо лекций на естественнонаучные темы в Большой аудитории Политехнического музея проходили выступления политических деятелей, литературные диспуты и вечера. В первый день работы в Москве Советского правительства после его переезда из Петрограда здесь выступал В. И. Ленин.

Литературные традиции Большой аудитории Политехнического музея зародились еще до революции. Накануне Октября — 24 сентября 1917 года — В. В. Маяковский сделал здесь доклад «Большевики искусства» и прочитал стихи «Война и мир» и «Революция».

Целая эпоха в жизни Политехнического связана с выступлениями Маяковского. Они, как правило, состояли из двух отделений. В первом поэт читал стихи, во втором — отвечал на вопросы. 19 января и 17 февраля 1922 года поэт выступал на вечерах на тему «Чистка современной поэзии». Задача сводилась к тому, чтобы путем коллективного труда всех участников и выступающих в дискуссии проанализировать положение в поэзии. На каждом вечере присутствовало около пятидесяти поэтов, в том числе Н. Асеев, А. Ахматова, А. Гастев, М. Герасимов, С. Есенин, А. Кусиков, А. Мариенгоф, представители «Кузницы», имажинистов, «ничевоков» и т. д.

20 декабря 1922 года поэт выступал здесь с докладом «Что делает Берлин?». Он рассказал о впечатлениях от поездки в Берлин и Париж в октябре — декабре 1922 года, дав жесткую характеристику поведению писателей-белоземigrants. 27 декабря 1922 года выступил с докладом «Что делает Париж?», основные положения которого потом вошли в очерки Маяковского о Париже. 30 сентября 1926 года состоялся диспут «О хулиганстве», на котором хулиганство было квалифицировано как со-

циальное явление. Вывод из диспута был таков: «Хулиганство не такое страшное бедствие, как его обыватели представляют. Хулиганство мы одолеем, но от слов необходимо перейти к делу». Доклад, с которым он неоднократно потом выступал в течение 1927—1928 годов, «Даешь изящную жизнь!», Маяковский сделал здесь 14 января 1927 года. Доклад был направлен против идеологии мещанства и завершился словами: «Пролетариат сам найдет то, что для него изящно и красиво».

20 декабря 1927 года в Большой аудитории Маяковский выступал на «Вечере журналистов», а 8 октября 1929 года — на вечере «Открывается Реф». Очень интересны были диспуты: один — 8 января 1930 года — «Нужна ли нам сатира?», на котором поэт утверждал, что сатира может существовать и при диктатуре пролетариата, и предлагал привлекать в ряды сатириков рабочих-движенцев; другой — 25 февраля 1930 года — «Пути советской литературы». 19 марта 1930 года поэт последний раз принял участие в диспуте по поводу постановки пьесы А. Безыменского «Выстрел». Он высказал мнение по вопросу о художественном методе пролетарского писателя. Одобрив пьесу, Маяковский говорил: «Мы располагаем очень небольшим фондом пьес, подобных «Выстрелу», фондом, противопоставленным морю пошлости на театре».

В Политехническом выступали и другие поэты. 30 ноября 1920 года В. Я. Брюсов сделал доклад «Поэзия и революция», основная идея которого сводилась к тому, что «революция определяет расцвет литературы... Великой революции должна соответствовать великая литература».

Здесь неоднократно выступал С. А. Есенин. В частности, 17 февраля 1921 года он читал в Политехническом музее стихи на вечере разных поэтических школ, о чем в «Известиях» было дано объявление: «В Политехническом музее. Сегодня ассоциация вольнодумцев устраивает поэтический бой имажинистов — Есенина, Мариенгофа и Шершеневича против всех литературных школ, течений и направлений. Вызываются: символист Брюсов, футуристы, пролетарские поэты и акмеисты (если таковые еще имеются). Начало в 9 ч. веч.».

Здесь 9 мая 1920 года состоялся литературный вечер Александра Блока. По воспоминаниям С. Алянского, зал встретил его бурными аплодисментами: «Не было ника-

ких внешних или внутренних приемов чтения. И было совсем непонятно, какими тайнами владел поэт, чтобы так приковать внимание людей». Поэт читал свои старые стихи, в частности «Девушка пела в церковном хоре». Успех был потрясающим. Известны и последующие выступления Блока здесь: в мае 1920-го и в мае 1921 года.

В наши дни хорошо известна работа лекционного бюро Всесоюзного общества «Знание»; не раз Большая аудитория Политехнического музея становилась местом выступлений московских литераторов.

В 1960-е годы в стенах, которые еще помнят горячие диспуты 1920-х годов с участием В. Маяковского, возродилась традиция поэтических вечеров. Здесь звучали уже новые голоса и поднимались другие проблемы, однако основной в выступлениях продолжала оставаться проблема гражданственности. Она остро звучала в стихах часто выступавших здесь в 1960-е годы Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского. А. Вознесенский так характеризует эти вечера:

«С осени 1962 года поэзия заполнила стадионы. Политехнический был нашей альма-матер. Это пряничное здание, построенное архитектором Монигетти в ознаменование годовщины научно-технической революции, совершенной Петром I, стало предтечей сегодняшней исповедальности.

Когда-то здесь соперничали Маяковский, Мандельштам и Есенин, полыхал на своих вечерах 56-летний Пастернак. Во время духовного взрыва 60-х годов Политехнический вторично родился. Сотни тысяч безвинно репрессированных вернулись тогда из сталинских лагерей в свои семьи — матери, отцы, деды. Взволнованные надежды, творческий подъем 60-х дали дыхание поэтам новой волны — Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Б. Окуджаве, Р. Рождественскому. С ними читали поэты иных поколений — М. Светлов, Б. Слуцкий и Г. Поженян... Читалось открыто — и исповедальная лирика, и вещи сложной формы, и дневниковые стихи о преступлениях времен культа, о надеждах, о чудилище бюрократизма. С нами аукались из своих аудиторий И. Драч, В. Коротич, братья Чиладзе, Г. Бородулин».

22 января 1924 года Маяковский присутствовал на заседании XI Всероссийского съезда Советов в Большом театре, на котором М. И. Калинин объявил о смерти В. И. Ленина,

Здесь 21 января 1930 года на траурном вечере памяти В. И. Ленина Маяковский выступил с чтением последней части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

В зале Большого театра происходили события, описанные в третьей части поэмы:

Кресло за креслом
   ряд в ряд
 эта сталь,
   железо это
 вваливалось
   двадцать первого января
 в пятиэтажное здание
   Съезда Советов.

21 октября 1924 года В. В. Маяковский выступил в Красном зале МК ВКП (б) (Пушкинская ул., 15а) с чтением поэмы «Владимир Ильич Ленин», а через три года — 18 октября 1927 года — здесь же прочел перед парти- активом поэму «Хорошо!».

Здесь, на Пушкинской улице, в доме 15а, в 1922 году возникло одно из первых советских издательств — «Московский рабочий». Оно было основано как партийно-кооперативное издательство. В числе пайщиков были МК партии, Моссовет и партийная организация Москвы, с апреля 1922 года пайщиком состоял В. И. Ленин. И по сей день особое место среди литературы, выпускаемой издательством, занимают книги, рассказывающие о связи В. И. Ленина с Москвой. Книги этого издательства посвящены истории, жизни и деятельности Московской партийной организации, вопросам культуры и истории города и Подмосковья.

...Приметы новой жизни ассоциировались в представлении Маяковского с образом новой, советской Москвы. Однако в начале 1920-х годов облик города менялся медленно. Современник Маяковского — В. Шкловский в воспоминаниях «О Маяковском» писал:

«Москва тогда была совсем другая, и гремела она булыжными мостовыми...

Москва тогда была вся серая и черная. Летом никто не передевался в белое. Улицы давились церквами и домами, внезапно выбегающими за линию тротуара».

Маяковский жил в 1919—1930-х годах в бывшем Лубяном проезде, это дом 3/6 по современному проезду Серова, где сейчас располагается Государственный му-

зей В. В. Маяковского, экспозиция которого содержательна, ярка и неповторимо оригинальна.

Живу
в домах Стахеева я,
теперь
Везээнха.

В доме в Лубянской проезде находилась «комнатенка-лодочка» — рабочий кабинет поэта, в котором были созданы поэмы «Хорошо!», «Про это» и другие произведения, а напротив, в доме 1 в Малом Черкасском переулке, располагалась редакция газеты «Комсомольская правда», в которой он сотрудничал.

Из Лубянского проезда поэт отправлялся в редакцию на Страстную (Пушкинская) площадь:

Люблю Кузнецкий
(простите грешного!),
потом Петровку,
потом Столешников;
по ним
в году
раз сто или двести я
хожу из «Известий»
и в «Известия».

Участвуя в жизни города, он становился свидетелем того,

как новое в людях роится,
вторая Москва
вскипает и строится.

Произведения Маяковского — это как бы пароль, с которым мы входим в трудный и радостный мир Москвы 1920-х годов. Это мир напряженного труда, создания новых нравственных ценностей, поэтических поисков, вдохновенного творчества.

С упомянутой нами Страстной площадью связаны жизнь и творчество замечательного поэта *Сергея Александровича Есенина* (1895—1925). На Страстной площади юноша, приехавший в 1911 году в Москву, устроился продавцом в книжный магазин, но вскоре лишился работы, так как магазин ликвидировали. Через несколько лет уже известный поэт Сергей Есенин станет пайщиком правления книжных лавок имажинистов и в одной из них иногда будет появляться за прилавком в целях пропаганды издаваемой ими литературы. Одна из этих лавок на-

ходила на Большой Никитской (ул. Герцена, 15). Это — отделанное «под гранит» штукатуркой одноэтажное здание с большими квадратными окнами и двумя масками фавнов по карнизу. Другая лавка располагалась в здании постройки XIX века в Камергерском переулке (пр. Художественного театра, 4).

В начале 1918 года Есенин жил в гостинице «Люкс» (Тверская ул., 36, — ныне ул. Горького, 10), затем снимал квартиру в доме 5 по Богословскому переулку (ул. Москвина, мемориальная доска) в 1920—1921 годах в период работы над поэмой «Пугачев» и в 1923 году. В 1924 году недолго жил в квартире в Брюсовском переулке (ул. Неждановой, 2/14). Облик Москвы того времени отражен в стихотворении:

Улицы печальные:
Сугробы да мороз,
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.

Тех площадей — на Никитской,
А этих — на Тверской,
Стоят с тоскливым свистом
Они там день-деньской.

Зимой 1924 года, узнав о смерти Ленина, Есенин, по воспоминаниям современников, получил пропуск корреспондента в Дом союзов и находился у гроба вождя. Легли на бумагу строки стихотворения «Ленин»:

Его уж нет, кто шел со славой
За счастье угнетенных масс...

В 1924 году в связи с празднованием 125-летия со дня рождения Пушкина Есенин читал на митинге у памятника великому поэту:

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Стремительная, полная противоречий жизнь поэта была тесно связана с Москвой. Находящийся неподалеку от памятника Пушкину Дом Герцена (Тверской бульв., 25) был местом, где Есенин часто бывал и читал в 1924 году друзьям отрывки из поэмы «Анна Снегина».

6 декабря 1920 года в пору напряженных дискуссий и дебатов по литературным вопросам москвичи могли увидеть на улицах города афишу такого содержания:

«Н. К. П. Дворец искусств. Большой зал консерватории (Большая Никитская). В понедельник 6-го декабря Россия в грозе и буре. Вступительное слово: А. В. Луначарский. Выступят: Адалис, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Ада Владимирова, Сергей Есенин, Рюрик Ивнев, Михаил Козырев, Иван Рүкавишников, Борис Пастернак, Иван Новиков, Д. Туманный, И. Эренбург. Артисты: А. Коонен, Церетели прочтут произведения А. Блока, Вяч. Иванова, Н. Клюева и др. Начало в 8 часов вечера. Билеты продаются во Дворце искусств». Этот вечер был ознаменован чтением С. Есениным поэмы «Пугачев» (о доме 52 на ул. Воровского будет рассказано в следующей главе).

В центре города также немало памятных мест, связанных с творческой деятельностью *Александра Александровича Блока* (1880—1921). Предреволюционная пора — время напряженных поисков для многих писателей. Для Александра Блока она характеризуется обращением к теме Родины, которая глубоко пронизывает и гражданскую и любовную лирику. В предисловии к сборнику «Земля в снегу» поэт отмечал: «Они в избах моей Родины — яркие очи моей спутницы...»

В письме К. С. Станиславскому поэт так определил место стихов о России в своем творчестве: «Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни... Ведь здесь — жизнь или смерть, счастье или гибель». Со Станиславским Блока связывала творческая работа по постановке на сцене Художественного театра блоковской пьесы «Роза и крест».

Двухэтажный дом 4 в Каретном ряду, с мезонином, шестью комнатами и залом, где шли репетиции, был хорошо знаком поэту. Здесь жил великий режиссер, человек, которого Блок высоко ценил и о котором с благодарностью вспоминал «среди итальянских галерей и музеев». Обращаясь к Станиславскому, он писал: «Вижу в Вас художника, которому мало только красоты и только пользы... И по всему этому верю в Ваш реализм». К сожалению, постановка этой пьесы не была осуществлена, но двести ее репетиций на сцене Московского Художественного театра значили больше, чем иные спектакли, вошедшие в репертуар.

Бывал Блок и у Валерия Яковлевича Брюсова в доме 22 на Цветном бульваре.

Александр Блок был петербуржцем, но он любил и чувствовал Москву. Было понимание Москвы и у Анны Ахматовой. Это ей принадлежат строки:

Все в Москве пропитано стихами,
Рифмами проколото насквозь.

За ландышевый май
В моей Москве стоголовой
Отдам я звездных стай
Сияние и славу.

Петербургжанка *Анна Андреевна Ахматова* (1889—1966) появляется в Москве в 1918 году. К тому времени она уже автор поэтических сборников «Вечер» (который переиздавался 13 раз), «Четки» (которые переиздавались к 1923 г. восемь раз) и «Белая стая».

Шел первый год революции. Отношение Ахматовой к революции было не простым, понять его помогают ее стихи:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

В Москве жили многие друзья Анны Андреевны, среди них особое место занимал поэт *Осип Эмилевич Мандельштам* (1891—1938). О Мандельштаме Ахматова сказала: «Это первый поэт XX века».

Он обитал в левом флигеле дома Герцена на Тверском бульваре, дома 25, уже упоминавшегося в этой книге. Здесь в 1920—1930-е годы находилось писательское общежитие. Анна Ахматова бывала здесь в 1932—1933 годах в семье Мандельштамов. Широко известны стихотворения, посвященные ей Мандельштамом в 1917 году — «Я не искал в цветущие мгновенья» («Кассандре»), «Твое чудесное произношенье», «Что поют часы-кузнечики».

В «Листках из дневника» Ахматова вспоминала:

«Снова и совершенно мельком я видела Мандельштама в Москве осенью 1918 года. В 1920 году он раз или два приходил ко мне на Сергиевскую (в Петербурге), когда я работала в библиотеке Агрономического института и там жила. Тогда я узнала, что в Крыму он был арестован белыми; в Тифлисе меньшевиками». Ахматова говорила о том, что «в то время, как (в 1933 г.) О. Э. встречали в Ленинграде как великого поэта... и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет и вспоминают еще и сейчас (1962), — в Москве его никто не хотел знать, и, кроме двух-трех молодых и неизвестных ученых-естественников, О. Э. ни с кем не дружил».

Наконец, в 1933 году Мандельштам получил квартиру в Нащокинском переулке (ныне ул. Фурманова), дом 3/5 (не сохранился, теперь известен в краеведческой литературе под № 3). Но жизнь его там не была счастливой: он был арестован, в ночь с 13 на 14 мая 1934 года, отпущен, затем снова арестован. В тех же воспоминаниях Ахматова писала: «...тьнь неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 г.), о чем говорили, не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: «Я к смерти готов». Вот уже двадцать восемь лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места». Мандельштама, ни в чем не повинного человека, выслали на Колыму, и он на пути туда умер 27 декабря 1938 года в районе Владивостока. Анна Ахматова всю жизнь дружила с его вдовой Надеждой Яковлевной (1899—1980).

Друзья Ахматовой вспоминали, что в годы сталинских репрессий она боялась давать друзьям свои автографы, так как не хотела подводить людей, ибо знала, что за ней следят, что в ее квартире подключен для подслушивания микрофон. Она была лишена возможности печататься. Конец 1930-х годов был самым тяжелым временем ее жизни. Отражением этих страданий явился ее «Реквием».

Трагические испытания Великой Отечественной войны, выпавшие на долю народа, обрушились и на Ахматову. В драматически напряженном феврале 1942 года она написала стихотворение «Мужество», в котором воплотился дух народа:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне,
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет,

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Алексей Сурков свидетельствовал, что «в суровые зимние дни 1942 года, рассказывая в Колонном зале Дома союзов о советской военной лирике, читал я, под аккомпанемент сирен воздушной тревоги, это стихотворение». 1945-й победный год был счастливым годом для поэтессы. Как пишет ее биограф В. Я. Виленкин в книге «В сто первом зеркале»: «Эта первая послевоенная весна стала весной Ахматовских триумфов в Москве. Один за другим с огромным успехом проходили вечера встреч группы приехавших из Ленинграда поэтов с московскими поэтами. В конце первого отделения обычно выступала Ахматова, в начале второго — Пастернак». Первый вечер состоялся в Колонном зале Дома союзов.

Н. Роскина, близко знавшая Ахматову, вспоминает «Для самой Ахматовой в ее уединении и одиночестве был неожиданным тот взрыв любви и восхищения, которым ее одарили москвичи на знаменитом вечере в Колонном зале в 1946 году, когда она читала стихи вместе с Пастернаком. ...Ахматова была в черном платье, на плечах — белая с кистями шаль. Держалась она на эстраде великолепно, однако заметна была скованность и какая-то тревога».

Тревога была обоснованной. Одной из самых больших бед в жизни Ахматовой были последствия от принятого 14 августа 1946 года постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором были, в частности, и такие строки: «Абсолютно правильно указание ЦК на то, что правление ССП и его председатель тов. Н. Тихонов не приняли никаких мер для улучшения работы журналов «Звезда» и «Ленинград» и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу...»

В глухие для нее годы, следовавшие после этой жесткой критики творчества, в период нападков на нее и в пору откровенного замалчивания ее имени Ахматова находила для себя поддержку и опору в добром отношении к ней московских друзей. Встречи с ними для нее были особенно отрадны.

Тесно связано было с Москвой имя ее великой современницы *Марины Ивановны Цветаевой* (1892—1941). Она родилась 26 сентября 1892 года в Москве в Трехпрудном переулке, 8 (не сохранился).

Там прошли ее детство и юность. Переулок этот, дугообразный, извилистый, проходит параллельно улице Горького и находится неподалеку от Патриарших (ныне Пионерские) прудов. Дом Цветаевых в Трехпрудном переулке остался только в воспоминаниях и стихах:

Чудный дом, наш дивный дом в Трехпрудном,
Превратившийся теперь в стихи.

Это был коричневый одноэтажный особняк, жизнь в котором отличалась уютом, налаженным бытом, атмосферой дружеских, добрых отношений.

Отец Марины Иван Владимирович Цветаев (1847—1913) был известнейшим ученым в области античной истории, эпиграфики и искусства, член-корреспондентом Петербургской Академии наук. Он явился создателем Музея Александра III, который ныне известен как Музей изобразительных искусств.

Марина Ивановна жила и училась в Москве и сменила здесь несколько гимназий: за пять лет — три. И в этом нет ничего удивительного: ей было десять лет, когда мать Мария Александровна заболела чахоткой и в поисках мягкого климата семья уехала за границу, где девочки учились (в 1902—1905) в пансионатах Италии, Швейцарии, Германии. Это пребывание в чужих пансионатах Марина «с трудом претерпевала». Летом 1910 года Цветаева с отцом и сестрой Анастасией уехала в Германию. Менялись гимназии и в Москве. В частности, она училась в гимназии М. Г. Брюхоненко в Б. Кисельном переулке, 4 (ныне ул. Семашко). В воспоминаниях Т. Н. Астаповой есть такие строки: «Это была ученица совсем особого склада. Не шла к ней ни гимназическая форма, ни тесная школьная парта... Среди нас она была как экзотическая птица, случайно залетевшая в стайку пернатых северного леса... Она как-то внезапно, вдруг, появится перед вами, скажет несколько слов и снова исчезнет».

Ее позднейшая жизнь в Москве связана в основном с районом, прилегающим к Арбату...

Столь же московским, как Цветаева, по духу, понимание древней столицы и подмосковной природы был *Борис Леонидович Пастернак* (1890—1960):

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, что будет цвeсть столетья.

Мелькают московские названия и в письмах Пастернака к Цветаевой за границу: «X. 1935... Теперь я прочел твою прозу. Вся очень твоя, всегда смотришь в корень и даешь полные, запоминающиеся определения, все безошибочно, но всего замечательнее «Искусство при свете совести» и «У старого Пимена», отчасти и о Волошине». В романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» изображена Москва, она присутствует и в других прозаических произведениях писателя, например в «Охранной грамоте», и в его стихах — «Воробьевы горы», «Нескучный сад» и в других. В Москве и подмосковном Переделкине в основном и прошла вся жизнь писателя.

Поэт родился 29 января 1890 года в скромном трехэтажном угловом доме неподалеку от нынешней площади Маяковского. Дом виден со стороны улицы Горького. По 2-й Тверской-Ямской улице его номер 2/3 (соответственно по Оружейному переулку, 3/2). Отец писателя Леонид Осипович Пастернак (1862—1945) был замечательным художником, академиком живописи, автором прекрасных иллюстраций к «Воскресению» Л. Н. Толстого, с которым он был лично знаком. Борис Леонидович запомнил на всю жизнь музыкальный вечер в семье, на котором присутствовали Лев Толстой и известнейший художник Н. Н. Ге. Уехав из России в 1922 году, отец Пастернака жил в Германии, а затем в Англии. Мать поэта — известная в свое время пианистка Розалия Исидоровна Кауфман-Пастернак — сыграла большую роль в музыкальном образовании сына. Высокоинтеллектуальная, художественно утонченная среда окружала мальчика с младенчества, и то, что другим давалось путем напряженных занятий, Борису Леонидовичу было преподнесено самой судьбой как дар.

Гимназические годы будущего поэта связаны с Мясницкой (ныне ул. Кирова) и Поварской (ныне ул. Воровского). На Поварской находилась знаменитая Пятая гимназия, в которой он учился. Здание не сохранилось. А на Мясницкой (ул. Кирова, 21) Борис Леонидович жил в юные годы в казенной квартире, которую занимала семья, так как Леонид Осипович был преподавателем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Это худо-

жественное учебное заведение было основано в 1832 году. Среди его преподавателей такие известные художники, как А. Е. Архипов, В. Н. Бакшеев, К. А. Коровин, И. И. Левитан, В. Г. Перов, А. К. Саврасов, В. А. Серов. Рисунки отца сопровождали Пастернака на протяжении всей жизни. Интересно издание прозы разных лет Б. Л. Пастернака «Воздушные пути» (М.: Советский писатель, 1982), проиллюстрированное репродукциями рисунков Л. О. Пастернака.

В одной из статей, посвященных Борису Леонидовичу, Николай Банников (*Пастернак Б. Стихи. М., 1966*) так описывал юные годы, прошедшие здесь, на Мясницкой: «Вековые липы у флигеля во дворе Училища живописи на Мясницкой, напротив Почтамта, где жила семья Пастернака, гимназия, радостные выезды на дачу, традиционные рождественские и пасхальные торжества, поездки в Петербург и за границу, разговоры о войне с Японией, народные уличные манифестации, похороны Баумана, бои на Пресне, злые казацьи лошади и нагайки в бурный 1905 год, снова и снова художественные выставки и толпы вокруг них, концерты в консерватории, уроки музыки...»

Семья Пастернака переезжает в дом 14 на улице Волхонке, и Борис Леонидович живет здесь до окончания университета. Дом обращен фасадом не к улице Волхонке, а в сторону нынешнего Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Усадьба принадлежала князьям Голицыным. В главном доме (сохранившемся до наших дней) с 1865 по 1886 год располагались музей и библиотека. Боковое же здание, в котором жили Пастернаки, было обращено к храму Христа Спасителя, находившемуся на месте нынешнего бассейна «Москва», и не сохранилось до нашего времени. Неподалеку от дома — Москва-река, Кремль. Это одно из живописнейших мест в центре Москвы упоминается впоследствии Пастернаком в романе «Доктор Живаго».

Итак, Борис Пастернак изучает философию в Московском университете (просп. Маркса, 18—20). Пастернак слушает лекции, в частности у Г. Г. Шпета, который первым обратился к истории и к философии языка, придавая огромное значение истолкованию исторических документов. В альманахе «Лирика» в 1913 году появляются первые стихи Пастернака. Литературное творчество и философское осмысление проблем всегда будут в его

жизни идти рука об руку. Пример тому один из разделов сборника «Сестра моя — жизнь. Лето 1917 года» — «Занятие философией». В этот раздел входят стихи, носящие явную философскую направленность: «Определение поэзии», «Определение души», «Болезни земли», «Определение творчества» и др.

Окончив университет, Борис Леонидович снимает комнату в скромном доходном доме 1 в переулке со старомосковским названием Лебяжий, вызывающим поэтические ассоциации. Действительно, здесь близко вода, окна выходили на набережную Москвы-реки, в ту пору Большой Каменный мост был ниже и из окна был виден Кремль. В «Охранной грамоте» Пастернак писал: «Я снимал комнату с окном на Кремль — из-за реки мог во всякое время явиться Николай Асеев».

В предреволюционные годы поэт входит в футуристскую группу «Центрифуга», в которой находились Н. Асеев, С. Бобров и другие. В творчестве раннего Пастернака обнаруживалось влияние футуризма, но не в меньшей мере и влияние русской реалистически-философской лирики — М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, а также немецкого поэта Райнера Мариа Рильке, которому посвящена «Охранная грамота». В ней есть такие строки: «...я однажды понял, что их (стихов.— *Авт.*) автор, Райнер Мария Рильке, должен быть тем самым немцем, которого давно когда-то, летом мы оставили в пути на вертящемся обрыве забытого лесного полустанка».

Большой доходный дом 9 на Тверском бульваре, построенный в 1910 году, помнит молодого Пастернака. Здесь он бывал у сестер Синявских. В этом доме в 1915 году Борис Леонидович встречал рождество. В 1914—1916 годах им был создан стихотворный сборник «Поверх барьеров», в котором повторяется мятежный образ стихии (стихотворения «Двор», «Дурной сон», «Метель», «Ледоход», «Весна», «Июльская гроза»). Ощущение грозы и надвигающейся стихии ассоциировалось в его представлении с происходящими огромными общественными катаклизмами.

Пастернак был захвачен настроением революции 1917 года, когда «вместе с людьми митинговали и ораторствовали дороги, деревья, звезды». В первый год революции им было написано стихотворение «Кремль в буран конца 1918 года», в котором создан образ революционного Московского Кремля, воспринимающийся как сим-

вол новой жизни, как корабль, идущий в бурное плавание. Известны поэмы Пастернака на революционную тему «Девятьсот пятый год» (1925—1926), «Лейтенант Шмидт» (1926—1927). В № 4 за 1927 год журнала «На литературном посту» Пастернак писал: «Я считаю, что эпос внушен временем, и поэтому в книге «Девятьсот пятый год» я перехожу от лирического мышления к эпике, хотя это очень трудно».

Центральная часть города тесно связана с именем *Валерия Яковлевича Брюсова* (1873—1924). Дом 14 на тихой и уютной улице Мархлевского — место его рождения. Двухэтажный особняк желтого цвета, построенный в стиле классицизма в начале XIX века, стоит в глубине двора за нарядной чугунной оградой. Столетний дуб напоминает о том времени, когда в скромной квартире в боковом флигеле родился будущий поэт. Другой адрес, по которому он жил, Яузский бульвар, дом 10. С 1878 до 1910 год он проживал в доме 22 на Цветном бульваре, в ту пору еще не таком густом и тенистом, который был местом игр будущего поэта. За домом в тесном дворе стояла маленькая табачная фабрика, принадлежавшая еще его деду, амбары и сарай.

Учился Валерий Яковлевич в частной классической гимназии Ф. И. Креймана (Петровка, 25), здание которой было построено М. Ф. Казаковым и сохраняется ныне как памятник архитектуры, и в гимназии Поливанова на Пречистенке (ныне Кропоткинская ул.).

В период жизни в доме на Цветном бульваре им были написаны первые книги стихов «Шедевры», «Это я», созданы сборники «Третья стража», «Городу и миру» и «Венок», роман «Огненный ангел», сделаны многие переводы. Здесь у него бывали Александр Блок, Андрей Белый, Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин.

Как мы уже упоминали, в здании гостиницы «Метрополь» располагалось символистское издательство «Скорпион», которое выпускало свой альманах, а с 1904 года — журнал «Весы». Брюсов был редактором этого журнала и на протяжении значительного времени работал в этом здании.

Брюсов любил Москву и в беседе с Гиляровским отмечал: «Мы без города жить не можем. Город для нас все... мы люди города».

Я люблю большие дома
И узкие улицы города,—

В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.
Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные,—
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные.

С Москвой связано творчество *Константина Георгиевича Паустовского* (1892—1968). Образ Москвы 1917 года запечатлен писателем в «Повести о жизни». Роман автобиографичен, повествование ведется от первого лица. Мы представляем город в предоктябрьские дни:

«Особенно вдохновенно и яростно митинговала Москва.

Кого-то качали, кого-то стаскивали с памятника Пушкину за хлястик шинели, с кем-то целовались, обдирая щетиной щеки, кому-то жали заскорузлые руки, с какого-то интеллигента сбивали шляпу. Но тут же, через минуту, его триумфально уже несли на руках и он, придерживая скачущее пенсне, посылал проклятия неведомо каким губителям русской свободы».

«На митингах слова никто не просил. Его брали сами». Все это происходило «между двумя самыми митинговыми местами Москвы — памятниками Пушкину и Скобелеву». (Памятник генералу М. Д. Скобелеву находился на нынешней Советской площади.) «Постепенно митинги в разных местах Москвы приобрели каждый свой особый характер».

Октябрь Паустовский тоже встретил в Москве. На неузнаваемо изменившей свой вид площади Никитских ворот и поныне стоит здание 23/16 (по ул. Герцена) бывшего кинотеатра «Унион» (Кинотеатр повторного фильма). На здании — бронзовая памятная доска с многофигурным барельефом, где изображены вооруженный рабочий, солдат, матрос и сестра милосердия... На барельефе — поваленный фонарный столб, трамвайное колесо, кусок рельса, напоминающие нам об облике улиц во время боев, и текст: «Здесь у Никитских ворот в октябрьские дни 1917 года происходили упорные бои революционных отрядов с юнкерами и белогвардейцами». В самом здании находился штаб юнкеров, а напротив, через дорогу, на месте скверика перед современным зданием ТАСС стоял двухэтажный, внешне невыразительный дом, в котором жил юноша Паустовский.

«Дом этот выходил на три улицы: Тверской бульвар,

Большую Никитскую и Леонтьевский переулок», — писал Паустовский.

С главным героем книги К. Г. Паустовского «Повесть о жизни» мы мысленно переносимся в октябрьские дни 1917 года и оказываемся на Тверском бульваре, в самой горячей точке сражения. Мы переживаем испытанные им чувства и ощущаем ту слитность с народом, которая к нему пришла в эти напряженные минуты. Шесть дней осаждали дом, в котором жил будущий писатель. Это здание оказалось в «мертвой полосе» — по нему стреляли и юнкера и красногвардейцы. В разгар боя у Никитских ворот жильцы не могли выйти из дома: «Тверской бульвар под огнем... По Большой Никитской и по кино «Унион» красногвардейцы бьют из пулеметов с Малой Никитской».

Писатель запечатлел ход этого боя. Мы как бы воочию видим освещенную синими факелами площадь: «Судя по огню, красногвардейцы, наступавшие от Страстной площади, дошли уже до половины бульвара, где стоял деревянный вычурный павильон летнего ресторана. Юнкера залегли на площади у Никитских ворот». Перестрелка была столь сильной, что вызвала пожар, в «доме начала коробиться железная крыша и задымились оконные рамы. Но, к счастью, дом не загорался». Юный герой видел поражение юнкеров:

«У кино «Унион» к фонарному столбу был привязан на древке белый флаг...

К юнкерам подошел безоружный человек в кожаной куртке. Позади него остановилось несколько красногвардейцев.

Человек в кожаной куртке поднял руку и что-то негромко сказал юнкерам.

От юнкеров отделился высокий офицер. Он снял шашку и револьвер, бросил все это к ногам человека в кожаной куртке, отдал ему честь, повернулся и медленно, пошатываясь, пошел в сторону Арбатской площади». Прodelав то же, за ним пошли юнкера. «Все было конечно. С Тверской несли в холодной мгле ликующий кимвальный гром нескольких оркестров...» Революционная Москва, октябрьские бои, установление Советской власти в древней столице — все это нашло отражение в книге Паустовского «Начало неведомого века» — последней части большой трилогии «Повесть о жизни».

АДРЕСА, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ
И ТВОРЧЕСТВОМ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
В 1920—1940-е ГОДЫ

С Дальневосточного фронта приехал в Москву юный *Александр Александрович Фадеев* (1901—1956). Юношей он участвовал в партизанской борьбе с колчаковцами и японскими интервентами на Дальнем Востоке. Творческий дар Фадеева привлек внимание С. Лазо — члена Военного совета Приморья. В феврале 1921 года конференция военных комиссаров, политработников и членов РКП(б) народно-революционной армии Дальневосточной республики избрала А. Фадеева делегатом на X съезд партии. С делегацией дальневосточников Александр Александрович приехал в Москву. В дни работы X съезда он в числе трехсот делегатов принимал участие в подавлении кронштадтского мятежа. Был тяжело ранен. Несколько месяцев провел в госпитале. Раздумывая о пережитом, решил приступить к работе над романом-эпосом. Реализовать задуманное Фадеев смог лишь после того, как приобрел определенный литературный опыт. Это был роман «Последний из удэге», работа над которым продолжалась вплоть до 1940-х годов, однако роман так и не был окончен.

Фадеев сыграл большую роль в деле становления советской литературы. В 1946—1954 годах являлся генеральным секретарем СП СССР. Широко известны его романы «Разгром» и «Молодая гвардия», удостоенная в 1946 году Государственной премии СССР. В 1946 году «Молодая гвардия» вышла в свет отдельным изданием. Роман сразу же завоевал любовь читателей, его перевели на многие иностранные языки.

Москва хранит память о знаменитом писателе. В доме 27—29 по улице Горького он провел последние годы (1948—1956), о чем напоминает мемориальная доска. Имя Фадеева носит одна из улиц города, находящаяся неподалеку.

А. А. Фадеев принял участие в заседании президиума Союза советских писателей, состоявшемся 15 ноября 1936 года на квартире *Николая Алексеевича Островского* (1904—1936) в доме 14 по улице Горького. Писатели обсуждали новый роман Николая Островского «Рожденные бурей».

В начале 1932 года в редакцию журнала «Молодая

гвардия» принесли рукопись молодого, тогда никому не известного автора — роман «Как закалялась сталь». В том же году первая книга романа вышла в свет. А на следующий год вышел второй том, и к этому времени Островский стал любимым писателем советской молодежи. «Я не знаю,— отмечает писатель Б. Н. Полевой,— художественного произведения и жизненного примера, которые оказали бы столь большое и глубокое влияние на воспитание характера нашей советской молодежи, какое оказывает роман Николая Островского и сама удивительная судьба этого неслышимого писателя-большевика».

В Москву Островский приехал в 1930 году. Летом 1932 года болезнь вынудила писателя уехать в Сочи. «Я должен вернуться в Москву...— писал Николай Алексеевич,— рост и учеба — это Москва». В декабре 1935 года он вернулся в Москву и поселился в доме 14 по улице Горького.

В 1940 году здесь был открыт музей-квартира писателя, рассказывающий о замечательном патриоте, чья жизнь, по словам Горького, была живой иллюстрацией «торжества духа над телом». Около входа в музей мемориальная доска с поясным барельефным портретом Островского-писателя. На доске надпись: «Здесь жил и творил в последние годы 1935—1936 Николай Островский». Автор доски — скульптор С. Т. Коненков.

В Москве пересекались и ныне пересекаются судьбы самых непохожих, иногда полярных по своим настроениям людей. Интересно проследить топографию булгаковских мест в центральной части города.

Переехав с Северного Кавказа в Москву, в октябре — ноябре 1921 года, *Михаил Афанасьевич Булгаков* (1891—1940) работал в Лито (Сретенский бульв., 6) — Литотделе Главполитпросвета. Здание, в котором находилось это учреждение, представляет собой два огромных нарядных корпуса, соединенных фигурной оградой, построенных в 1899—1902 годах для страхового общества «Россия» по проекту архитектора Н. М. Проскурина.

Лито закрыли в конце ноября. Было голодное хмурое время. Последней зарплаты не выдали: желающие вместо нее могли получить ящик спичек. И вдруг Булгакову предложили работу в газете «Гудок». Об этом так вспоминает в своих мемуарах А. Эрлих: «...я почти тотчас столкнулся в Столешниковом переулке с Булгаковым.

...Я окликнул его. Мы не виделись два месяца... «Михаил Афанасьевич, а вам никогда не случалось работать в газете?.. Хотите у нас работать?.. Я постараюсь устроить», — предложил я».

Так начинающий писатель вошел в редакцию популярной рабочей газеты, с которой было связано в то время целое созвездие замечательных имен: И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев, Ю. Олеша, Л. Славин, И. Бабель, К. Паустовский.

Редакция располагалась по адресу — Китайский проезд, 9/5. Здание, где она помещалась, — это бывший Воспитательный дом, построенный в стиле классицизма в 1764—1817 годах архитектором К. И. Бланком при участии М. Ф. Казакова как приют для незаконнорожденных и детей бедняков. После Октября здание передали ВЦСПС. Ему дали новое название — Дворец труда.

В это время началась напряженная работа Булгакова над романом «Белая гвардия». Булгаков с женой Татьяной Николаевной (в девичестве Лаппа) поселились на Большой Садовой. Машинистка И. Раабен, печатавшая на машинке его «Записки на манжетах», была свидетельницей того, как Булгаков написал Н. К. Крупской письмо и Надежда Константиновна «добилась для него большой 18-метровой комнаты где-то в районе Садовой». Это и был тот знаменитый дом 10 по Большой Садовой улице (кв. 50 и 34), который был описан как дом 302-бис в романе «Мастер и Маргарита». Облик этого дома несет черты модерна, здание в плане напоминает букву П, арка ворот соединяет его внутренний двор с улицей. Здесь писатель жил в 1922—1924 годах. На страницах романа в вымышленном доме 302-бис появляется квартира, которая «давно пользовалась если не плохой, то во всяком случае странной репутацией». Этот адрес со временем станет адресом булгаковского культурного центра.

В начале и в конце романа «Мастер и Маргарита» действие происходит на Патриарших прудах (ныне Пионерские), которые находятся в нескольких минутах ходьбы отсюда. Роман начинается словами: «Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина». Это были Михаил Берлиоз и Иван Бездомный.

И в «Эпилоге» мы опять встречаем упоминание о Патриарших прудах: «Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние, под вечер появляется

под липами на Патриарших прудах человек лет тридцати или тридцати с лишним. Рыжеватый, зеленоглазый, скромно одетый человек. Это — сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Понырёв». Он вспоминает здесь о том закатном часе, с которого началось действие в романе. «Ивану Николаевичу все известно, он все знает и понимает». Все сложные, причудливые и увлекательные для читателя события, пройдя чередой, вернулись на круги своя, на Патриаршие пруды. Наверное, именно сюда, а не в другое место Москвы их привел Булгаков потому, что у него было к этому скверу и ко всему этому району особое отношение.

Именно в этом доме в обычной коммунальной квартире молодой Булгаков работал над романом «Белая гвардия». Роман пронизан глубоко личными шемюще трагическими переживаниями: город, на фоне которого происходит действие, — это родной, навсегда покинутый автором Киев, мир Турбиных — близкий и милый Булгакову мир, который смела история. Он раскрывает перед читателем мучительный процесс поворота в мировоззрении героев под воздействием происходящего. Решая судьбы своих персонажей, Булгаков многое решал и для себя.

Случилось так, что окончание работы над романом совпало с разрывом с Татьяной Николаевной, с которой он прожил одиннадцать лет и которая была хранительницей его покоя и самоотверженной помощницей. («Таскина помощь для меня не поддается учету», — из письма М. А. Булгакова.)

Время жизни в доме 10 по Большой Садовой было также временем сотрудничества с русской эмигрантской газетой «Накануне», которая выходила в Берлине. Биограф Булгакова Яновская так описывает редакцию московского отделения «Накануне»: «...эффектная редакция «Накануне» (Большой Гнезниковский переулок, крытые светло-синим сукном полы, полированное дерево перегородок)». Редакция располагалась в 1922—1924 году в доме 10 по Большому Гнезниковскому переулку — в первом московском «небоскребе», известном под названием «дом Нирнзее», по фамилии его создателя. В газете сотрудничали также А. Н. Толстой, В. П. Катаев, Л. В. Никулин, А. С. Неверов, К. А. Федин.

Отношения с Московским Художественным академи-

ческим Союза ССР имени М. Горького театром (пр. Художественного театра, 3) — особая веха в жизни Михаила Афанасьевича. В этой связи особенно интересно упомянуть о постановке «Дней Турбиных». Пьеса имела потрясающий успех: в октябре 1926 года — в месяц премьеры она шла 13 раз, в ноябре и декабре того же года — 14. В марте 1929 года прошла в 250-й раз. Очевидцы вспоминали, что во время представления рыдающих людей выводили из зала, так потрясала их правда событий, участниками или свидетелями которых им доводилось быть. Тогда невозможно было представить себе «Дни Турбиных», поставленные в другом театре и в ином ключе, нежели чем в Художественном театре, но известно, что также и В. Э. Мейерхольд хотел поставить булгаковскую пьесу.

Белики были связи Булгакова с коллективом МХАТа, который восторженно принял другую пьесу Булгакова — «Бег», но Главрепертком не разрешил ее к постановке. «Бег» запрещен», — записывал К. С. Станиславский в мае 1928 года. Однако потом было получено разрешение на репетиции, которые начались 10 октября 1928 года и продолжались в течение трех с половиной месяцев. 29 января 1929 года журнал «Современный театр» сообщал, что «Бег» будет поставлен до конца текущего сезона, но пьесу прочитал И. В. Сталин. 2 февраля 1929 года он изложил свое мнение о драматургии Булгакова и о «Беге» в частности в своем «Ответе Билль-Белоцерковскому». Судьба «Бега» была предрешена. «Бег» впервые был поставлен лишь через семнадцать лет после смерти писателя в Волгоградском драматическом театре.

Заслуживает упоминания постановка на сцене Художественного театра и другой пьесы Булгакова — «Мольер» («Кабала святош»). В марте 1932 года во МХАТе начались репетиции пьесы «Мольер», они продолжались в 1933 и 1934 годах, менялись состав исполнителей и план постановки. Наконец, Станиславский, неточно понявший замысел пьесы, отстранился от работы. К репетициям приступил Немирович-Данченко. В январе 1936 года пьеса была выпущена. Непростую, противоречивую, но яркую, творческую и любимую им атмосферу Художественного театра Булгаков отразил в «Театральном романе».

Предыстория постановки пьесы «Мольер» была драматичной. 18 марта 1930 года пришла бумага, извещав-

шая, что «Кабала святош» запрещена. Булгаков отправил письмо И. В. Сталину. Е. С. Шиловская, впоследствии третья жена писателя, бывшая в ту пору его «тайным другом», говорила, что письмо они отправляли вместе. Письмо было такое:

«...Под двумя строчками казенной бумаги погребена — работа в книгохранилищах, моя фантазия, пьеса, получившая от квалифицированных театральных специалистов бесчисленные отзывы — «блестящая пьеса»...

Я прошу Советское правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор и что всю мою продукцию я отдал советской сцене...

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный театр — в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошусь на должность рабочего сцены...» 18 апреля 1930 года в квартире Булгакова зазвонил телефон. «Женский голос сказал: «С вами будет говорить товарищ Сталин». Сталин поинтересовался, действительно ли Булгаков хочет уехать за границу. Писатель сказал, что оставлять родину не хотел бы. Его ответ был принят одобрительно. «Вы где хотите работать? — спросил Сталин. — В Художественном театре?» — «Да, я хотел бы. Но я говорил об этом — мне отказали». — «А вы подайте заявление туда, — сказал Сталин. — Мне кажется, что они согласятся».

В мае 1930 года Булгаков стал режиссером Художественного театра. Интересно, что он взялся даже и за актерскую работу и исполнил роль судьи в пьесе «Пиквикский клуб» (1935 г.). Желая помочь писателю как-то реализовать его литературный талант, руководство театра предложило ему инсценировать «Мертвые души». В письме к П. С. Попову, своему другу и первому биографу, Булгаков писал:

«Итак, «Мертвые души»... Через девять дней мне исполнится 41 год. Это — чудовищно! Но тем не менее это так.

И вот к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блистательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза — Ефрона? Островского?»

Нам, читателям рубежа 1980—1990-х годов, горько осознавать, что эти мысли были высказаны гениальным автором в то время, когда он уже работал над своей главной книгой — «Мастер и Маргарита».

Мир театральной Москвы был близок и интересен многим литераторам, но им был ближе, разумеется, мир редакций газет, журналов и издательств.

Среди мест литературной Москвы 1930-х годов следует отметить Жургаз — Журнально-газетное издательство с разносторонней и обширной программой. Оно располагалось в особняке (Страстной бульв., 11), находящемся и поныне в одном из зеленых уголков в центре города.

На памятной доске, установленной на здании, изображен профиль писателя *Михаила Ефимовича Кольцова* (1898—1938) на фоне названий газет и журналов, в которых он работал: «Правда», «Огонек», «Крокодил», и его лучшего произведения «Испанский дневник». Текст доски гласит: «В этом здании с 1927 по 1938 год работал выдающийся советский журналист, основатель и главный редактор журнала «Огонек» Михаил Ефимович Кольцов». Кольцов редактировал также журналы «За рубежом», «Советское фото», «За рулем», серию «Библиотека романов». В 1937 году им была подготовлена книга «День мира». В этом здании бывали В. В. Маяковский, Демьян Бедный, И. Ильф, Е. Петров, В. Гиляровский и другие.

Участник боев в Испании, талантливый журналист был несправедливо объявлен «врагом народа», репрессирован в конце 1930-х годов и пал жертвой сталинизма.

С 1947 по 1967 год в доме по улице Горького жил *Илья Григорьевич Эренбург* (1891—1967). На фасаде дома — мемориальная доска. Его роман «Хулио Хуренито» нравился В. И. Ленину. Надежда Константиновна Крупская вспоминала об оценке Ленина: «Это знаешь, — Илья Лохматый (кличка Эренбурга), — торжествующе рассказывал он. — Хорошо у него вышло»¹.

Эренбург принимал активное участие в работе Первого съезда писателей. В самом начале Великой Отечественной войны, 25 июня 1941 года, он пришел в редакцию «Красной звезды» на Малой Дмитровке (ул. Чехо-

---

¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве: Сборник. М.: Худож. лит., 1967. С. 626.

ва, 16), и уже через сутки, 26 июня, появилась на газетной полосе его корреспонденция. Вспоминая о тех днях, Эренбург писал: «Никогда в жизни я так много не работал». По самым скромным подсчетам, во время войны для советских газет и для газет Лондона, Стокгольма, Бейрута и других городов мира им было написано свыше трехсот статей.

Московские улицы и переулки военных лет — фон, на котором разворачиваются события в трилогии *Константина (Кирилла) Михайловича Симонова* (1915—1979). На первый взгляд кажется, что автора произведений «Живые и мертвые», «Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина)» не занимает изображение города. Но оно присутствует в трилогии. Симонов не детализирует картин Москвы, а часто лишь называет адреса мест, связанных с событиями, происходящими в романе, и дает скупой комментарий, за которым, однако, вырастает образ города. Вспомним «адреса» героев романа «Солдатами не рождаются»: госпиталь, где умерла жена Серпилина Валентина Егоровна, находился в Тимирязевке, ее хоронят на Новодевичьем кладбище. Серпилин приехал в день начала войны, 22 июня 1941 года, на Ярославский вокзал; похоронив жену, улетел на фронт на «дугласе» с Центрального аэродрома. Эшелоны Климовича разгружались в ночь с 6 на 7 ноября 1941 года на Курской-Товарной. «Первые часы колонна Климовича шла в сплошном потоке людей» по шоссе Энтузиастов в тревожный день 17 октября 1941 года. «Москва была пустым-пуста. Витрины магазинов были забиты досками и фанерой и загорожены мешками с песком».

Присущее К. Симонову острое чувство гражданственности пронизывает это произведение, им освещены картины Москвы. Конечно, картины Москвы есть и в других произведениях писателя, но в контексте нашего повествования мы обращаемся к упоминанию именно Москвы военной.

О горечи утрат в пору войны, о любви к родной земле, о фронтовой дружбе поэтов напоминает стихотворение К. Симонова, посвященное А. Суркову, «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...».

Последние три года жизни современника К. М. Симонова Вячеслава Яковлевича Шишкова (1873—1945) прошли именно в Москве. На доме 8 по улице Горького укреплен мемориальная доска, рассказывающая об

этом. Зимой 1941/42 года Шишков вместе с семьей жил в блокадном Ленинграде. С 15 апреля 1942 года писатель в Москве. Здесь он продолжал работать над третьей книгой «Емельяна Пугачева», написал четырнадцать рассказов, «Гордая фамилия» и повесть «Прохиндей».

На доме 2 в проезде Художественного театра установлено несколько мемориальных досок. Одна напоминает, что *Николай Николаевич Асеев* (1889—1963) жил здесь с 1931 по 1963 год. Широко известны его поэмы «Двадцать шесть», «Семен Проссаков», «Маяковский начинается» (поэт был другом Маяковского).

С 1931 по 1954 год в этом доме жила писательница *Лидия Николаевна Сейфуллина* (1889—1954). И. Л. Андроников пишет о ней: «Еще не было поэм Маяковского «Ленин», «Хорошо!», не появился фурмановский «Чапаев» и читатели не слышали имени Александра Фадеева, а на книгу Лидии Сейфуллиной «Перегной» записывались в очередь. Сейфуллину читали, Сейфуллину проходили в школе...» В 1924 году писательница завершила работу над «Виринеей» — повестью, поставившей Сейфуллину в первый ряд советских писателей.

С 1931 по 1962 год здесь жил *Михаил Аркадьевич Светлов* (1903—1964). Светлов — участник гражданской войны. «Гренада», «Песня о Каховке», «Итальянец» — эти стихи знают многие. В статье «История одного стихотворения» Светлов вспоминает, как однажды в 1926 году он проходил по Тверской. В глубине двора висела вывеска «Гостиница Гренада» (ул. Горького, 19). Сначала возникла мысль написать серенаду, но затем появился замысел стихотворения, теперь известного, слова которого переложили на музыку.

В годы Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт, был военным корреспондентом и погиб, прикрывая товарищей, детский писатель *Аркадий Петрович Гайдар* (1904—1941). Его жизнь была стремительно напряженной: в шестнадцать лет во время гражданской войны — командир полка, в двадцать шесть — уже признанный всеми писатель, автор «Школы», в тридцать семь — солдат, погибший с оружием в руках, повторяя судьбу своих героев. Человек «обыкновенной биографии в необыкновенное время», как сам он себя характеризовал, Гайдар объездил и изучил многие города нашей страны. Среди них особое место занимала Москва — «огромный город, лучше которого и нет на свете».

Аркадий Петрович в годы плодотворной литературной работы, в 1932—1937 годах, жил на Пушкинской улице в доме 22. В соседнем доме под номером 20, на углу Столешникова переулка, жил Паустовский, на вечерах у которого Гайдар в кругу друзей читал свои произведения.

Последняя квартира писателя находилась в районе Покровки — в Большом Казенном переулке (пер. Аркадия Гайдара, 8). Именно здесь были написаны «Судьба барабанщика» и «Тимур и его команда».

«...СВЕТЛЫЙ УГОЛ ДОМА
НА ЯРКО БЛИСТАЮЩЕЙ СИНЕВЕ...»

Взглянем на столицу глазами юных героев *Юрия Марковича Нагибина* (рожд. 1921 г.). Действие его произведений «Чистые пруды» и «Переулки моего детства» разворачивается в районе Чистопрудного бульвара, Покровки и Маросейки. Москва для героев Нагибина не только город, где они учатся, приобщаются к жизни и искусству, но и символ Родины и надежды. «Неужели в самом деле могло быть, чтобы всякий раз, когда я выходил к Армянскому переулку из Златоустинского, — а это случалось нередко, — небо оказывалось ярко-синим, в белых, чистых облаках, и угол высокого дома № 7, золотистый от солнца, плыл навстречу им по небесному кобальту?» Читая книги Нагибина, мы понимаем, что дом — это не просто сооружение — это символ, с ним связана система определенных ассоциаций, даже взгляд на жизнь. «Сколько раз в трудные минуты жизни являлся мне светлый угол дома на ярко блистающей синеве и делал меня счастливым». «Ничего не кончилось, впереди еще так много всего! — вот что обещал угол дома посреди неба. Почему этот угол, а не другой? Право, не знаю, да это и не важно. У каждого человека есть свой угол. Ужасно, если его нет. И ужасно, если когда-нибудь я не обнаружу ничего за углом моего дома, значит, я сдался».

Взгляд на город у Нагибина — взгляд романтика; самое привлекательное в его отношении к Москве — умение увидеть город в развитии. Глубокой любовью к городу пронизаны его книги: «Я понял, что опять буду писать рассказы о той поре, хотя бы из одного удовольствия произносить такие забытые названия, как Златоустинский, Петроверигский, Старосадский, Армянский, По-

кровка, Маросейка». Эти адреса дороги автору, с ними связаны незабываемые для него события в его жизни — становление характера, личности. Герои книги «Чистые пруды» участвуют в созидательной жизни москвичей в дни первых пятилеток: они собирают деньги на торпедный катер, сдают макулатуру, все это происходит на фоне Чистых прудов, очаровывающих ребят, как и сейчас нас, своей поэтической красотой.

Двор дома в сборнике рассказов «Переулки моего детства», выходящий одновременно на три переулка — Армянский, Сверчков и Телеграфный, был местом, где юные герои дружили, играли. А неподалеку на площади Ногина — пионерская комната, в которой бывает наш герой. Театральная площадь (пл. Свердлова) — целый мир, сказочный и завораживающий; там — Большой театр, посещая который мальчики попадают как бы в другое измерение: «От угла, где ныне магазин «Детский мир», открывался провал, дно которого — Театральная площадь, там был иной воздух, иные огни, иная жизнь. И каким глубоким казался этот провал! Кружило голову, хотелось зацепиться за стену, иначе сорвешься и полетишь куварком в бездну».

Все приметы трудных 1930-х годов перед нами — житейская бедность и духовный взлет. Тесные коммунальные квартиры, пыльный двор, холодные трамваи, плохая одежда. Но вместе с тем какая широта интересов! И сколько доброты в людях, окружающих детей! Главный носитель добра и любви к людям трогательный в своей безыскусности «Петя маленький» — старик наборщик, который, пожалев ребят в критическую для них минуту, облегчил их души «благой ложью» о том, что насильника и убийцу жившей в их дворе девочки якобы поймали и покарали. Нагибин пишет: «Светлый день благовещенья», — сказал поэт. Таким остался для нас памятный день у помойки. И не беда, что оливковую ветвь принес не крылатый, изящный, сияющий ангел с золотым нимбом, а старый печатник в черной косоворотке с наборным ремешком и мятых суконных брюках, его благая весть — благая ложь — спасла нас. В нужную минуту старый наборщик сумел стать тем умным, находчивым, душевным связным, каким был в дни революции, заслужив у товарищей любовное прозвище — «Петя маленький».

Переключка с событиями и настроениями времени ре-

водюции проходит через весь сборник. Главный герой книги на пионерском празднике несет по Красной площади знамя дружины, он знает, что «знамя не должно падать», и не выпускает из рук древка, хотя ему очень трудно нести тяжелое знамя. Воспитанные на традициях Октября, мальчишки, о которых идет повествование, уходят на фронт. Там, вдали от Москвы, от родных Чистых прудов, они вспоминали переулки своего детства. Герои рассказов Нагибина — это первое поколение советских людей, родившихся и воспитанных при Советской власти. В их образах сфокусированы черты людей нового общества.

В современной литературе немало произведений, в которых действие происходит в Москве. К таким книгам принадлежит роман *Валентина Петровича Катаева* (1897—1986) «Алмазный мой венец». В романе перед нами и Москва 1920-х годов, и сегодняшняя Москва: «Я иду по Москве, и на моих глазах происходит чудо великого разрушения, соединенного с еще большим чудом созидания и обновления». «С течением времени архитектурные шедевры Москвы, ее русский ампир, ее древние многокупольные церквушки, ее дворянские и купеческие особняки минувших эпох со львами и геральдическими гербами, давным-давно не отремонтированные, захлапленные, застроенные всякой дощатой дрянью — будками, сараями, заборами, ларьками, голубятнями, — вдруг выступили на свет божий во всей своей яркой прелести». Эти здания озарены живым человеческим чувством автора.

Он через призму времени смотрит на Москву: «Память разрушается, как старый город. Пустоты перестраиваемой Москвы заполняются новым архитектурным содержанием. А в провалах памяти остаются лишь признаки ныне не существующих, упраздненных улиц, переулков, тупичков...»

В 1920-е годы в Москве творили, жили, мужали молодой Катаев, его друзья и коллеги — В. Маяковский, Н. Асеев, Ю. Олеша, С. Есенин, Б. Пастернак, Евг. Петров, И. Ильф, В. Хлебников, М. Булгаков. Город был той грандиозной поэтической мастерской, где оттачивался их талант. «Мы были в курсе всех событий. Мы шагали мимо Дома союзов, где в Колонном зале проходили политические процессы. Мы читали дискуссионные листы газет, разворачивая их прямо на улице, и ветер вырывал их у нас из рук, надувал, как паруса.

Мы посещали знаменитую первую Сельскохозяйственную выставку в Нескучном саду...»

Читатель проходит вместе с автором «Алмазного моего венца» по Москве 1920-х годов, полной плеска жизни. Вот редакция газеты «Гудок» в бывшем Воспитательном доме на Москворецкой набережной (Китайский пр., 9/5), где «по странному стечению обстоятельств... собралась компания молодых литераторов, которые впоследствии стали, смею сказать, знаменитыми писателями, авторами таких произведений, как «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Три толстяка», «Зависть», «Двенадцать стульев», «Дьяволиада», «Растратчики», «Мастер и Маргарита» и много, много других». В доме 15а по Пушкинской улице в ту пору помещался МК ВКП(б), и туда пришли молодой Катаев и Маяковский, чтоб вместе сочинить «стихотворные лозунги для Красной площади после военного парада». А в доме 6/2 на улице Качалова у Никитских ворот находился Госиздат, на балконе которого однажды «показалась стройная, со скрещенными на груди руками фигура Валерия Брюсова, которого я сразу узнал по известному портрету не то Серова, не то Врубеля».

Широкий взгляд В. П. Катаева на литературное прошлое, его конкретная связь с современной Москвой позволяют обогатить наш рассказ о центральной части города.

Пройдет время, войдут в литературу новые имена, но не иссякнет интерес к памятным историко-литературным местам, так же как никогда не ослабнет притягательная сила нашей литературы. На страницах многих современных романов, повестей и поэм вырастает образ города, запечатляется стремительный размах современной жизни. Лирично и взволнованно говорит о постоянном обновлении города Е. Евтушенко в стихотворении «Москва»:

И пусть, когда ребенок сможет
сказать начальные слова,
«Москва...» — из лепета он сложит,
и снова

сложится
Москва!

Итак, мы совершили путешествие по литературным местам центральной части города. С этим районом граничит Арбат, о котором будет рассказано в следующей главе.

«УЛИЦЫ УЗКИ У НАС,
ШИРОКА У НАС
ЛЕТОПИСЬ УЛИЦ»

Между улицами Герцена и Остоженкой, в лабиринте улочек, переулков, бульваров и небольших площадей, раскинулся край, ядром которого является Арбат. В Москве как бы уживается несколько городов: так, Замоскворечье не похоже на полукружье центральных площадей или Бульварное кольцо, район Кузнецкого моста и Петровки отличается от Заяузья и т. д. Арбат с прилегающими к нему улицами Герцена, Воровского, Кропоткинской не повторяет ни одного из этих районов. Контуры района очерчивают Остоженка, часть Бульварного кольца с Гоголевским и Суворовским бульварами, Садовое кольцо и улица Герцена. Все эти улицы и связывающие их переулки объединены общим стилем застройки, некогда общим составом населения.

Дома, дома, дома... Казалось бы, дом — безмолвная оболочка, охраняющая жизнь, которая пульсирует внутри. Уже давно нет тех людей, которые здесь жили прежде. Давно другие запахи в комнатах, цвет обоев и мебель. Другая жизнь кипит в этих стенах. Но почему же нас тянет сюда просто побродить, хотя нет у нас здесь решительно никаких будничных дел?

Когда желтые тополя и липы засыпают листьями старые уютные дворы, когда колкий снег жестко шуршит по голым тротуарам и темные тучи низко нависают над городом, когда взлетает звонкая голубизна весеннего неба и кажется, что надежда на счастье наконец-то осуществится, когда летними душными вечерами нагретый камнем и асфальтом воздух неподвижен в узких улочках — во все времена года нас влечет сюда: в арбатские, пречистенские, поварские переулки. Почему? Наверное,

Арбат — понятие историко-литературное и архитектурно-градостроительное. Вместе с тем Арбат — это не простое топографическое понятие, это не только улица, извилистая и, может быть, неказистая на первый взгляд, с массой магазинов и разностильными по архитектуре зданиями, но и сеть переулков, разбегающихся от самой улицы.

Современное определение района Арбата не совсем совпадает с представлением москвичей о границах и названии района в XIX веке, когда Гагаринский переулок (ул. Рылеева), Сивцев Вражек и даже Собачья площадь (часть Композиторской ул.) относились к Пречистенской части, а Большая Никитская (ул. Герцена), Поварская (ул. Воровского) — к Арбатской части.

В XIV—XVI веках здесь был пригород, что подчеркивало и само название: «Арбат» («пригород») — слово арабского происхождения, видимо принесенное сюда крымскими купцами. В XVI веке так называли всю территорию на запад от Кремля, до нынешнего Садового кольца, по которой сейчас проходит проспект Калинина. В XVIII веке название «Арбат» закрепилось лишь за одной улицей, именуемой так и в наши дни. Кварталы, примыкающие к Арбату справа и слева, составляли тихие жилые районы. В XVII—XVIII веках там стояли «загородные дворцы» московских дворян, а за ними в сторону нынешнего Садового кольца шло «всполье», т. е. начинались пахотные земли.

В этих краях стояли монастыри — Зачатьевский, чуть поодаль Новинский. Живописные, заросшие деревьями улицы плавно изгибались по руслам некогда протекавших здесь ручья Черторья и речки Сивки. Обширные усадьбы стояли одна неподалеку от другой. Порой застройка перемежалась маленькими домами нечиновных дворян или ремесленников, но в основном здесь жила знать. На Большой Никитской — князя Потемкина-Таврические, Гагарины, Голицыны, Шаховские, на Поварской в доме, известном как «дом Ростовых», — князь Долгоруковы, на Сивцевом Вражке — Львовы и Кольцовы-Массальские, на Пречистенке — аристократы Всеволожские, Лопухины и т. д.

Тихий, спокойный, красивый район был удобным местом для сосредоточенной, углубленной работы писателей. Ему всегда был присущ определенный оттенок камерности. В отличие от центральной части города здесь

было не так много театров, литературных салонов, редакций. В числе этих немногих в начале XIX века были театры на Арбатской площади (не сохранился). Был широко известен дом поэта А. С. Хомякова на Собачьей площадке (часоть Композиторской ул.), где собирались писатели. В 1920 году он был превращен в «Бытовой музей 40-х годов». Дом А. И. Герцена, С. Т. Аксакова и многие другие были местом встреч и оживленного обмена мнениями в писательской среде.

На протяжении XIX века шел процесс оскудения дворянства и падения его престижа, что нашло отражение в изменении облика района. К середине XIX века здесь начала появляться буржуазия. Менялась застройка — появлялись эклектичные особняки и большие доходные дома. Сама улица Арбат стала торговой. Писатели, знавшие район и являвшиеся свидетелями этих событий — А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой и другие, касались их в своем творчестве. В начале XX века с Арбатом связали свою писательскую судьбу поэты-символисты. Здесь проходили их встречи на квартире Андрея Белого и располагалось издательство «Мусагет».

В 1920-е годы одним из центров литературной Москвы стали квартира первого наркома просвещения, писателя и драматурга А. В. Луначарского в Денежном переулке (ул. Веснина) и Дворец искусств на Поварской (ул. Воровского). В этом доме, имеющем богатую литературную биографию, располагается правление Союза писателей СССР. Здание рядом — Центральный Дом литераторов. Неподалеку, на улице Фурманова, в 1930-е годы появился первый писательский дом, построенный на кооперативных началах (не сохранился).

О литературном прошлом этих мест напоминают музеи: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, А. В. Луначарского, экспозиция филиала Государственного Литературного музея в Трубниковском переулке.

Обратимся к именам писателей, к их произведениям, чтобы лучше представить литературную летопись этой части Москвы.

ПУШКИНСКИЕ АДРЕСА

Поэт относился к Арбату так же, как к любой другой части города, нигде не упоминал специально, кроме как в письмах, указывая свой адрес. Например, в письме к Е. М. Хитрово от 26 марта 1831 года, написанном по-французски, в конце есть приписка: «Mon adresse: дом Хитровой на Арбате». Для Пушкина Арбат был привычным местом, где жили друзья и где он сам останавливался, жил более или менее продолжительно. Но, однако, для самого поэта было естественно, что он жил и бывал именно в этом районе города. Арбат и прилегающие к нему районы должны были быть ему знакомы с детства: на Поварской (ул. Воровского, 21, не сохранился), вероятно, жила семья с Пушкиным-ребенком в 1808 году, а на Большой Молчановке в доме 9 (не сохранился) — доме Сушковых — маленький Пушкин бывал на уроках танцев.

Это был дворянский район. В статье «О дворянстве», написанной в 1830—1835 годах, поэт задумывался над тем, что представляло собой дворянское общество: «Какие люди составляют сие сословие? люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? люди, отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain*¹».

Район собственно Арбата в то время, когда здесь появился Пушкин, был населен в основном родовитым, но небогатым дворянством, а также ремесленниками. Дворцов здесь не было, но в зелени садов стояли нарядные деревянные особняки, расположенные на значительном расстоянии друг от друга. Известный мемуарист Ф. Ф. Вигель вспоминает о Москве 1805 года: «Москву нашел я столь же полною жителей, как и зимой. В конце мая дворяне не слишком торопились в свои подмосковные: любящие тогда повеселиться и от столичного шума не очень спешили к сельской тишине. К тому же большая часть помещиков, в Москве живущих, мало была знакома с мелочною роскошью и долгами; им не нужно было две

---

¹ Государя (фр.).

трети года жить нищенски в деревне, чтобы три месяца поблистать в ней наравне с другими»¹.

В районе Арбата находилось множество домов, где поэт бывал, и три адреса, по которым он жил. Первый по времени дом не сохранился. Это был дом 12 на бывшей Собачьей площадке (часть Композиторской ул.). Уже давно нет улицы, вернее, маленькой площади под названием Собачья площадка, а на том месте, где стоял дом, проходит трасса проспекта Калинина, но нам по-прежнему дорого воспоминание о том, что на квартире Сергея Александровича Соболевского в доме А. А. Ренкевича с 1826 по 1827 год жил поэт. Об их отношениях говорит переписка, где за обращениями поэта к С. А. Соболевскому — «безалаберный», «прощай, обжирайся на здоровье» — можно угадать теплое, искреннее чувство. Именно Соболевскому он доверительно жалуется на финансовые затруднения и признается: «Да еще говорят: он (Пушкин.— *Авт.*) богат, черт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистую, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича».

Можно себе представить, с каким блеском, остроумием, талантливостью велись у Соболевского беседы! Какие яркие умы, неповторимые характеры можно было встретить здесь! Через многие годы Соболевский писал М. П. Погодину: «Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, вы, я и другие знаменитые мужи, вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!!» Соболевский был близким другом поэта, но еще более тесная дружба связывала Александра Сергеевича с П. В. Нащокиным.

Отреставрирован дом 4 на улице Рылеева, где Пушкин останавливался у Нащокина. Дом реставраторы фактически воссоздали. Так он выглядел в 1830-х годах: рустованный первый этаж, кокошники на окнах. Поэт 8 декабря 1831 года к Наталье Николаевне писал: «...ни на минуту не было покоя; в Валдае принуждены мы были пересесть в зимние экипажи и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашел я на старой его квартире; насилу отыскал его у Пречистенских ворот в доме Ильинской (не забудь адреса). Он все тот же: очень мил и

---

¹ Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля // Русский архив. 1891. С. 123.

умен; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах». Жил здесь Пушкин с 6 по 24 декабря 1831 года.

Нащокина — друга Пушкина прекрасно характеризуют написанные им же «Воспоминания». Идея их создания в виде писем к Александру Сергеевичу была предложена Нащокину великим поэтом в послании из Петербурга 2 декабря 1832 года. Пушкин обработал автобиографические заметки друга. Так родились «Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве 1830», которые, к сожалению, не были закончены. В записках отображены раннее детство Павла Воиновича, портреты его родителей, первые впечатления и проказы. Яркость, богатая выдумка, необузданность нрава, лень и вместе с тем азартность — все сочеталось в Нащокине. Вероятно, именно за оригинальность и широкий размах любил его Пушкин.

Это был типичный русский барин, характер которого органично сочетался с укладом жизни и обычаями дворянства, жившего в районе Арбата. Нащокин был прекрасным рассказчиком. Сюжеты его рассказов легли в основу «Дубровского» и «Домика в Коломне». Видимо, искренний интерес к искусству сближал П. В. Нащокина с литераторами — Е. А. Баратынским, который бывал у него, В. Г. Белинским, П. А. Вяземским, Н. В. Гоголем, В. А. Жуковским, актером М. С. Щепкиным, композиторами А. Н. Верстовским, М. Ю. Виельгорским, знаменитыми художниками К. П. Брюлловым, П. Ф. Соколовым. Павел Воинович, желая сохранить для потомков интерьер, связанный с именем Пушкина, соорудил знаменитый «маленький домик», или «нащокинский домик», как называют его теперь. Это был ящик полированного красного дерева с раздвижными стенками, размером два с половиной на два метра. В домике были два этажа и подвал. Из подлинных материалов сделаны все предметы: мебель, светильники, посуда, включая столовое серебро, самовары. Столовая — с накрытым обеденным столом — «сороконожкой» с двадцатью точеными ножками. На столе изысканная сервировка — стройные бокалы лилового стекла, зеленые фужеры, напоминающие тюльпаны. Картины на стенах в золоченых рамах. Гостиная с роялем красного дерева, сделанным на московской фабрике Ф. Фишера. Здесь же уютный гарнитур красного дерева, состоящий из пяти предметов — круглого стола, трех

кресл и изящного диванчика с брошенной на него бисерной подушечкой. Бронзовая золоченая хрустальная люстра довершала убранство комнаты. Здесь же находились ломберный стол и бильярд — обязательная деталь интерьера дворянского дома. Невольно вспоминаются строчки из «Евгения Онегина»:

Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.

Об этом домике Александр Сергеевич писал жене 8 декабря 1831 года: «Дом его (помнишь?) отделяется; что за подсвечники, что за сервиз! Он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором исправится разве шпанская муха» (Сейчас «нащокинский домик» является экспонатом Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде.)

Возможно, в чем-то схожими с домом Нащокина по внутренней отделке и убранству были и соседние особняки. Так, в одном из них в Скатертном переулке в доме 2 (не сохранился) в 1833 году Пушкин бывал у отца будущей жены Нащокина — Веры Александровны.

На Арбате в доме 53 поэт жил с начала февраля до середины мая 1831 года в снятой им квартире. Накануне венчания, состоявшегося 18 февраля, поэт устроил на этой квартире мальчишник, на котором читал свои стихи, посвященные прощанию с молодостью.

После помолвки, последовавшей 6 мая 1830 года, им были написаны наброски «Участь моя решена, я женюсь...», помеченные в рукописи 12 и 13 мая 1830 года. Они носят автобиографический характер, подзаголовок — «с французского» означает, видимо, желание поэта скрыть интимный характер произведения. «Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — боже мой — она... почти моя». «Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней заветавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком — все это в сравнении с ним ничего не значит». За этими словами стоят факты биографии поэта, предшествовавшие тому периоду, который связан с переездом в дом на Арбате. Это и первая встреча с шестнадцатилетней Натальей Гончаровой на балу у Йогеля на Тверском бульваре в не существующем теперь доме Ко-

логривовой зимой 1828/29 года. И два предложения, сделанные им Наталье Николаевне, и сложные отношения с будущей тещей — Натальей Ивановной. Напряженное психологическое состояние, которое испытывал поэт накануне свадьбы, так передано им в указанном отрывке: «Дело в том, что я боялся не одного отказа...

Жениться! Легко сказать — большая часть людей видит в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету и розовый шлафрок. Другие — приданое и степенную жизнь...

Третьи женятся так, потому что все женятся — потому что им 30 лет. Спросите их, что такое брак — в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. жертвую независимостью, мою беспечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством».

Самое простое и одновременно самое сложное объяснение отношения к Наталье Николаевне мы находим в стихотворении поэта «Мадонна»:

Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

В этом доме 53 на Арбате молодые устроили первый вечер для своих знакомых 28 февраля 1831 года, о котором оставил восторженные воспоминания А. Я. Булгаков, московский почтдиректор, отмечая, что молодожены «как два голубка»¹.

Документ, подтверждающий, что именно этот дом был снят Пушкиным, был обнаружен исследователем биографии поэта С. К. Романюком. В маклерской книге 23 января 1831 года сделана запись о найме квартиры. «Летящим» пушкинским почерком подписано: «К сей записке 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил»². Маклерская контора А. Хлебникова (как установил тот же исследователь), в которой поэт заключил контракт на наем этой квартиры, находилась на Арбате в доме 15 (не сохранился). Дом, в котором жил поэт, теперь принял тот вид, который он имел в 1831 году. Из своей арбатской квартиры великий поэт. 24 февраля 1831 года написал П. А. Плетневу: «Я женат — и счаст-

¹ Наука и жизнь. 1979. № 6. С. 112.

² Там же. С. 113.

лив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился». Супруги Пушкины прожили здесь до 15 мая 1831 года, когда уехали в Петербург.

В доме 53 на Арбате с 18 февраля 1986 года открылся музей «Квартира Пушкина на Арбате».

«...Дом, состоящий в Пречистенской части второго квартала под № 204-м в приходе Троицы, что на Арбате, каменный Двух этажный с антресолями и к оному принадлежащими людскими службами, кухней, прачешной, конюшней, каретным сараем...» превратился в один из интереснейших музеев Москвы. Вещи, элементы типологической обстановки пушкинской поры и сама пустота бывших пушкинских комнат очень тонко создают ощущение нашей сопричастности былому.

В районе Арбата находится ряд домов, в которых поэт встречался с декабристами. В Большом Толстовском (бывш. Карманицкий) переулке в доме 12 (не сохранился) жил с 1828 года декабрист В. П. Зубков. Известно, что дом был одноэтажный, деревянный, вытянутый вдоль улицы. У Василия Петровича в 1830 году бывал Пушкин. Еще свежи были впечатления о восстании 14 декабря и не затянулась рана, нанесенная казнью декабристов. Зубков находился в заточении в Петропавловской крепости непродолжительное время и был освобожден «с аттестатом», так как не было прямых доказательств его связи с декабристами. Интересны его записки о заточении в крепости, написанные по-французски.

Столь же тесно связано с районом Арбата имя М. Ф. Орлова, просидевшего в Петропавловской крепости в течение полугода. Его замечательно охарактеризовал А. И. Герцен в «Былом и думах», сравнивая могучего духом человека, оказавшегося в тисках николаевской действительности, со львом, запертым в клетку. Во второй половине 1830-х годов Орлов поселился в доме 15 в Николопесковском переулке (ныне ул. Вахтангова). Сохранился этот типичный ампирный особняк с рустованным цоколем. Какое, должно быть, «дум высокое стремленье» озаряло встречи декабриста и великого поэта! Большое волнение испытываешь, находясь подле этого места. Неподалеку от Арбата жил давний друг Пушкина поэт — герой войны 1812 года Денис Давыдов. Их дружба продолжалась всю жизнь. Пушкин высоко ценил

талант поэта и говорил, что Давыдов помог ему избежать подражания: «Он дал мне почувствовать, что можно быть оригинальным». Так же остры, видимо, были и их беседы. В 1826 году «певец-гусар» жил на Арбате, на углу Староконюшенного переулка в доме 25 (не сохранился), в том же году снимал квартиру в Гагаринском переулке (ныне ул. Рылеева) в доме 33 (не сохранился). Там предположительно мог бывать Пушкин. В конце 1830 и 1831 году Давыдов жил в Дурновском переулке, 16 (часть Композиторской ул.), где так же, как полагает исследователь С. Романюк, мог бывать великий поэт. Пушкин навещал Дениса Давыдова в 1831—1832 годах на его квартире в доме 3 (не сохранился) на Смоленском бульваре. В ныне существующем доме 17а на Кропоткинской улице, отмеченном мемориальной доской, установленной в память о проживании здесь Д. Давыдова, Пушкин у Дениса Васильевича не бывал. Однако великому поэту дом был знаком, так как за четыре года до его покупки Давыдовым, в 1831 году, Пушкин сюда часто приходил в гости к В. Я. Сольдейн. Вера Яковлевна была женой генерал-майора, секретаря голландского посольства при русском дворе Х. С. Сольдейна. Она была высокообразованна и слыла интересной собеседницей. Теплая встреча и содержательная беседа ожидали здесь каждого. Сюда приезжали П. А. и В. Ф. Вяземские. Пушкин 16 декабря 1831 года писал в Петербург Наталье Николаевне: «Жизнь моя однообразна, выезжаю редко. Зван был всюду, но был у одной Солдан, да у Вяземской...»

Великий поэт мог также посещать в 1830 году М. Н. Загоскина — директора московских театров, автора исторических романов, в частности «Юрия Милославского». Он жил в доме 29—31 (не сохранился) в Гагаринском переулке. Известно доброе отношение Пушкина к этому писателю. В начале 1836 года поэт написал небольшую заметку «Комедия Загоскина «Недовольные» в связи с ее постановкой в Москве и Петербурге: «Г-н Загоскин заслужил благосклонность публики своими романами. В них есть и живость воображения, и занимательность, и даже веселость, это бесценное качество, едва ли не самый редкий из даров». Пушкинская статья появилась в ответ на разбор комедии в журналах «Московский наблюдатель», «Телескоп» и статью В. Г. Белинского в «Молве».

Особенно колоритной среди арбатских знакомых Пуш-

кина была фигура Ф. И. Толстого-«Американца», которого поэт посещал в 1826—1832 годах в доме 26 (не сохранился) по Сивцеву Вражку. Ф. Ф. Вигель, посещавший свою сестру на Сивцевом Вражке в доме 25, в «Записках» отмечал: «...граф Толстой Федор Иванович, доселе столь известный под именем Американца. Он делал путешествия вокруг света с Крузенштерном и Резановым, со всеми перессорился, всех перессорил, как опасный человек, был высажен на берег в Камчатке и сухим путем возвращается в Петербург. Чего про него не рассказывали!»¹ Пушкин написал на Толстого-«Американца» эпиграмму:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он

Федор Толстой упоминается в бессмертной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»:

Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист.

Ссора между Пушкиным и Федором Толстым чуть не стала поводом для дуэли, которая, к счастью, не состоялась: приехавший к Толстому С. А. Соболевский выяснил, что известный «дуэлист» уехал из Москвы. Впоследствии Пушкина и Толстого помирили.

Как недавно определили исследователи, один из домов на Поварской (ныне ул. Воровского) под номером 27 многократно посещался Пушкиным в 1826—1831 годах. М. Н. Загоскин в книге «Москва и москвичи» так писал об облике Поварской той поры: «А когда мы проехали на Поварскую, то он (француз Дюверние.— Авт.) согласился со мною, что наши оштукатуренные или просто выкрашенные деревянные дома, построенные по всем правилам изящной архитектуры, несравненно более красивее этих 6-этажных полукирпичных и полудеревянных изб, которыми наполнена вся Германия»². Дом интересен: центральная часть здания с тремя арочными окнами второго этажа выступает вперед. Первый этаж русто-

¹ Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. С. 143.

² Загоскин М. Н. Москва и москвичи: Записки Богдана Ильича Бельского. М., 1893. С. 30.

ван. Дом прорезан прямоугольной въездной аркой для карет. Сюда Пушкин приезжал в 1826 году к лицейскому приятелю А. П. Бакунину, в сестру которого Екатерину был влюблен, еще будучи лицеистом. Он посвятил ей стихотворение:

Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей.

В 1827—1832 годах в этом доме жил С. Д. Киселев, на его квартире в начале декабря 1828 года поэт впервые читал поэму «Полтава». На этом чтении присутствовали П. А. Вяземский и А. А. Башилов. В 1827—1831 годах здесь же жили супруги Лобановы-Ростовские, с которыми поэт встречался в свете. В это же время, 7 февраля 1827 года, он посетил театр в доме Апраксина на Арбатской площади (угол ул. Фрунзе и Гоголевского бульв.), здание сохранилось очень измененным. Можно предположить, что близким человеком для четы Пушкиных являлась посаженная мать Елизавета Петровна Потемкина — жена С. П. Потемкина, который жил в доме 21 на Пречистенке (ныне Кропоткинская ул.). В этом доме сейчас располагается Академия художеств. Здание со времен поэта несколько изменило облик. С этим домом и с Е. П. Потемкиной (урожденная Трубецкая — сестра декабриста Трубецкого) связано четверостишие, найденное в рукописях Пушкина:

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потемках
Меня поставят ряды.

Арбат был тем районом города, где поэт встречался со многими для него интересными, а подчас и близкими ему людьми, поэтому естественно, что именно в этом районе находится Государственный музей А. С. Пушкина (Кропоткинская ул., 12, угол Хрущевского пер.). Он был открыт 6 июня 1961 года в день рождения поэта. Здание построено в 1814—1817 годах архитектором А. Г. Григорьевым для дворян Хрущевых. Дом, сад и обширный хозяйственный двор составляют удобную, красивую городскую усадьбу. Анфилада высоких, просторных парадных комнат тянется вдоль уличных фасадов. Жилые по-

мещения отнесены к дворовой стороне. Наряден вестибюль с «пейзажными картинами» на стенах. Особый уют и романтичность придают интерьеру лоджии с белыми колоннами, своды и купол, покрытые росписью. Это характерный образец русского классицизма: В этом доме Пушкин не бывал, но здание поэту должно было быть известно.

Знакомство с замечательной коллекцией музея, в которой много подлинных вещей, делает наше прикосновение к пушкинской эпохе более живым и осязаемым.

По арбатским переулкам планируют провести «пушкинскую тропу». Она свяжет здание музея с домом 53 на Арбате. Намеченная как бы пунктиром, соединяя отдельные пушкинские уголки арбатских переулков, тропа обозначится то булыжным мощением улицы 1820—1830-х годов, то старинными уличными фонарями, то магазином моды, фасад которого повторит облик подобного магазина в первую треть прошлого века, то фрагментом стены, напоминающей вид всего квартала в пушкинскую пору.

АРБАТ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ГРИБОЕДОВА, ГОГОЛЯ, ЛЕРМОНТОВА И БЕЛИНСКОГО

С именем современника и друга Пушкина *Александра Сергеевича Грибоедова* связан дом 17 на улице Чайковского (бывш. Новинский бульв.). Здание полностью отреставрировано и отмечено памятной доской. Предполагается в будущем здесь открыть музей Грибоедова — филиал Государственного Литературного музея. Письменных сведений о том, что Грибоедов родился в этом доме, нет. Документальная запись о его рождении не обнаружена. 18 сентября 1818 года Грибоедов писал своему другу С. Н. Бегичеву; имея в виду родной дом: «Отечество, родство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец, становится к чему-то годен...»

Грибоедов происходил из рода, известного в дворянских родословных с XVI—XVII веков. Поэтому, естественно, сам Александр Сергеевич имел массу знакомых в среде московского дворянского общества. Его ранние детские впечатления в какой-то мере связаны с этим

районом. В отрочестве в театре на Арбатской площади (сгорел в 1812 г.) Грибоедов слушал певицу Е. Сандунову и видел солиста балета Дюпора. Не здесь ли зародилась его страсть к театру?

Можно предположить, что впечатления детства и юности писателя послужили основой для комедии «Горе от ума». Конечно, Александру Сергеевичу знакома была Настасья Дмитриевна Офросимова, которая, как документально подтверждает М. Гершензон в книге «Грибоедовская Москва», изображена писателем как «старуха Хлестова — свояченица Фамусова в бессмертной комедии. Она жила в доме 7 в Чистом переулке. К ней в полной мере могут быть отнесены слова, произнесенные Фамусовым:

А дамы? — сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение,— ведь сам я был женат,
Скомандовать велите перед фрунтом!
Присутствовать пошлите их в Сенат!

Н. Д. Офросимова, как писал М. Гершензон, «властно командовала в московском обществе. Ее боялись как огня не только ее сыновья, рослые гвардейские офицеры, которых она держала в страхе пощечинами...». Известный литературной Москве Д. Н. Свербеев в своих воспоминаниях рассказывал о том, как на балу в Благородном собрании через весь зал она закричала Свербееву: «Свербеев, поди сюда!» — желая видеть его подле себя.

Друзья Грибоедова также жили в этом районе. Адрес С. Н. Бегичева в письме от 5 декабря 1816 года помечен рукою поэта: «Его Высокоблагородию Степану Никитичу Бегичеву. В Москве. В Старой Конюшенной, у Успенья в Могильцах, в доме Муханова».

Писатель Д. Н. Бегичев (брат С. Н. Бегичева) поселился в Староконюшенном переулке, дом 4. Грибоедов, арестованный в штабе генерала Ермолова 22 января 1826 года по подозрению в причастности к делу декабристов, был отправлен в Петербург и по дороге провел несколько часов в этом доме. Александр Сергеевич посетил его еще раз в марте 1828 года, когда за десять месяцев до трагической гибели в Тегеране вез в Петербург знаменитый Туркманчайский договор, в заключении которого принял самое активное участие.

С. Арбатом и примыкающим к нему районом также

связана судьба великого русского писателя *Николая Васильевича Гоголя*.

Четко вырисовывается строгий силуэт памятника Гоголю на фоне серо-голубого московского неба (скульптор Н. В. Томский). Он стоит в начале бульвара, носящего имя писателя.

Юный Гоголь, направляясь с Украины в Петербург,умышленно миновал Москву, чтобы не портить первого впечатления от въезда в строгий и чопорный северный город, будучи наслышанным о беспорядочной застройке древней столицы, но тремя годами позже, в 1832 году, приехав в древнюю столицу, он был захвачен ее неповторимостью.

Познакомившись с Москвой, Гоголь очаровался именно живописностью московской планировки и говорил, что «после Рима только Москва и может нравиться». Чувствуя, какое огромное значение Москва имеет для каждого русского человека, он писал: «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия».

Сохранился дом на Суворовском бульваре, в котором писатель жил, и около пятидесяти зданий, где он бывал. Николай Васильевич приезжал в Москву десять раз. Впервые именно в московских журналах появились статьи Белинского, указывавшего на Гоголя, как на главу школы критического реализма. Именно в Москве он работал над «Мертвыми душами», «Тарасом Бульбой», «Портретом», «Тяжкой» и повестью «Рим». При его жизни на сценах московских театров с успехом шли «Ревизор», «Женитьба», «Игроки». Круг московских друзей и знакомых Гоголя был очень широк. Это литераторы С. Т. Аксаков, Е. А. Баратынский, В. Г. Белинский, М. Ю. Лермонтов, Н. П. Огарев, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, актер Малого театра М. С. Щепкин, художники И. К. Айвазовский, П. А. Федотов, ученые Т. Н. Грановский, М. П. Погодин.

Когда Гоголь двадцатитрехлетним молодым человеком, автором нашумевших в Петербурге «Вечеров на хуторе близ Диканьки», впервые приехал в Москву, он посетил С. Т. Аксакова в Сивцевом Вражке (дом Слепнёва, точный адрес не известен). Присутствовавшие вспоминали, что в сопровождении Погодина в кабинет Аксакова вошел белокурый, остроносый, невысокий, хрупкий юноша. болезненного вида, в модном костюме и ярком пестром жилете. За его плечами были три года полной труд-

ностей самостоятельной жизни. Растроганный вниманием, которое ему оказали московские литераторы, он писал, что в Москве его «любят непритворно, искренне».

У Аксакова Гоголь встретился с В. Г. Белинским, Аксаков же познакомил начинающего автора с М. Н. Загоскиным — директором московских театров. Загоскин жил в собственном доме под номером 5 в Денежном переулке (ныне ул. Веснина). Гоголь, уже в ту пору думавший о постановке своих вещей, набросал план пьесы «Женитьба».

Первый приезд в Москву был столь радостен для него, что он писал московским друзьям с дороги: «Минувши заставу и оглянувшись на исчезнувшую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что все прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что через три или четыре месяца я снова увижусь с Вами».

В начале 1834 года Гоголя избрали действительным членом московского Общества любителей российской словесности. Председателем общества состоял Загоскин, а секретарем — Погодин.

В конце жизни, в 1848—1852 годах, великий писатель поселился в двух шагах от Арбатской площади — в начале Никитского бульвара (ныне Суворовский бульв., 7), в доме Талызина, в ту пору арендованном графом А. П. Толстым. Два схожих по облику особняка стоят в небольшом сквере, обращенные фасадами друг к другу. Левый во времена Гоголя имел иной вид, чем сейчас. В правом особняке на первом этаже в двух небольших комнатах жил великий писатель. Фасад здания с колоннадой обращен внутрь двора, а торцевая сторона выходит на бульвар. Постоянные переезды, необеспеченность, тяжкое нездоровье, духовный разлад — все это подтачивало силы писателя. Таким мы его видим на памятнике работы скульптора Н. А. Андреева, стоящем сейчас во дворе этого дома, в котором писатель провел последние четыре года жизни. Этот памятник Гоголю был поставлен в начале Пречистенского (ныне Гоголевский) бульвара в 1909 году на народные сбережения по подписке, а сюда был перенесен в 1959 году из Донского монастыря, где находился в 1951—1959 годах. На Гоголевском бульваре теперь стоит памятник Н. В. Гоголю работы Н. В. Томского, как мы уже отмечали.

В бывшем доме графа Толстого располагается город-

ская библиотека № 2 имени Н. В. Гоголя, при которой на правах музея сохраняются обе комнаты, где он жил: кабинет с обстановкой гоголевского времени и гостиная с камином и мемориальными вещами. В уютной гостиной в наши дни проходят литературные вечера.

На торце здания установлена памятная доска работы скульптора Рудакова с барельефным профилем Гоголя. Внешность Николая Васильевича была на первый взгляд малопривлекательна, но, как вспоминает Л. Арнольди в статье «Мое знакомство с Гоголем», «улыбка его была очень добрая и приятная, в глазах замечалось какое-то нравственное утомление... Он носил усы, чрезвычайно странно тарантил ногами, неловко махал одною рукой, в которой держал палку и серую пуховую шляпу; был одет вовсе не по моде и даже без вкуса». Именно таким запечатлел Гоголя Тургенев, видевший его здесь во время последней читки «Ревизора» актерам Малого театра 5 ноября 1851 года: «Его белокурые волосы сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели... В небольших карих глазах искрилась по временам веселость, но вообще взгляд их казался усталым...» Студенты любили издали наблюдать за тем, как писатель прогуливался по Никитскому бульвару. И. С. Тургенев так характеризовал отношение к нему молодежи: «Нынешним молодым людям даже трудно растолковать обаяние, окружавшее тогда его имя».

В зале первого этажа, расположенном в анфиладе комнат, находящихся напротив помещений, в которых жил писатель, как уже упоминалось, состоялось чтение «Ревизора». Читал сам Николай Васильевич. Присутствовали С. Т. и И. С. Аксаковы, Г. П. Данилевский, П. М. Садовский, И. С. Тургенев, С. В. Шумский, М. С. Щепкин. И. С. Тургенев писал об этом в «Литературных и житейских воспоминаниях»: «...происходило чтение «Ревизора» в одной из зал этого дома, где проживал Гоголь. К великому моему удивлению, далеко не все актеры, участвовавшие в «Ревизоре», явились на приглашение Гоголя... Он принялся читать — и понемногу оживился. Щеки покрылись легкой краской, глаза расширились и посветлели. Читал Гоголь превосходно».

Здесь он работал над вторым томом «Мертвых душ». О той трагедии, которая произошла в этом доме, М. П. Погодин вскоре после события писал в «Москвитянин»: «Ночью во вторник (с 11 на 12 февраля) он (Го-

голь.— *Авт.*) долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его, тепло ли в другой половине его покоев... велел открыть трубу, как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук». Подготовленный к печати второй том «Мертвых душ» был сожжен автором за девять дней до его смерти.

Здесь 21 февраля 1852 года он умер. Толпы людей провожали его в последний путь. «Некоторые из знакомых Гоголя вынесли гроб на плечах... У Никитских ворот мы передали гроб студентам, которые шли кругом кучами и постоянно просили нас заменить. Студенты донесли гроб до своей церкви, считавшейся в то время самой аристократической и модной». День и ночь текли толпы народа — таких похорон Москва не видела. Студенты несли гроб на руках до Даниловского монастыря, где писатель был похоронен.

Район Арбата хранит память о *Михаиле Юрьевиче Лермонтове*, в течение пяти лет жившем в районе Поварской улицы, где селилась в ту пору аристократия. В конце лета 1827 года Е. А. Арсеньева с внуком поселилась на Поварской в доме В. М. Лопухиной, стоявшем на месте дома 24. Тринадцатилетний Лермонтов, уроженец Москвы, воспитанный в пензенской глуши — в имении Тарханов, по утонченности манер и образованию ни в чем не уступал детям московской знати. Гувернером его был Жан-Пьер Келлет-Жандро — уроженец города Безансона, свидетель Великой французской революции 1789 года. К поступлению в Московский университетский благородный пансион юношу готовили лучшие преподаватели.

В этот период юный Лермонтов пережил мучительное время. Однажды горячо любимый им отец приехал навестить сына. Жизнь под одной крышей отца и бабушки была невозможной — слишком много неприязни испытывал каждый из них друг к другу. О приезде отца юный Лермонтов пишет к любимой тетеньке — М. А. Шан-Гирей: «Папенька сюда приехал, и вот уже 2 картины извлечены из моего portefenille...¹ слава богу! Что такими любезными мне руками!..»

Годы учебы юного поэта в пансионе были годами бур-

---

¹ Портфель (*фр.*) . .

ного духовного развития, приобщения к лучшим образцам московской культуры, и в частности театра: «Помните ли, милая тетенька, вы говорили, что наши актеры (московские) хуже петербургских. Как жалко, что вы не видели здесь «Игрока», трагедию «Разбойники»! Вы бы иначе думали».

В 1829 году бабушка с внуком переехали на Малую Молчановку в дом 2. Мемориальная доска из красного лабрадорита на его фасаде напоминает: здесь в 1829—1832 годах жил великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. В этом здании в феврале 1981 года открыт музей. Его обстановка лирично передает атмосферу, в которой рос и формировался поэт. Три комнаты первого этажа — большая и малая гостиные и комната Е. А. Арсеньевой, залитые в солнечные дни ярким светом, обставлены мебелью 1830-х годов.

В мезонин, где жил юный Лермонтов, ведет внутренняя деревянная лестница. Вот по таким ступеням взбежал он в свою комнату... Сейчас там рукописи поэта, его библиотека, воссозданная сотрудниками музея, портрет отца.

Уютный одноэтажный деревянный особняк с мезонином, некогда утопавший в зелени, сейчас притулился за многоэтажными зданиями современного проспекта Калинина. Со сколькими значительными событиями в жизни поэта он связан! Здесь юноша пережил несчастную любовь к Н. Ф. Ивановой, в которую юный поэт был страстно и безнадежно влюблен. Известны увлекательные исследования И. Л. Андроникова о стихах, посвященных «Н. Ф. И.». Сюда к Лермонтову в мезонин приходили «милый друг» Н. С. Шеншин, которому поэт посвятил произведение «Последний сын вольности», А. А. Лопухин, Н. И. Поливанов, В. А. Шеншин. Эти молодые люди составляли кружок, главою которого являлся юный поэт. Он читал друзьям вольнолюбивые стихи, здесь они обсуждали жгучие вопросы современности. С сентября 1830 года по 1 июня 1832 года Михаил Юрьевич был студентом нравственно-политического отделения Московского университета. В годы студенчества им было написано около ста стихотворений, трагедии «Люди и страсти», «Испанцы», драма «Станный человек», повести в стихах «Джулио», «Последний сын вольности», поэма «Исповедь». Здесь юный Лермонтов работал над поэмой «Демон»

В мезонине этого особняка близкие друзья Лермонто-

ва могли слышать его стихотворения, носившие обличительный характер: «Предсказание», «30 июля.— (Париж) 1830 года», «Новгород» и др. Эти настроения поэта разделяли его сокурсники, в частности Н. И. Поливанов; живший неподалеку на Большой Молчановке. В доме Поливанова Лермонтов написал стихотворение «Послушай, вспомни обо мне...». И вписал его в альбом друга 23 марта 1831 года. Поливанов в этом альбоме сделал запись: «Москва, Михайла Юрьевич Лермонтов написал *эти строки* в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда вследствие какой-то университетской шалости *он ожидал строгого наказания*. Н. Поливанов». (Поправки, обозначенные курсивом, были сделаны рукой Лермонтова.— Авт.)

Одной из обитательниц дома Лопухиных на соседней Большой Молчановке (не сохранился) была скромная очаровательная девушка В. А. Лопухина, с которой поэт познакомился в ноябре 1831 года. Под впечатлением обаяния Вареньки он писал:

Однако все ее движения,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.

Варваре Александровне Лермонтов посвятил одну из редакций поэмы «Демон» (1838). Идея создания этой поэмы родилась у Лермонтова в период жизни на Малой Молчановке. Район Арбата Лермонтов конкретно упоминает в повести «Княгиня Лиговская», где рассказывает о поездке Жоржа и Верочки в компании молодых людей в Симонов монастырь. Возможно, он имел в виду одну из своих прогулок с Варенькой: «Это было весною: уселись в длинные линии, запряженные каждая в 6 лошадей, и тронулись с Арбата веселым караваном. Солнце склонялось к Воробьевым горам, и вечер был в самом деле прекрасен».

Не только этот район, вся Москва была интересна и мила Лермонтову. Упоминания поэта о Москве всегда проникнуты теплым чувством. О сыновней любви к ней Лермонтов сказал так:

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский,— сильно, пламенно и нежно!

Жил в этом районе и великий литературный критик В. Г. Белинский. *Виссарион Григорьевич Белинский* го-

дом раньше Лермонтова, в 1829 году, поступил в Московский университет и в 1832 году за вольнолюбивые настроения был отчислен из него. В 1834 году в поисках литературного заработка, продолжая сотрудничать в журналах «Молва» и «Телескоп» и готовя абитуриентов к экзаменам в университет, он работал литературным секретарем у писателя-дилетанта аристократа А. М. Полторацкого в Большом Левшинском переулке (ныне ул. Щукина) в доме 6. Однако слишком противоречили убеждениям юного бескомпромиссного литератора уклад жизни, а главное, мировоззрение аристократа. Писатель покинул дом Полторацкого. О темпераменте борца, общественно-го деятеля «неистового Виссариона» так писал А. И. Герцен: «Но в этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная гладиаторская натура; да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерывался, тут надобно было его видеть; он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной поэзией развивал свою мысль».

Белинский нашел единомышленников в идейно близкой ему среде, в частности в кружке Н. В. Станкевича (Большой Афанасьевский переулок — ныне ул. Мясковского, дом 8, сохранился в измененном виде). А. И. Герцен в «Былом и думах» говорит об обстоятельствах, сопровождавших возникновение кружков: это застой в духовной жизни общества после 1825 года, гнусность подлого времени «подобострастных» дельцов, которые «упорно служили... выслуживались, но не становились сановитыми. Время их прошло». И как протест против этой действительности складывались кружки Герцена и Огарева, Сунгурова. «Круг Станкевича,— пишет А. И. Герцен,— образовавшийся в то же время, был равно близок и равно далек с обоими. Он шел другим путем, его интересы были чисто теоретические». В основе духовной деятельности кружка были преимущественно философско-этические и эстетические проблемы. Члены кружка ставили задачей распространение идей диалектики Гегеля, проповедь просветительно-гуманистических идеалов. Он возник зимой 1831/32 года. К кружку примкнули В. Белин-

ский, К. Аксаков, а затем В. Боткин, М. Бякунин, М. Катков. Апогей деятельности кружка — 1835—1837 годы. Кружок перестал существовать в 1839 году. И. С. Тургенев, бывавший здесь, изобразил эти собрания в романе «Рудин».

В 1838 году в журнале «Московский наблюдатель» за подписью «Виссарион Белинский» была напечатана статья «Гамлет. Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета». В ней есть строки, в которых отражено жизненное кредо гениального критика: «Есть два рода людей, одни прозябают, другие живут. Для первых жизнь есть сон, и если этот сон видится им на мягкой и теплой постели, они удовлетворены вполне. Для других же людей собственно жизнь есть подвиг...» Подвигом была жизнь самого Белинского. Тяготы и лишения он презирал, потому что жил ради главного — борьбы и творчества.

Из-за недостатка средств критик селился в самых дешевых комнатах. Он жил в районе Никитского (ныне Суворовский) бульвара в старом деревянном одноэтажном доме, затем переехал в переулок на Арбате. И. И. Панаев так писал о комнате Белинского, которую тот снимал в 1839 году: мебель «состояла из небольшого дивана с износившимися чехлами, высокой и неуклюжей конторки, подкрашенной под красное дерево, и двух решетчатых таких же стульев».

В 1839 году в жизни критика происходит важное событие: он знакомится с Грановским, Герценом и Огаревым. Эта духовная среда была как нельзя более благоприятна для развития его таланта, но материальные условия его жизни в Москве были очень тягостны. В этом же году он покидает древнюю столицу и переезжает в Петербург.

Обращаясь к впечатлениям московской жизни, критик в 1845 году помещает в сборнике «Физиология Петербурга» статью «Петербург и Москва», в которой дает яркую сравнительную характеристику Москвы и Петербурга, анализируя духовную жизнь, быт, нравы, архитектуру обеих столиц. Касается Белинский и облика Арбата. Он так же говорит о составе населения этого района, подмечая, что в ту пору здесь начинало селиться купечество: «Ими же (купцами.— *Авт.*) кишат даже самые аристократические улицы... в Москве, каковы — Тверская, Тверской бульвар, Пречистенка, Остоженка, Арбатская, Поварская, Мясницкая и другие улицы». Будучи объек-

тивным в оценке достоинств обеих столиц, Белицкий признает, что «в деле вопросов, касающихся до науки, искусства, литературы, у москвичей больше простора, знания, вкуса, такта, образованности, чем у большинства читающей и даже пишущей петербургской публики».

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

Пространную характеристику этого района мы можем найти у *Александра Ивановича Герцена*. Вся московская жизнь Герцена и его друга Николая Платоновича Огарева проходила в основном в районе Арбата. Характеризуя часть Арбата — район Старой Конюшенной, Герцен отмечал, что здесь жили в пору его детства и юности представители разных слоев русского общества и разного уровня образования. Он говорил, что здесь спокойно уживались Ларины и Фамусовы. Мальчики Герцен и Огарев познакомились в доме отца Герцена в Большом Власьевском переулке (стоял на месте дома 14, не сохранился). Дом был неуютным, и писатель не любил его: «Новый дом был печален, напоминал тюрьму или больницу, нижний этаж был со сводами, толстые стены придавали окнам вид крепостных амбразур; кругом дома со всех сторон был ненужной величины двор». «...Я скитался по большим почернелым комнатам с закрытыми окнами днем, едва освещенными вечером, ничего не делая или читая всякую всячину». Мальчик жил во втором этаже в кабинете с широким турецким диваном, ломберным столом, заменявшим письменный, и книжным шкафом карельской березы. Все было массивным и добротным. В соседнем помещении находились приборы для физических и астрономических занятий. Так протекала трепетная жизнь юного романтика.

В октябре 1829 года Герцен поступил на физико-математическое отделение Московского университета, который окончил в 1833 году со степенью кандидата и серебряной медалью за сочинение «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника».

Впоследствии Герцен жил в доме отца на Сивцевом Вражке, куда семья переехала в 1830 году. Это дом 25 — угловое двухэтажное здание с садом, существующее и поныне. Здесь в ночь с 20 на 21 июля 1834 года Герцен был арестован и препровожден в Пречистенскую поли-

цейскую часть. После следствия и суда молодой человек был отправлен в Пермь.

Из заключения он переписывался с Н. А. Захарьиной, которая стала его невестой. 2 марта 1838 года поднадзорный Герцен из Владимира приезжал в Москву для свидания с Натальей Александровной, жившей в доме своей тетки Хованской на Поварской улице. Взволнованный молодой человек в сопровождении Кетчера подошел к дому. В мезонине в угловом окне он увидел пламя свечки, там была Наталья Александровна... 8 мая 1838 года Герцен тайно увез невесту во Владимир, где на следующий день обвенчался с ней. Из первой ссылки Герцен с семьей вернулся в Москву в марте 1840 года.

Кружок единомышленников собирался или на квартире Н. П. Огарева (Арбат, 31), или у самого Герцена, остановившегося у отца. С 1841—1842 годов писатель находился в ссылке в Новгороде, откуда вернулся в Москву и жил в нанятом им доме. С осени 1843 по весну 1846 года А. И. Герцен с семьей жил в доме 27 на Сивцевом Вражке. Здесь им были написаны «Сорока-воровка», «Кто виноват?», «Доктор Крупов», «О дилетантизме в науке и искусстве», «Капризы и раздумья», «Письма об изучении природы», столь высоко оцененные В. И. Лениным. Это было время напряженной идейной борьбы, Герцена окружали многие замечательные люди. Кабинет Александра Ивановича, находившийся в мезонине этого дома, был местом душевных бесед и острых споров, в которых принимали участие Т. Н. Грановский — профессор Московского университета, П. В. Анненков — первый биограф Пушкина, известный актер М. С. Щепкин, Е. Ф. Корш, В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов и И. И. Панаев.

Мемориальная доска напоминает об этой поре жизни писателя-демократа. Когда в вечерние сумерки стоишь перед домом и видишь его освещенные изнутри окна, а за ними — кабинет с обоями в зеленую полоску, позолоченными рамами портретов и мебелью красного дерева или часть гостиной, то невольно забываешь, что сейчас это Музей А. И. Герцена — филиал Государственного Литературного музея: так живо светится огонь в комнатах, так естественно и просто выглядят все предметы и таким близким представляется образ писателя.

Весной 1846 года умер отец Герцена, и семья переехала вновь в «большой дом» — дом 25 по Сивцеву Враж-

ку, откуда в январе 1847 года писатель уехал за границу, навсегда покинув родину.

В «Былом и думах» он так вспоминал об этом:

«...шесть-семь троек провожали нас до Черной Грязи... Мы там в последний раз сдвинули стаканы и, рыдая, расстались.

Был уже вечер, возок заскрипел по снегу... Вы смотрели печально вслед, но не догадывались, что это были похороны и вечная разлука».

Боль и тоска по оставленной родине мучили Герцена. Они усугублялись тем, что из Москвы приходили тяжкие известия. В 1849 году ему писал Т. Н. Грановский:

«Положение наше становится нестерпимее день ото дня. Всякое движение на Западе отзывается у нас стеснительною мерою. Доносы идут тысячами. Обо мне в течение трех месяцев два раза собирали справки. Но что значит личная опасность в сравнении с общим страданием и гнетом.

...Есть с чего сойти с ума. Благо Белинскому, умершему вовремя. Много порядочных людей впали в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее,— когда же развалится этот мир?..»

В этих письмах Грановский вспоминал о их беседах «в деревянном доме», то есть в доме 27, в котором Герцен жил до кончины отца.

В литературной жизни 1830—1850-х годов, о которой мы узнаем в «Былом и думах», одной из значительных фигур был *Сергей Тимофеевич Аксаков* (1791—1859). Он тесно объединил свою жизнь и творческие привязанности с районом Арбата. В 1816 году С. Т. Аксаков обвенчался с О. С. Заплатиной в церкви Симеона Столпника. Сейчас эта церквушка XVII века оказалась на развилке улицы Воровского и проспекта Калинина, и ее хрупкий силуэт вносит ноту поэтичности в размеренную, четкую застройку современной магистрали. В 1826 году Аксаковы окончательно переехали в Москву. Большое наследство, полученное в 1837 году, позволило Сергею Тимофеевичу жить широко и гостеприимно. Любой дом, в котором поселялся Аксаков, становился одним из центров литературной жизни. Талантливый писатель, тонкий, внимательный собеседник, умевший деликатно направить спор по нужному руслу, привлекал к себе.

Большим успехом пользовалась «Семейная хроника»

С. Т. Аксакова, получившая высокую оценку современников. Литературу 1840-х годов отличала чересполосица, о которой говорил А. И. Герцен в «Былом и думах». Хотя сыновья самого С. Т. Аксакова — Иван и Константин — были славянофилами (и их точку зрения во многом разделял отец), дом писателя посещали и западники и славянофилы. Константин Сергеевич, сын писателя, историк и публицист, разработал философию славянофильства, увиденного им в древней общине, в отрицании влияния дряхлеющего, рассудочного, как он считал, Запада и согласовании этой идеи с православной основой. Другой сын, Иван Сергеевич, был популяризатором этой теории. Так создалось ядро славянофильской школы, в которое входили также А. Хомяков, братья Киреевские, Ю. Самарин, А. Кошелев, И. Беляев.

Дом Аксакова в разные годы посещали Н. В. Гоголь, М. П. Погодин, братья Киреевские, М. Н. Максимович, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, М. Н. Загоскин, И. И. Панаев, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, Н. Х. Кетчер, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, А. В. Кольцов, историк С. М. Соловьев, декабрист С. Г. Волконский, Т. Г. Шевченко, известные композиторы, артисты.

Сергей Тимофеевич часто переезжал с квартиры на квартиру: искали помещение более удобное и дешевое, но средств было недостаточно, так как наследство иссякло, а литература не давала постоянного заработка. Семья писателя была большой, а также требовала расходов подмосковная усадьба Абрамцево, приобретенная в 1843 году. Вот некоторые адреса, по которым проживал С. Т. Аксаков в районе Арбата. В Большом Афанасьевском переулке (ул. Мясковского) в доме 12 писатель жил в 1830-е годы, его квартира находилась в одноэтажном доме с мезонином, расположенном ближе к улице Рылева. В ту пору продолжалось общение Аксакова с Гоголем, сыгравшим большую роль в формировании таланта Сергея Тимофеевича. В этот период видное место в литературной жизни Москвы начинают занимать аксаковские «субботы». В 1840-е годы с именем писателя связан дом 30 по Сивцеву Вражку. Одноэтажное здание с мезонином и шестиколонным портиком отмечено в 1959 году металлической памятной доской с портретом писателя и рельефной надписью: «В этом доме в 40-х годах XIX в. жил и работал писатель Сергей Тимофеевич Аксаков». Дом сохранил планировку XIX века. В отре-

ставрированном здании Государственный Литературный музей открыл выставочные залы, первая экспозиция была посвящена жизни и творчеству Н. В. Гоголя.

Зиму 1855/56 года писатель провел в доме 3 (не сохранился) в Малом Левшинском переулке, где его навещал И. С. Тургенев, а в январе 1856 года здесь состоялось знакомство с Л. Н. Толстым. Примечательно, что Толстой поселился в этом доме в сентябре 1881 года и прожил до весны 1882 года. Зиму 1856/57 года Аксаков провел на Арбате в доме 24 (не сохранился).

В 1840-е годы своеобразным оплотом славянофилов был дом 7 (не сохранился) на Собачьей площадке, принадлежавший писателю, поэту и публицисту *Алексею Степановичу Хомякову* (1804—1860). После смерти Алексея Степановича дом стоял нетронутым: его сохраняла дочь писателя. В 1919 году он перешел в ведение музейного отдела Наркомпроса, и 7 ноября 1920 года в нем открыли «Бытовой музей 40-х годов». В доме были две подлинные комнаты — «говорильня», т. е. малая диванная, и кабинет, завсегдатаями которого бывали Н. Гоголь, Аксаковы, Киреевские, А. Герцен, Т. Грановский, П. Чаадаев, Н. Языков, М. Погодин.

Сам по себе дом был необычайно интересен. Его построили в начале XIX века, он пережил пожар 1812 года. Это был типичный дворянский особняк в стиле ампир — с высокими, просторными парадными комнатами, низкими и тесными антресолями и мезонином. Здания такого типа были характерными для Арбата середины прошлого века, но населяли их, разумеется, разные люди. Рядом с дворянской интеллигенцией жили бесцветные обыватели. Жизнь этих дворян «средней руки», скудость их интересов, убожество мысли изобразил М. Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРБАТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826—1889) также проживал в этом районе. В годы, совпавшие с его детством, Арбат потерял во многом свою былую привлекательность. Со страниц «Пошехонской старины» встает образ района, населенного людьми, далекими от мыслей о судьбах России, от общественно-политических интере-

сов. А ведь детство Салтыкова-Щедрина совпало с теми же 1840-ми годами, когда творили Герцен и Огарев. Но материалом для наблюдений Салтыкова-Щедрина служила жизнь иного круга.

Салтыков-Щедрин дает такую картину «пошехонского Арбата»: «В то время больших домов, с несколькими квартирами, в Москве почти не было, а переулки были сплошь застроены небольшими деревянными домами, принадлежавшими дворянам средней руки (об них только и идет речь в настоящем рассказе, потому что так называемая грибоедовская Москва, в которой преимущественно фигурировал высший московский круг, мне совершенно неизвестна, хотя несомненно, что в нравственном и умственном смысле она очень мало разнилась от Москвы, описываемой мною)». Увы! Это уже не парадные особняки в стиле классицизма — с высокими стройными колоннадами, анфиладами просторных залов, широкими, пропускающими много света окнами и двусторчатými дверьми. «Это были особнячки,— продолжает писатель,— из которых редкий заключал в себе более семи-восьми комнат. В числе последних только две-три «чистых» комнаты были довольно просторны; остальные можно было, в полном смысле слова, назвать клетушками. Парадное крыльцо выходило в тесный и загроможденный службами двор, в который въезжали с улицы через деревянные ворота. Об роскошной и даже просто удобной обстановке нечего было и думать, да и мы — тоже дворяне средней руки — и не претендовали на удобства. Мебель большею частью была сборная, старая, покрытая засиженной кожей или рваной волосяной материей». Незначительны и интересы этих людей: визиты, во время которых обмениваются ничего не значащими фразами, поиски жениха для дочери, забота о нарядах, «вечера, театры, предстоящие катанья под Новинским... театры, вечера...». В Большом Афанасьевском переулке (ул. Маяковского) на месте дома 30 (не сохранился) стоял дом дедушки Салтыкова-Щедрина по материнской линии М. П. Забелина, адрес которого отмечен в «Адресе-календаре Москвы» за 1846 год: «Пречистенская часть в Афанасьевском переулке, собственный дом». После поступления в 1836 году пансионером в Дворянский институт будущий писатель во время каникул до 1838 года бывал в доме деда. Детские впечатления впоследствии дали богатейший материал для литературной работы. Свя-

зи с Арбатом у Салтыкова-Щедрина не оборвались: 6 июня 1856 года он обвенчался с Е. А. Болтиной в Крестовоздвиженской церкви у Арбатских ворот (не сохранилась).

Духовное оскудение дворянства — одна из центральных тем в творчестве Салтыкова-Щедрина. К ней обращаются многие, и в частности *Алексей Феофилактович Писемский* (1821—1881). Уроженец Костромской губернии, он в 1840 году приехал в Москву. Писатель жил в районе Арбата, в Гагаринском переулке (ныне ул. Рылеева) в доме 27, а с декабря 1864 года — в Борисоглебском переулке (ул. Писемского) в доме 11 (не сохранился), где посещали его некоторые писатели, в частности П. Д. Боборыкин.

Изломы человеческой души, болезненную впечатлительность, одиночество, бесприютность, рефлексию человека, жившего в переходное время, в период, когда в русском обществе происходили сложнейшие общественно-политические процессы, гениально отразил в своем творчестве *Федор Михайлович Достоевский*.

Достоевский родился в северной части Москвы и более всего был с ней связан. Это был район, где в основном жили мещане и купечество. На Арбате будущий писатель бывал нечасто. Рядом с Арбатом, в Малом Толстовском переулке в доме 4 (не сохранился), жил двоюродный дед со стороны матери Федора Михайловича профессор Московского университета В. М. Котельницкий. Когда дети Достоевские приезжали к дедушке, он водил их на праздничные гулянья под Новинским, где были святочные балаганы, цирковые представления, восковые фигуры. Конкретных упоминаний об этом месте города в творчестве писателя нет, но кто знает, может быть, упоминание о Петрушке в «Дневнике писателя» было связано с детскими впечатлениями, полученными на гуляньях под Новинским?

Значительна фигура поэта-петрашевца *Алексея Николаевича Плещеева* (1825—1893), с которым был дружен Ф. М. Достоевский. Сохранился дом 10 на улице Фурманова (бывш. Нащокинский пер.), где жил А. Н. Плещеев, некогда подобно Достоевскому приговоренный к смертной казни, замененной ссылкой рядовым в Оренбургскую губернию. Высокая гражданственность и призыв к борьбе всегда были присущи его поэзии. Вершина поэтического мастерства писателя — стихотворение «Вперед! Без

страха и сомнения». По возвращении из ссылки Плещеев поселился в районе Арбата. В письмах он указывал свои адреса. В 1859 году: «На Арбате, в Трубниковом (видимо, Трубниковском.— *Авт.*) переулке в приходе Спасана-Песках, дом Богословского». В 1867 году: «На Пречистенке, в доме Альфонского у Троицы в Зубове». Адрес дома Альфонского — Кропоткинская улица, 35. В своей квартире в Нащокинском переулке (ул. Фурманова) поэт встречался с М. Е. Салтыковым-Щедриным и крестьянским поэтом И. З. Суриковым. С доброжелательностью и вниманием он относился к начинающему А. Н. Апухтину, А. П. Чехову, подружился с А. Н. Островским. В 1870—1871 годах Плещеев жил на Арбате в доме Львовых, сейчас это дом 36. И. А. Гончаров и И. С. Тургенев также достаточно хорошо знали этот район и примыкающие к нему улицы.

В доме 38 на Остоженке в просторном, светлом здании, построенном в стиле классицизма, где сейчас размещается Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза, учился в 1829—1830 годах в Московском коммерческом училище, в ту пору находившемся здесь, *Иван Александрович Гончаров* (1812—1891). Будущий писатель готовился к поступлению в Московский университет, студентом которого он стал в 1831 году. Впоследствии он вспоминал: «Мы, юноши, полвека тому назад смотрели на университет как на святилище — и вступили в его стены со страхом и трепетом. Москва гордилась своим университетом, любила студентов, как будущих самых полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества... Даже простые люди и те при встречах ласково провожали глазами юношей в малиновых воротниках».

В Москве длительное время жил *Иван Сергеевич Тургенев* (1818—1883). Изю всех московских районов Арбат ему был знаком, видимо, более других. Как установлено москвоведом В. В. Сорокиным, Тургенев в годы учения в пансионе Вайденгаммера (ул. Рылеева, 8а, сгорел в конце 1970-х гг.) жил в Гагаринском переулке в доме Квашниной (ул. Рылеева, 15, бывш. дом декабриста Штейнгеля).

В 1840—1850-х годах писатель жил в доме, который снимала его мать у чиновника Н. В. Лощаковского на Остоженке, 37 (мемориальная доска). Описанием этого

дома начинается повесть «Муму»: «В одной из отдаленных улиц Москвы в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом жила некогда барыня, вдова, окруженная многочисленной дворней».

Сейчас все иное вокруг: иная жизнь, иной характер застройки улиц, но если, разглядывая дом, мы обойдем вокруг него, всмотримся в его облик, вспомнится эта повесть, и опять, как когда-то в детстве, когда мы впервые узнали о жестокости и бессердечии барыни, о гибели маленькой беленькой собачки Муму, которую «все люди в доме полюбили», нам станет грустно. Более ста лет назад здесь произошли, казалось бы, не слишком значительные события: немой дворник по приказу барыни утопил в Москве-реке свою любимую собаку. Но столько горя, человеческого страдания, родившегося от жестокого произвола, вобрал в себя этот эпизод! Мы вглядываемся в берега Москвы-реки, ища то место, где произошла драма. Вот Крымский мост, где в те времена был Крымский брод: «Дойдя до угла улицы, он (Герасим.— Авт.) остановился, как бы в раздумьи, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому броду. На дороге он зашел во двор дома, к которому пристраивался флигель, и вынес оттуда два кирпича под мышкой. От Крымского брода он повернул по берегу, дошел до одного места, где стояли две лодочки с веслами, привязанными к колышкам (он уже заметил их прежде), и вскочил в одну из них, вместе с Муму... А Герасим все греб да греб. Вот уже Москва осталась позади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, роши, показались избы». Где это было? Может быть, у подножия Воробьевых гор, у нынешних Лужников? Вряд ли он мог заплывать очень далеко на утлой лодчонке. Муму «доверчиво и без страха поглядывала на него и слегка махала хвостиком. Он отвернулся, зажмурился и разжал руки...»

И. С. Тургенев хорошо знал прилегающие к Арбату, сбегające к берегу Москвы-реки улицы. Впоследствии Тургенев неоднократно бывал в этом районе: иногда останавливался у брата (Кропоткинская, 26, дом не сохранился), бывал у друзей. В декабре 1870 года писал: «...вот уже лет пятнадцать, как я останавливаюсь у моего старинного приятеля (начальника удельной конторы в Москве) И. И. Маслова...» И сама контора, и квартира Маслова располагались в массивном двухэтажном доме, построенном в стиле классицизма и поныне стоящем на

высокой стороне Гоголевского бульвара (дом 10). Здание отмечено мемориальной доской.

Район Арбата был литературной колыбелью для *Льва Николаевича Толстого*. Здесь он жил в детстве, сюда постоянно приезжал в течение всей жизни. Семья Толстых переехала в Москву из Ясной Поляны 11 января 1837 года и жила до лета 1838 года на Плющихе в доме 11, а затем около трех лет — в Большом Каковинском переулке. Впечатления этого периода отразились в повестях «Детство» и «Отрочество». Толстой возвратился в Москву после учебы в Казанском университете и жил с октября 1848 по февраль 1849 года в Малом Николопесковском переулке (ныне ул. Федотовой) в доме 12—14 (флигель не сохранился) у приятеля В. С. Перфирьева, который послужил прототипом Стивы Облонского в романе «Анна Каренина». С декабря 1850 по 1851 год жил в доме 34 в Сивцевом Вражке. Это время ознаменовано большой творческой работой, ведением «франклиновского» дневника, созданием повести «из цыганского быта», «Истории вчерашнего дня». Тогда же был задуман писателем роман «Четыре эпохи развития», замысел которого был осуществлен в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Раздумывая над пережитым здесь, Л. Н. Толстой писал 20 мая 1851 года по дороге на Кавказ: «Последнее время, проведенное мною в Москве, интересно... беспрестанной борьбой внутренней».

Писателю памятны были эти места, один из героев «Войны и мира», Николай Ростов, в эпилоге романа оказывается именно здесь: «...несмотря на нежелание оставаться в Москве в кругу людей, знавших его прежде, несмотря на свое отвращение к статской службе, он взял в Москве место по статской части и, сняв любимый им мундир, поселился с матерью и Соней на маленькой квартире, на Сивце в Вражке».

Известно, что отношение к Москве у Л. Н. Толстого менялось на протяжении всей жизни. Если в детстве и юности это был восторг перед городом — символом русской истории, носителем национальной славы, то в конце жизни Толстой пришел к отрицанию города вообще и Москвы в частности, так как наблюдаемые им здесь социальные контрасты убеждали его еще раз в несправедливости общества. Картина, которой открывается роман «Воскресение», выражает отношение к Москве Толстого последних лет жизни, пережившего глубокий душевный

кризис, писателя, ненавидящего общество, в котором отсутствуют справедливость и равноправие.

«Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтоб ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц,— весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучать себя и друг друга».

Нет человека, который бы при упоминании о топографии романа «Война и мир» сразу же не назвал «дома Ростовых» на Поварской (дом 52 на ул. Воровского, ныне правление Союза писателей СССР). Здесь «поселил» гениальный писатель своих героев. На здании установлена мемориальная доска: «Памятник архитектуры московского классицизма. Ансамбль городской усадьбы конца XVIII — начала XIX в. Л. Н. Толстому эта усадьба послужила прообразом дома Ростовых в его романе «Война и мир». Охраняется государством». Во дворе — памятник Л. Н. Толстому работы скульптора Г. Н. Новокрепеновой, установленный в 1956 году. На этом памятнике писатель задумчив, прост, углублен в свои мысли.

Тыльная сторона дома, лишенная дверей, выходит на бывшую Большую Никитскую; просторный круглый двор, колоннада, боковые изящные флигеля, полукружьем сходящиеся к парадным воротам, обращены на бывшую Поварскую. Это усадьба, которая, как считают многие москвичи, была местом, где жили, любили, радовались и страдали Ростовы. Сила искусства столь велика, что порой кажется, будто существование этой семьи для нас реально.

Мысленно вступаем в парадные залы дома. Натальин день — день именин тринадцатилетней Наташи Ростовой и ее матери. Здесь собрались все столь хорошо известные

нам герою романа. Направляются к столу «граф с Марьей Дмитриевной; потом графиня, которую повел гусарский полковник, нужный человек, с которым Николай должен был догнать полк. Анна Михайловна — с Шиншиным. Берг подал руку Вере. Улыбающаяся Жюли Карагина пошла с Николаем к столу. За ними шли еще другие пары, протянувшиеся по всей зале, и сзади всех, поодиночке, дети, гувернеры и гувернантки. Официанты зашевелились, стулья загремели, на хорах заиграла музыка и гости разместились. Звуки домашней музыки графа заменились звуками ножей и вилок, говора гостей, тихих шагов официантов».

Дом этот был свидетелем и первых робких любовных полупризнаний молодых Ростовых, и жизни старшего поколения — графа Ильи Андреевича Ростова и графини Натальи. Отсюда уходит на войну в 1805 году Николай Ростов, и сюда же он возвращается в отпуск в начале 1806 года.

«— Вот он угол — перекресток, где Захар извозчик стоит; вот он и Захар, и все та же лошадь. Вот и лавочка, где пряники покупали. Скоро ли? Ну!

— К какому дому-то? — спросил ямщик.

— Да вон на конце, к большому, как не видишь! Это наш дом, — говорил Ростов, — ведь это наш дом!

.....
— Дмитрий, — обратился Ростов к лакею на облучке. — Ведь это у нас огонь?

— Так точно-с, и у папеньки в кабинете светится».

Вот он «увидел знакомый карниз с отбитою штукатуркой, крыльцо, тротуарный столб. Он на ходу выскочил из саней и побежал в сени. Дом так же стоял неподвижно, нерадушно, как будто ему дела не было до того, кто приехал в него... Все та же дверная ручка замка, на нечистоту которой сердилась графиня, так же слабо отворялась. В передней горела одна сальная свеча».

Здесь в зале произошла встреча Николая с семьей, столь для нас волнующая, будто и мы были ее участниками: «Он не мог разобрать, где и кто папá, кто Наташа, кто Петя. Все кричали, говорили и целовали его в одно и то же время».

Отсюда же уезжали Ростовы, покидая Москву, в которую входили французы:

«31 августа, в субботу, в доме Ростовых все казалось перевернутым вверх дном. Все двери были растворены,

вся мебель вынесена или переставлена, зеркала, картины сняты. В комнатах стояли сундуки, валялось сено, оберточная бумага и веревки. Мужики и дворовые, выносившие вещи, тяжелыми шагами ходили по паркету. Во дворе теснились мужицкие телеги, которые уже уложенные верхом и увязанные, некоторые еще пустые.

Голоса и шаги огромной дворни и приехавших с подводами мужиков звучали, перекликаясь, на дворе и в доме».

Наташа пригласила раненых въехать во двор и «вместе с Маврой Кузьминишной старалась заворотить на свой двор как можно больше раненых».

«Наступил последний день Москвы. Была ясная, веселая осенняя погода. Было воскресенье. Как и в обыкновенное воскресенье, благовестили к обедне во всех церквах. Никто, казалось, еще не мог понять того, что ожидает Москву». И в этот день здесь, в этом доме, юная Наташа настояла на том, чтобы подводы, на которых было уложено все добро Ростовых, отдали под раненых. Она помогала беспомощным людям выехать из оставляемого города. И, указывая родителям на подводы с вещами и на раненых, бродивших подле них, она говорила: «Раненые, вот кто! Маменька, ну что нам-то, что мы увезем? Вы посмотрите только, что на дворе... Маменька!.. Это не может быть!»

Подводы были отданы под раненых, и вскоре вереница их и четыре экипажа Ростовых покинули Москву.

А вот другой, тоже реально существующий и поныне в Чистом переулке дом 7. Здесь жила Н. Д. Офросимова, о которой мы уже вспоминали в связи с рассказом о прототипах «Горя от ума». Она послужила прообразом для М. Д. Ахросимовой и в романе Толстого. В доме Марии Дмитриевны останавливались, приехав из деревни, граф Илья Андреевич Ростов с Наташей и Соней.

«Поздно вечером четыре возка Ростовых въехали во двор Марии Дмитриевны в Старой Конюшенной. Мария Дмитриевна жила одна. Дочь свою она уже выдала замуж. Сыновья ее все были на службе».

С этим домом связано неудавшееся похищение Наташи Анатолом Курагиным. И отсюда уходил просветленный после беседы с Наташей Пьер. «Было морозно и ясно. Над грязными, полутемными улицами, над черными крышами стояло темное звездное небо. Пьер, только глядя на небо, не чувствовал оскорбительной низости всего

земного в сравнении с высотой, на которой находилась его душа. При въезде на Арбатскую площадь огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812 года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света».

В доме 25 по Гагаринскому переулку (ул. Рылеева) Толстой 9 февраля 1878 года посетил вернувшегося из ссылки декабриста П. Н. Свистунова. Он писал Свистунову, имея в виду судьбу декабристов: «Прошу верить, что дело, которое занимает меня, для меня почти так же важно, как моя жизнь». В связи с этим как не упомянуть о доме 15 по улице Рылеева, знаменитом доме Штейнгеля — декабриста, приговоренного к двадцатилетней каторге! С этим домом связаны имена Л. Н. Толстого, А. Ф. Писемского, Ф. М. Достоевского, А. А. Фета, И. А. Бунина. Приехав в Москву со старшей дочерью, Толстой остановился 27 сентября 1897 года в доме 9 на Арбате у своей племянницы Е. В. Оболенской, ранее, переехав в Москву в 1881 году, Лев Николаевич поселился в Малом Левшинском переулке в доме 3 (не сохранился).

Как мы уже упоминали, в 1850-х годах в этом доме Толстой бывал у Аксакова. Он прожил здесь с сентября 1881 по весну 1882 года. Сыновья Илья и Лев поступили в гимназию Поливанова (ныне Кропоткинская ул., 32). Писатель посетил гимназию 18 сентября 1881 года. Это было время тяжелого нравственного кризиса, пережитого великим писателем, о сути которого свидетельствует запись в дневнике 5 октября 1881 года, где Лев Николаевич выражает свое отрицательное отношение к капиталистической Москве: «Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют». Многие технические достижения Л. Н. Толстой рассматривал под углом зрения отрицательного отношения к капиталистическому городу. Так, 18 сентября 1909 года, возвращаясь из Крекшина от друга В. Г. Черткова, он остановился в Москве и посетил кинематограф «Гранд-Даризьен» (ул. Арбат, 15, не сохранился). Он «был поражен нелепостью представления и недоумевал, как это

публика наполняет множество кинематографов и находит в этом удовольствие».

В районе Арбата увековечена память о Толстом. Еще в дореволюционное время, перед первой мировой войной, один из доходных домов — дом 4 в Плотниковом переулке — был украшен декоративными барельефными изображениями, среди которых есть портрет великого писателя.

На Кропоткинской улице, 11, находится Государственный музей Л. Н. Толстого, в доме, который, как можно предположить, писатель знал, но в котором не бывал. Здание построено в 1817 году по проекту А. Г. Григорьева и О. И. Бове. Музей создан в 1911 году на основе выставки, учрежденной Толстовским обществом в Историческом музее, в это здание музей переехал в 1920 году. В фондах и экспозиции музея — фотографии, личные вещи, записи голоса Толстого, киноленты 1908—1910 годов. Во дворе стоит памятник великому писателю работы скульптора С. Д. Меркурова.

Арбат связан и с именем *Антон Павловича Чехова*. В доме 9 по Арбату помещались редакция журнала «Сверчок» и квартира издателей М. А. и Е. А. Вернеров. Семь рассказов были напечатаны Антоном Павловичем в «Сверчке». Вернеры в 1887 году издали книгу Чехова «Невинные речи», обложку которой рисовал Н. П. Чехов. В Калозином переулке в доме 10 в собственном доме жила замечательная актриса Малого театра Н. А. Никулина. В декабре 1888 года Чехов бывал у нее в связи с предполагавшимися постановками пьес петербургских драматургов на сцене Малого театра.

...Продолжал меняться облик Арбата. Быт аристократии вытеснялся укладом жизни, лишенным прежней церемонности и условностей. Разночинцы, обедневшее дворянство, буржуа поселялись в этом районе. Появлялись многоквартирные дома. На рубеже веков вырастали огромные доходные здания. Сдержанный внешний облик построек сочетался с более удобной, с точки зрения повседневной частной жизни, внутренней планировкой. Иным становилось убранство квартир. В наиболее богатых обязательно имелись: «...покойный диван (duchesse) под золото и краску, обит шелковой материей, над ним — овальное зеркало в золоченой раме с жирандолями по сторонам, а по стене — украшение из золоченых багет в стиле времен Людовика XVI, большой круглый диван для се-

редины гостиной, дерево под золото или краску, обшит шелковой стеганой материей, верх кончается резной корзиной для цветов, стиль Людовика XVI»¹. В интерьерах — ковры, портьеры, занавески, дорожки; в отделке мебели много материи, шнуров, кистей, бахромы. Вместо свечей — матовые шары керосиновых ламп.

В этом районе появляются новые люди, новые, молодые писатели. В доме 6 (не сохранился) по Арбату в 1860-х годах жил писатель-разночинец *Александр Иванович Левитов* (1835—1877). Именно с этим районом связано становление таланта даровитого бытописателя Москвы. Первоначально он проживал в доме 2 (не сохранился) на Сивцевом Вражке, а с весны 1862 года — доме 21 (не сохранился) на Пречистенском бульваре. Свои очерки он помещал в журнале «Зритель». После значительного перерыва, в 1871 году, писатель поселился в меблированных комнатах в доме 18 в Мерзляковском переулке. Однако предметом его описания был не этот район, а окраины Москвы, населенные беднотой. Жизнь самого Левитова проходила в нищете. Скончался он в январе 1877 года в университетской клинике.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛИТЕРАТУРНОГО АРБАТА

Арбат и примыкающие к нему улицы связаны с памятью о А. М. Горьком. На улице Воровского в доме 25 находится Литературный музей его имени. В фондах и экспозиции — 22 тысячи единиц хранения: книги круга чтения писателя, его личные вещи, первые публикации произведений. Как символ романтики, неувыдающей силы и мечты стоит во дворе музея памятник молодому Горькому, поставленный в 1960 году по проекту В. И. Мухиной. Вскинув голову, стоит он, глядя на старую, полную памятных событий улицу Воровского. В этом же здании находится Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ).

Переулки, примыкающие к улице Воровского, хранят память о *Владимире Владимировиче Маяковском*, который, приехав в Москву в 1906 году, поступил в четвертый класс 5-й московской гимназии (ныне ул. Воровско-

---

¹ *Кириченко Е. И.* Русский интерьер 30—60-х годов XIX столетия // Декоративное искусство. 1970. № 7.

го, 3, здание не сохранилось). Вскоре оставив гимназию, он всецело отдался пропагандистской работе в среде рабочих. В 1908 году вступил в партию большевиков — РСДРП(б). В этом же районе 1 февраля 1930 года поэт открыл яркую, интересную выставку «20 лет работы» (ул. Воровского, 52). В ту пору здесь находилась Федерация объединений советских писателей — ФОСП, предоставившая поэту помещение для выставки. На плакате, возвещавшем об ее открытии, значилось: «Показываем: книги, детское, журналы, газеты Москвы. Газеты СССР. Плакаты. «Окна сатиры». Рекламы. Выступления. Театр. Записки. Критика. Кино. Радио. Биография». Выставку посетили рабочие, комсомольцы, рабфаковцы, группа литературной молодежи при «Комсомольской правде». Но острота литературной борьбы привела к тому, что ряд литераторов бойкотировали выставку. В апреле 1940 года, в связи с десятой годовщиной со дня смерти поэта, для выставки Маяковского было отведено помещение на Кропоткинской улице, 12 (в нынешнем Музее А. С. Пушкина). Начавшаяся война сорвала ее открытие.

С Арбатом связан *Иван Алексеевич Бунин* (1870 — 1953), который приехал в Москву в 1894 году. В воспоминаниях о Толстом он говорит о своей случайной встрече со Львом Николаевичем на Арбате. Бунин чувствовал самобытность этого района и отразил это ощущение в стихотворении «В Москве»:

Здесь, в старых переулках за Арбатом,
Совсем особый город... Вот и март.
И холодно и низко в мезонине...

Весной ночное небо! Как спокойна
Луна весною! Теплятся, как свечи,
Кресты на древней церковке...

В 1905 году он стал свидетелем Декабрьского вооруженного восстания. Бунин встречался с московскими писателями и художниками на «средах», основанных знатоком искусства В. Е. Шмаровиным, проходивших на Большой Молчановке, 25. Здесь собирались Н. А. Андреев, братья А. М. и В. М. Васнецовы, А. С. Голубкина, К. А. Коровин, И. И. Левитан, В. И. Суриков, В. Я. Брюсов, В. А. Гиляровский. В память о «средах» художник Л. В. Туржанский в 1905 году написал портрет Ивана Алексеевича.

Бунин часто останавливался в гостинице «Столица» (Арбат, 4). Приезжая в 1910—1912 годах, писатель жил у старшего брата Юлия в Староконюшенном переулке в доме 32 (не сохранился), где находилась редакция журнала «Вестник воспитания», руководимого братом, или в Столовом переулке у родственников жены — В. Н. Муромцевой. 21 мая 1918 года Бунин покинул Москву; он уехал из своей последней московской квартиры на Поварской (ул. Воровского, 26). На Савеловский вокзал писателя и его жену провожали брат Бунина Юлий и жена Горького Е. П. Пешкова. Бунины уехали в санитарном вагоне в Минск и долго добирались до Одессы. В 1920 году писатель эмигрировал. В Париже, работая над рассказом «Далекое», он вспоминал Арбат: «Проходила зима, наступала весна. Неслись, грохотали, звенели конки по Арбату...»

В отношении к Арбату много общего у Бунина с *Александром Ивановичем Куприным* (1870—1938). В 1888—1890 годах он учился в Александровском военном училище на нынешней Арбатской площади (угол ул. Фрунзе и Гоголевского бульв.). В пору учебы в училище в 1889 году в газете «Русский сатирический листок» Куприн напечатал рассказ «Последний дебют». Жизнь и учение в Александровском училище описаны им в романе «Юнкера», изданном отдельной книгой в 1933 году в эмиграции. В далеком Париже писатель тосковал по Родине, и в частности вспоминал этот район: «И вся эта молчаливая, тупая скорбь в том, что уже не плачешь во сне и не видишь в мечте ни Знаменской площади, ни Арбата, ни Поварской, ни Москвы, ни России...»

На Арбате в доме 55 прожил до 1906 года родившийся здесь *Андрей Белый* (Борис Николаевич Бугаев, 1880—1934). Атмосферу жизни профессорской Москвы, к которой принадлежал отец писателя, А. Белый отобразил в эпопее «Москва». А. Белый хорошо знал и любил Москву. Здесь складывался его поэтический талант. На квартире Андрея Белого на Арбате собирался возглавляемый им кружок молодых поэтов, отказавшихся от традиционных взглядов на искусство в поисках новых путей. 10 января 1904 года пришел сюда юный Александр Александрович Блок, приехавший из Петербурга в связи с изданием сборника «Стихи о Прекрасной Даме». Об этой встрече А. Белый вспоминал: «...вижу: нарядная дама выходит из меха; высокий студент, сняв пальто,

его вешает, стиснув в руке рукавицы молочного цвета... Широкоплечий; прекрасно сидящий сюртук с тонкой талией, с воротником, подпирающим шею, высоким и синим». На лице юноши горит розоватый обветренный загар. «Не то «Молодец» сказок; не то — очень статный военный... с застенчиво-милым, чуть набок склоненным лицом...»

Позднее, с 1910 года, Блок бывал в издательстве «Муссагет» на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевский бульв., 31) уже по поводу издания трехтомного собрания стихотворений. Краевед Ю. А. Федосюк установил, что редакция находилась в двухэтажном флигеле, расположенном во дворе (д. 31, строение 3, квартира 9 на втором этаже). Редактором издательства был философ и литератор Э. К. Метнер. Здесь издавались сборники стихов Блока в 1916 году.

Неоднократно посещали «Муссагет» Л. Н. Андреев, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, И. В. Северянин. Конец жизненного пути Блока также связан с этой улицей. В мае 1920 и в мае 1921 годов Блок останавливался в доме 51 на Арбате. Это большой доходный дом. Поэт жил в одном из его корпусов на квартире критика П. С. Когана. С. М. Алянский вспоминает: «Однажды я откуда-то возвращался вместе с Блоком. Мы шли от Арбатских ворот по Арбату — совсем недалеко. Когда мы поравнялись с домом, в котором он остановился в этот приезд, он сказал, что едва дошел — так устал...» Писатель был нездоров, но искал встреч с москвичами. Советская литературная Москва ждала слова Блока, и он выступал: в 1920 году, 14 мая, во Дворце искусств (ул. Воровского, 52), в 1921 году, 7 мая, в Доме печати (Суворовский бульв., 8а).

В последний приезд в мае 1921 года выступал с чтением «Итальянских стихов» в обществе имени Данте Алигьери — «Studio Italiano» в Мерзляковском пер., д. 8 (не сохранился). «Итальянское общество» основали художники, искусствоведы, литераторы — Б. К. Зайцев, П. П. Муратов и другие, тонкие ценители поэзии и искусства. Они были искренними поклонниками таланта Александра Блока.

Но самый теплый и радушный прием оказывали поэту сотни москвичей, встречавших его в Политехническом музее. После таких выступлений здесь, на квартире Когана, он читал записки, полученные в Политехническом, содер-

жащие просьбу прочитать поэму «Двенадцать», а однажды вскрыл конверт со стихами Марины Цветаевой, который в антракте передала ему восьмилетняя дочь поэтессы. Здесь Блок встретился с литераторами Вячеславом Ивановым, С. Поляковым и Г. Чулковым, которые критически относились к поэме «Двенадцать», обвиняя его якобы в измене прежним идеалам. Однако враждебность бывшего его окружения не изменила революционных настроений Блока.

С Арбатом связано имя младшего современника Блока *Сергея Александровича Есенина*.

В начале 1915 года юный Есенин отправляется из Москвы в Петроград. Оттуда он возвратился весной 1918 года автором книги стихов «Радуница», вышедшей в 1916 году. Об этом времени поэт писал: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном».

Бурная литературная жизнь Москвы 1920-х годов захватила поэта. Поначалу он сблизился с одной из культурно-просветительских организаций — Пролеткультом, находившимся в доме 16 на Воздвиженке (ныне просп. Калинина). Это причудливое эклектичное здание с белокаменными украшениями в виде ракушек и витыми колоннами хорошо знакомо москвичам. В 1918 году по фасаду особняка было протянуто полотнище, на котором четкими черными буквами значилось: Пролеткульт. Организация объединяла писателей — выходцев из рабочей среды.

С Пролеткультом связана деятельность пролетарских поэтов М. Герасимова, В. Кириллова, И. Садофьева, Н. Полетаева и других, первые шаги В. Казина, ему созвучна поэзия А. Гастева. Близость Есенина к Пролеткульту не была органичной для поэта, вскоре он расстался с этой литературной организацией. Главным теоретиком Пролеткульта был А. Богданов. Поэты Пролеткульта воспевали «мировой» Октябрь, заводской труд, «железного» пролетария, стремились запечатлеть не индивидуальные, а «коллективные», классовые эмоции. В. И. Ленин, внимательно следивший за работой Пролеткульта, 8 октября 1920 года подготовил проект резолюции «О пролетарской культуре» и поставил вопрос о Пролеткульте на заседании ЦК РКП(б). Деятельность этой организации вызвала резкую критику со стороны В. И. Ленина.

В Москве и Петрограде издавались пролеткультовские журналы «Кузница», «Пролетарская культура», «Грядущий

щее». В 1918 году здесь находился театр Пролеткульта, проходили литературные чтения. В одной из комнат в этом здании на втором этаже С. А. Есенин жил вместе с поэтом М. П. Герасимовым.

В 1918 году Есенин написал стихотворение «Небесный барабанщик», ритмы которого передают взлет эмоций, вызванных событиями революции. Время звало к творчеству и эксперименту. Совместно с М. П. Герасимовым, С. А. Клычковым и Н. А. Павлович поэт написал киносценарий в четырех частях «Зовущие зори». Как вспоминает Н. Павлович, «материалом для «Зовущих зорь» послужили и московский Пролеткульт, и наши действительные разговоры, и утопические мечтания, и, прежде всего, сама эпоха... Эпизоды 13, 14, 15, 16—23 мы придумывали в столовой на Арбате, куда часто ходили все вместе обедать из «Пролеткульта». К первой годовщине Октября С. Есенин совместно с поэтами М. Герасимовым и С. Клычковым, откликнувшись на предложение скульптора С. Т. Коненкова, написал «Кантату» в память о борцах революции. Музыка к ней создал композитор И. Шведов. «Кантата» исполнялась на Красной площади 7 ноября 1918 года при открытии памятной доски работы С. Т. Коненкова «Павшим в борьбе за мир и братство народов», установленной в ту пору на стене Сенатской башни Московского Кремля.

На Арбате в доме 7 в начале 1920-х годов располагался «Литературный особняк», где Сергей Есенин впервые читал поэму «Пугачев», а неподалеку находился популярный у молодежи «Арбатский подвальчик»¹, частыми гостями которого были С. Есенин, В. Маяковский, В. Каменский и другие. На примыкающей к этому району Кропоткинской улице в светло-зеленом, с узорным балконом доме 20, построенном в конце XIX века, с 1921 года находилась школа-студия известной американской танцовщицы — новатора в области балета — Айседоры Дункан, приехавшей в Москву в июле того же года. Здесь и жил поэт в 1921—1922 годах и некоторое время осенью 1923 года по возвращении из поездки по Европе и США. Дункан противопоставляла классическому балету пластический свободный танец. Ее творчество высоко оценивали К. С. Станиславский и А. В. Луначарский, называвший ее

---

¹ Это тот самый «Арбатский подвальчик», который впоследствии был описан А. Рыбаковым в романе «Дети Арбата».

«царицей жеста». В задрапированных голубой тканью залах второго этажа занимались классы, в которых первоначально обучалось сорок детей преимущественно московских рабочих. Есенин и Айседора Дункан, с которой он познакомился в студии художника Г. Б. Якулова на Триумфальной площади (пл. Маяковского), 2 мая 1922 года зарегистрировали брак.

Студию посещали литераторы А. Мариенгоф, В. Шершеневич, Р. Ивнев, И. Старцев, А. Кусиков. Устраивали чтения. Есенин читал «Исповедь хулигана» и монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев». Отсюда поэт вместе с Айседорой Дункан отправился 10 мая 1922 года в Германию. 12 ноября 1922 года Есенин писал Мариенгофу из США: «Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва». И это, вероятно, как раз потому, что над своими стихами о росистой траве, поле, ветре, красоте восходов и закатов поэт работал не в деревне, а в городских квартирах, из окон которых виднелись узкие дворы, серые стены и бурые крыши. И этим городом была Москва. Последним пристанищем поэта в Москве была квартира его жены С. А. Толстой в Померанцевом переулке (дбм 3).

В зале Дома печати на Никитском бульваре (Суворовский бульв., 8а) Есенин выступал перед москвичами с чтением цикла «Персидские мотивы». И здесь же в сентябре 1925 года состоялось последнее выступление поэта, на котором он читал стихотворение «Цветы мне говорят — прощай...». Болезнь, боязнь потерять контакт с читателем, постоянная неудовлетворенность собой привели поэта к убеждению, что ему надо резко сменить обстановку и окружение. 23 декабря 1925 года он уехал в Ленинград, где 28-го трагически оборвалась его жизнь.

Вечером того же дня в кинотеатре «Художественный» на Арбатской площади, по воспоминаниям И. Рахилло, на общественном просмотре фильма «Броненосец «Потемкин» творческая интеллигенция Москвы узнала о смерти Есенина. Гроб с телом установили для прощания в Доме печати. На фасаде здания укрепили плакат со словами: «Умер великий русский поэт». Москвичи пришли сюда проститься с ним. На руках гроб с телом вынесли из ворот, пронесли по Суворовскому, Тверскому бульварам, трижды обнесли вокруг памятника Пушкину.

Среди домов в старых переулках по виду своему ничем не отличается от прочих трехэтажный светлый особ-

няк, облицованный кафелем. Улица, на которой он стоит, сейчас носит имя человека, жившего здесь, это улица Фурманова (бывш. Нащокинский пер.), дом 14. Здесь жил в 1923—1926 годах *Дмитрий Андреевич Фурманов* (1891—1926).

Его биограф Бережной вспоминает, что «Москва была самым любимым городом писателя». Два крайних слева окошка во втором этаже — окна комнат Фурманова. Писатель поселился здесь с женой А. Н. Стещенко. Вторая комната была расположена несколько выше первой, поэтому проходить в нее надо было, поднявшись по широким ступеням. Здесь стоял большой письменный стол, за которым работал Дмитрий Андреевич. Все стены до потолка были заставлены книжными полками. Много книг было и в первой комнате.

Люди, знакомые с Фурмановым, вспоминают о нем, как о человеке большого обаяния, к нему тянулись люди. Сюда к нему приходили друзья по Чапаевской дивизии; сослуживцы по работе в Средней Азии, студенты с вечернего отделения филологического факультета университета, где учился в то время Фурманов. Бывший комиссар Чапаевской дивизии работал в Высшем военном редакционном совете, в Истпарте, в Литературной комиссии при Отделе печати ЦК РКП(б), а с 1923 года был исполняющим обязанности редактора Госиздата, являлся членом редколлегии журнала «Октябрь», а с 1923 года — пролетарской группы писателей «Октябрь», в 1924—1925 годах — секретарем Московской ассоциации пролетарских писателей — МАПП.

В 1922 году в этом доме он написал «Красный десант», в 1922—1923-м — «Чапаева», в 1925-м — «Мятеж» и цикл очерков о М. В. Фрунзе и приступил к созданию романа «Писатели», в котором хотел отразить широкую панораму литературной жизни современной ему Москвы. Его друзьями были А. С. Серафимович и Вс. Иванов. Фурманов посещал литературные кафе «Стойло Пегаса», «Питторекс» и встречался там со многими писателями и поэтами Москвы 1920-х годов.

Его рабочий день был уплотнен до предела. «Писать, писать, писать за счет всего, — решает Фурманов. — Работать ночи. Переламывать свои настроения и даже усталость. Следить за бытом, зорко глядеть и слушать кругом, немедленно заносить характеристики».

Впечатления от этого тихого уголка Москвы тоже по-

могали ему работать: «Шел по улице, а голова все занята была то вопросами композиционными и техническими, то обдумыванием психологических положений... Кричат торговки на Арбате — а я жадно вслушиваюсь в их крики, ловлю все интересное».

Мемориальная доска из красного гранита с бронзовым барельефным портретом, установленная на этом доме, напоминает: «Здесь жил и умер Дмитрий Андреевич Фурманов — боевой комиссар, писатель, большевик, 1891—1926».

На Арбате в доме 45 жила *Мариэтта Сергеевна Шагинян* (1888—1982), у которой частыми гостями были многие начинающие поэты. Она известна как автор романа «Гидроцентральный», очерков «Путешествие по Советской Армении», тетралогии о В. И. Ленине, книг о И. В. Гете, Т. Г. Шевченко, Низами, мемуаров. Здание отмечено памятной доской.

Этот район был знаком *Марине Ивановне Цветаевой* (1892—1941). В детские годы Цветаева училась музыке в училище В. Ю. Зограф-Плаксиной в Мерзляковском переулке.

С. Романюк в путеводителе «Из истории московских переулков» пишет: «На нечетной стороне Мерзляковского переулка надо отметить дом № 9, построенный в 1910 году архитектором Н. И. Жериховым. Тут до революции находилось Общедоступное музыкальное училище В. Ю. Зограф-Плаксиной, которое после 1917 года было преобразовано в 4-й Государственный музыкальный техникум имени А. и Н. Рубинштейнов, позднее называвшийся областным музыкальным техникумом, где преподавали Д. Б. Кабалевский, В. П. Ширинский, С. Н. Василенко и многие другие известные музыканты».

В книге «Мой Пушкин» поэтесса вспоминает о рождественском музыкальном вечере в училище, на котором давали сцены из «Русалки», «Рогнеды», «Евгения Онегина».

Юные годы поэтессы в значительной степени связаны с центральной частью города, а затем топография цветаяевских памятных мест перемещается сюда, в район Арбата.

Юная чета Эфронов жила перед первой мировой войной в Москве по нескольким адресам. 2 октября 1911 года они переезжают из дома на Трехпрудном на Сивцев Вражек, 19, квартира 11, шестой этаж. В этой квартире жила

(как отмечает в своем дневнике писательница Р. М. Хин-Гольдовская 18 февраля 1913 г.) «вся волошинская компания... (состоявшая.— Авт.)... из двух частей: «обормотов» — сюда входит своеобразная коммуна: мать Волошина (старуха в штанах и казакине!), он сам и две сестры Эфрон — Лиля и Вера. Они живут все на одной квартире, которую они сами окрестили именем «обормотник»... Остальные: Марина Цветаева, двадцатилетняя поэтесса, жена девятнадцатилетнего Сережи Эфрона, ее младшая сестра Ася, тоже замужем за каким-то мальчиком...». Юная семья Эфрон жила в домах на Собачьей площадке (дом 8, не сохранился) и на углу Большой Полянки и Екатерининского переулка (в Замоскворечье, не сохранился).

Биограф Цветаевой Анна Саакянц отмечает, что по стихам шестнадцатого года видно, что Цветаева без ложной скромности ощутила себя российским, притом — московским поэтом, соревнующимся (именно так!) с петроградскими «парнасцами». «...Твой Петербург, моя — Москва», — напишет она позднее Ахматовой.

Перед первой мировой войной и в начале ее Цветаева очень много и напряженно работает, хотя не печатается. В «Ответе на анкету» сама Цветаева отмечает: «Перерыв в печати на 10 лет». Накапливается большой жизненный опыт: счастливое замужество, материнство. Она ищет для себя в Москве «волшебный дом» и находит его в «своем» районе — в части центра, прилегающей к Арбату, в Борисоглебском переулке (ул. Писемского, 6): двухэтажный, с пристройками, достройками, асимметричный, неказистый, типично старомосковский дом, построенный в 1862 году. Весной 1913 года она снимает там во флигеле три комнаты (не сохранился), а с осени 1914 года — квартиру № 3. Сейчас дом передан отделу краеведения Центральной городской библиотеки имени Н. А. Некрасова и стоит вопрос о создании здесь музея Цветаевой. Анна Саакянц пишет: «Строгий фасад небольшого двухэтажного дома не соответствовал его сложной и причудливой внутренней планировке. Большая квартира под номером три, которую снимала семья Цветаевой, находилась на втором этаже и имела в свою очередь... три, а точнее, два с половиной этажа: обычный и мансардно-чердачный, где многие помещения находились на разной высоте». Здесь Цветаева провела около восьми лет.

В сентябре 1917 года Марина Ивановна уехала в

Крым, а ее муж, получив назначение прапорщика запасного пехотного полка, остался в Москве. В разгар октябрьских боев Цветаева приехала в Москву, и с Сергеем Яковлевичем они уехали в Коктебель к Волошину, оставив в Москве детей (13 апреля 1917 года у Цветаевой родилась вторая дочь — Ирина).

Когда Цветаева возвратилась в Москву за детьми, то обратно в Крым уже нельзя было вернуться. В январе 1918 года С. Я. Эфрон приезжал в Москву тайно перед отбытием в армию Корнилова. Цветаева осталась с детьми одна. Начались голод и разруха. Осенью 1919 года она отдала детей в подмосковный приют. Вскоре оттуда забрала больную Алю, а почти трехлетняя Ирина умерла там от истощения и тоски.

Трагические события давали импульс творчеству. Пора больших нравственных и физических испытаний, напряжение всех внутренних сил, случается, дают взлет творческой мысли. С 1917 по 1920 год Цветаева создала более трехсот стихотворений, поэму-сказку «Царь-девица», шесть романтических пьес, множество записей-эссе.

Революцию Цветаева не приняла. Неприязнь к событиям, свидетельницей которых она являлась, веет от строчек:

О, вспененный высокий вал морской
Вдоль каменной Советской Поварской.

Однако мировые катаклизмы не могут не воздействовать даже на тех людей, которые не относятся к ним в данный момент положительно. Всплеск и разножанровость творчества Цветаевой в этот период очевидны. С этой точки зрения интересно вспомнить один из знакомых ей московских адресов — Мансуровский переулок, 3, где находилась студия Е. Б. Вахтангова, который всегда стремился к созданию спектаклей большого идейного содержания. Из этой студии впоследствии вырос театр его имени. Одним из первых театральных деятелей в стране он принял революцию. В первое время установления новой власти он жил в помещении своей студии. Здесь бывала Цветаева, подружившаяся с актерами-студийцами Второй студии МХТ и Третьей Вахтанговской. В это время ею были написаны пьесы «Приключение», «Фортуна», «Феникс», в которых она уходит от действительности в историю. Воспоминанием о той поре является написанная уже в эмиграции «Повесть о Сонечке», где централь-

ной фигурой является Софья Евгеньевна Голлидэй, которой Цветаева посвятила свою очередную пьесу «Каменный ангел» с главной ролью для нее и посвящением: «Сонечке Голлидэй — Женщине — Актрисе — Цветку — Героине».

9 мая 1920 года было для Цветаевой незабываемым днем. Она тогда впервые увидела А. Блока. Поэтесса была на его вечере в Политехническом музее.

Был знаком Цветаевой и другой литературный центр Москвы — Дворец искусств — Поварская (ныне ул. Воровского), 52. В этом же здании в течение полугода она работала в непонятном ей Наркомнаце, после чего зареклась где бы то ни было «служить» и исполнила это.

14 июля 1921 года здесь, в этом доме, Цветаева получила письмо от С. Я. Эфрона, который, пройдя все тяготы гражданской войны и эмиграции, оказался в Праге и учился в Пражском университете. Цветаева решила ехать к мужу. 11 мая 1922 года Марину Цветаеву и девятилетнюю Алю один из знакомых провожал до Виндавского (ныне Рижский) вокзала. Она уезжала в эмиграцию.

Цветаева посвятила Москве цикл, состоящий из девяти стихотворений, — «Стихи о Москве». В этих стихах она воспринимает город сквозь призму истории. Стихи цикла пронизаны размышлениями о сущности бытия:

Москва! Какой огромный
Страннопримный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.

Вернувшись из эмиграции, в 1939—1941 годах она некоторое время жила (или бывала) у сестры мужа — Е. Я. Эфрон в Мерзляковском переулке в доме 16.

В 1941 году уехала в эвакуацию в Елабугу, где окончилась ее жизненный путь: Марина Цветаева покончила жизнь самоубийством.

Великолепно знал Арбат *Алексей Николаевич Толстой* (1882/83—1945). Октябрьскую революцию встретил, живя в доме 8 на Малой Молчановке. Раннее московское утро, темны и неуютны улицы. Не горят фонари — для них нет керосина. Не снуют машины — не хватает горючего. Чернеют выбоины мостовых. Как незрячие глаза, обращены к редким прохожим забитые фанерой витрины. Где-то в глубине двора-колодца прогремывает одинокий выстрел. Где-то робко и неуверенно гудит фабричная тру-

ба. Из пелены мелкого дождя появляется фигура сутулого человека в истрепанном пальто с ведерком клейстера и длинной кистью. Он проходит от одного к другому столбу для афиш, и на них остаются плохо пропечатанные, еще влажные листы.

Н. В. Крандиевская вспоминает:

«Улицы были еще пусты. Лишь кое-где кучками стоял народ возле приказов, вывешенных новыми хозяевами города (А. Толстой стал их читать.— *Авт.*). Пожилой господин с бородой, в пенсне, стоявший рядом, сказал:

— Кончилась Россия!

И тут же чей-то веселый голос из толпы ответил:

— Это для вас кончилось, папаша. Для нас только начинается!»

Только начинается... Афиши наклеены вперемешку с приказами о борьбе с саботажем, контрреволюцией, с общениями о положении на фронтах. Афиши зовут на сорок представлений, которые ежедневно даются в театрах Москвы, на литературные вечера. События 1917 года нашли отражение в рассказе «Катя», в котором действие происходит в этом районе города.

Алексей Николаевич не мог принять этой жизни. Для писателя начались искания, приведшие его в 1919 году в эмиграцию. Сложный путь исканий проходят и его герои. Среди них Катя Рощина — широко известный персонаж трилогии «Хождение по мукам». 1919 год. Москва окружена кольцом фронтов. Опустел голодающий город. Потускнела краска на фасадах зданий, заросли травой булыжные мостовые, заборы разобрали на дрова. Сюда, на Арбат, с Киевского вокзала с узелком в руках спешит Катя. Она минует Бородинский мост, видит обмелевшую Москву-реку, где плещутся маленькие дети, слышит их пронзительно-грустные голоса, раздающиеся в предвечернем воздухе. Выйдя на Садовую, где по всему бульвару исчезли изгороди и решетки, Катя поражается тишине, «только шелестели огромные липы, важно прикрывая зеленой тенью своей опустевшие особнячки; на когда-то многолюдном Арбате — ни трамваев, ни извозчиков, лишь редкий прохожий, повесив голову, переходил ржавые рельсы». Она приходит в Староконюшенный переулок...

Здесь и по сей день сохранились одноэтажные особнячки, в одном из которых «жила» Катя. Мы не знаем, где именно стоял этот воображаемый писателем дом, да это и не так важно. Важно, что мы ощущаем, насколько

типичен он был для этого района: «В воспоминаниях этот особнячок представлялся ей прекрасным, золотистого цвета, с плоскими белыми колонками». Но «особнячок стоял кривенький, убогий, весь облупленный, и никаких на нем не было белых полуколонок. Катя их выдумала».

Героиня Толстого поселяется в одной из заброшенных комнат дома и принимается за работу. Надежды не обманули ее — именно в напряженной жизни революционной Москвы Катя находит настоящее место. В Наркомпросе она получает назначение на работу в пресненскую школу. Ее направляют читать лекции об искусстве на курсы ликбеза на заводы. В комнатухе Кати рабочие — ее слушатели устанавливают печку-буржуйку, греясь подле которой она долгими вечерами сосредоточенно и напряженно готовится к занятиям. Вся уйдя в работу, Катя духовно преображается.

Мысленно минуя переулки Арбата, отправимся в пресненскую школу, где в Катином классе «маленькие босые девочки с косичками, завязанными тряпочками или веревочками, и маленькие, наголо стриженные мальчики в драпых рубашонках тихо пришли и тихо расселись на партах». Их лица прозрачны от худобы. Катины слова «тускло увядают в классной комнате, где половина звеньев в окнах забита фанерой и на стенах штукатурка облупилась до кирпича». Катя, случайно найдя в особняке книгу о солнечной энергии, всю ночь при свете коптилки изучает ее, а наутро в классе, где от влажных и сырых стен шел пар, вдохновенно повествует об энергии солнца. Рассказ затронул душу ребят. Во время перемены «они рассказывали Кате всякие новости. Дети знали все, что делалось на Пресне, в Москве и даже за границей, у лордов-мордов. Так, раньше чем из газет, она узнала о прорыве белых под Орлом, откуда стали прибывать раненные». И чем больше узнавала она рабочих Пресни, тем больше понимала, что они будут отстаивать Москву от белых до последнего. Ее уверенность укрепилась, когда однажды утром, торопясь в школу, она увидела рабочие полки, идущие на защиту Москвы...

Значительная часть трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» разворачивается на фоне Москвы. Вот такой в первой части трилогии «Сестры» видит Москву бежавший из германского плена Телегин: «Огороды кончились, и с боков дороги замелькали забрызганные грязью домишки предместий, грубо мощенные улицы с грохочу-

щими ломовыми, заборы и за ними сады с древними липами, протянувшими ветви до середины переулков, пестрые вывески, прохожие, идущие по своим пустяковым делам, не замечая гремящего поезда и его — Ивана Ильича — в вагонном окошке; внизу в глубину улицы побежал, как игрушечный, трамвай; из-за дома выдвинулся купол церковки, — колеса застучали по стрелкам». Иной становой Москва зимой 1917 года, когда Катя, Даша и Телегин становятся свидетелями Февральской революции. Они пошли вместе с толпой к городской думе (ныне здание Центрального музея В. И. Ленина), а потом на Красную площадь. «На Лобное место, где лежал когда-то нагишом, в овечьей маске, со скоморошьей дудкой на животе, убитый Лжедмитрий, откуда выкрикивали и скидывали царей, откуда читаны были все вольности и все неволи народа русского, на небольшой этот бугорок; много раз зараставший лопухами и снова заливаемый кровью, вздох солдатик в заскорузлой шинелишке и, кланяясь и обеими руками надвигая на уши папаху, начал говорить что-то». Впоследствии Даша, нелепым образом оказавшаяся в контрреволюционном «Союзе защиты родины и свободы» и приехавшая по заданию заговорщиков летом 1918 года в Москву, проходя по улицам, вспоминала эти февральские дни, когда «тысячные толпы с флагами и песнями шатались по обледелым улицам, поздравляя друг друга с бескровной революцией». Она приехала в трудную для города пору. Москва еще не оправилась от октябрьских боев. Город был запущен и местами разрушен, что образно подчеркнула одна щемящая деталь: «...было удивительно увидеть в замусоренном сквере клумбу ярких цветов, непонятно кем и зачем посаженных... На Лубянской площади ветер крутил пыль», «в конце бульвара (Тверского. — *Авт.*) показались развалины гагаринского дома. Какой-то одинокий человек в жилетке, стоя наверху, на стене, выламывал киркой кирпичи, бросал их вниз. Уродливо и бесприютно выглядело кафе «Бом» — последний оплот старой беспечной жизни».

На Пречистенском бульваре у памятника Гоголю Даша получила инструкции, исполняя которые она отправилась, в рабочий район на завод слушать Владимира Ильича Ленина. «На трибуне стоял новый оратор, — небольшого роста человек в сером пиджаке, в измятом поперечными складками жилете. Нагнув лысый бугристый череп, он разбирал бумажки. Он сказал слегка картавя-

щим голосом: «Товарищи!» — И Даша увидела его озабоченное лицо с прищурившимися, как на солнце, глазами. Она была покорена безграничным обаянием его речи.

Именно Москва становится в романе «Хождение по мукам» тем местом, где основные герои трилогии собираются вместе, многое осознав, перестрадав и прочувствовав за годы своих поисков и скитаний. Символично, что у порога новой жизни все четверо в знаменательный декабрьский вечер 1920 года в зале Большого театра становятся свидетелями и участниками грандиозного события — принятия плана ГОЭЛРО. «Жребий брошен! — говорил человек у карты, опираясь на кий, как на копье. — Мы за баррикадами боремся за наше и за мировое право — раз и навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком». Этими строками заканчивается трилогия «Хождение по мукам». Работа над ней была завершена в 1930-е годы.

Район Арбата, Никитской, Поварской... У Никитских ворот на бывшей Спиридоньевской улице (ныне ул. Алексея Толстого) писатель жил в 1942—1945 годах в доме 4. Здание отмечено памятной доской, там открыли его музей. Между улицами Качалова и Алексея Толстого в 1957 году писателю установлен памятник (скульптор Г. И. Мотовилов).

В трудное время рождения нового мира писатели, пришедшие в литературу из гущи народной жизни, организовали своеобразную пролетарскую коммуну в доме 33 в Староконюшенном переулке. В квартире № 11 здесь жили в период с 1920 по 1928 год: один из руководителей литературной группы «Кузница» — автор романа «Сладкая каторга» *Николай Николаевич Ляшко* (1884—1953); *Алексей Сильч Новиков-Прибой* (1877—1944) — автор «Цусимы»; *Федор Васильевич Гладков* (1883—1958) — автор романа «Цемент»; *Александр Сергеевич Неверов* (1886—1923) — один из зачинателей детской литературы. В 1920—1922 годах группа выпускала журнал «Кузница», редакция которого находилась в 1921 году здесь же.

Многие чувствовали притягательную силу этого района. *Илья Ильф* (1897—1937) и *Евгений Петров* (1902—1942) также не остались равнодушными к Арбату. Ильф жил неподалеку от Сивцева Вражка в доме, стоящем вблизи нынешнего бассейна «Москва» (Соймоновский пр., 5). Ильф и Петров работали в редакции газеты «Гу-

док» (Китайский пр., 9/5), находившейся в бывшем Воспитательном доме, где располагался в ту пору Дворец труда. В романе «Двенадцать стульев» маршрут прогулки Воробьянинова с Лизой проходил по известным авторам улицам: «Прошли через весь Пречистенский бульвар и вышли на набережную, к храму Христа Спасителя». «После недолгих уговоров Ипполит Матвеевич повез Лизу на Арбат в «Прагу», образцовую столовую МСПО — «лучшее место в Москве», как говорил ему Бендер. «Прага» поразила Лизу обилием зеркал, света и цветочных горшков». Пьяный Ипполит Матвеевич, которого Лиза после посещения «Праги» ударила кулаком в нос, «еще плача, купил у старушки все ее баранки вместе с корзиной. Он вышел на Смоленский рынок, пустой и темный, и долго расхаживал там взад и вперед, разбрасывая баранки, как сеятель бросает семена».

Во второй главе романа «В Москве» и в третьей «Сокровище мадам Петуховой» перед читателем — шумные улицы центра и тихий Сивцев Вражек, где находился «розовый домик с мезонином», где в общежитии студентов-химиков поселились Бендер и Воробьянинов. Маршруты, по которым покупатели уносили с Петровки из Пассажа стулья, приобретенные на аукционе, создают конкретный образ Москвы 1920-х годов.

Старый район был свидетелем того, как рушился изживший себя мир и создался новый. В Москве шла напряженная творческая жизнь. В нее включился и юный участник гражданской войны *Аркадий Петрович Гайдар*, зачисленный в 1924 году в резерв Красной Армии. В 1927 году, как сотрудник редакции газеты «Красный воин» (Кропоткинская ул., 7), он начинал свою литературную деятельность.

Есть основания предполагать, что совершенно по-иному, чем их предшественники, смотрели писатели этого поколения на Арбат, нередко видя в нем олицетворение старого мира, против которого они вели борьбу. Время требовало больших масштабов обобщения, выдвигало задачу строительства нового общества и формирования нового человека.

В апреле 1930 года в одном из арбатских переулков (ныне пер. Островского) в доме 12 поселился *Николай Алексеевич Островский*. Боец 1-й Конной, герой гражданской войны, получивший тяжелое ранение, перенесший операцию и потерявший зрение, не терял присутствия

духа. В маленькой угловой комнате коммунальной квартиры Николай Островский совершил свой главный подвиг. На памятной доске читаем: «В этом доме в 1930—1932 годах жил писатель Николай Островский. Здесь он написал первую часть романа «Как закалялась сталь».

Начинающие советские писатели, люди разных судеб, разных литературных направлений, разных уровней таланта, не были разрозненными одиночками, затерявшимися в сложном процессе ломки старой и создания новой культуры.

К числу тех, кто много сделал для развития советской литературы и культуры, относится *Анатолий Васильевич Луначарский* (1875—1933). Памятная доска на доме 9/5 по улице Веснина с барельефным портретом Луначарского напоминает, что «В этом доме жил с 1923 года по 1933 год первый Народный Комиссар просвещения РСФСР, писатель и публицист Анатолий Васильевич Луначарский». Луначарский прожил в этом доме последние десять лет. До революции квартира принадлежала домовладельцу адвокату Мандельштаму, который в 1919 году уехал за границу. Два года здесь хозяйничали беспризорные. В 1921 году сюда въехала нефилологическая библиотека (ныне Всесоюзная библиотека иностранной литературы), а в 1963 году было принято решение о передаче квартиры Государственному Литературному музею.

На последнем этаже красивого доходного дома сохраняется музей-квартира. Историко-литературная экспозиция рассказывает о наиболее ярких страницах биографии Луначарского, о встречах с В. И. Лениным, революционной работе, активной общественной деятельности.

Обстановка кабинета сохраняется такой, какой была при жизни Анатолия Васильевича. Большой письменный стол (слева от окна) и малый стол для стенографистки, диван и стулья с грудой газет, книг и журналов. Сохранилась фотография Луначарского, сидящего за этим столом. По этой фотографии и расставлены все предметы, которые мы видим. Календарь Луначарского открыт на воскресенье. Его запись: посетить Третьяковскую галерею, написать 250 строк для французской газеты, статью для «Известий», статью в «Новый мир» — «Что такое наука буржуазная и пролетарская», статью для учительской газеты.

На его столе лежали книги по философии, биологии, педагогике, археологии, медицине. Чтение было для него

необходимостью. Он говорил и читал на многих европейских языках. Читал в подлиннике Шекспира, Бэкона, немецких философов, поэтов. В квартире было много книг: сочинения В. И. Ленина, БСЭ, энциклопедический словарь «Гранат», книги о революционном прошлом, русская и зарубежная классика... Здесь стояли книги самого Луначарского.

Интересна коллекция уральских самоцветов — подарок Луначарскому от рабочих Тагильского округа, где он жил. На столе у окна список абонентов, телефон. При Луначарском была установлена прямая связь с Кремлем. Бюст В. И. Ленина (скульптор Г. В. Нерода) был сделан по заказу Луначарского. Он мечтал написать книгу о В. И. Ленине. Начал писать о великом вожде еще при его жизни, но книга не была завершена. В 1981 году вышел в свет на двенадцати языках сборник «Человек нового мира». Он включил все написанное А. В. Луначарским о В. И. Ленине. Многие годы борьбы и совместной работы связывали А. В. Луначарского и В. И. Ленина. Самоотверженная работа Анатолия Васильевича в области строительства социалистической культуры всегда находила поддержку В. И. Ленина.

А. М. Горький в очерке «В. И. Ленин» говорил о той оценке, которую Владимир Ильич дал Луначарскому: «На редкость богато одаренная натура. Я к нему «питаю слабость» — черт возьми, какие глупые слова: питать слабость! Я его, знаете, люблю, люблю, отличный товарищ!»¹

В этом рабочем кабинете Луначарским была написана значительная часть его произведений, из которых особенно интересны «Поджигатели» (1924), «Яд» (1926), «Бархат и лохмотья» (1927, по драме Стюккена), «Медвежья свадьба» (драматический вариант новеллы П. Мериме «Локис»), «Нашествие Наполеона» (1930). Он переводил стихи Шандора Петефи (1925), Ф. Гельдерлина (1929).

После Октября в тяжелые годы голода и разрухи шла небывалая созидательная работа по культурному строительству, которую Луначарский возглавил. Борясь за идейность и партийность советского искусства, Луначарский говорил: «Наше искусство не может быть не чем иным, как силой, оказывающей огромное влияние на общий ход борьбы и строительства».

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 17. С. 21.

К десятилетию своей деятельности на посту наркома просвещения Луначарский получил от работников искусств поздравительный адрес: «Культурному человеку современности, другу всех работников искусств, стойкому борцу за сохранение всего ценного из прошлого и защитнику всего культурного в настоящем». В числе подписавших Л. В. Собинов, К. С. Станиславский. Фотография Луначарского и Маяковского, хранящаяся в этом доме, напоминает об одном из вечеров. Здесь собрались тогда композиторы, писатели, поэты: Маяковский блестяще читал поэму «Владимир Ильич Ленин». Когда чтение кончилось, раздались бурные аплодисменты и возгласы «спасибо!». Именно тогда Луначарский назвал автора огромным поэтом, тончайшим лириком.

Луначарский поддерживал молодые творческие силы. У него бывали начинающие поэты А. И. Безыменский, А. А. Жаров, И. П. Уткин, драматурги В. М. Киршон и А. Н. Афиногенов читали свои пьесы. Его гостями были Н. Асеев, П. Васильев, Л. Леонов, Б. Ромашов, И. Сельвинский, А. Толстой, Бруно Ясенский, В. Казин, зарубежные писатели — А. Барбюс, С. Цвейг, Бела Иллеш.

В. Брюсов посвятил Луначарскому стихи:

В дни победы, где в вихре жестоком
Все бывшее могло потонуть,
Усмотрел ты провидящим оком
Над развалом зримый путь.

АРБАТ ПРЕДВОЕННЫЙ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ

Александр Николаевич Афиногенов (1904—1941), известный драматург, хорошо знал район Арбата: в Театре имени Евг. Вахтангова (Арбат, 26) в 1935 году ставилась его пьеса «Далекое». Афиногенов был одним из популярнейших драматургов в Москве тех лет.

Современник Афиногенова *Викентий Викентьевич Вересаев* (1867—1945) был привязан к Арбату. В Серебряном переулке в доме 4 жил знакомый писателю скульптор В. И. Домогацкий, сделавший замечательный скульптурный портрет А. С. Пушкина, творчество которого В. В. Вересаев изучал. В те годы им были написаны ставшие широко известными книги «Пушкин в жизни» и «Спутники Пушкина». Скульптор сделал также портрет самого В. В. Вересаева.

Писатель часто бывал в первом кооперативном доме московских литераторов у *Михаила Афанасьевича Булгакова* (1891—1940) на улице Фурманова, 3/5 (не сохранился). Он здесь жил в 1934—1940 годах, в небольшой уютной квартирке, обставленной старинной мебелью (№ 44), окнами выходявшей во двор. Роман «Мастер и Маргарита» он начал писать до переезда сюда, дважды сжигая рукопись — в 1926 и 1930 годах. Известно, что прежде какое-то время Булгаков жил неподалеку — в Малом Левшинском переулке.

Кажется, что только на Арбате мог жить Мастер. Он «нанял у застройщика, в переулке близ Арбата, две комнаты в подвале маленького домика в садике». «Когда шли майские грозы и мимо подслеповатых окон шумно катилась в подворотню вода, угрожая залить последний приют, влюбленные растапливали печку и пекли в ней картофель». Е. С. Булгакова — жена писателя впоследствии полусерьезно говорила, что многие ее черты — это черты Маргариты из знаменитого романа, написанного ее мужем. Оказывается, что до встречи с Мастером и Маргарита тоже жила именно в этом районе: «Маргарита Николаевна со своим мужем вдвоем занимали весь верх прекрасного особняка в саду в одном из переулков близ Арбата».

После исчезновения Мастера Маргарита поехала искать его, «откинувшись на удобную, мягкую спинку кресла в троллейбусе, Маргарита Николаевна ехала по Арбату и то думала о своем, то прислушивалась к тому, о чем шепчутся двое граждан, сидящие впереди нее». Фантастический полет Маргариты проходил также над Арбатом. «Пролетев по своему переулку, Маргарита попала в другой, пересекавший первый под прямым углом. Этот заплатанный, заштопанный кривой и длинный переулок с покосившейся дверью нефтелавки... она перережала в одно мгновение...» Она летела над «ослепительно освещенным Арбатом».

С большой точностью писатель определяет путь следования таинственной «тройки» — «кота», «регента» и «профессора», за которыми гнался другой персонаж романа — Иван Бездомный. «Регент» вскочил в автобус, идущий к Арбатской площади, а «кот» прыгнул на подножку вагона трамвая А. «Как ни был расстроен Иван, все же его поражала та сверхъестественная скорость, с которой происходила погоня. И двадцати секунд не про-

шло, как после Никитских ворот Иван Николаевич был уже ослеплен огнями на Арбатской площади. Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулок с покосившимися тротуарами, где Иван Николаевич грохнулся и разбил колено. Опять освещенная магистраль — улица Кропоткина, потом переулок, потом Остоженка и еще переулок, унылый, гадкий и скупно освещенный. И вот здесь-то Иван Николаевич окончательно потерял того, кто был ему так нужен. Профессор исчез».

Известно, какое большое впечатление произвело чтение Булгаковым еще не напечатанного романа на друзей. У писателя на этой квартире бывали И. А. Ильф и Е. П. Петров, дирижер А. Ш. Мелик-Пашаев, художник МХАТа В. В. Дмитриев, артист МХАТа Г. Г. Конский.

Есть в районе Арбата адрес, который нельзя не вспомнить: Суворовский бульвар, 25. Это угловой дом, где жила вдова писателя Е. С. Булгакова, которую здесь посещала А. Ахматова, значившая в ее жизни, как пишет В. Я. Виленкин, «очень много, и как поэт, и как человек. Особенно с того незабвенного для нее дня, вскоре после смерти Михаила Афанасьевича, когда она пришла к ней совершенно неожиданно, со своим стихотворением, посвященным его памяти (она его включила в свой цикл «Венок мертвым»): «Вот это я тебе взамен могильных роз...»

Арбат был обителью для Мастера, но его знали и любили также и молодые, веселые подмастерья, которые не смогли в полную меру заявить о себе, так как еще совсем юными они погибли на войне. Один из них поэт «сороковых-роковых» *Михаил Валентинович Кульчицкий* (1919—1943), студент Литературного института имени А. М. Горького. Он приехал в Москву в августе 1939 года, а в декабре 1939-го поселился в доме 2 на улице Федотовой. Здесь встретил новый, 1940 год. Тогда он еще не знал, что оставалось ему только три года творческого полета и борьбы, поэт погиб в 1943 году под Сталинградом. В октябре 1941-го он написал стихотворение «Столица», полное любви к Москве и тревоги за нее:

И каждый взрыв или пожар
В любом твоём доме
Я ощущаю как удар
По сердцу моему.

Молодые поэты М. Кульчицкий, П. Коган, Н. Майоров, Вс. Багрицкий принадлежали к тому поколению, о

судьбе которого рассказывает повесть *Эммануила Генриховича Казакевича* (1913—1962) «Звезда». Ее герой Володя Травкин — юноша с большими «жалостливыми» и «непреклонными» глазами — воплощение мужества и чистоты. Писатель в период работы над повестью некоторое время жил на улице Рылеева в доме 8.

Окончилась Великая Отечественная война. Литература многие и многие годы будет воздавать дань памяти погибших. Но в обновленном сознании общества начинают происходить и очень непростые, подчас мучительно-болезненные процессы. С этими процессами связан был факт напечатания за границей романа *Б. Л. Пастернака* «Доктор Живаго».

Б. Л. Пастернак в 1956 году передал рукопись романа «Доктор Живаго» для публикации директору Гослитиздата А. К. Котову, но, так как печатание романа все откладывалось, автор посчитал себя вправе передать рукопись прогрессивному итальянскому издательству Фельтринелли. Между обоими издательствами — Гослитиздатом и итальянским — завязалась переписка, оба приняли решение, что итальянцы смогут напечатать роман только после издания в Москве. В конце 1957 года, не дождавись напечатания романа в России (роман был напечатан у нас впервые в журнале «Новый мир» в 1988 году), Фельтринелли издал его в Италии. Мнения о романе на Западе были неоднозначными. Естественно, что в нашей стране в то время этот роман мог получить лишь негативную оценку, но положение писателя стало просто безвыходным, когда 23 октября 1958 года было объявлено о присуждении Борису Пастернаку Нобелевской премии «за выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии и на традиционном поприще великой русской прозы». Реакция в московской прессе и давление со стороны ССП было таким, что Пастернак от премии вынужден был отказаться. Шведской академии он послал телеграмму такого содержания: «В связи со значением, которое придает вашей награде то общество, к которому я принадлежу, я должен отказаться от присужденного мне незаслуженного отличия».

31 октября 1958 года в Доме кино (ныне Театр киноактера, ул. Воровского, 33, здание построено в 1931—1934 годах по проекту братьев В. А. и А. А. Весниных) состоялось общее собрание московских писателей. Предварительно, 29 октября 1958 года, в «Известиях» было

опубликовано постановление президиума правления СП СССР, бюро Оргкомитета СП РСФСР и президиума правления Московского отделения СП РСФСР, в котором, в частности, говорится: «...учитывая политическое и моральное падение Б. Пастернака, его предательство по отношению к советскому народу, к делу социализма, мира, прогресса, оплаченное Нобелевской премией в интересах разжигания холодной войны,— президиум правления СП СССР, бюро Оргкомитета СП РСФСР и президиум правления Московского отделения СП РСФСР лишают Пастернака звания советского писателя, исключают его из числа членов СП СССР (принято единогласно)».

На судилище Пастернак был приглашен, однако он не явился, а прислал письмо, последним, восьмым пунктом которого было: «Я не ожидаю от вас справедливости. Я жду всего для себя. Но, прошу вас, не торопитесь. Славы и счастья вам это не прибавит».

Он не явился в Дом кино 31 октября 1958 года на собрание Московской писательской организации. Председательствовал и делал первое сообщение С. С. Смирнов. Все говорившие оголтело клеймили Пастернака позором, хотя некоторые выступали сдержанней, другие жестче. Однако ни один из присутствующих не сказал ни слова в защиту писателя. Выступали: Л. Ошанин, К. Зелинский, В. Герасимова, В. Перцов, А. Безыменский, А. Софронов, С. Антонов, Б. Слуцкий, Г. Николаева, В. Солоухин, Б. Полевой и др. Истовым фанатизмом были охвачены студенты Литературного института, о чем упомянул в своем выступлении С. С. Смирнов: «В субботу студенты Литинститута пришли к СП с плакатами: «Долой Иуду из СССР!» С позиции сегодняшнего дня собрание выглядело чудовищно. В результате была принята резолюция, повторяющая постановление президиума правления СП.

В том же, 1958 году Пастернак написал стихотворение «Нобелевская премия», которое было опубликовано в английской газете «Дейли мейл» 11 февраля 1959 года, после чего Пастернака вызвали к генеральному прокурору Р. А. Руденко (1907—1981), где ему предъявили обвинение по 64-й статье УК РСФСР (измена родине). Стихотворение оканчивалось строчками:

Но и так, почти у гроба, знаю я, придет пора,
Силу подлости и злобы одолеет дух добра.

В наши дни переоценено творчество Пастернака. Восстановлено членство Бориса Леонидовича в Союзе писателей.

...Не иссякал интерес к Москве. Когда в 1960-е годы мы впервые услышали песни Окуджавы, нас потрясла его нежная, проникновенная любовь к городу, и особенно к Арбату. Булат Шалвович Окуджава родился в 1924 году. Юношей ушел на фронт. Судьба его лирического героя несет черты биографий его сверстников. Ленка Королев, «комсомольская богиня», мальчики, ушедшие на фронт,— эти образы прямо или опосредованно связаны с Арбатом. Из арбатских дворов уходили в армию знакомые поэту ребята. И Арбат трогательно хранит память о своих детях-школьниках, ушедших на войну и не вернувшихся с нее. У Никитских ворот перед школой № 110, фасад которой выходит в Столовый переулок (д. 10/2), 22 июня 1971 года был открыт скромный и пронзительно-трогательный памятник «Реквием 41-го года». Хрупкие фигуры юношей с винтовками за плечами, непреклонных в своей решимости защитить родную землю,— это дань памяти добровольцам-десятиклассникам. Невольно вспоминаются стихи Окуджавы, посвященные юным солдатам:

До свидания, мальчики, мальчики,
Постарайтесь вернуться назад.

Рядом мемориальная доска с фамилиями учеников и преподавателей школы, погибших на фронте. Надпись на постаменте: «Будьте памяти павших достойны, 1941—1945». Автор памятника — бывший ученик школы скульптор Д. Ю. Митлянский.

Многие стихотворения Окуджавы посвящены Арбату: «Музыка арбатского двора», «Вальс» («На арбатском дворе и веселье и смех...»), «Арбатский романс» («Арбатского романса старинное шитье...»), «Чаепитие на Арбате», «Песенка об Арбате» и др. Эти стихи вошли в сборник «Арбат, мой Арбат».

Поэзию этого района поэт находит и в его истории. Стихотворение «Былое нельзя воротить...» рождает почти зрительно осязаемый образ: сквозь завесу снега, падающего на сегодняшние московские переулки, мы видим Пушкина в санях, скользящих по накатанной мостовой... Сумерки... Сквозь окна как бы просматривается убран-

ство комнат, освещенных мерцающими свечами, которые отбрасывают на стены тени:

Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу
И вдруг замечаю: у самых Никитских ворот
Извозчик стоит... Александр Сергеевич прогуливается..
Ах, что-нибудь нынче, наверное, произойдет!

Сплетающиеся воедино реальность и поэтический вымысел рождают ощущение близости пушкинской эпохи.

Дополняет впечатление от облика Арбата в пушкинскую пору одна из страниц романа Окуджавы «Путешествие дилетантов». Писатель приводит нас в Староконюшенный переулок середины прошлого века, и вместе с Мятлевым — героем романа — мы «подходим» к одному из арбатских домов. «Дом господина Ладимировского возвышался за кокетливой чугунной оградой и вовсе не походил на жалкое строение, созданное лихорадочным воображением князя. Это был просторный трехэтажный дом, построенный со вкусом и любовью, с ложной колоннадой в самых изысканных традициях русского ампира, с колоссальными окнами второго этажа, распахнутыми на солнце, с нарядным подъездом, выходящим в тенистый сад, где знаменитые московские липы росли, окруженные гигантскими кистями душистого табака, а по отличным английским дорожкам прохаживалась молодая особа в розовом платье и такой же шляпе с непомерно широкими полями — розовое облачко в зеленой тени».

...Казалось бы, самое неудачное время для любования городом — начало весны. Сразу бросаются в глаза не убранные после зимы дворы, голые ветви деревьев. Но это для чужого человека. Для Окуджавы на Арбате — все родное, а потому ему кажется прекрасным арбатский двор с мартовским талым снегом:

На арбатском дворе — и веселье, и смех.
Вот уже мостовые становятся мокрыми,
Плачьте, дети!
Умирает мартовский снег.
Мы устроим ему
Веселые похороны.

Он знает каждый камень в этом «извилистом, коротком коридоре от ресторана «Прага» до «Смоляги». Он любит и дворы, и дома, и огоньки в окнах, и, главное, людей, живущих здесь. Это о них он писал:

Арбатство, растворенное в крови,
Неистребимо, как сама природа.

И невольно думаешь, что есть какой-то арбатский характер — характер человека неутомимого, поэтичного, свято хранящего лучшие традиции отечественной истории, воспитанного на замечательных памятниках русской культуры и литературы. Действительно понимаешь, что Арбат больше чем район в городе, это многомерное нравственное понятие:

Ах, Арбат, мой Арбат!
Ты мое призвание.
Ты и радость моя, и моя беда.

У людей, которые живут, повинаясь этим духовным традициям, свои критерии успеха: арбатский огонек горит в их душах:

Солнце, май, Арбат, любовь —
Выше нет карьеры...

Сколько вдохновения таят в себе узкие, причудливо петляющие переулки, сколько страстей, замыслов, писательского труда видели эти стены! Это и манит и притягивает нас — людей конца XX века — к тихому и скромному району с коротким названием Арбат. Поэтому, превращая его в заповедную зону, архитекторы, планировщики хотят сделать не музейный, а живой район. И сейчас продолжается здесь литературная жизнь. В наши дни в этом районе находится ряд культурных центров — это и литературные музеи, о которых мы упоминали, и литературные редакции. На улице Арбат (дом 20) располагается редакция литературно-художественного и общественно-политического журнала «Москва» — органа СП РСФСР и Московской писательской организации.

В доме 52 по улице Воровского помещается правление Союза писателей СССР. Союз советских писателей был основан в 1934 году. Это творческая общественная организация профессиональных советских литераторов, вся сложная и многообразная работа которой была направлена на развитие советской литературы, социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернациональной по направленности. Сейчас многое в ее деятельности справедливо подвергается критическому переосмыслению.

В 1967 году писательский союз был награжден орденом Ленина. Среди его руководителей были М. Горький, А. А. Фадеев, К. А. Федин. При правлении работают секретариат, бюро и писательские общественные советы. В ведении союза находятся издательство «Советский писатель» и «Литературная газета». Печатными органами Союза писателей являются журналы «Новый мир», «Дружба народов», «Иностранная литература» и др. Пропагандирует работу писателей Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы, работу с начинающими авторами ведет литературная консультация.

Этот дом известен, как уже упоминалось, как «дом Ростовых», а в 1920-е годы его называли «соллогубовским домом» по имени последнего владельца здания графа Соллогуба. Там располагался Дворец искусств, где проходили вечера, встречи писателей, выступали В. В. Маяковский, С. А. Есенин, А. А. Блок, М. И. Цветаева, а в 1921 году расположился основанный В. Я. Брюсовым Литературно-художественный институт. В 1924 году по постановлению Наркомпроса ему было присвоено наименование Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова. В 1925 году институт был закрыт. В этом институте курс высшей школы для начинающих писателей был рассчитан на три года. Руководил институтом В. Я. Брюсов. Он читал курс энциклопедии стиха, истории древнегреческой литературы, истории римской литературы, латинский язык, вел класс стиха и семинар по всеобщей истории. В белом с позолотой зале рядом с мраморным камином возвышалась кафедра, с которой читали лекции известные профессора М. А. Цявловский, П. Н. Сакулин, В. М. Фриче, Л. П. Гроссман и другие. Перед молодежью выступали со стихами В. В. Маяковский и С. А. Есенин.

Диспуты и литературные вечера проводились здесь почти еженедельно. В них принимали участие С. Кирсанов, Н. Асеев, И. Уткин, М. Светлов, М. Голодный, А. Жаров, А. Безыменский, Артем Веселый, В. Шкловский, И. Эренбург.

Рядом со зданием правления Союза советских писателей располагается Центральный Дом литераторов имени А. А. Фадеева (фасад новой части здания выходит на улицу Герцена под номером 53, а старая часть дома находится на улице Воровского под номером 50). В доме сохраняются как память о А. А. Фадееве некоторые

вещи, книги, мебель, которыми пользовался писатель.

Писательский клуб находится в ведении Московской писательской организации. Клуб был создан в 1934 году по инициативе М. Горького. Здание, в котором располагается сейчас ЦДЛ, некогда принадлежало князю Святополк-Четвертинскому, а затем графу Олсуфьеву. Дом внутри богато декорирован деревянной резьбой; его украшают причудливая лестница и переходы. В парадном зале новой части здания и в небольших удобных гостининых проходят вечера писателей, встречи с советскими и зарубежными деятелями культуры, концерты, художественные выставки, отмечаются знаменательные юбилейные даты. С 1962 года в ЦДЛ работает народный университет литературы, а с 1965 года — клуб творческой молодежи «Юность». Здесь же действует клуб книголюбов.

Истории писательского клуба посвящена увлекательная книга заслуженного деятеля искусств РСФСР Б. М. Филиппова «Как я стал домовым».

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева сразу после окончания Великой Отечественной войны была установлена доска с именами 69 литераторов, погибших на полях сражений. Впоследствии этот список был уточнен и дополнен. В центральном вестибюле новой части Дома, построенной в 1959 году, у входа со стороны улицы Герцена (дом 53) тоже была установлена доска, на ней — 81 фамилия писателей и поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Глядя на эти доски, вспоминаешь, что в Советском Союзе более тысячи писателей ушли на фронт и почти половина из них — 417 человек — погибла на поле брани.

Неподалеку, в Трубниковском переулке, 17, открыта экспозиция Государственного Литературного музея. В 1985 году здесь открыта новая экспозиция — «История советской литературы».

Улица Воровского соединяет дом 52 с другим центром литературной жизни Москвы — Домом журналиста (Суворовский бульв., 8, недавно закончен ремонт). Находившийся здесь Дом был открыт в 1920 году. Ряд лет членом его правления состоял В. В. Маяковский. Здесь проходили творческие диспуты и обсуждения. Беломраморный зал был местом выступлений партийных и общественных деятелей — М. И. Калинина, А. В. Луначарского, Е. М. Ярославского. Это была трибуна московских поэтов. 29 января 1921 года В. В. Маяковский здесь

прочитал доклад «Производственная пропаганда и искусство», в котором отмечал вклад РОСТА в пропаганду и ее значимость в деле восстановления народного хозяйства. 19 ноября 1926 года Маяковский принимал участие в диспуте о богеме, проанализировав неправильное толкование этого понятия в современной ему литературной среде: «Богема — это было общество изысканно-остроумных и талантливых людей, и ходили туда отнюдь не пьянствовать. У нас же сейчас не богема, а мелкая скука мелких людишек, разгильдяйство, гипертрофия самомнения и потрясающее количество гениев, выросших в 24 часа. На эту «богему» просто плюнуть надо». Здесь же происходил диспут о «Мистерии-буфф».

В этом доме выступали и другие замечательные поэты. В 1920 году В. Я. Брюсов читал пьесу «Диктатор», которую страстно обсуждали все присутствовавшие. В том же году он прочел здесь доклад о мистике. Необычность задачи объяснялась тем, что поэт стремился истолковать неизведанное. 7 мая 1921 года с чтением стихов в Доме печати выступил А. А. Блок. 26 января 1921 года на дискуссии об имажинизме, в которой принимали участие Р. Ивнев, А. Мариенгоф, В. Шершеневич, выступал С. А. Есенин.

В феврале 1926 года здесь провожали в последний путь Ларису Рейснер, а в марте того же года — Д. А. Фурманова. Мы обратились лишь к некоторым фактам истории Дома печати — нынешнего Дома журналиста, существующего при Московском отделении Союза журналистов.

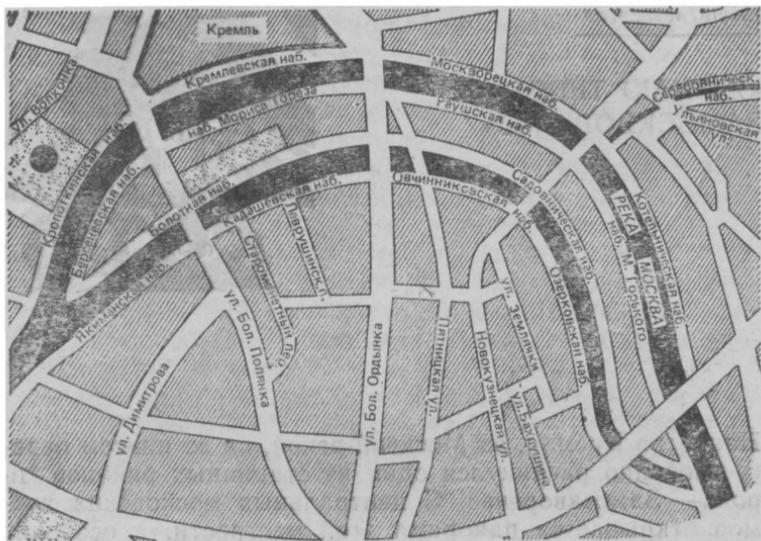
Судьбы писателей, живших в этом районе, связаны и с другой частью Москвы — Замоскворечьем.

«Я ЗНАЮ ТЕБЯ,
ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ»

Напротив Кремля, за Москвой-рекой, на ее низком берегу свободно раскинулся один из старинных районов города — Замоскворечье. С центральных московских холмов открывается панорама этой местности, а особенно величественная, характерная и поэтичная с Кремлевского холма. Панорама эта менялась на протяжении веков и в то же время в чем-то оставалась неизменной. Особое своеобразие и прелесть придают ей глубокая излучина Москвы-реки, плавная дуга Водоотводного канала, прошедшего по старице, и долинный, низменный характер самой местности, позволяющий увидеть с вершины всю ее планировку: от набережных реки и канала расходятся основные улицы Замоскворечья — улица Димитрова (бывш. Б. Якиманка), Большая Полянка, Пятницкая, Новокузнецкая, Большая Ордынка, а между ними живописная сеть переулков. Почти все они выводят к реке, так как Москва-река с трех сторон омывает Замоскворечье, образуя в этом месте одну из самых крутых своих излучин. С юга эта излучина как бы стянута отрезком Садового кольца.

Планировка района сложилась еще в древности, застройка же менялась на протяжении столетий. Почти каждый век оставил здесь память о себе: и не только в названиях, но и в причудливом и вместе с тем гармоничном сочетании самой разнообразной застройки: небольшие уютные особнячки с мезонинами, купеческие усадьбы, многочисленные церкви. Это «музей под открытым небом», заповедная зона Москвы, охраняемая государством. Живописную панораму дополняют многоэтажные

доходные дома, корпуса промышленных предприятий, появившихся в Замоскворечье на рубеже XIX—XX столетий, ставшем ареной классовых боев в 1905—1917 годах, и советское Замоскворечье — с многоэтажными жилыми домами, современными промышленными предприятиями-гигантами, музеями, театрами, библиотеками, крупнейшей в мире картинной галерей.

Изменилось само понятие Замоскворечье, географические границы района расширились, выйдя за пределы Садового кольца. Замоскворечьем мы называем исторически сложившийся район напротив Боровицкого холма за Москвой-рекой, внутри Садового кольца.

Этот район издавна привлекал внимание писателей, поэтов, многие из которых родились или жили здесь. Быт и нравы этой местности отражены в художественной литературе, начиная с летописей, древнерусского фольклора и кончая произведениями советских писателей.

В XVI—XVII веках в Замоскворечье господствовал слободской уклад жизни. В певучих замоскворецких названиях Кадаши, Садовники, Голики, Толмачи — напоминание о местностях, а также о профессиях людей, населявших этот район издавна, о слободах ремесленников. После набега крымского хана в 1591 году приказано было поставить вокруг Москвы «град деревяной», а позже —

соорудить вал. Напоминание об этом сохранилось в названиях улиц Валовая, Зацепский и Крымский валы, по которым и проходит граница старого Замоскворечья. При Василии III местность за рекой была отведена для иноземных солдат, и возникла слобода, которую находчивые и острые на слово москвичи окрестили Наливки (ввиду неумеренного употребления «зелья» обитателями этого района). Позже эта местность стала называться Стрелецкой слободой. С развитием внешних сношений Москвы в XVI веке стала необходимой профессия толмача — переводчика. За рекой возникла особая Толмачья слобода, где они жили, а недалеко от нее — Овчинная, Кузнечная, в которых селились ремесленники соответствующих профессий. Память об этих давно исчезнувших поселениях осталась в названиях: Толмачевские переулки, Овчинниковская набережная, Новокузнечная улица.

Многочисленные слободы, хотя и соседствовали, не держались обособленно, каждая имела свое управление, свою церковь, чтит свой праздник. Поэтому поражало обилие церквей в этом районе. Это отметил М. Ю. Лермонтов в очерке «Панорама Москвы», где он запечатлел взгляд на Замоскворечье с колокольни Ивана Великого: «К югу, под горой, у самой подошвы стены, против Тайницких ворот, протекает река, и за ней широкая долина, усыпанная домами и церквями».

Самая крупная слобода в Замоскворечье — Кадашевская. Там жили и работали царские ткачи и мастерицы полотняного дела. Название слободы от слова «кадь», «кадка» свидетельствует о том, что в более древние времена здесь работали бондари. Жители царской Кадашевской слободы пользовались особыми привилегиями и не несли налоговых повинностей. К середине XVII века слобода стала одной из самых богатых за рекой. Она обзавелась собственной церковью Козьмы и Дамиана в районе Большой Полянки (не сохранилась). Позже в слободе была построена новая церковь Воскресения в Кадашах — существующий и поныне замечательный памятник архитектуры. Память о Кадашевской слободе осталась в названиях Кадашевской набережной (между Пятницкой ул. и Б. Полянкой) и Кадашевских переулков.

Зажиточные ремесленники ставили себе добротные тесовые дома, окруженные большими огородами и садами, что и дало повод в фольклорных произведениях XVII века именовать ее жителей «богатыми мужиками».

Пожалуй, самым ярким произведением, рисующим быт и нравы слободского Замоскворечья, является народная демократическая сатира XVII века «Сказание о попе Саве». Содержащиеся в нем приметы быта и характеры очень выпуклы:

Послушайте миряне и все православные христиане,
што ныня зделалася, великое чудо учинилася
над долгим попом, над премым дураком,
от Козьмы и Дамиана из-за реки,
а в приходе у него богатые мужики.
А зовут его, попа, Савою, да не мелок он савою.

Герой сатиры — замоскворецкий поп, сманивающий к себе за реку ставленников¹, обирающий их до последней рубашки. Быт замоскворецкого попа изображен безымянным автором метко и точно: поп «по приказам волочится», «по площади рыщет, ставленников ищет», требует ему «винца принести», «меду привезти»:

Даром-де у меня не гуляйте,
Подите капусту поливайте.
А когда он изволит спать, а ставленникам
прикажет баню топить.

Лежа на перинах, он даже в церковь на службу вместо себя посылает ставленников. В конце концов за свои многочисленные прегрешения поп-сутяга был посажен на цепь в «патриаршую хлебню». «Сказание о попе Саве» имеет ярко выраженную антицерковную направленность и свидетельствует о взглядах и настроениях слобожан.

Быт и нравы допетровского Замоскворечья нашли отражение в произведениях писателей последующих поколений. Так, М. Ю. Лермонтов в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» перенес нас, по словам В. Г. Белинского, «в историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа». В этом произведении — полная картина домостроевского быта и «малосложных семейственных отношений у наших предков».

Москва-река для жителей Замоскворечья — особый мир. Весной и летом она отделяла эту местность от ос-

---

¹ Ставленники — будущие церковнослужители, выборные, которых крестьяне и посадские посылали для обучения и посвящения в духовный сан.

тальной части города. Каждую весну, забыв о делах, жители Замоскворечья ходили смотреть, как идет лед на реке, как крушатся и ломаются льдины о быки Каменного моста. Зимой, когда река замерзала, по ней проходил санный путь, располагался на льду торг и неподалеку от него прямо на замерзшей реке нередко устраивали кулачные бои — одно из старинных русских народных развлечений. В борьбу довольно часто вступали жители правого и левого берегов. Описание кулачного боя мы находим у Лермонтова в уже упоминавшейся «Песне про царя Ивана Васильевича»:

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.

Своеобразным местом Замоскворечья было Болото. Это название относилось к низменной местности напротив Кремля между правым берегом реки и ее старицей (Водоотводным каналом). В XVII—XVIII веках Болото было местом казней. Кровавые и грозные зрелища, происходившие на глазах тысяч жителей города, тоже нашли отражение в литературе. 10 января 1775 года на Болоте были казнены Емельян Пугачев и его сподвижники. Спокойно, с достоинством держался Пугачев. Поклонившись на все четыре стороны, он вымолвил: «Прости, народ православный, отпусти мне, в чем я согрubil перед тобою». Эти слова и событие отозвались в многочисленных преданиях и сказаниях народных и произведениях художественной литературы, среди которых выделяется монументальный роман-эпопея советского писателя В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев».

В XVIII веке слободской уклад жизни в Замоскворечье постепенно исчезает, его сменяет купеческий. Сохранившаяся местами до наших дней застройка района, с малоэтажными деревянными и каменными домами, надворными постройками, лабазами, лавками, начала складываться в основном к первой трети XIX века. За Москвой-рекой образовалась особая «страна» со своими законами, обычаями, порядками, ритмом жизни, именуемая «купеческим Замоскворечьем».

Объектом пристального внимания литераторов она стала лишь в первой трети XIX века. Честь открытия этой страны принадлежит великому русскому драматур-

гу Александру Николаевичу Островскому, уроженцу Замоскворечья: «Я знаю тебя, Замоскворечье, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь еще брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздник и в будни, в горе и в радости, знаю, что творится и дется по твоим широким улицам и мелким частым переулочкам». Купеческое Замоскворечье XIX века, набиравшее силу, дало Островскому огромный материал для жизненных и творческих наблюдений, стало местом действия подавляющего большинства его произведений. Для литературного Замоскворечья фигура А. Н. Островского, безусловно, является центральной.

Замоскворечье долго было хранителем яркого, образного, певучего московского языка, своеобразных, истинно московских словечек и оборотов речи. Ими изобилуют произведения не только А. Н. Островского, но и многих писателей, которые, не будучи уроженцами Москвы, все же, живя в Замоскворечье, учились этой образности. Это сказалось в творчестве П. И. Мельникова-Печерского, В. А. Слепцова. А. П. Чехов в своем творчестве отдал дань замоскворецким впечатлениям, образам и характерам. Русская поэзия XIX века в лице Аполлона Григорьева и Афанасия Фета, долгие годы проживших в Замоскворечье, приобрела тончайших и своеобразных лириков.

Двадцатый век не только резко изменил внешний облик Замоскворечья громадами промышленных предприятий и доходных домов, но и положил конец его застойному быту, обособленности и патриархальности. Улицы Замоскворечья, покрытые баррикадами в 1905 и 1917 годах, рабочие стачки и митинги, кипение общественной жизни, пробуждение к созиданию широких народных масс и предчувствие огромных преобразований — все нашло отражение в творчестве писателей этой бурной эпохи. Таким застали Замоскворечье юный Есенин и молодая Цветаева. Таким его вспоминали Паустовский и Телешов.

Коренная ломка всех старых общественных отношений, которую принес Октябрь, изменила облик Замоскворечья.

Многообразна литературная жизнь советского Замоскворечья. Она связана с именами А. С. Серафимовича, В. И. Лебедева-Кумача, А. С. Макаренко, М. М. Пришвина и многих других советских писателей.

В художественной литературе, посвященной Замоскворечью, несмотря на обилие и разнообразие проблем, затрагиваемых в ней, есть одна мысль, одно чувство, которое объединяет все эти столь несхожие между собой произведения: ощущение этого района как истинно московского, отличающегося яркой самобытностью. Местоположение этого района дает возможность увидеть единственный в своем роде, неповторимый ансамбль Кремля — торжественный и величественный. И жители Замоскворечья, во все века, с детства буквально, впитывали в себя эту естественную для них красоту старинного русского «града», а у людей, наделенных эстетическим чувством, эта панорама вызывала подъем духа, будила творческие силы.

Карта литературного Замоскворечья ярка и разнообразна. Это и адреса писателей, которые здесь жили или просто бывали, это и «адреса» их литературных героев. Многие писательские имена уже упоминались в предыдущих главах, есть имена, очень тесно связанные именно с Замоскворечьем, на них мы остановимся подробнее. О двух районах — Зязулье и Серебряники, находящихся не в Замоскворечье, а на противоположном берегу Москвы-реки, будет рассказано в этой главе, так как хотя топографически они не связаны с Замоскворечьем, но тематически объединены с материалом, который Замоскворечью посвящен.

ПАМЯТНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ

НАЧАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕТОПИСИ

С Замоскворечьем связаны жизнь и творчество многих русских писателей XIX века. Яркие впечатления черпали они в жизни этого уголка Москвы кто в детстве, кто в зрелом возрасте. Многие, не будучи уроженцами города, знали эту часть Москвы, любили ее. Язык, быт и нравы Замоскворечья оставили глубокий след в их душе. Противостояние застойному и косному быту купеческо-чиновничьей среды Замоскворечья подчас определяли дальнейшую творческую биографию писателей.

В Замоскворечье прошли детские и юношеские годы

крупнейшего русского просветителя XVIII века *Н. И. Новикова*.

«...Этот человек имел сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности. Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своем отечестве», — писал В. Г. Белинский.

Новиковы — типичная помещичья семья — все летние месяцы проводили в имении Авдотьино (в 20 километрах от теперешней станции Барыбино Павелецкого направления Московской железной дороги, а зимы — в собственном доме на тихой московской окраине, в Замоскворечье, на Большой Полянке (на месте нынешнего дома 60 было владение отца Новикова). Невысокие домики с многочисленными надворными постройками, большие сады, колокольный звон церкви Вознесения — вот детские впечатления Новикова.

Замоскворечье является родиной *А. Н. Радищева*. Он родился на Большой Ордынке, в доме бабушки Настасьи Григорьевны Радищевой (на месте дома 69 — ныне филиал Малого театра). Это была богатая дворянская семья. Детские годы будущего автора «Путешествия из Петербурга в Москву» проходили в подмосковном имении отца — селе Немцове, а потом в Верхнем Аблязове (ныне Пензенская область). Зимы Радищевы проводили в Москве. Маленький Александр грамоте выучился у крепостного дядьки Петра Мамонтова, затем на дому занимался с профессорами только что открытого университета. Первые впечатления бытия, крепостнический уклад жизни семьи, несомненно, оставили глубокий след в душе будущего русского революционного писателя.

В число памятных мест города, связанных с именем А. Н. Радищева, входит библиотека № 10, носящая его имя, находящаяся на улице Бахрушина, 4.

Неоднократно бывал в Замоскворечье *Н. В. Гоголь*: на Большой Якиманке (ныне ул. Димитрова, 30) у профессора Московского университета П. Г. Редкина и на Большой Полянке, 30, где жили профессора А. М. Филомафитский, Ф. И. Иноземцев, М. Ф. Спасский. У своего дяди в Пыжевском (ныне Ергольский) переулке, 7 (дом не сохранился), бывал *А. С. Грибоедов*.

Если в произведениях этих писателей Замоскворечье не нашло прямого художественного отображения, то оно,

без сомнения, вошло в их общее ощущение Москвы как старинного русского города, с ей только присущими характером и укладом жизни.

«КОЛУМБ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ»

Истинным «Колумбом Замоскворечья» стал *Александр Николаевич Островский* (1823—1886). Он явился открывателем и исследователем этого уголка Москвы. В «Записках замоскворецкого жителя» Островский так характеризовал Замоскворечье: «Рукопись эта проливает свет на страну, никому до сего времени не известную и никем еще из путешественников не описанную. До сих пор известно было только положение этой страны, что же касается до обитателей ее, то есть образ жизни, язык, нравы, обычаи, степень образованности — все это было покрыто мраком неизвестности».

Здесь писатель родился, провел детство и юность. Объясняя название Замоскворечья, А. Н. Островский в тех же «Записках» добродушно посмеялся над страстью москвичей все объяснять и растолковывать: «Страна эта... лежит по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замоскворечьем. Впрочем, о производстве этого слова ученые еще спорят. Некоторые производят Замоскворечье от скворца; они основывают свое производство на известной привязанности обитателей предместьев к этой птице. Которое из этих словопроизводств справедливее, утвердительно сказать не могу. Полагаю так, что скворечник и Москва-река равно могли служить поводом к наименованию этой страны Замоскворечьем, и принимать что-нибудь одно — значит впасть в односторонность».

Замоскворецкие улицы и переулки, помнящие самого Островского, населены образами его героев, увековечены в его пьесах.

Улица Островского. С нее мы начнем прогулку по Замоскворечью времени Островского. Бывшая Малая Ордынка сохранила кое-где следы былого облика.

Узкая, извилистая улица, соседствуя с шумной торговой Пятницкой, всегда была тихой и провинциальной. Одноэтажные и двухэтажные дома раньше имели сады и дворы со службами. Сейчас эти дворы исчезли, но за основной линией домов Малой Ордынки видны колорит-

ные деревянные особнячки с мезонинами, которые напоминают о старом Замоскворечье. Неотъемлемой чертой этой улицы были причудливые главки и колокольни церкви Покрова св. Богородицы в Голиках и Николы в Пыжах, выходящей фасадом на соседнюю Большую Ордынку. Улица Островского такая, каких в Замоскворечье много, и в то же время единственная в своем роде. На ней находится один из главных литературных адресов этого района — дом, в котором родился великий русский драматург А. Н. Островский.

Улица Островского, дом 9. Почти напротив церкви Николы в Пыжах, замечательного памятника архитектуры XVII века, который сейчас реставрируется, в глубине двора можно увидеть двухэтажный дом (низ каменный, верх деревянный), с выступающим крыльцом и с двумя белыми двустворчатыми дверьми и высоким чердаком с полукруглым оконцем. На доме — мемориальная доска. Во дворе, огороженном и отделенном от соседних домов тонкой сеткой, стоит бронзовый бюст писателя (работа скульптора Г. И. Мотовилова, 1954 г.). Открытое спокойное лицо, окладистая борода, большой лоб, прищуренные умные глаза — таким предстает перед нами А. Н. Островский.

Музей писателя открылся в марте 1984 года и является филиалом Государственного театрального музея имени А. А. Бахрушина. Его открытию предшествовали большие реставрационные работы. Здесь собраны документы и материалы, освещающие основные этапы творческого пути А. Н. Островского, хранятся личные вещи членов его семьи. На первом этаже мемориальные комнаты, дающие представление об обстановке дома, в котором родился писатель. Восстановлена также типологическая гостиная, подобную которой можно было увидеть во многих домах Замоскворечья. Такая же гостиная потом предстала перед зрителем на сценах русских театров в постановках пьес А. Н. Островского.

На втором этаже посетителей музея окружает обстановка театрального мира: документы, материалы, фотографии, макеты, рисунки, эскизы театральных костюмов подробно освещают тему «А. Н. Островский и русский театр». Часть экспонатов рассказывает о постановках пьес А. Н. Островского на советской сцене.

Находясь в этом уютном доме на бывшей Малой Ордынке, ни на минуту не забываешь о том, что А. Н. Ост-

ровский — москвич и по рождению, и по языку, и по мироощущению.

Виды старой Москвы времен А. Н. Островского встречают посетителей музея во всех комнатах. Привлекает внимание панорама Замоскворечья XIX века. Дом деревянный, с каменным цоколем, с крутой лестницей, ведущей во второй этаж, с небольшими окошками, из которых видны тихая улица и белоснежная церковь Николы в Пыжах; изразцовая печь, вокруг которой как бы «веером» расположены комнаты, отдельные колоритные предметы быта, занавески на окнах и цветы в горшках на подоконниках — все это напоминает о далекой замоскворецкой старине, о которой так блистательно поведал нам драматург.

В этом доме 31 марта (12 апреля) 1823 года в семье Николая Федоровича и Любови Ивановны Островских родился сын Александр. Дом выглядел по-иному, он не имел нарядного крыльца и центрального выступа, так выделяющего его сейчас среди рядом стоящих домиков.

На том месте, где сейчас стоит памятник драматургу, находилась еще с XVI века церковь Покрова св. Богородицы в Голиках. В окна дома, таким образом, была видна еще одна церковь и весь церковный двор. Жизнь дома начиналась со звона колоколов. Островские, как и все Замоскворечье, просыпались с этим звоном. Масса народу сновала весь день по дорожкам церковного сада. Здесь купчихи в дорогих салопах; цветные платки, шали, картузы, поддевки мещан, чиновников и приказчиков. Много убогих, нищих, странников. Они рассказывают о неведомых странах, которые и сами в глаза не видывали. После усердных молитв разговаривают на житейские темы, делятся новостями. В доме Островских ревностно исполнялись все церковные службы, почитались обычаи и приметы.

Отец будущего писателя — Николай Федорович окончил духовную академию, но карьере избрал гражданскую. Служил он в Московском сенате, затем в Московской палате гражданского суда, а когда вышел в отставку, стал адвокатом. Некоторые черты своего отца Островский запечатлел в пьесе «Поздняя любовь», в образе чиновника Маргаритова.

Мать писателя — Любовь Ивановна была дочерью пономаря соседней церкви Покрова в Голиках (не сохранилась).

Многие церкви, хорошо знакомые писателю, и поныне стоят в Замоскворечье: церковь Климента и Троицы в Вишняках на Пятницкой улице, Воскресения в Кадашах, Николы в Пыжах, Всех Скорбящих Радости на Большой Ордынке, Ивана Воина на Большой Якиманке (ныне ул. Димитрова). Построенные в XVII—XVIII веках, они являются замечательными памятниками архитектуры.

Перезвон колоколов этих церквей мы «слышим» во многих произведениях Островского. В очерке «Замоскворечье в праздник» он писал: «Когда у нас за Москвой-рекой праздник, так уж это сейчас видно. Во-первых, потому узнаешь, что услышишь густой и непрерывный звон во всем Замоскворечье. Нигде нет таких больших и громкоголосых колоколов, как у нас за Москвой-рекой».

В доме на Малой Ордынке А. Н. Островский прожил три года — с 1823 по 1826-й. В ноябре 1825 года Николай Федорович был произведен в титулярные советники и стал штатным секретарем Московской гражданской палаты. Он купил в Монетчиках, расположенных в этой же Пятницкой части (Монетчиков пер.), пустошь и построил там дом, в который переехал в 1826 году (не сохранился). Островские жили здесь до 1834 года. Детство будущего писателя было счастливым: ласка родителей и бабушки, достаток, хорошие воспитатели и учителя.

Впечатления Островского-мальчика были связаны с работой отца; к адвокату приходили многочисленные клиенты-купцы. Медленно, с чувством собственного достоинства поднимались они по лестнице. Бывали у отца Островского и европеизированные купцы, не в поддевках и сапогах, а в сюртуках и светлых панталонах. Это все прототипы героев будущих пьес драматурга.

С детства он слышал вокруг себя яркий, образный русский язык. Дома няня и бабушка рассказывали ему о Снегурочке, неведомых птицах, домовых, жарких стражах. За стенами дома говорила улица. Разносчики, каждый на свой голос, хвалили товар. Яркой фигурой был разносчик сбитня. На его поясе — толстое полотенце, в котором в гнездах сидели стаканчики — маленькие, с двойным дном, чтобы не обжигать пальцы. Торговец выкрикивал название товара — «сбитень горячий» и хвалил его в песенной манере: «Тетушка Ненила пила сбитень да хвалила, а дядюшка Елизар все пальчики облизал — вот так патока с имбирем — даром денег не берем». Все мелкие торговцы, разносчики, старьевщики уснащали

речь пословицами, шутками. Этим языком говорят в пьесах Островского свахи, странники и другие персонажи.

В Замоскворечье Островскому впервые открылись мир и обстановка московского народного праздника и обрядовых игр: ряженые, масленичное веселье, мелькание украшенных троек, кружение масок. И надо всем этим — звон колоколов, который возвращает героев его будущих пьес из кружащего голову, хмельного разгула к будничному существованию («Бедность не порок»).

В 1831 году умерла мать Любовь Ивановна. К 1840-м годам отец Островского, вторично женившись, владел уже тремястами крестьянскими душами. Разросшаяся семья, появившиеся деньги — все это заставило его искать новый дом, который он приобрел в 1834 году здесь же, в Замоскворечье, на Житной улице. За огромным жилым домом 10 и ныне стоит в глубине квартала обветшавший деревянный домик. Раньше он выходил фасадом на Житную улицу и был отделен от нее палисадниками.

Сейчас дом кажется крошечным по сравнению с громадой соседнего дома, отделившего его от Садового кольца. Но если всмотреться внимательно, то это довольно вместительный бревенчатый дом с мезонином и пристройками. Внутри он несколько перепланирован, когда-то дом имел полуподвал и высокий бельэтаж, которые видоизменились. Неподалеку от дома перед зданием школы, построенной уже в 1930-е годы, стоит бюст А. Н. Островского.

В доме на Житной у Островских была отличная библиотека, в то время как во всем Замоскворечье в 1830—1840-е годы не было ни одной книжной лавки, а газет и журналов не было и в трактирах. До двенадцати лет Островский учился дома. Он знал французский, немецкий, греческий языки; позже овладел испанским, итальянским, английским (переводил Шекспира, Сервантеса, Гольдони). На Житной он прожил шесть лет. В 1835 году Островский поступил в третий класс 1-й московской гимназии (Волхонка, 16). В гимназические годы в нем проснулась страсть к литературе и театру. Его увлекали представления народных театров в Сокольниках, под Новинским, на Девичьем поле. Малый театр уже тогда стал властелином его дум. Можно представить себе, как поздно вечером, когда спало Замоскворечье, он возвращался домой, пережив драму Чацкого, полный мыслей об игре Мочалова и Щепкина. Театром он жил, о нем мечтал.

Он вынес из жизни в Замоскворечье впечатления, которые сохранил на всю жизнь. В очерке «Замоскворечье в праздник» писатель анализирует психологию жителей этого района: «У нас никогда по моде не одеваются, это даже считается неблагопристойным. Мода — постоянный, неистощимый предмет насмешек, а солидные люди при виде человека, одетого в современный костюм, покачивают головой с улыбкой сожаления; это значит: человек потерянный. Будь лучше пьяница, да не одевайся по моде...» Здесь «ложатся спать в девятом часу, и в девять часов все Замоскворечье спит. По улице нет никого, кроме собак. Извозчика и не ищите».

Пьесы А. Н. Островского — энциклопедия московской жизни XIX века. Из сорока семи его пьес в тридцати двух действие происходит в Москве. В образе современного Замоскворечья, при внимательном взгляде на него, могут проступить черты прошлого. Сохранились многие дома времен Островского, облик улиц и переулков, их названия.

Пятницкая улица — сейчас одна из главных оживленных магистралей Замоскворечья, идущая от Чугунного моста Водоотводного канала до Садового кольца. Извилистая, узкая, с невысокими старыми домами и плотной застройкой, вертикалями колоколен, церковей да новых многоэтажных домов. Во времена Островского Пятницкая была одной из торговых жил Замоскворечья. Здесь перекрестились сюжетные линии многих его литературных произведений, по ней прошли пути литературных героев драматурга.

Дом 36 на Пятницкой: большой, каменный, в два этажа, с деревянным мезонином. Пропускающие много света окна бельэтажа. Этот дом имел широкое каменное крыльцо с перилами. По нему удобно было пронести тяжелые кованые сундуки с хозяйским добром. Дом был окружен большим двором; во дворе — сараи, амбары, в которых под прочными замками и засовами хранились товары. Сюда свозили съестные припасы. Для собственного потребления из лавок брали пудами, бочонками, хранили здесь же ведерные бутылки водки, настоянной на собственной рябине.

Очень похож этот дом на дом Самсона Силыча Большова — героя пьесы «Свои люди — сочтемся», владельца лавок в Китай-городе. Можно представить, как грузный купец с важностью поднимается по мощным каменным

ступеням крыльца. Он в суконной поддевке с большим воротником, на жилетке золотая цепочка. Ярко начищены сапоги «бутылками». Лицо у него грубое, жесткое. В окне бельэтажа за кисейными занавесками нетрудно себе представить его дочь Липочку, томящуюся в ожидании жениха.

На Пятницкой сохранились скромные одноэтажные деревянные дома с маленькими окошками, низкими потолками, крошечными мезонинами (ныне дома 41, 45, 47, 51). Квартиры были тесные, здесь жили чиновники, зарабатывающие утомительным трудом на жизнь. В таком доме легко представить, например, Полину Жадову — жену чиновника, героиню пьесы «Доходное место», мечтавшую о дорогих шляпках, которые носит удачно вышедшая замуж сестра Юленька.

В улицу вливаются переулки, названия которых напоминают об истории этих мест. В конце Пятницкой — ближе к Зацепе — Болвановские переулки (один из них — ныне 6-й Монетчиковский пер.). О Болвановке в «Записках замоскворецкого жителя» Островский писал: «Рассказывают, что там есть такие места, что и жить страшно».

И по сей день на Пятницкой улице в Голицыновом переулке у церкви Климента стоит кирпичная громада дома начала XX века, а рядом скромные домики с мезонинами (например, дом 9). На плане Пятницкой части 1850-х годов здесь значится будка полицейского — квартального надзирателя. Изображение будочника — типичной фигуры для старого Замоскворечья — есть и в произведениях Островского. Это Тигрий Львович Лютов в пьесе «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

В ранней повести «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс» и в «Записках замоскворецкого жителя» Островский иронизирует над будочником, высмеивая «замоскворецкий» подход к знанию: «Будочник был... такой чудак, что у него ни спроси, ничего не знает. Такая уж у него была поговорка: «А как его знать, чего не знаешь?»

Когда-то на Зацепском валу располагался Зацепский рынок. Герой комедии «За чем пойдешь, то и найдешь» говорит о нравах его обитателей: «Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения не понимают, человечества нет никакого. Пройди по рынку мимо лавок лишний раз — сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь...»

Иногда замоскворецкие улицы могут напомнить о героических событиях. Так, в пьесе «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» одна из сцен происходит у Климентовского острожка (на месте церкви Климента, на углу Пятницкой ул. и Климентовского пер.). В 1612 году здесь произошла схватка отряда казаков с войсками польского гетмана Хоткевича. Интервенты вынуждены были спасаться бегством.

На Пятницкой стоит дом 42 — двухэтажный, солидный, каменный, окнами на улицу. В верхнем этаже высокие просторные комнаты — парадные. Про такие комнаты в комедии «Правда — хорошо, а счастье лучше» сказано: «А вот это у нас комнаты не живущие: гостиная, да еще другая гостиная, а там зала». Окна первого этажа меньше, там помещались в маленьких комнатах приказчики, слуги, контора. В таком доме можно представить себе вдову, которая томится от сытости и безделья: «Эка тишина, точно в гробу. Раз пять дом-то обойдешь, пыль сотрешь, лампадки оправишь — только и занятия...» Во дворе дома стояли конюшня и сарай, была чугунная скамейка, на которой когда-то, изнывая от жары, сидели тучные купчихи. В саду могла быть беседка, перед ней фонтан с бассейном. На таком фоне мог проходить, например, разговор Красавиной и Белотеловой в пьесе «За чем пойдешь, то и найдешь». Яркие типы Островского взяты из жизни. Вот как отзывался о них Ф. М. Достоевский: «Уголок Москвы, на который мы взглянули, передан так типично, как будто сам сидел и разговаривал с Белотеловой».

До сих пор на улицах Замоскворечья — Пятницкой, Большой Ордынке, Большой Полянке, в переулках — можно видеть бывшие купеческие усадьбы. Отличаются они друг от друга только размерами да характерными деталями, которые отражают вкусы и потребности их бывших владельцев, но все построены по одному образу и подобию.

Верхний этаж в них жилой, а внизу контора и кухня. Бельэтаж главного дома выходит на улицу тремя — пятью окнами — зала и гостиной. Эти комнаты предназначались исключительно для гостей, для «парада». За гостиными — обширная столовая, кабинет. Настоящие жилые комнаты небольших размеров занимали третий этаж, мезонин, окнами во двор, с низкими потолками.

Парадная лестница, прямая и очень крутая, вела из передней к крыльцу, выходящему во двор. Лестница холодная, презентабельностью не отличалась, хотя расписана была лесными ландшафтами с пастушками, овечками.

Парадные комнаты украшены застекленными шкафами с полками, на которых расставлялось немало вещей, ценных по воспоминаниям. В гостиной — большие английские часы. Из окон жилого мезонина были видны каменные стены, тесовые заборы, сады Замоскворечья. При каждом доме — большой сад, во дворе — баня, кладовая, сарай, конюшня.

Вот в таких домах и жили герои Островского, радовались, страдали, мучились, размышляли. Это был мир «темного царства», мир купцов-самодуров и их жертв. Разбогачен, малограмотные купцы воображали, что при наличии капитала все доступно, и потому — «захочу, один в семи каретах поеду». Таких, как Большов, Тит Титыч Брусков, Гордей Торцов, Островский заклеил словом «самодур».

Сообщая, что предметом его изображения будет определенная часть «быта», отграниченного от остального мира Москвой-рекой и замкнутостью своего уклада, Островский вместе с тем задумывается, какое место обычаи и нравы Замоскворечья занимают в жизни всей Москвы и России. Он не только противопоставляет, но еще чаще сближает обычаи Замоскворечья с нравами остальной части Москвы. Таким образом, в пьесах, очерках и записках Островского картины Замоскворечья встают в ряд с обобщающими характеристиками Москвы, противопоставленной Петербургу. С одной стороны, город, приверженный традиции, с другой — город, воплощающий прогресс.

Изображая Замоскворечье как наиболее консервативную часть Москвы, хранящую традиции и устои, Островский выносит «стране», им открытой, решительный приговор:

«Сила замоскворецкая, сила косности, онемелости. Там, за Москвой-рекой, ее царство, там ее трон. Она-то загоняет человека в каменный дом и запирает за ним железные ворота, она одевает человека ваточным халатом, она ставит от злого духа крест на воротах, а от злых людей пускает собак по двору. Она расставляет бутылки по окнам, закупает годовые пропорции рыбы, меду, ка-

пусты и солит впрок солонину. Она утучняет человека и заботливой рукой отгоняет ото лба его всякую тревожную мысль...

Она обманщица, она всегда прикидывается «семейным счастьем», и неопытный человек не скоро узнает ее и, пожалуй, позавидует ей...

За Москвой-рекой живут своим умом, там на все есть правило и обычай, и каждый человек соображает свои действия с действиями других. К уму Замоскворечье имеет очень мало доверия, а чтит предания и уповаet на обряды и формы».

Островский, чутко улавливая перемены, происходившие в жизни и облике Замоскворечья, показывал, как менялись русская пореформенная жизнь, характер, внешний облик и поведение купца. Появилось новое поколение купцов-промышленников капиталистического толка. В Замоскворечье строили фабрики, многоэтажные доходные дома, особняки в стиле модерн (как, например, дом 33 на Пятницкой улице для купца Коробкова, архитектор Л. Н. Кекушев), совершенно в этом районе раньше немыслимые, невиданные, вычурные, разрушающие установившиеся, косные представления о вкусах, обычаях, эталонах.

На Большой Якиманке (ныне ул. Димитрова) архитектор Н. И. Поздеев построил для купца Игумнова дом в псевдорусском стиле (ныне дом 43). Его оформление отражало стремление заказчика утвердить себя, выделиться. Эту тенденцию купечества выделиться Островский подметил давно и вложил в уста Подхалюзина в пьесе «Свои люди — сочтемся» слова: «В рассуждении шляпок или салонов не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней». Вот и дома — тоже «почудней». Так воспринимало косное Замоскворечье шествие новой, буржуазной эпохи.

Островский понимал неотвратимость прогресса, видел положительные начала, заключенные в нем. А. М. Горький говорил о том, что жизненная правда Островского не стареет. Ведь пьесы драматурга — часть реальной русской действительности, это в первую очередь жизнь «главного города земли русской — Москвы». Островский горячо любил Москву. Он видел в ней центр русской истории и культуры. «Москва — патриотический центр государства, она недаром зовется центром России. Там древняя святыня, там исторические памятники... В Моск-

ве всякий приезжий невольно проникается русским духом. В Москве все русское становится понятнее и дороже». Москва чтит память великого драматурга. Здесь, в Замоскворечье, где родился писатель, его имя носит улица Малая Ордынка, неподалеку от нее — в Лаврушинском переулке, в одном из залов Государственной Третьяковской картинной галереи можно видеть портрет драматурга, написанный художником В. Г. Перовым в 1871 году. На Большой Ордынке находится филиал Малого театра, который называют «домом Островского». Звучащее слово Островского составляет часть духовного мира наших современников.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

...Есть в Замоскворечье уголок, откуда можно часами любоваться Кремлем, яркой вязью Василия Блаженного, древним Зарядьем. Это набережная Мориса Тореза (бывш. Софийская). И думается, не случайно здесь, на самом берегу реки, предприимчивый купец Кокорев в 1860 году построил известнейшую в Москве гостиницу, которую сразу же и окрестили «Кокоревское подворье». Это светло-зеленый, с балконами на втором этаже дом под номером 34, три верхних этажа надстроены в советское время. Вид, который открывался из окон гостиницы на Кремль, привлекал сюда людей, тонко чувствующих старину, своеобразие национальной архитектуры, — писателей, художников, композиторов. Останавливались в уютных, тихих, светлых номерах «Кокоревского подворья» И. Е. Репин, А. П. Чехов, П. И. Чайковский.

В 1866 году жил в «Кокоревском подворье» Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский, 1818—1883) — талантливый писатель, этнограф и фольклорист. Уроженец Нижнего Новгорода, служивший в Казани, Мельников-Печерский с Москвой был тесно связан еще до переезда сюда. В 1850-е годы он сотрудничал в «Московских ведомостях». В 1852 году в журнале «Москвитянин» появилась его повесть «Красильниковы», в которой он так же, как А. Н. Островский, показал жестокость купеческих семейных отношений, но сами купцы изображены им с симпатией. Под этим рассказом была впервые поставлена подпись Андрей Печерский. Так в Москве он

родился как писатель. Убеждает в таланте рассказчика, бытописателя, его любви к народной речи главный труд Мельникова-Печерского — эпопея «В лесах» и «На горах», где широко показаны жизнь Заволжья и Нагорья середины XIX века, быт старообрядческого купечества, промыслы, обычаи местного населения, скиты и секты. Здесь выразились и его взгляды на такое явление, как раскол, которое он изучал в Москве, ознакомившись с деятельностью рогожской общины — центра старообрядческой торгово-промышленной буржуазии.

С 1866 года Мельников-Печерский, как чиновник министерства внутренних дел, был переведен из Казани в распоряжение московского генерал-губернатора. С трепетом подъезжал он к Москве. «Слышу взволнованный голос отца: «Москва! Москва! Дети, смотрите, Москва златоглавая, Москва белокаменная», — вспоминала дочь писателя. Первое время после переезда в Москву писатель с семьей жил в Замоскворечье. В 1867 году он служил в «Московских ведомостях», а с 1868 года стал постоянным сотрудником журнала «Русский вестник», опубликовал здесь несколько исторических работ и художественных произведений, а в 1871—1874 годах и свою эпопею «В лесах» и «На горах».

Многие произведения Мельникова-Печерского своими обличительными настроениями перекликаются с произведениями А. Н. Островского и М. Е. Салтыкова-Щедрина. В его поэтике, как у Лескова и Даля, широко использованы простонародные обороты речи, пословицы, поговорки. Влияние В. И. Даля сказалось и на повести Мельникова-Печерского «Красильниковы», ему посвященной. По словам современников, на создании эпопеи отразилось длительное пребывание писателя в Москве.

В Москве жил беллетрист-народник, стоявший в первых рядах разночинной литературы, *Василий Алексеевич Слепцов* (1836—1878). Детство и отрочество его прошли в Замоскворечье. Семья Слепцовых в конце 1840-х годов жила на Большой Якиманке в доме 62 (ныне ул. Димитрова, сохранился частично). Улица подверглась коренной реконструкции. Во времена Слепцова это была тихая, застроенная невысокими домиками с зелеными дворами улица. Отсюда будущий писатель ходил в 1-ю московскую гимназию на Волхонку. С 1854 года он учился в Московском университете. В конце 1850-х — начале 1860-х годов служил чиновником, посещал салон извест-

ной писательницы Евгении Тур. В ее журнале «Русская речь» опубликовал в 1861 году цикл очерков «Владимирка и Клязьма». Эти очерки — тревожная дума о своем времени, о разложении крестьянского «мира», разрушении «дворянских гнезд» и победном шествии «господина Купона».

Жил в Замоскворечье на Пятницкой улице *Лев Николаевич Толстой*. Москва питала творчество «великого писателя земли русской». Он обращался к ней почти во всех произведениях. «Всякий русский человек, глядя на Москву, чувствует, что она мать» — так мог сказать только любящий сын. Он знал Москву, жил во многих ее районах. На Пятницкой улице привлекает внимание одноэтажный дом под номером 12. Это послепожарный особнячок, стены которого когда-то украшали барельефы, над окнами были лепные украшения. Здесь, в меблированных комнатах купца Варгина, на ночь захлопывались ставни и закрывались высокие глухие ворота. 26 октября 1857 года Л. Н. Толстой, приехавший с сестрой из Ясной Поляны, поселился в этом доме. Он недавно вернулся с Кавказа уже автором «Севастопольских рассказов» и «Утра помещика». Это было время становления и развития общественно-политических и моральных взглядов Л. Н. Толстого. В этом доме писатель работал над повестью «Казак», рассказами «Альберт», «Три смерти». Им уже задуман роман «Декабристы», замысел которого позже выльется в эпопею «Война и мир». Именно в эти годы у Л. Н. Толстого определяются взгляды на задачи писателя: «Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек... Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать... и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость».

День Л. Н. Толстого наполнен трудом. «Отдаюсь работе 8 часов в сутки, а остальное время слушаю музыку, где есть хорошая, и ищу хороших людей». В это время Л. Н. Толстой сближается с А. Н. Островским, семьей Аксаковых, Д. В. Григоровичем, А. С. Хомяковым, А. Н. Плещеевым. Многие из того, что Толстой наблюдал в Москве, слышал от старожилов, нашло отражение в написанных в это время произведениях. Повесть «Казак» начинается описанием Москвы: «Все затихло в Москве. Редко, редко, где слышится визг колес по зимней ули-

це. В окнах огней уже нет, и фонари потухли. От церкви разносятся звуки колоколов и, колыхаясь над спящим городом, поминают об утре. На улицах пусто. Редко где промесит узкими полозьями песок с снегом ночной извозчик и, перебравшись на другой угол, заснет, дожидаясь седока. Пройдет старушка в церковь, где уж, отражаясь на золотых окладах, красно и редко горят несимметрично расставленные восковые свечи. Рабочий народ уж поднимается после долгой зимней ночи и идет на работы».

Толстой в эти годы уделяет большое внимание проблеме нравственного усовершенствования, которое должно изменить сознание людей. Эту мысль он развивает и в повести «Казачи»: исправить пороки дворянского общества можно путем сближения его с народом. В главном герое «Казачков» — Дмитрие Оленине, несомненно, угадывается сам автор.

В дневнике Толстой отмечает, что пришло время приступить к работе над «Юностью». Свою жизнь в это время он описывает в письме В. В. Арсеньевой: «Я живу все это время в Москве, немного занимаюсь писанием, немного семейной жизнью, немного езжу в здешний свет, немного возжусь с умными, и выходит жизнь так себе: ни очень хорошо, ни худо. Впрочем, скорей хорошо». Толстой полагал, что «одно законное счастье есть честный труд и преодоленное препятствие».

В этом доме Толстой общался с И. С. Тургеневым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, В. П. Боткиным, А. А. Фетом. Полгода жизни Л. Н. Толстого связано с этим домом. Сейчас здесь открыт музей писателя. Он является своеобразным дополнением к мемориальному музею в Хамовниках и литературному музею Л. Н. Толстого на Кропоткинской улице. Воссозданный в доме типологический уголок гостиной напоминает об интерьере дома во времена Л. Н. Толстого. В документах и материалах экспозиции отражена работа писателя над романом «Война и мир».

Выставка «Толстой и Москва» концентрирует наше внимание на том, что связывало великого писателя с Москвой: круг его знакомств, женитьба; высказывания Толстого о Москве. Виды Москвы 50—60-х годов XIX века помогают нам глубже осмыслить тему Толстой и Москва.

Современник великого писателя критик и поэт *Аполлон Александрович Григорьев* (1822—1864) хорошо знал

Замоскворечье. Детские и юношеские годы его прошли на Малой Полянке в доме 12 (не сохранился). Он стоял недалеко от церкви Спаса в Наливках. В нижнем этаже, в комнатах, расположенных веерообразно вокруг печи, жили супруги Григорьевы — Александр Иванович и Татьяна Андреевна. Узкая крутая лестница вела в мезонин. В мезонине жил единственный сын Григорьевых — Аполлон, голубоглазый, с шиллеровским профилем, восторженный и меланхоличный. «Прекрасно играя на рояле... он звуками его занимал гостей и будил родителей от утреннего сна. Мать держала его на привязи, не пускала из дому после девяти часов вечера, у ворот всегда дожидались его пошевни».

Будущий поэт и критик рос в патриархальной обстановке. Но была у него и другая жизнь. Хоть он, вплоть до окончания университета, и ходил по субботам подставлять голову под маменькин гребень, за глазами у родителей жил своей, не такой «упрямо-старой» жизнью. Он много читал; стены старого Кремля говорили с ним «внятно, ласково». Когда Григорьев поступил в университет на юридический факультет, рядом с ним, в мезонине, поселился его университетский товарищ Афанасий Фет. Это поколение «жадно хотело жизни, страстей, борьбы и страданий». А вместо этого — тоскливая пустота жизни, душные зимние вечера в жарко натопленной комнате, где «не темно и не светло», где в окно глядится «печальная береза». А. Фет, мудрый, мужественный, с железной волей, был противоположностью неумелому в житейских делах, отрешенному приятелю.

Рано сказалась любовь к театру. Еще в 1-й московской гимназии на Волхонке Григорьев руководил гимназическими спектаклями. Окончив университет, он служил учителем законоведения в Воспитательном доме. 12 декабря 1842 года А. Григорьев был утвержден секретарем университета и служил в университетской библиотеке. В апреле 1850 года его определили старшим учителем 1-й московской гимназии. Сотрудничал в журнале «Москвитянин», в котором были опубликованы его первые стихи. В так называемой «молодой редакции» этого журнала он стал ведущим критиком. Но писание стихов он не оставлял. В это время созданы им замечательные стихотворения: «О, говори хоть ты со мной, гитара семиструнная», «Две гитары», «Вечер душен, ветер воеет» («Борьба»). В его мировоззрении этих лет главенствовала идея

самобытности, патриархальности русского народа, он был близок к славянофилам.

А. Григорьев возводил в культ творчество А. Н. Островского. В его доме на Малой Полянке, 12, часто собирался кружок, центром которого был Островский. В кружок входили поэт и переводчик Н. В. Берг, актер и рассказчик И. Ф. Горбунов, композитор А. И. Дюбюк, поэт Л. А. Мей, скульптор М. А. Рамазанов, актер П. М. Садовский. Островский часто читал здесь свои произведения.

В стихах и в критических статьях А. Григорьева часто встречается слово «борьба». Он, пишет А. Блок, «не бичевал никогда «темных царств», а боролся с ними; он понимал, что смысл слова «тёмное царство» глубок, а не поверхностен (смысл не бытовой, не гражданский только). «Темное царство» широко раскинулось в собственной душе Григорьева; борьба с темною силой была для него, как для всякого художника, борьбою с самим собой».

В начале XX века Блок в статье «Судьба Аполлона Григорьева» определил, уже от имени предреволюционного поколения, его поэтическое место: «Он — единственный мост, перекинутый к нам от Грибоедова и Пушкина; шаткий, висящий над страшной пропастью интеллигентского безвременья, но единственный мост».

Близкий А. Григорьеву человек, замечательный лирик *Афанасий Афанасьевич Фет* (Шеншин) (1820—1892) также был тесно связан с Замоскворечьем. В студенческие годы, как уже сказано выше, он жил у А. Григорьева (М. Полянка, 12, не сохранился).

В 1856 году, выйдя в отставку, он женился на сестре литератора В. П. Боткина и жил уже на Малой Полянке, 3 (дом не сохранился). В 1857 году здесь бывал Л. Н. Толстой, а в январе 1858 года Толстой слушал на этой квартире на музыкальном вечере игру талантливой пианистки Е. С. Протопоповой, которая была хорошо знакома с А. Н. Островским и П. М. Садовским. Толстой записал в дневнике: «Вечер музыкальный, прелесть».

Летние месяцы А. Фет проводит в усадьбе Воробьевка в Курской губернии, остальное время живет в Москве; много пишет, переводит. Он находит поэзию в самых обыкновенных предметах. В его зрелой лирике настроение или переживание выражено через подробности внешнего мира. Они даются в реальной повседневности и вместе с тем оваяны поэзией и одухотворены.

Хотя творчество А. Фета лишено внешних примет автобиографичности, некоторые его стихи навеяны Москвой, и в них даже угадывается этот носящий черты патриархальности район Замоскворечья:

Был чудный майский день в Москве;
Кресты церквей сверкали,
Вились касатки под окном
И звонко щебетали.

В 1850 году в Москве вышли «Стихотворения» А. Фета, встреченные читающей публикой с восторгом. В 1899 году было торжественно отмечено 50-летие его литературной деятельности. В Москве изданы четыре выпуска его сочинений «Вечерние огни».

Связан с Замоскворечьем один из периодов жизни и творчества *Антон Павлович Чехов*. В конце 1870-х годов в Пыжевском переулке в доме 6 находилось владение купца И. Е. Гаврилова, у которого в первые годы московской жизни служил конторщиком и жил отец писателя П. Е. Чехов, а также двоюродный брат Антона Павловича — М. М. Чехов. Быт гавриловского торгового амбара был воспроизведен писателем в повести «Три года» (1895).

После окончания университета А. П. Чехов не получил казенной должности, и ему пришлось позаботиться о частной практике и искать пациентов. Он ездит в разные концы города и, видимо, в этот период особенно хорошо узнает Москву. Он шутил, что его адрес можно найти в любой аптеке (списки практикующих врачей хранили в аптеках). Известный врач и уже достаточно известный литератор, он снимает квартиру в Замоскворечье, на Большой Якиманке. Улица называлась Якиманкой по церкви Иоакима и Анны (не сохранилась). Здесь, как он пишет Н. А. Лейкину 12 октября 1885 года, «настоящая провинция: чисто, тихо, дешево и... глуповато». Сначала Чеховы жили в доме Лебедевой (не сохранился), который находился за зданием нынешнего французского посольства (дом 43). Квартира была сырой, и там в 1884 году впервые у Антона Павловича открылось кровохарканье.

В декабре 1885 года Чехов снял квартиру в доме 45 (не сохранился) — доктора Клименкова. Это был барский особняк, двухэтажный, украшенный четырьмя колоннами, орнаментом и изображениями крылатых гени-

ев с лирой в руках — хранителей домашнего очага. Впервые у Антона Павловича появился в этом доме свой просторный кабинет с камином. Клименков Чеховым сдал квартиру в первом этаже, а во втором жил кухмистер, в свою очередь сдававший помещение под поминки и свадьбы. Этот кухмистер — Петр Антонович Подпорин — давал такие объявления в газетах: «Уведомляю моих знакомых, что я продолжаю принимать заказы для свадеб, балов и обедов по-прежнему, как у себя в помещении, так и на стороне и отдаю помещение под свадьбы, балы и обеды. На Большой Якиманке, против церкви Ивана Воина, д. Клименкова». В письме от 19 января 1886 года Чехов отмечает: «Над моей головой идет пляс. Играет оркестр. Свадьба. В бельэтаже живет кухмистер, отдающий помещение под свадьбы и поминки. В обед поминки, ночью свадьба... Смерть и зачатие... Кто-то, стуча ногами, как лошадь, пробежал над моей головой... Должно быть, шафер. Оркестр гремит... Ну чего ради? Чему обрадовались сдуру?» Именно здесь у Чехова зарождается сюжет его «Свадьбы».

Литературой он занимается урывками, в перерывах между приемом больных, хотя понимает, что «писание с антрактами все равно, что пульс с перебойми». На этой, как и на других квартирах Чеховых, собиралась талантливая молодежь: друзья Николая Чехова — художники, певцы, музыканты, подруги сестры Чехова — Маши.

Живя на Якиманке, Чехов все больше и больше увлекается литературной работой. По приглашению Суворина он начинает сотрудничать в петербургской газете «Новое время». В 1886 году выпускает в свет сборник «Пестрые рассказы». В него вошли произведения, написанные в этот период: «Панихида», «Егерь», «Детвора», «Тоска», «Смерть чиновника» и др. Разные по теме, порой с незатейливым сюжетом, они поднимали коренные вопросы жизни, глубоко и тонко показывали психологию «маленького человека». Автор пока еще скрывался под развлекательным псевдонимом Антоша Чехонте и, может быть, еще самому себе не отдавал отчета в значении своего труда, но наиболее проницательные читатели почувствовали, что в литературу вошел новый, могучий талант, обличитель всего строя жизни, унижающего человека.

В 1886 году в этом доме он получил письмо от Д. В. Григоровича — известного писателя, автора «Анто-

на-Горемыки». «У Вас настоящий талант, талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения,— писал Григорович.— Мне минуло уже 65 лет; но я сохранил еще столько любви к литературе, с такой горячностью слежу за ее успехом, так радуюсь всегда, когда встречаю в ней что-нибудь живое, даровитое, что не мог, как видите, утерпеть и протягиваю Вам обе руки... Когда случится Вам быть в Петербурге, надеюсь увидеть Вас и обнять Вас, как обнимаю теперь заочно!!!»

Чехов отвечал в письме от 26 марта 1886 года:

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе... я не найду ни слов, ни дел, чтобы отблагодарить Вас. Ваше письмо... выше всякого диплома. Ваше письмо... подействовало на меня, как губернаторский приказ «выехать из города в 24 часа!», т. е. я вдруг почувствовал обязательную потребность спешить, скорее выбраться оттуда, куда завяз...

Если у меня есть дар, который следует уважать, то, каюсь перед чистотою Вашего сердца, я доселе не уважал его. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным».

Якиманка и вообще район Замоскворечья нашли отражение в творчестве Чехова. Например, в повести «Три года», написанной в 1895 году, перед нами предстает жизнь купеческо-приказничьего Замоскворечья. О главных героях повести — Алексее Лаптеве, его брате Федоре и сестре Нине — автор говорит: «Детство и юность ее и двух братьев прошли на Пятницкой улице, в родной купеческой семье. Детство было длинное, скучное, отец обходился сурово и даже три раза наказывал ее розгами, а мать чем-то долго болела и умерла; прислуга была грязная, грубая, лицемерная, часто приходили в дом попы и монахи». Алексей Лаптев ненавидел этот уклад жизни. Он, миллионер, с детства возненавидел торговлю. На всю жизнь запомнил он эпизод, когда один из приказчиков «выбежал на улицу в одном нижнем белье, босой и, грозя на хозяйские окна кулаком, кричал, что его замучили, и над беднягой, когда он выздоровел, долго смеялись и припоминали ему, как он кричал на хозяев: «плантаторы!» — вместо «эксплуататоры».

«Приказчики... жили в нижнем этаже дома на Пятницкой и во флигеле, помещаясь по трое и четверо в од-

ной комнате, и за обедом ели из общей миски, хотя перед каждым из них стояла тарелка. Если кто из хозяев входил к ним во время обеда, то все они вставали».

Дом Лаптева на Пятницкой Чехов описывает подробно — подобных домов здесь было множество. «Около белого, недавно оштукатуренного двухэтажного дома кучер сдержал лошадь и стал сворачивать направо... Около ворот стоял дворник в новом кафтане, высоких сапогах и калошах и два городских; все пространство с середины улицы до ворот и потом по двору до крыльца было посыпано свежим песком».

Лаптев — ищущая натура. Таковы и другие герои повести — Костя и Ярцев. Они считали, что «в России все необыкновенно талантливо, даровито и интересно». И Ярцев и Костя родились в Москве и обожали ее. Они убеждены, что «Москва — замечательный город, а Россия замечательная страна...». Свою серенькую московскую погоду они находили самой прекрасной и здоровой. Ярцев считал, что Москва — это «город, которому придется много страдать».

С Якиманкой мы встречаемся и в рассказе А. П. Чехова «Ванька». Ставший богачом, благодаря обману родичей, крестьянин Котлов едет из «Славянского базара» в свой дом на Якиманке.

А. П. Чехов здесь, в Замоскворечье, писал: «Вся надежда на будущее. Мне еще 26 лет. Может быть, успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро». Он был в начале творческого пути.

Жил в Замоскворечье *Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк* (1852—1912). Приехав в Москву в августе 1881 года, он остановился в «Кокоревском подворье» на Софийской набережной (наб. Мориса Тореза, 34).

С Москвой связаны его первые творческие успехи. Очерк «От Урала до Москвы» был напечатан в 1881 году в газете «Русские ведомости» и привлек внимание к молодому писателю. Он умел читать «каменную летопись города». «Что ни шаг, то история... Москва походит на старинную книгу» — так отзывался он о городе. В Москве им написаны пьесы «На золотом дне», многие рассказы, в том числе «На золотом прииске», начат роман «Приваловские миллионы». В Москве часто на публичных чтениях с рассказами Мамин-Сибиряка выступал известный актер М. П. Садовский.

НАЧАЛО XX ВЕКА

В XX веке меняются жизнь и облик Замоскворечья. Развивается промышленность, растут корпуса промышленных предприятий, появляются за заставами рабочие слободки, крепнет и набирает силу московский пролетариат. Не раз в 1905—1907 годы и в 1917 году тихие замоскворецкие улицы покрывались баррикадами, становились ареной классовых боев.

Москва сыграла большую роль в жизни *С. А. Есенина*. Сюда он впервые приехал в 1911 году. В 1913 году Есенин поступил подчитчиком в корректорскую типографию Сытина (Пятницкая ул., 71, ныне 1-я Образцовая типография). Период работы в типографии связан в жизни Есенина со многими значительными событиями и впечатлениями. Общение с рабочими привело его к участию в рабочем движении. Его друзья-печатники были участниками революции 1905 года. О роли, которую играли рабочие-сытинцы в революционных событиях 1905 года, напоминает мемориальная доска, установленная на здании типографии: «Здесь в 1905 году проходили массовые митинги рабочих и были напечатаны 1-й и 3-й номера «Известий» Московского Совета рабочих депутатов».

Захваченный их рассказами, юноша писал другу на Рязанщину: «Куда ни взгляни, взор всюду встречает мертвую почву холодных камней, и только видим серые здания да пеструю мостовую, которая обрызгана кровью жертв 1905 года». Его стихи этой поры «Поэт», «Пророк», «Кузнец» полны гражданского пафоса. Работать над стихами ему помогли занятия в Суриковском литературном кружке, бывшем здесь же, в Замоскворечье, на Садовнической улице (ныне ул. Осипенко, 9, кв. 56), где находилась редакция ежемесячного журнала «Млечный путь», в котором он сотрудничал в 1915 году. Журнал основан в январе 1914 года, редактором и издателем его был талантливый писатель-самоучка А. Чернышев. В литературном отделе журнала работали С. Дрожжин, Н. Павлович, Д. Семеновский, Ф. Шкулев, И. Северянин, Н. Колоколов, А. Новиков-Прибой, Н. Ляшко. С. А. Есенин опубликовал в 1915 году в журнале стихотворения «Выткался на озере...», «Кручина». В редакции журнала «Млечный путь» регулярно проходили литературные «субботы». Собирались писатели, поэты, художники,

артисты, читали стихи и рассказы, обменивались мнениями.

В начале 1915 года юный Есенин покинул Москву, отправившись в Петроград, который в ту пору был центром литературной жизни России. Возвратился он в Москву лишь весной 1918 года известным поэтом, и вся дальнейшая его жизнь протекала в других районах города — на Арбате и в центре.

Отношение Есенина к Москве было неоднозначным. Тоскуя о родимом доме, он с горечью говорил:

На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог...

То всплывала в памяти потрясая его в юности панорама Кремля, которую он впервые увидел со стороны Замоскворечья, и поэт признавался:

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрызг он и пусть одрях,
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах...

То щедро он дарил город своему маленькому сыну Юрию:

Будь Юрием, москвич.
Живи, в лесу аукай,
И ты увидишь сон свой наяву,
Давным-давно твой тезка Юрий Долгорукий
Тебе в подарок основал Москву.

Не так уже много конкретных описаний Москвы в его стихах, но поэт тонко чувствовал своеобразие древнего города.

Родился и всю жизнь провел в Москве *Н. Д. Телешов*, о котором уже упоминалось. Юные годы его, годы становления, прошли в Замоскворечье, в доме отца, на Вальной улице, 22 (не сохранился). Здесь в 1880-х годах проходили собрания организованного им литературного кружка «Парнас». «Жил я в то время у отца на Вальной улице, в доме типично старомосковском, с антресолями, с темными закоулками, скрипучими лестницами и низкими потолками. В мои две комнатки, на самой макушке дома, вела именно такая скрипучая внутренняя лестница прямо из сеней с черного хода. Вытянувшись во весь рост и подняв руку, я свободно доставал пальцами потолок, поэтому, когда собиралось несколько человек курящих,

через час все сидели в дыму и разговаривали точно сквозь сетку, так что приходилось несколько раз в вечер отворять широкие форточки, через которые уходило не столько дыма, сколько тепла». Телешов вскоре знакомится с редактором журнала «Детское чтение» Н. А. Соловьевым-Несмеловым, московским репортером В. А. Гиляровским, поэтами И. И. Белоусовым, С. Д. Дрожжиным и другими. Он активно выступает в печати; в его рассказах 1880-х годов сильно изображение кэсного и затхлого мещанского быта, обличение психологии обывателя («Петух», «Мещанская драма», «Дуэль», «Именины»). Многие московские впечатления Н. Д. Телешова отразились в «Записках писателя». Так, в главе «Москва прежде» рассказывается о быте и обычаях старой Москвы. Тема московской жизни звучит и в других произведениях писателя: повести «Мещанская драма»; рассказе «Призраки».

Общение с Замоскворечьем, исконно московским районом, не прошло бесследно в жизни и творчестве *Марины Ивановны Цветаевой*.

В конце лета 1912 года М. Цветаева вместе с мужем С. Я. Эфроном стали подыскивать квартиру, ожидая рождения ребенка. На деньги, подаренные ко дню свадьбы, они приобрели дом в Малом Екатерининском переулке (угол нынешнего Щетининского и 1-го Казачьего пер.) в Замоскворечье. Он был похож на дом Цветаевых в Трехпрудном переулке, где прошли детство и отрочество Марины Ивановны. Уютный, деревянный, с антресолями, только немного меньше «трехпрудного» дома. В сентябре 1912 года здесь родилась дочь Цветаевой Ариадна.

В Москве прошла большая часть жизни Цветаевой. Она вобрала в свое творчество московскую широту, размах, цветистость, многозвучие. «Для меня жизнь — роман с моей собственной душой, городом, где я живу, деревом у дороги». Цветаева полюбила и запомнила Москву своего детства и молодости, живописную, праздничную, пеструю:

Дом — пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

И разве не отсюда, из Замоскворечья, увидел зоркий цветаевский глаз красоту родного города? Посмотрим с набережной Москвы-реки из Замоскворечья на сказочный град на противоположном высоком берегу:

Облака — вокруг,
Купола — вокруг,
Надо всей Москвой —
Сколько хватит рук!

Цветаева любила приходить к Москве-реке, особенно весной в ледоход:

Я же весело,
Как волны валкие,
Народ расталкивая,
Бегу к Москве-реке
Смотреть, как лед идет.

Живя в Замоскворечье, она уже была автором «Вечернего альбома» и «Волшебного фонаря» и все больше становилась известной в литературных кругах Москвы.

Судьба надолго разлучила М. И. Цветаеву с Москвой и с Замоскворечьем. Вновь здесь она побывала лишь в 1940 году, на Большой Ордынке, 17, где встретилась с А. А. Ахматовой, которую любила и чтит с юности.

«ДОРОГОЙ ВСТРЕЧ Я ШЕЛ В ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ»

Анна Андреевна Ахматова, любя Москву и Подмоскowie, часто обращалась в своем творчестве к их прошлому и настоящему. Бывая в Москве, она жила у Г. А. Шенгели, Ф. Г. Раневской, но чаще всего в Замоскворечье на Большой Ордынке, 17, у Н. А. Ольшевской и В. Е. Ардова. Она любила тишину московских переулков, «свежесть Москвы-реки», «широкую московскую осень». Есть у нее стихи, посвященные Москве, — «Трилистник московский», «Все в Москве пропитано стихами». Под другими стихами Ахматовой стоит пометка: «Москва» (например, под стихотворением «И никакого розового детства»). В Москве она работала над статьями о Пушкине («Каменный гость» Пушкина»). Когда Ахматова появлялась здесь, на Большой Ордынке, квартира Ардовых становилась шумной. В маленькую комнатку, отведенную Ахматовой, приходили писатели, поэты. В Москве она встречалась с К. И. Чуковским, М. А. Булгаковым, О. Э. Мандельштамом, М. С. Петровых, Б. Л. Пастернаком, известным чтецом Д. Н. Журавлевым, художником А. Г. Тышлером и многими другими. Гражданственность поэзии А. А. Ахматовой и ее русский характер особенно сказались в стихах о военной Москве:

Как в первый раз я на нее,
на Родину, глядела,
Я знала: это все мое —
Душа моя и тело...

Как все ново и как все знакомо
И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова...
В свежем грохоте майского грома —
Победительница Москва!

Александр Серафимович Серафимович (1863—1949) также жил в Замоскворечье на улице, выходящей на набережную (бывш. Всехсвятская ул.), в доме 2. Огромный многоподъездный дом на набережной Москвы-реки отмечен мемориальными досками, напоминающими о том, что здесь жили видные революционеры, военачальники, писатели. Одна из этих досок посвящена классику советской литературы, автору замечательного произведения о борьбе революционного народа в годы гражданской войны — романа «Железный поток». Он жил и работал в этом доме с 1931 по 1949 год.

Многие годы писателя связаны с Москвой, которую он называл «городом лучезарного будущего». Его первые произведения, написанные еще в царской ссылке, были напечатаны в 1902—1904 годах в московских газетах «Русские ведомости», «Курьер». В Москве он познакомился с А. М. Горьким, во время первой русской революции, живя на Пресне, оказался в центре событий Декабрьского вооруженного восстания, и это нашло отражение в цикле рассказов «На Пресне». В Москве он работал над романом «Железный поток».

В годы Советской власти А. С. Серафимович встречался в Кремле с В. И. Лениным, работал в Москве, печатался в «Правде», «Известиях». Он частый гость на московских фабриках, заводах, во дворцах культуры и клубах. Высокую оценку его деятельности дал В. И. Ленин: «...Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как нужна рабочим, всем нам Ваша работа...»¹ Москвичи чтят память замечательного писателя. Его именем названа в Замоскворечье улица, где он жил в течение восемнадцати лет, есть на Красной Пресне клуб, носящий его имя.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 198.

В доме 6 на Пятницкой улице родился и жил до 1910 года *Василий Иванович Лебедев-Кумач* (1898—1949) — известный советский поэт. Сам дом, длинный, двухэтажный, включает палаты еще допетровской эпохи.

Поэтическое, песенное ощущение мира жило в нем с детства. Стихи стал писать с тринадцати лет, печататься — с восемнадцати. Настоящее образование смог получить только в советское время. Учился в Московском университете на историко-филологическом факультете. В 1920—1930-е годы В. И. Лебедев-Кумач жил в 3-м Павловском переулке, 4. В это время он сотрудничал в «Рабочей газете», «Гудке», журнале «Красноармеец», позже — в «Крокодиле». Писал литературные пародии, фельетоны, сатирические сказки. Он широко известен как создатель массовой советской песни. Им написаны тексты песен к кинокомедиям «Веселые ребята», «Цирк», «Дети капитана Гранта» и др. В годы Великой Отечественной войны, когда В. И. Лебедев-Кумач служил на флоте, его песни «Священная война», «Споем, товарищи, споем» звали на борьбу с врагом, будили высокие патриотические чувства.

Жизнь писателя-коммуниста В. И. Лебедева-Кумача неразрывно связана с Москвой, где рождались его гражданственные и лирические песни, выразившие мироощущение советского человека и любимые народом. Многие его песни посвящены Москве. Среди них широко известная «Песня о Москве», в которой есть фраза, ставшая крылатой: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля».

В Лаврушинском переулке находится дом 17 — дом московских писателей. Это массивное здание, расположенное напротив Третьяковской галереи, возвышается над Замоскворечьем. Из окон его последних этажей видны Москва-река, Водоотводный канал, Кремль. В этом доме жили и продолжают жить многие известные писатели, обратимся лишь к некоторым именам.

В 1937 году здесь поселился *Антон Семенович Макаренко* (1888—1939). За плечами его был большой опыт педагогической работы в сложнейших юношеских коллективах: руководство колонией имени А. М. Горького в Полтаве и коммуной имени Ф. Э. Дзержинского в Харькове. Педагог-новатор, опиравшийся на коллектив как на силу, формирующую личность, как писатель складывался под сильным воздействием А. М. Горького. Именно

по его совету начал писать «Педагогическую поэму». Тема воспитания и семьи посвящена его «Книга для родителей», написанная в 1937 году в этом доме. Здесь же созданы произведения «Флаги на башнях», «Честь». Работал А. С. Макаренко и над критическими и публицистическими статьями. В Москве именем Макаренко назван бывший Лобковский переулок близ Чистых прудов, при Педагогическом обществе РСФСР создан Музей А. С. Макаренко.

С 1937 года и до конца дней жил в этом доме замечательный певец природы уроженец Орловщины *Михаил Михайлович Пришвин* (1873—1954). В этом доме он проводил зимние месяцы, а летом работал под Звенигородом в живописном Дунине на берегу Москвы-реки. В этот период Пришвиным были написаны «Лесная капель», «Кладовая солнца», «Корабельная роща».

Известный советский драматург *Константин Андреевич Тренев* (1876—1945) поселился здесь, уже будучи маститым автором, создавшим «Пугачевщину» — одну из первых советских пьес, поставленную на сцене МХАТа, «Любовь Яровую», «На берегах Невы», в которой отобразил революционные события 1917 года и создал образ Владимира Ильича Ленина.

Долгие годы прожил в доме 17 в Лаврушинском переулке поэт *Борис Леонидович Пастернак* (1890—1960), в двухэтажной квартире на восьмом этаже с выходом на крышу. Здесь и в Перedelкине под Москвой у Пастернака бывали Г. Нейгауз, Д. Журавлев, С. Рихтер, Вс. Иванов, А. Ахматова, Н. Хикмет, К. Федин, Р. Симсонов, И. Андроников и другие.

Работал Б. Пастернак в кабинете, обставленном строго и аскетично. На стене висела фотография В. Маяковского. Бывавший в доме у Б. Пастернака А. Вознесенский сделал яркую, экспрессивную зарисовку:

«...В его работе было много от Москвы, с ее улицами, домами, мостовыми, которые вечно перестраиваются, перекраиваются, всегда в лесах.

Пастернак очень московский поэт. В нем запутанность переулков, замоскворецких, чистопрудных, проходных дворов, Воробьевых гор, их язык, этот быт, эти форточки, городские липы, эта московская манера ходить — «как всегда нараспашку пальтецо и кашне на груди».

В московские особняки
Врывается весна нахрапом...

Москва вся как бы нарисована от руки, полна живой линии, языкового просторечья, вольного смешения стилей, ампи́р уживается рядом с ропетовским модерном и архаикой конструктивизма (восемьсот лет, а всё — подросток), да и дома в ней как-то не строятся, а зарастают кварталы, как разросшиеся деревья или кустарники. В отличие от северной Пальмиры, которая вся чудодейственно образована по линейке и циркулю, с ее постоянством геометра, классицизмом,— московская школа культуры, как и образа жизни, стихийнее, размашистей, идет от византийской орнаментальности и близка к самой живой стихии языка».

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном...

Еще кругом ночная мгла,
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье...

Из этого дома в 1943 году Пастернак в составе бригады писателей выезжал на фронт. Москва, уроженцем которой поэт являлся, столь хорошо знакома ему и любима им. Наверное, один из московских вокзалов имел в виду Пастернак, когда писал:

Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук,
Испытанный друг и указчик,
Начать — не исчислить заслуг.

Мы уже убедились в том, что литературное Замоскворечье включает в себя не только адреса писателей. Оно художественно осмыслено всей классической русской литературой. И, как бы продолжая в этом отношении традиции М. Ю. Лермонтова, А. Н. Островского, А. П. Чехова, советские писатели и поэты часто избирают Замоскворечье местом действия своих произведений, «средой обитания» своих литературных героев. Только теперь уже нет столь резкой разницы между Замоскворечьем и остальными районами города, как это было во времена Островского. И этот район уже не является отделенной от города «страной». В произведениях совет-

ских писателей Замоскворечье живет едиными заботами и радостями всего города, его пульс бьется в унисон с пульсом всей Москвы. Так, в Замоскворечье разворачивается действие стихотворения *Сергея Сергеевича Наровчатова* (1919—1981) «Зеленые дворы». Оно дает нам возможность почувствовать слитность людских жизней с жизнью Москвы в разные времена. В гуще зелени — боярский терем, дом с мезонином, старый флигель. В разные эпохи на разные войны уходят отсюда мужчины. Возлюбленные, тоскуя, остаются их ждать. Раздумья автора о жизни соединены с размышлениями о судьбах этих людей, разобщенных войной:

На улицах Москвы разлук не видят встречи,
Разлук не узнают бульвары и мосты.
Слепой дорогой встреч я шел в Замоскворечье,
Я шел в толпе разлук по улицам Москвы.
Со всех сторон я слышал ровный шорох,
Угрюмый шум забвений и утрат.
И было им, как мне, давно за сорок,
И был я им давным-давно не рад.

В конце стихотворения мы встречаемся с «юнцом сегоднешнего дня», которому идти

Живой тропой земного бытия,
Не увидеть увиденного нами,
Увидеть то, что не увижу я.

Мысль о преемственности поколений поэт связывает с образом Москвы.

...Одним из центров литературной жизни современного Замоскворечья является редакция журнала «Иностранная литература» (Пятницкая ул., 41). Журнал выходит с 1955 года, продолжая деятельность журнала «Интернациональная литература», выходившего в Москве в 1933—1943 годах. На Большой Полянке в 1971—1973 годах построены новые корпуса издательства «Молодая гвардия».

К уже имеющимся в Замоскворечье музеям должен вскоре добавиться и Государственный Литературный музей, главное здание которого намечено соорудить на улице Димитрова, на углу Якиманского переулка. Корпус музея положит начало архитектурному ансамблю, который будет отсюда террасами спускаться к Москве-реке.

Замоскворечье — современный район города. И в то же время уникальное созвездие памятников. Когда в 1973 году Моссовет принял решение о создании девяти

заповедных зон в центре города, Замоскворечье по праву было объявлено заповедным. В понятие «заповедность» включаются как неотъемлемая часть нашей культуры и литературные памятные места.

В УСТЬЕ ЯУЗЫ

Недалеко от Кремля, там, где Яуза впадает в Москву-реку, располагаются два старинных района, также являющихся ныне заповедными. Это — Заяузье и Серебряники. Оба этих небольших района лежат на противоположном берегу Москвы-реки, она их отделяет от Замоскворечья, но, если можно так выразиться, к Замоскворечью они некоторым образом тяготеют. Материал подглавки «В устье Яузы» тематически связан с материалом всей главы, посвященной Замоскворечью.

Заяузье — местность на левом берегу Яузы, у самого ее устья, Серебряники — на правом берегу, между Яузским бульваром и набережной. Название происходит от слободы серебряников — ремесленников, работавших еще в XV веке на Монетном дворе на Яузе. Архитектурной доминантой этого района является церковь Троицы в Серебряниках XVIII века.

Серебряники связаны с памятью об А. Н. Островском. В 1841 году семья Островских покинула Замоскворечье и переселилась в Яузскую часть, в Большой Николоворобинский переулочек. На месте домов 3—5 находилось владение Островских с двухэтажным домом, садом и прудом. К сожалению, до наших дней в переулочке не сохранилось никаких строений от дома Островских. Здесь драматург прожил 28 лет. В Заяузье он приступил к работе над «Очерками Замоскворечья» — сценами из жизни купеческого Замоскворечья. Образ жизни Яузской части во времена Островского мало чем отличался от быта и нравов замоскворецких купцов. И несомненно, в пьесах драматурга нашел отражение старомосковский уклад Серебряников, слившись в единый художественный образ с жизнью Замоскворечья.

Заяузье имеет удивительный ландшафт: этот «треугольник» между Яузой, Москвой-рекой и Садовым кольцом характеризуют горки, глубокие овраги, подъемы и спуски, переплетение переулочков. Самая заметная Швивая горка, которую венчает белоснежная церковь Ники-

ты Мученика, что за Яузой. Она сохранилась с XVII века, когда в Заяузье располагались ремесленные слободы — гончарная, таганная, котельническая, о которых сейчас напоминают названия улиц, переулков, набережных и площадей. С XIX века это место в московском просторечии стало называться Таганкой. Именно с этого времени оно, как и Замоскворечье, стало оплотом купечества и символом его образа жизни. А. Ф. Писемский в романе «Мещане» писал: «Великие мыслители иссушили свои тяжеловесные мозги, чтобы дать миру новые открытия, а Таганка, эксплуатируя эти открытия и обеспечивая при этом работника, зашибала и тут себе копейку».

Имеет Заяузье и памятные литературные адреса. От площади перед высотным зданием расходятся его основные улицы — Ульяновская, Интернациональная, Володарского, Нижняя и Верхняя Радищевские. Район бережно хранит память о А. Н. Радищеве. В 1919 году две улицы Заяузья — Верхняя и Нижняя Болвановские — получили имя *А. Н. Радищева*. В 1797 году, направляясь из Сибири в свое калужское имение Немцово, Радищев остановился проездом 11 июня в Москве, в Рогожской части на Николоямской улице (ныне Ульяновская ул., 54). Память о писателе-революционере увековечена не только в названиях этих улиц, скульптурный бюст А. Н. Радищева установлен в сквере на Верхней Радищевской улице (между домами 14—16).

Силуэт района определяет высотный жилой дом на Котельнической набережной. Он раскинул свои крылья по берегам Москвы-реки и Яузы, как бы «обняв» Швивую горку с маленькой, по сравнению с громадой самого здания, церковкой. Шпиль высотного дома хорошо виден с любой улицы Заяузья.

Рядом с высотным домом на набережной Яузы стоит светлое пропорциональное здание с большими оконными проемами. Оно также составная «фасада» Заяузья. Это — Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы (Ульяновская ул., 1). Здесь собраны русские и иностранные книги (свыше 6 млн единиц хранения) по широкому гуманитарному профилю, литература о Москве, изданная в СССР и за рубежом. ВГБИЛ — центр межбиблиотечного абонеента на иностранных языках.

На фасаде высотного здания на Котельнической набережной — мемориальные доски. Одна из них напоминает

о том, что в этом доме с 1953 по 1968 год жил писатель *К. Г. Паустовский* (автор доски — заслуженный архитектор РСФСР, лауреат Ленинской и Государственной премий Е. Н. Стамо). *К. Г. Паустовский* — уроженец Москвы. Его жизнь тесно связана с нашим городом. Он познакомился со многими городами страны и в годы первой мировой войны, и во время Великой Отечественной, когда был военным корреспондентом на Южном фронте. Ему довелось жить и на Кольском полуострове, и на Кавказе, и в Сибири, и в Средней Азии, и на Украине. Но особенно много впечатлений дали ему Средняя Россия — Мещера, Таруса.

В последний период жизни в этом доме и в Тарусе *К. Г. Паустовский* работал над многими рассказами, повестью «Золотая роза», в которой нашла отражение и жизнь Москвы первых десятилетий XX века. В его произведениях мы встречаем тонкое ощущение своеобразия старой Москвы: «Я смотрю с Москворецкого моста на черные промоины реки. В дыму золотеют кремлевские купола. Вот она — Москва. Синяя от трактирных вывесок, запутанная в переулках, крикливая от мороза и дымная от костров. С угрюмых площадей Замоскворечья глядит Азия, монотонные закаты пылают в окнах мезонинов, кричат извозчики, благовестят к вечерне».

Для него характерно осмысление роли города в жизни каждого из нас. «Вот вам Москва. Есть в этом городе великая правда. Здесь, в Москве, чувствуется вся хлебная Россия, крепкий запах берез, бескрайность... К Москве, как и ко всей стране, я чувствую свою сыновность», — говорит Паустовский устами одного из героев своего произведения «Романтики».

Перу Паустовского принадлежат прекрасные пророческие слова о будущем нашего города: «Ничем нельзя убить Москву. Уничтожить ее сущность, ее душу — нельзя. Тысячи потрясений ничего с ней не сделают. Каждое новое поколение наложит на облик Москвы еще одну черту, но не убьет ее. Так и будут жить рядом Кремль и подземные железные дороги, Борис Годунов и Станиславский, вокзалы и старые липы Замоскворечья. Сквозь пожары и революции, великие войны и колокольный звон, бунты и покаяния, сквозь море народных движений, приниженность и скуку — она пройдет, как монолит, и сохранит свой облик — во сто крат более прекрасный».

Часть

2

За Садовым Кольцом

О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной...

К. Н. Батюшков

Территория, лежащая за пределами Садового кольца, по размерам больше той части города, которая находится внутри него. Естественно, что на обширных окраинных землях, простирающихся до Московской кольцевой автомобильной магистрали, находится меньше историко-литературных памятников, чем их сконцентрировано в древнем историческом центре города.

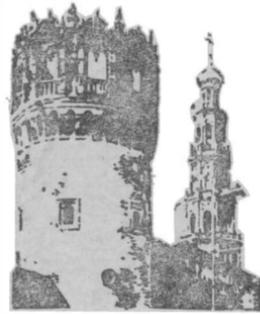
Новые микрорайоны внешне схожи. Однако каждая местность окраинной части города, на которой стоят эти микрорайоны, имеет свое историко-литературное прошлое. Рассказу о нем и посвящена вторая часть книги «За Садовым кольцом».

Для того чтобы помочь читателям сориентироваться в материале, напомним, что мы мысленно движемся по карте города в направлении по часовой стрелке, вдоль окружности Садового кольца. Начав с самой высокой точки города — Ленинских гор, откуда открывается неповторимая панорама Москвы, мы путешествуем по паркам, садам, улицам, набережным и площадям, наше внимание привлекают здания, в которых жили или бывали литераторы, памятники им или персонажам, созданным их воображением, пейзажи, рождающие литературные ассоциации.

В основу композиции каждой из шести глав, составляющих вторую часть книги, положен топографо-хронологический принцип. В каждой главе присутствует некая топографическая доминанта, вокруг которой группируется «гнездо» историко-литературных памятников, находящихся на периферии мысленно очерченного нами района.

Следует напомнить, что границы каждого из шести районов, лежащих между Садовым кольцом и Московской кольцевой автомобильной магистралью, не соответствуют административному делению города. Эти границы очерчены нашим воображением и соотнесены с городским пейзажем, рельефом местности, сетью московских рек и речушек. Все это было как бы той декорацией, на фоне которой разворачивалось действие во многих художественных произведениях или происходили события в жизни их творцов. Материал книги, как мы уже говорили, выстроен и хронологически: от рассказа о давно минувших событиях мы протягиваем нить к сегодняшнему дню.

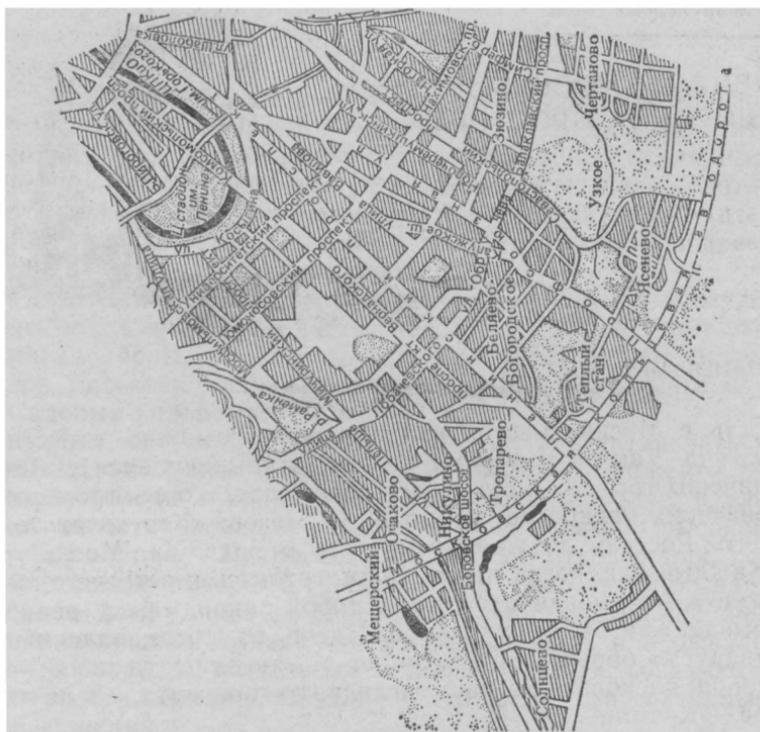
«ВИДНЫ МОСКВЫ ШИРОКИЕ ПРОСТОРЫ»

ПАНОРАМА МОСКВЫ

Есть в Москве места, от которых невозможно отвести взгляд. Такова панорама города, открывающаяся с Ленинских гор. Ее красота восхищает всех, а о ее огромном значении прекрасно сказал А. П. Чехов: «Кто хочет понять Россию, должен посмотреть отсюда на Москву». Каждый раз, когда идешь сюда, готовясь к встрече с городом, открывающаяся перед тобой панорама все равно бывает как бы неожиданной. Идешь по шоссе, аллеям и «вдруг...» обрыв. Это как полет. А там внизу за рекой — город, насколько хватает взгляда, до горизонта, и в центре — Кремль.

Живописные места, с которых открывается городская панорама, существуют, разумеется, не только в Москве, как правило, они находятся на высоких берегах рек и обладают огромной притягательной силой: в Киеве — это Владимирская горка с ее великолепными парками, в Ульяновске — Венец, во Владимире — площадка на высоком берегу Клязьмы подле Дмитриевского собора, в Смоленске — гора, на которой стоит кремль, в Серпухове — Красная, бывшая Соборная, гора, в Верее — крепостные валы, в Вильнюсе — гора Гедимины. Панорама Москвы особая. Мы приходим сюда в разное время года. В конце зимы завеса медленно падающего влажного мартовского снега придает ей особую поэтичность и загадочность. Чистота яркого весеннего утра с режущей глаза пронзительной четкостью силуэтов делает ее особенно нарядной. Осенью желтые, оранжевые, нежно-лимонные, красные и ржаво-бурые листья вязов, дубов, кленов и лип, покрывающих склоны, вносят немного грустную но-

ту в этот пейзаж. Но особенно хороша панорама Москвы в летние погожие, солнечные дни, когда перед нами широко расстилается яркий бело-зеленый город, красоту которого подчеркивают синева неба и реки. Извилистые переулки и небольшие улочки сбегают к широким проспектам, размашисто и мощно прорезающим его тело. Шпили высотных зданий блестят. Излучина реки с белыми, как бы игрушечными катерами дополняет картину. Сочетание красоты среднерусской природы и свободной планировки кварталов вдохновляло многих литераторов: сколько песен, стихов, прозаических строк посвящено замечательной панораме Москвы и Ленинским горам.

М. Н. Загоскин в книге «Москва и москвичи» («Записки Богдана Ильича Бельского»), написанной в середине 1840-х годов, отмечал: «Мы, москвичи, избалованы прекрасными видами; мы встречаем их на каждом шагу и привыкли смотреть равнодушно на эти великолепные па-

норама, которые пленяют всех иностранцев своею роскошною красотою и дивным разнообразием. Маловодная Москва-река и ничтожная речка Яуза вовсе незамечательны как реки, но зато какие у них живописные берега!» Своему гостю французу Дюверние, упоминаемому в книге, автор показал Москву сначала с Воробьевых гор, а уже потом направился с ним знакомиться с Кремлем и Красной площадью. Воробьевы горы были предметом внимания *Н. М. Карамзина* и *М. Ю. Лермонтова*, а современник *А. С. Пушкина* поэт *И. И. Козлов* в стихотворении «К другу *В. А. Жуковскому* по возвращении его из путешествия» писал:

.....День знойный,
Мне снилось, ярко догорал,
И вечер пламенно спокойный
Во всей красе своей блистал;
Внизу Москва-река сверкала,
Игриво рошу обтекала;
В дали гористой под селом
Был виден лес, желтели нивы.

Уроженцу Москвы *Аполлону Майкову* принадлежит стихотворение «Воробьевы горы»:

Не горят златыми льдами,
Ни пурпурными снегами
Средь небесной синевы
Их венчаные главы;
С ребр не хлещут водопады;
Бездны, воя и шума,
Не страшат пришельца взгляды,
Ни пугливого коня;
Но люблю я эти горы
В простоте веселой их...

Во времена Лермонтова, Козлова, Майкова здесь уже существовало известное с XVI века село Воробьево, в котором находился великокняжеский, а с XVII века деревянный царский дворец. В 1811 году в селе Воробьево была сооружена и ныне существующая церковь Троицы, хрупкий силуэт которой выглядит трогательно-наивным рядом с четкими контурами мощного здания Московского университета. В 1817 году, осуществляя проект по благоустройству Воробьевых гор, на месте дворца заложили храм-памятник в честь освобождения Москвы в 1812 году и победы над армией Наполеона. Автором проекта был талантливый архитектор *А. Л. Витберг*. Но памятник так и не был сооружен.

Неподалеку от места закладки «Витбергова храма» юные *Александр Герцен* и *Николай Огарев*, чья деятельность открывает целую эпоху в русском освободительном движении, дали свою знаменитую клятву посвятить жизнь служению человечеству. Читая «Былое и думы», представляем, как мальчишки направлялись от Большого Власьевского переулка сюда, к Воробьевым горам. Их путь пролегал через район, примыкающий к Арбату, далее по старой дороге к Новодевичьему монастырю, мимо лужниковских огородов, покосившихся домиков, к топкому тогда берегу Москвы-реки. А. И. Герцен так описал это путешествие:

«В Лужниках мы переехали на лодке Москву-реку... Отец мой, как всегда, шел угрюмо и сгорбившись, возле него мелкими шажками семенил Карл Иванович... Мы ушли от них вперед и, далеко опередивши, взбежали на место закладки Витбергова храма на Воробьевых горах, запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы так, отирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас; постояли мы, постояли, опираясь друг на друга, и, вдруг обнявшись, присягнули в виду всей Москвы пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу...» А Николай Платонович Огарев воспроизвел эту картину в «Стихотворениях в прозе».

В одном из своих стихотворений Н. П. Огарев писал о Воробьевых горах:

Тропой росистою мы шли с горы крутой,
В тумане за рекой был город перед нами,
И дальний колокол кого-то звал к мольбе,
А мы, обнявшись, при утренней деннице,
Мы дружбы тайнство поведали себе,
И чистая слеза блеснула на реснице.

В память о 150-й годовщине со дня этого события на склоне Ленинских гор в центре небольшой овальной площадки установлен двойной гранитный пилон. На невысокой дугообразной декоративной ограде — барельефные портреты юных А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Авторы памятного знака — скульптор М. А. Шмаков, архитекторы Ю. В. Ильин-Алдаев и Р. Г. Кананин. О значении этого памятного места писал еще Г. В. Плеханов: «Это место можно считать священным в истории развития нашей общественной мысли. От этой присяги пошли и «Колокол» и «Полярная звезда».

В пору упоминаемых нами событий на склонах Воробьевых гор сохранились оставшиеся от «Витбергова храма» помещения, использовавшиеся как склады и казармы для рабочих. В них устроили пересыльную тюрьму, в просторечии именуемую замком. Замок был примечателен тем, что связан с именами выдающихся деятелей народного освободительного движения. В апреле 1833 года здесь содержались члены известного московского кружка, именуемого «сунгуровским». Сунгуровское дело, на шумевшее в Москве, состояло в следующем. Н. П. Сунгуров возглавлял кружок, в который входили студенты Московского университета. «Сунгуровцев» арестовали в 1831 году. Следствие велось более года. По мнению следователей, члены кружка имели «дерзкие мысли против правительства». Приговор был жестоким: «сунгуровцев» отправили в солдаты в Оренбургскую губернию, Н. П. Сунгурова приговорили к ссылке в Сибирь и к лишению прав.

В течение четверти века связана была с замком судьба «святого доктора» *Ф. П. Гааза*, девизом которого были слова «спешите делать добро!» (см. часть I, глава 2). Федор Петрович в глазах одних был святым, в глазах других — фанатиком и чудаком. А. И. Герцен запомнил его таким: «Старый, худощавый, восковой старичок, в черном фраке, коротеньких панталонах, в черных шелковых чулках и башмаках с пряжками». Являясь членом попечительского комитета, Гааз заботился об участии арестантов, отдавая этому свои силы и средства. Гааз присутствовал при отправлении каждой партии из замка, боролся с жестокостью тюремщиков, добился отмены железного прута, которым сковывали заключенных, и снабдил их облегченными кандалами, которые предварительно проверил на себе. Больных и слабых он оставлял в городе до полного выздоровления, а когда арестанты прибывали на место назначения, Федор Петрович посылал им деньги, книги и вещи. Так и представляется сухонькая фигурка, стоящая подле колонны арестантов, которые отсюда, с Воробьевых гор, направляются под барабанный бой к Владимирке (ныне шоссе Энтузиастов) и с плачем и стенанием продолжают далее свой скорбный путь. Видимо, о Гаазе писал Ф. М. Достоевский в романе «Идиот»: «В Москве жил один старик, один генерал: он всю жизнь таскался по острогам и по преступникам, каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на

Воробьевых горах ее посетит «старичок-генерал». Он делал свое дело в высшей степени серьезно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался перед каждым, каждого расспрашивал о его нуждах... Он давал деньги, присылал необходимые вещи — портянки, подвертки, холсты... Он говорил с ними, как с братьями, и они сами стали считать его под конец за отца...»

«Так поступал он множество лет до самой смерти, дошло до того, что его знали по всей России и по всей Сибири, т. е. все преступники».

Не этот ли факт был одной из причин интереса Ф. М. Достоевского к Воробьевым горам? 30 марта 1867 года жена писателя — А. Г. Достоевская записала в дневнике: «Побывали мы и на Воробьевых горах. Ф<едор> М<ихайлович>, москвич по рождению, был отличным чичероне и рассказывал мне много интересного про особенности Первопрестольной».

На склонах Ленинских гор сохранились старые деревья — дубы, липы, вязы, возраст которых подчас достигает 140 лет. Они могут помнить то время, когда здесь бывал великий писатель.

Видимо, Воробьевы горы были безразличны и Л. Н. Толстому. Его любимый герой Пьер Безухов испытывает в трудную для себя минуту некоторое успокоение, созерцая живописную панораму Воробьевых гор: «На всем, и на дальних и на ближних предметах лежал тот волшебного хрустального блеска, который бывает только в эту пору осени. Вдалеке виднелись Воробьевы горы, с деревней, церковью и большим белым домом. И оголенные деревья, и песок, и камни, и крыши домов, и зеленый шпиль церкви, и углы дальнего белого дома, все это неестественно-отчетливо, тончайшими линиями вырезывалось в прозрачном воздухе».

Привязанности и оценки литературного героя не всегда совпадают с жизненными оценками самого автора, но случается, что они адекватны. Видимо, А. М. Горький любил Воробьевы горы, коль в уста Варвары Самгиной, ищущей перед смертью духовного очищения и успокоения, он вложил слова: «В Москве все так просто... И — тепло. Охотный ряд, Художественный театр, Воробьевы горы... На Москву можно посмотреть издали, я не знаю, можно ли видеть Петербург с высоты; позволит ли он это? Такой плоский, огромный, каменный...» А своему нелюбимому

литературному персонажу душевно холодному Климу Самгину он отказывает в способности видеть и любить Москву. Глядя на панораму города с высоты Воробьевых гор, Самгин не воспринимает волнующей красоты города: «У Клима Самгина Москва не вызывала восхищения; для его глаз город был похож на чудовищный пряник, пестро раскрашенный, припудренный опаловой пылью и рыхлый. Когда говорили о красоте, Клим предпочитал осторожно молчать...» Он смотрел на город с Воробьевых гор и не ощущал внутреннего подъема при виде Москвы, утопающей в зелени, украшенной позолоченным куполом Ивана Великого, который напоминал ему палец, украшенный розоватым ногтем. Видимо, еще надо обладать и особым душевным складом, чтобы до глубины прочувствовать всю красоту этих мест, а Самгину чувство прекрасного было чуждо.

А. А. Блок, тонко чувствовавший своеобразие Москвы, отмечал необычность московской панорамы: «Париж с Монмартра не то, что Москва с Воробьевых гор...»

...Издавна в погожие весенние и летние дни в сельце Воробьеве устраивали гуляния. Для удобства отдыхающих был открыт ресторан Крынкина. В «Путеводителе по Москве и ее окрестностям» за 1887 год значилось: «*Воробьевы горы. Проезд. Пароход* ходит 8 раз в сутки туда и обратно от Канавы, по 20 коп. с человека; второй путь от Калужской заставы, а оттуда 3 версты; дорога до дачи Мамонова шоссейная, а далее глиняная, грунтовая. Троицын день, во время храмового праздника, народное гулянье. Ресторан внизу близ реки, второй же вверх, на горе, где можно достать подзорную трубу». Интересно вспомнить, что в июне 1918 года в помещении бывшего ресторана на Воробьевых горах была создана библиотека-читальня, в 1930 году получившая название «Имени 1-го Мая».

Литераторы разных школ и направлений, обращавшиеся к образу Москвы, едины были в одном: Воробьевы горы неизменно настраивали их на поэтический лад, и значительные, яркие события, определяющие судьбы героев, подчас были связаны именно с этим местом Москвы. Тридцать первая глава романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» так и называется: «На Воробьевых горах». Персонажи романа Мастер, Маргарита и окружение Воланда, покидая Москву, прощаются с ней именно здесь, горы как бы притягивают их: «Грозу

унесло без следа и, аркой перекинувшись через всю Москву, стояла в небе разноцветная радуга, пила воду из Москвы-реки. На высоте, на холме, между двумя рощами виднелись три темных силуэта. Воланд, Коровьев и Бегемот сидели на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни Девичьего монастыря». На бровке Воробьевых гор Мастер прощается с городом, так много значившим в его жизни.

«— Навсегда!.. Это надо осмыслить,— прошептал Мастер и лизнул сухие, растрескавшиеся губы. Он стал прислушиваться и точно отмечать все, что происходит в его душе. Его волнение перешло, как ему показалось, в чувство глубокой и кровной обиды. Но оно было нестойким, пропало и почему-то сменилось горделивым равнодушием, а последнее — предчувствием постоянного покоя.

...Кони рванулись, и всадники поднялись вверх и поскакали. Маргарита чувствовала, как ее бешеный конь грызет и тянет мундштук. Плащ Воланда вздуло над головами всей кавалькады, этим плащом начало закрывать вечеряющий небосвод. Когда на мгновенье черный покров отнесло в сторону, Маргарита на скаку обернулась и увидела, что сзади нет не только разноцветных башен, но нет давно уже и самого города...»

ПЕРЕД УНИВЕРСИТЕТОМ

Ленинские горы, как никакое другое место в Москве, буквально дышат юностью: по молодым липовым рощам гуляют свежие ветры. Глядя на панораму Москвы с высоты, вспоминаешь, что именно сюда в начале нашего века приезжали на маевки студенты. На аллеях парка мелькают молодые лица, а на Университетском проспекте, прорезающем зеленый массив, стоит скульптурная композиция «Первые комсомольцы».

Тридцать с лишним лет назад Ленинские горы стали как бы выше: выросло новое здание Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Перед его северным фасадом установлены памятники-бюсты А. И. Герцену (скульптор С. Т. Коненков) и Н. Г. Чернышевскому (скульптор Г. В. Нерода), а перед южным

находится памятник М. В. Ломоносову (скульптор Н. В. Томский, архитектор Л. В. Руднев).

Новое здание университета стало неотъемлемой частью комплекса сооружений Юго-Запада и вместе с другими высотными зданиями определяет контуры столицы. И оно, и некоторые сооружения, находящиеся неподалеку от университета, вписаны в поэтическую летопись. Л. Н. Мартынов в стихотворении «Ленинские горы» пишет о «висящем» над Москвой-рекой вестибюле станции метро. Синева реки, облака, порой задевающие за университетский шпиль, белизна построек рождают у поэта такие ассоциации:

Где-то за университетом
Пахло парусом и шкотом,
Простыней и полотенцем
И на пляж входным билетом.

Дополнение к галерее литературных образов, которые рождает вид многих сооружений на Ленинских горах, является стоящий перед входом в «пионерскую республику» гайдаровский Мальчиш-Кибальчиш — один из героев столь любимой ребятами «Сказки о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» в повести «Военная тайна». Выкованный из меди, он стоит подле здания городского Дворца пионеров. Приостановился на бегу, вскинул руки: в одной — сабля, в другой — горн, на затылок сдвинута буденовка. Подчеркивает ощущение стремительного движения удачно решенный постамент: треугольный, ребристый, резкий по очертаниям. Памятник прекрасно просматривается со всех сторон. У подножия лежат цветы, особенно трогательны букетики простых одуванчиков, положенные ребячьими руками. Интересно, что юные читатели произведений Гайдара сразу узнавали в этой работе Кибальчиша, когда она еще не законченной стояла в мастерской ее автора скульптора В. К. Фролова (архитектор В. С. Кубасов).

Комсомольцы приняли непосредственное участие в создании памятника: это подарок московского комсомола пионерам. Он сделан на средства, заработанные в стройотрядах и на комсомольских стройках, и был открыт в день 50-летия пионерской организации имени В. И. Ленина 19 мая 1972 года.

В повести «Военная тайна» Кибальчиша похоронили «на зеленом бугре у Синеи реки», а здесь, оживший в

меди, он стоит на высоком берегу Москвы-реки, и над ним «пролетают летчики», а «пройдут пионеры — салют Мальчишу!».

Дети любят хорошие концы у сказок, и в данном случае хорошим концом стал сам факт создания памятника литературному герою.

Неподалеку от городского Дворца пионеров, на склонах Ленинских гор, ближе к мосту Окружной железной дороги находятся корпуса бывшего Андреевского, некогда Преображенского монастыря (Ездоков пер., 1). Его четырехэтажные побеленные дома стоят по периметру. Колокольня XVIII века — образец барокко — композиционно связывает в единое целое все постройки, в том числе церковь Андрея Стратилата (1675, 1805) и церковь Воскресения в Пленницах (кон. XVII—XVIII). В 1648 году здесь была открыта Ф. М. Ртищевым — окольничим, приближенным царя Алексея Михайловича — первая в Москве школа. Преподавание велось учеными из Киева, в том числе Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским. Епифаний Славинецкий возглавил в Крутицах (см. часть II, глава 6) группу переводчиков. Школа ставила целью «научение славяно-российского народа детей греческой, латинской и славянской грамматике, философии и риторике — науке о том, как говорить хорошо, правильно и красиво». Монахи «ученого братства» Андреевского монастыря также переводили на русский язык иностранные книги. В наши дни здание реставрируют.

У ЛУЖНИКОВСКОЙ ИЗЛУЧИНЫ

На низком берегу реки раскинулся Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лужниках. Его крупнейшее крытое спортивное сооружение — Дворец спорта является также местом проведения литературных вечеров. Эта традиция зародилась в 1960-е годы. Вспомним, к примеру, осень 1962 года. Ярко освещен дворец. Афиши при входе извещают, что 30 ноября 1962 года состоится «Большой вечер поэзии». Это был один из тех грандиозных поэтических вечеров в Лужниках, на который приходили тысячи людей и нельзя было найти «лишнего билета». Казалось, неиссякаемым потоком шли они от станции метро «Спортивная», и пятнадцатитысячная громада заполняла зал.

Тверская, 14. Памятная доска на доме, в котором находится Музей-квартира Н. А. Островского

Тверская, 14.
Музей-квартира
Н. А. Островского,
бюст писателя

Тверская, 14.
Интерьер старинного дома,
имеющего богатую
литературную историю.
Лестница, ведущая
в помещение Музея-квартиры
Н. А. Островского

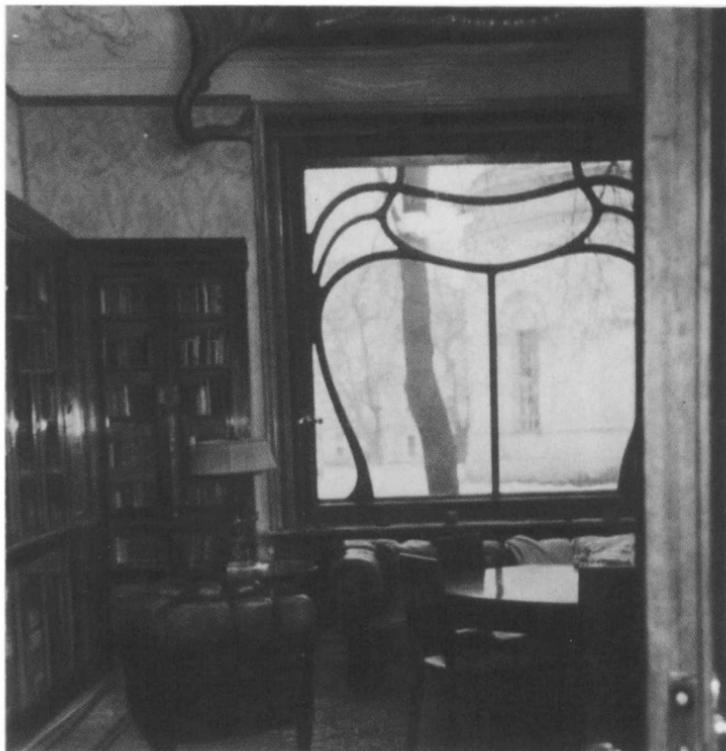
Пр. Художественного театра, 2.
Памятная доска, посвященная
М. А. Светлову

Ул. Качалова, 6/2.
Мемориальный музей-квартира
А. М. Горького

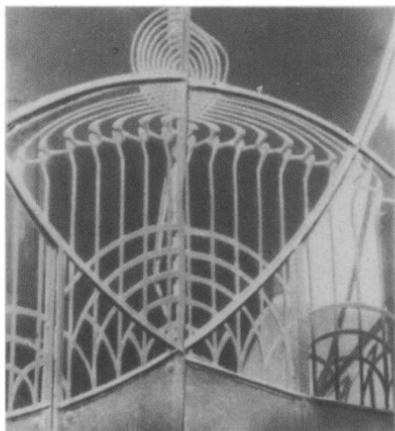

«Каждый камень твой — заветное преданье поколений»

Ул. Качалова, 6/2.
Интерьер Мемориального
музея-квартиры
А. М. Горького

«УЛИЦЫ УЗКИ У НАС,
ШИРОКА У НАС
ЛЕТОПИСЬ УЛИЦ»

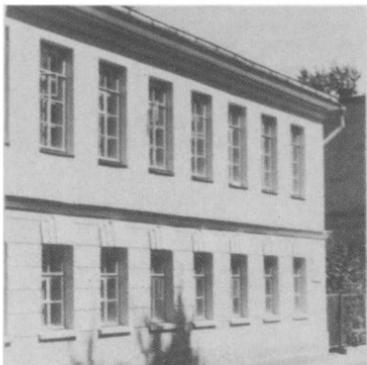
Кропоткинская ул., 12/2.
Государственный музей
А. С. Пушкина

Кропоткинская ул., 12/2.
Интерьеры Государственного
музея А. С. Пушкина

«Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц»

Ул. Рылеева, 6.
Дом П. В. Нащокина

Памятная доска,
посвященная А. С. Пушкину

Бывшая церковь Большое Вознесение у Никитских ворот,
где венчался А. С. Пушкин с Н. Н. Гончаровой

«Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц»

Суворовский бульв., 7.
Памятник Н. В. Гоголю

Барельефные изображения
персонажей комедии «Ревизор»
на постаменте памятника
Н. В. Гоголю

«Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц»

Суворовский бульв. Дом № 7,
в котором жил в последние
годы Н. В. Гоголь

Бытовая и историко-литератур-
ная композиция в комнатах,
где жил Н. В. Гоголь

«Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц»

Малая Молчановка, 2.
Дом-музей М. Ю. Лермонтова

Малая Молчановка, 2.
Интерьер Дома-музея
М. Ю. Лермонтова

«Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц»

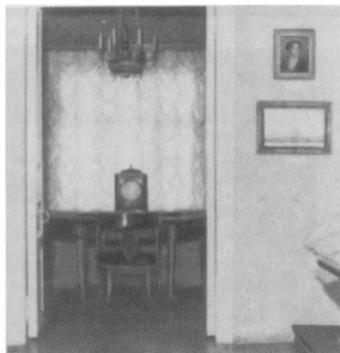

Сивцев Вражек, 27.
Дом-музей А. И. Герцена

Интерьеры Дома-музея
А. П. Чехова

«Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц»

Гоголевский бульв., 10.
Памятная доска, посвященная
И. С. Тургеневу

Кропоткинская ул., 11.
Государственный музей
Л. Н. Толстого

«Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц»

Ул. Воровского, 52.
Памятник Л. Н. Толстому

Кропоткинская ул., 11.
Памятник писателю во дворе
Государственного музея
Л. Н. Толстого

Плотников пер., 4. Жилой дом, украшенный
скульптурными изображениями некоторых русских писателей,
в том числе Л. Н. Толстого

«Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц»

Ул. Веснина, 9/5.
Памятная доска, посвященная
А. В. Луначарскому

Пер. Н. А. Островского, 12.
Памятная доска, посвященная
Н. А. Островскому

Памятник А. Н. Толстому
в сквере у Никитских ворот

«Улицы узки у нас, широка у нас летопись улиц»

Ул. А. Н. Толстого, 6.
Мемориальная доска,
посвященная А. А. Блоку

Ул. Писемского, 6.
Дом, где жила М. И. Цветаева

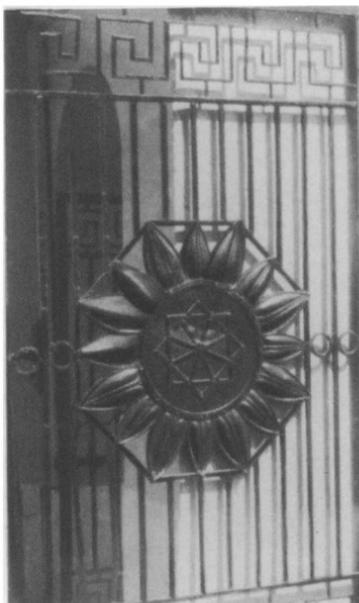
«Я ЗНАЮ ТЕБЯ,
ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ»

Ул. Островского, 9.
Памятник А. Н. Островскому

Ул. Островского, 9.
Дом-музей А. Н. Островского

Пятницкая ул., 12. Дом,
в котором жил Л. Н. Толстой

Лаврушинский пер., 17.
Дом писателей

Ул. Серафимовича, 2.
Памятная доска,
посвященная
А. С. Серафимовичу

Высотный дом
на Котельнической наб.
Памятная доска, посвященная
К. Г. Паустовскому

Памятная доска на доме № 17
на Большой Ордынке,
где останавливалась
А. А. Ахматова

Большая Ордынка, 17.
Дом, где останавливалась
А. А. Ахматова

В многочисленных фойе было радостно и оживленно. На вечере председательствовал А. Сурков. Стихи читали Б. Ахмадулина, В. Боков, А. Безыменский, С. Васильев, А. Вознесенский, Н. Доризо, Е. Исаев, С. Кирсанов, М. Луконин, С. Михалков, Р. Рождественский, Я. Смеляков, Б. Слуцкий, С. Смирнов, Н. Тихонов, В. Федоров, С. Щипачев. На этих вечерах захватывал зал искренностью, одухотворенностью, поэтическим полетом молодой Евгений Евтушенко. Здесь сталкивались мнения, взгляды, оценки, утверждалось новое восприятие поэзии и новое видение жизни. И в наши дни Дворец спорта также продолжает оставаться местом встреч писателей и читателей.

«Приобщилось» к поэзии и другое спортивное сооружение Лужников. 25 июля 1985 года, незадолго до открытия XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, на Малой спортивной арене прошел «Интернациональный праздник поэзии», на котором встретились любители поэзии с известными советскими и зарубежными поэтами. На празднике выступили И. Абашидзе, М. Дудин, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Гамзатов, А. Деметьев, Е. Исаев, Р. Рождественский. Горячо и радостно приветствовали собравшиеся поэтов, основной темой выступления которых был мир.

Рядом с Лужниками находится памятник архитектуры Новодевичий монастырь. Издавна он привлекал внимание литераторов. У его стен в прошлом веке проходили народные гуляния. История монастыря богата событиями: он основан в 1524 году в честь взятия Смоленска; в XVI—XVII веках здесь постригались в монахини женщины из царских фамилий и богатых боярских родов, в монастыре был призван на царство Борис Годунов и здесь была заточена царевна Софья.

Поэтесса *Е. П. Ростопчина* в стихотворении «Новодевичий монастырь», правда несколько экзальтированно, говорит об этом памятнике:

Обитель древняя, убежище святыни,
Как стало мне легко в стенах твоих!
Как живо чувствую я ныне
Всю суетность надежд и радостей земных!

А. И. Полежаев обращается к современному ему облику монастыря и выражает сочувствие его затворникам:

Привет тебе, Девичье поле,
С твоей обителью святой,
Где девы юные в неволе
Проводят век печальный свой.

Монастырь упоминается молодым *А. И. Герценом* в раннем произведении «Елена» и *Л. Н. Толстым* в романе «Война и мир». Пьер Безухов, в числе тринадцати русских пленных, оказывается подле монастыря в тот момент, когда его ведут на допрос в дом князя Щербатова. «Пьер приглядывался к пожарищам и не узнавал знакомых кварталов города. Кое-где виднелись уцелевшие церкви. Кремль, неразрушенный, белел издали своими башнями и Иваном Великим. Вблизи весело блестел купол Новодевичьего монастыря, и особенно звонко слышался оттуда благовест. Благовест этот напомнил Пьеру, что было воскресенье и праздник рождества богородицы. Но казалось, некому было праздновать этот праздник: везде было разоренье пожарища...»

А. А. Блок в 1904 году в один из своих первых приездов в Москву посетил Новодевичий монастырь. Тогда же юный поэт писал матери, что Москва поразила его «богатством всего». В этот период историческая тема прочно входит в творчество Блока. Знакомо нам исполненное лиризма изображение Новодевичьего монастыря у *И. А. Бунина* в рассказе «Чистый понедельник»: «Вечер был мирный, солнечный, с инеем на деревьях; на кирпично-красных стенах монастыря болтали в тишине галки, похожие на монашенок, куранты то и дело тонко и грустно играли на колокольне. Скрипя в тишине по снегу, мы вошли в ворота, пошли по снежным дорожкам по кладбищу, солнце только что село, еще совсем было светло, дивно рисовались на золотой эмали заката серым кораллом сучья в инее и таинственно теплились вокруг нас спокойными, грустными огоньками неугасимые лампадки над могилами».

Здесь похоронены писатели, поэты, драматурги: С. Т. Аксаков, А. Н. Афиногенов, А. Л. Барто, А. И. Безыменский, А. Белый, Д. Бедный, В. Я. Брюсов, М. А. Булгаков, В. В. Вересаев, В. В. Вишневский, В. А. Гиляровский, Ф. В. Гладков, Н. В. Гоголь, Н. А. Заболоцкий, В. В. Иванов, И. Я. Ильин — писатель, брат С. Я. Маршака, И. А. Ильф, М. В. Исаковский, Э. Г. Казакевич, Б. А. Лавренев, А. К. Лахути, В. И. Лебедев-Кумач, Ю. Н. Либединский, В. А. Луговской, Н. Н. Ляшко,

В. В. Маяковский, С. Я. Маршак, А. С. Макаренко, Л. В. Никулин, А. С. Новиков-Прибой, Н. П. Огарев, Н. А. Островский, Ф. И. Панферов, Н. Ф. Погодин, А. Т. Твардовский, А. Н. Толстой, К. А. Тренев, А. А. Фадеев, К. А. Федин, Д. А. Фурманов, Назым Хикмет, А. П. Чехов, И. Г. Эренбург, В. Я. Шишков, В. М. Шукшин.

Каждое из этих имен — веха в развитии литературы, каждое оставило заметный след в нашем духовном развитии. Все писательские судьбы по-своему трудны. В 1966 году на Новодевичьем кладбище была захоронена урна с прахом *Н. П. Огарева*. Самодержавие подвергло *Н. П. Огарева* «вечному изгнанию», даже тело его нельзя было перевезти на родину: оно было погребено в 1877 году в Гринвиче — предместье Лондона. Теперь прах поэта — революционного демократа покоится неподалеку от бывших Воробьевых гор, где он в юности вместе с Герценом дал клятву посвятить жизнь служению человечеству.

Здесь же похоронен *Н. В. Гоголь*. Тело писателя для прощания было перенесено в церковь Московского университета и захоронено на кладбище Даниловского монастыря, а затем перезахоронено на Новодевичьем. Старый памятник с могилы Гоголя на Даниловском кладбище с надписью «И горьким словом моим посмеюся» вдова *М. А. Булгакова* Елена Сергеевна установила на могиле мужа, а на могиле Гоголя на Новодевичьем установлен новый памятник работы скульптора *Н. В. Томского*.

На Новодевичьем кладбище похоронен *А. П. Чехов*. Над его захоронением стоит деревянный памятник, завершенный кровелькой. Такие памятники некогда ставили вятичи, обитавшие на нынешних московских землях.

О творчестве и личности писателя сказано много. Сам же он боялся, что в воспоминания о нем закрадется банальность, и говорил друзьям: «Не пишите только, что я был «симпатичный талант и кристальной души человек». Прошло более 80 лет со дня смерти писателя, и о том, насколько необходимо людям разных стран его творчество, прекрасно сказал английский литератор Джон Пристли: «...пьеса Чехова («Вишневый сад». — *Авт.*) идет в театрах, окруженных домами и фабриками, высотой чуть ли не в 2 тыс. футов, а в зрительный зал врывается сверкающие летящих на Луну ракет. Но пока еще разум наш жив,

а сердца не оделись в броню из пластмасс и сверхтвердых сплавов, эта чудесная драма... такая смешная и такая грустная, такая мудрая и такая нежная, продолжает вызывать улыбки и слезы».

...О скольких писательских именах и судьбах напоминает нам это место Москвы!

Перед Новодевичьим монастырем на пространстве, обращенном в направлении Садового кольца, находилось в прошлом веке *Девичье поле*. А. С. Пушкин на этом поле посетил праздник, устроенный специально по случаю коронации Николая I в 1826 году. В то время здесь еще не было постоянных гуляний, возникших позже и ставших традиционными. Рядом с местом, где находилось бывшее Девичье поле, проходит Большая Пироговская улица. Ближе к Москве-реке, параллельно ей, идет Комсомольский проспект. Дом 13 по Комсомольскому проспекту — трехэтажное, с четырехколонным портиком здание, так называемый «шефский дом». Это название объясняется тем, что особняк в начале XIX века принадлежал шеф-командующему военным отрядом, который размещался в располагающихся напротив Хамовнических казармах. В 1817—1818 годах здесь у полковника А. Н. Муравьева собирались декабристы. В этом здании ныне находится правление Союза писателей РСФСР, одной из крупнейших писательских организаций страны.

Местность, примыкающая к бывшему Девичьему полю, богата историко-литературными памятными местами. Одно из них связано с именем *Н. В. Гоголя*. Это местность, где находится «Погодинская изба» (Погодинская ул., 12). Надо сразу оговориться, что «Погодинскую избу» Гоголь не знал, это сооружение более поздней поры, чем время, в которое здесь бывал Н. В. Гоголь. Она построена в 1856 году по проекту архитектора Н. В. Никитина для историка М. П. Погодина, с которым был дружен Н. В. Гоголь. Двухэтажное здание, сооруженное из бревен «в обло» и украшенное резным деревянным русским орнаментом, представляет собой удачную стилизацию.

Этот дом — дань интереса Погодина к народному искусству. Изба представляет собой один из двух флигелей при ныне не существующем большом доме, стоявшем в усадьбе. Правее «избы», там, где частично сохранились остатки липового парка, стоял дом, в котором Гоголь жил у М. П. Погодина — историка, академика, профессора

Московского университета, публициста, лидера панславизма, одного из просвещенных людей своего времени. Писатель жил здесь в 1839—1840, 1841—1842 и 1848 годах.

М. П. Погодин собирал древнерусские старопечатные книги и грамоты. Дом был знаменит этим «древлехранилищем», состоявшим из рукописей, автографов Кантемира, Ломоносова, Державина, Суворова, Румянцева, Петра I, древних грамот, лубков, монет и оружия. Этим собранием Гоголь пользовался, работая здесь над «Тарасом Бульбой». Знакомство Гоголя и Погодина произошло на почве интереса Гоголя к истории. Гоголь в начале 1830-х годов читал курс лекций по всеобщей истории в женском Патриотическом институте в Петербурге и собирался писать труды на исторические темы. Возможно, что интерес Гоголя к Москве был частью его большого интереса к истории вообще. Уже после первого посещения Москвы, в 1832 году, Гоголь признавался: «Тянет в Москву».

Именно имея в виду Москву, Гоголь писал, что необходимо для эффективности городского ансамбля: «Чтобы каждая часть, каждая отдельно взятая масса домов представляла живой пейзаж. Нужно толпе домов придать игру, чтобы она, если можно так выразиться, заиграла резкостями, чтобы она вдруг врезалась в память и преследовала бы воображение». Он с увлечением изучал архитектурные памятники Москвы, стремясь проникнуть в тайны древнего зодчества. О его системе осмотра свидетельствуют пометки в записных книжках: «Никола в Столпах. Подле гостиного двора Троица Грузинская... Фили, церковь, кладбище, 3 версты и т. д.». С позиций истинной народности он критиковал славянофильство и считал, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа».

Впервые Гоголь остановился в доме на нынешней Погодинской улице в декабре 1839 года. «В Москве мы остановились у профессора Погодина, приятеля брата,— отмечала сестра писателя.— Брат занимал у Погодиных комнату на хорах, а против него такую же большую занимали мы с Аннет». Гоголь жил в одной из больших комнат мезонина главного, ныне не сохранившегося дома. Пять окон большой комнаты выходили на улицу. Внизу помещался, занимая все пространство вдоль фасада, кабинет Погодина, состоявший из трех комнат, заставленных

книжными шкафами, увешанных картинами и гравюрами. Это было место вечернего моциона Гоголя.

Сын Погодина оставил воспоминания об обычном распорядке гоголевского дня: «До обеда он никогда не сходил вниз в общие комнаты, обедал же всегда со всеми нами, причем был большею частью весел и шутлив. После обеда до семи часов вечера он уединялся к себе, и в это время к нему уже никто не ходил, а в 7 часов он спуускался вниз, широко распахивал двери всей анфилады передних комнат, и начиналось хождение, а походить было где: дом был очень велик...»

Этот дом был местом, где собирались многие деятели культуры. Здесь Островский читал «Банкрута», Мей — «Слово о полку Игореве», Писемский — «Ипохондрика», в этом доме бывали многие замечательные деятели русской культуры.

Здесь Гоголь напряженно работал над первым томом «Мертвых душ», закончил «Тяжбу» и «Лакейскую», «Портрет», новую редакцию «Тараса Бульбы». Его работе над «Тарасом Бульбой» помогло знакомство с «Историей о казаках Запорожских», которую Гоголь обнаружил в библиотеке Погодина.

Погодин был знатоком литературы. Его избрали секретарем Общества любителей российской словесности. На вечерах у Погодина собирались известные литераторы. Так, в честь именин Гоголя 9 мая 1840 года, в день Николы Вешнего, в саду около этого дома был устроен пир. Эти пиры стали традиционными: последний раз при жизни писателя именинный обед был в погодинском саду в 1850 году. Даже уже после смерти Гоголя эти обеды некоторое время продолжались: их устраивал Щепкин.

На обеде 9 мая 1840 года в погодинском саду, о котором напоминают несколько сохранившихся лип, были А. И. Тургенев, Вяземский, Орлов, Дмитриев и Загоскин, приехал и Лермонтов. Сын Погодина так вспоминал об этом дне: «Злоба дня, весь внешний успех пиришества, сосредотачивался на погоде. Дело в том, что обед устраивали в саду, в нашей знаменитой липовой аллее. Пойди дождь, и все расстроится. Еще за два дня до Николы Николай Васильевич всегда был очень возбужден... Сад был у нас громадный, на 10 000 квадратных сажень, и весной сюда постоянно прилетал соловей... пел он большею частью рано утром или поздно вечером... у меня постоянно водились добрые соловьи. В данном случае я пускался на

хитрость: над обоими концами стола, ловко укрыв ветвями, вешал по клетке с соловьем. Под стук тарелок, лязг ножей и громкие разговоры мои птицы оживали... Гости оживали... Н. В. был посвящен в мою соловьиную тайну, но никому, даже отцу, не выдавал меня».

«Обед был веселый и шумный, но Гоголь, хотя был так же весел, но как-то озабочен,— вспоминал впоследствии Аксаков,— что, впрочем, всегда с ним бывало в подобных случаях. После обеда все разбрелось по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно». Эту встречу Гоголя и Лермонтова тонко и поэтично впоследствии описал К. Г. Паустовский в маленькой повести «Разливы рек».

Неподалеку от Погодинской улицы проходит улица Льва Толстого (бывш. Долгий Хамовнический пер.), которая хранит память о великом писателе. В доме 21 находится Музей-усадьба *Л. Н. Толстого*. Лежащие перед усадьбой плиты тротуара, булыжник мостовой, каменные тумбы у ворот, к которым когда-то извозчики привязывали лошадей, керосиновый фонарь у входа, табличка страхового общества над парадным — диковинки для Москвы сегодняшнего дня. Переулок узкий, длинный, одним концом упирается в пышный сквер бывшего Девичьего поля, другим выходит в сторону Москвы-реки. В переулок выходит кирпичная стена одного из корпусов комбината «Красная Роза», неподалеку — пивоваренный завод и парфюмерная фабрика, построенные в XIX веке. Любопытно, что в то же время, когда здесь жил Л. Н. Толстой, мальчик *И. Г. Эренбург* жил в доме при этом пивоваренном заводе.

Толстой писал: «По странной случайности, кроме ближнего ко мне пивного завода, все три фабрики, находящиеся около меня, производят только предметы, нужные для балов. На одной ближайшей фабрике делают только чулки, на другой — шелковые материи, на третьей — духи и помаду». Это был район, полный несчастья: женщины и старики здесь работали по 12 часов в день. Писатель знал и другие места в Москве, отмеченные людским страданием, — Бутырскую тюрьму, которую он посетил в середине января 1899 года, знакомясь с условиями жизни заключенных, Проточный переулок, где бывал во время переписи населения 23—25 января 1882 года в «Ржановом доме».

Наверное, не случайно Толстой поселился именно на рабочей окраине города, а не на дворянском, например, Арбате, знакомом ему по прежним поездкам. Переезд в Москву в 1881 году совпал с важным периодом в его жизни, ознаменовавшимся коренным переломом в его мировоззрении. «Со мной случился переворот,— писал Толстой,— который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но и потеряла всякий смысл». И видимо, московские впечатления в какой-то степени ускорили наступление этого перелома. «Я всю жизнь прожил не в городе,— отмечал писатель,— когда я в 1881 году переехал на житье в Москву, меня удивила городская бедность. Я знаю деревенскую бедность, но городская была для меня нова и непонятна». Резкое осуждение капиталистического города мы находим в первых строках романа «Воскресение», над которым Толстой работал в этом доме.

Но, несмотря на то что Толстой в конце жизни отрицательно относился к городу, все же он переехал в Москву. Им руководило желание дать образование детям. В 1882 году он купил этот дом, срубленный из дуба, обшитый тесом. Дом этот построен в 1806 году и чудом уцелел во время пожара 1812 года. Толстой, сам руководя работами, перестроил второй этаж, дополнив его тремя комнатами. Дом покрашен в желтый цвет, крыт зеленой жестяной крышей. Он стоит в глубине двора, в котором несколько хозяйственных построек, будто бы загородная усадьба, чудом перенесенная в город. Это впечатление усиливает тенистый сад, находящийся за домом. Писатель жил здесь зимами с 1882 по 1901 год, на лето выезжал в Ясную Поляну.

Посетители музея стремятся уловить атмосферу эпохи, характер отношений между людьми, жившими здесь. Почувствовать это помогает и звук часов, висящих в столовой, и густые ветки, затемняющие окна в спальне, и свежие цветы в вазах, такие же, что стояли в них «тогда».

Самая «главная» из 16 комнат дома — кабинет писателя. Это угловая, очень маленькая комната в неперестроенной части второго этажа — на бывших антресолях. В окно видны две березки. Потолок низкий настолько, что до него свободно можно достать рукой. Пол затянут серым солдатским сукном, приглушающим звуки. Мебель обтянута клеенкой настолько искусно, что кажется, буд-

то обивка кожаная. Между окном и дверью знаменитый письменный стол с барьерчиком-решеточкой, за которым Толстого писали Репин и Ге. Рядом с письменным прибором свеча, Толстой любил работать при свете одной свечи. Одиноким язычок пламени в этой маленькой комнате, углы которой тонули в темноте, видимо, помогал ему сосредоточиться.

На столе несколько папок. С одной из них, бледно-голубого цвета, Толстой ходил на перепись населения в 1882 году в Ржанову ночлежку, которую он сам включил в свой «переписной» участок. Впечатления, полученные там, легли в основу статьи «Так что же нам делать?» и нашли отражение в пьесе «Живой труп». Из ста произведений, написанных в Москве, около 60 было создано в этом доме — роман «Воскресение», «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Крейцерова соната», «Хозяин и работник», «Хаджи-Мурат», «После бала», статьи по рабочему вопросу, религиозно-философские произведения и др. В этом кабинете бывали Горький, Чехов, Гаршин, Короленко, Лесков, Островский.

Именно в этом доме застала Толстого весть об его отлучении от церкви, происшедшем 21 февраля 1901 года, в ответ на которое здесь он написал «Ответ Синоду», в котором систематизировал свои антирелигиозные воззрения и возражал официальной церкви: «Я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей». Церковные власти и правительство добились результатов, противоположных тем, которые хотели достичь: народ выражал солидарность с Толстым, в этот дом приходили депутаты от рабочих, интеллигенции, студентов.

Облик многих помещений дома говорит о глубоком интересе Толстого к жизни народа и связи с ней. Маленькая рабочая комната писателя, находящаяся перед кабинетом, была местом, где Толстой занимался сапожным ремеслом. Сапоги и ботинки, стаченные его руками, стоят на рабочем столике, а рядом в платяных шкафах хранится его одежда. С интересом рассматривают посетители широкий белый фартук, в котором Толстой ездил к водоразборной колонке на Крымскую площадь, рубил дрова для всех десяти печей этого дома. Проходя по узеньким, темным коридорам (в доме не было электричества, хотя многие здания в городе в ту пору были элект-

рифигированы), представляешь себе, как холодным зимним утром, закинув за плечи вязанку дров, проходил здесь Толстой. Он считал, что физический труд необходим каждому человеку.

Скромна и невелика спальня Толстых, которая находится на первом этаже. Две кровати темного дерева. На кровати Толстого — шерстяное черно-красно-белое покрывало, связанное руками Софьи Андреевны. На секретере бумаги, напоминающие о большой загруженности Софьи Андреевны в работе по дому, гимназические таблицы успеваемости детей, списки обеденных меню, счета из магазинов. За этим же секретером она переписывала произведения Толстого. В дневниках Софьи Андреевны встречаются такие записи: «Переписываю первое действие новой драмы Лёвочки. Очень хорошо. Характеры очерчены удивительно, и завязка полная и интересная». Наверху, в красной гостиной, где Софья Андреевна принимала «своих» гостей, висят два пейзажа, исполненные ею. Но, к сожалению, Софья Андреевна, образованная и одаренная женщина, не была человеком, который до конца разделял убеждения Толстого.

В период тяжелого духовного перелома не она, а средняя дочь Толстого — Мария Львовна служила ему поддержкой и духовной опорой. На призыв Толстого, обращенный к детям, отдать свою долю наследства в безвозмездное пользование крестьянам откликнулась только она. В Ясной Поляне она учила и лечила крестьян, была проста и задушевна. В ее крохотной комнате на антресолях, в два окошка, за ширмой — железная кровать. За скромным письменным столом дочь переписывала произведения Толстого.

Убранство комнаты старшей дочери Татьяны Львовны отражает характер и вкусы владелицы — художницы-портретистки. В углу мольберт. Стены увешаны портретами. В центре на восьмигранном столике — фотографии Ильи Ефимовича Репина — учителя Татьяны Львовны. Дорогие безделушки, мягкая, нарядная мебель свидетельствуют о том, что здесь жила светская девушка.

В убранстве комнаты сыновей Толстого Андрея, Михаила и Ванечки отражается система педагогических взглядов писателя. Толстой считал роскошь и излишества недопустимыми.

Белая гостиная и столовая — две комнаты, где собиралась вся семья и друзья Толстых. Столовая — простор-

ная комната первого этажа, сумрачная, оклеенная обоями «под дерево». В центре — длинный стол, стулья с плетеными соломенными сиденьями. Интересно, что обед подавался всегда на два меню, так как с 56-летнего возраста Толстой стал вегетарианцем.

Здесь на семейных обедах присутствовали Репин, Ге, Стасов, а более широкий круг друзей собирался в белой гостиной. Это просторная комната с высокими потолками, пронизанная светом, здесь нет лишних вещей — все просто, спокойно и элегантно. Каждый предмет может рассказать о широте и разнообразии интересов Толстого: здесь он читал свои произведения, рассказы Чехова, творения Чернышевского и Сенкевича. На столике с гнутыми ножками шахматы — писатель был азартным игроком. В углу — рояль. Рубинштейн, Рахманинов, Алябьев, Гольденвейзер, Римский-Корсаков, Игумнов играли на этом инструменте. Часто садился за рояль и сам Толстой: музыку он любил, и она ему помогала работать. Здесь хранятся ноты любимых композиторов Толстого, среди которых особое место занимал Бетховен. Любил Толстой и народную музыку. В этом зале пел Шаляпин, выступали чешский струнный квартет, цыганский хор. Фотографии, картины — все напоминает о том, что этот дом в 1880—1890-е годы был одним из культурных центров Москвы, одним из тех мест, куда тянулись мыслящие, творческие и «простые» люди, приходившие за поддержкой, советом, помощью.

За домом сад. Отсюда, из сада, дом кажется особенно скромным.

Неподалеку от усадьбы, в сквере бывшего Девичьего поля, находящегося между 1-м проездом Девичьего поля и Большой Пироговской улицей, длительное время стоял памятник Толстому, высеченный из розового неотполированного гранита. Он был сделан С. Д. Меркуровым в 1911 году. Первоначально его хотели установить на Миусской площади, но черносотенцы грозили взорвать памятник. Дума запретила реализовать этот проект, и на Миусской площади был заложен собор, а памятник писателю был установлен здесь только в советское время — в празднование 100-летнего юбилея со дня рождения Л. Н. Толстого. Сейчас этот памятник находится во дворе Музея Л. Н. Толстого (ул. Кропоткинская, 11), а в сквере в 1972 году установлен новый памятник великому русскому писателю. Он сделан из серого гранита по про-

екту скульптора А. М. Портянко, архитекторов В. В. Богданова и В. П. Соколова. Памятник символизирует неразрывную связь писателя с русским народом: фигура как бы вырастает из земли.

Большая Пироговская улица и прилегающие к ней районы связаны и с именем *А. П. Чехова*. В доме 2/6 на Большой Пироговской улице находилась Остроумовская клиника, ныне 3-я госпитально-терапевтическая клиника имени А. А. Остроумова, где в одной из палат в 1897 году с 25 марта до 10 апреля лежал во время обострения болезни страдавший чахоткой Чехов. Палата отмечена мемориальной доской. Здесь 28 марта 1897 года его посетил Л. Н. Толстой, которому принадлежат замечательные слова: «Произведения Чехова близки и понятны не только русскому человеку, но человеку вообще».

Тремя годами позже, 25 мая 1900 года, в этой же части города состоялось венчание А. П. Чехова с О. Л. Книппер. Церемония происходила рядом с улицей Плющихой, в Воздвиженском переулке в церкви Воздвиженья на Овражке. По желанию писателя венчание было скромным, не было парадного обеда, и Антон Павлович и Ольга Леонардовна после посещения матери Книппер отправились в свадебное путешествие в Нижний Новгород.

На Большой Пироговской улице в доме 35а на первом этаже в течение семи лет, с 1927 года, жил *М. А. Булгаков*. Здесь писатель начал работать над романом «Мастер и Маргарита», первоначальное название которого было «Консультант с копытом». В эти же годы началась работа над повестью «Мольер» и одноименной пьесой. Здесь у писателя бывали Ю. Олеша, И. Ильф и Е. Петров. Посещали его артисты МХАТа Н. П. Хмелев и М. М. Яншин, ведь Михаил Афанасьевич в это время начал работу в Художественном театре. Биография писателя — это его книги, в книгах — вся его, как мы говорим, «личная жизнь», или «частная жизнь». Также и в произведениях вольно или невольно появляются описания мест, хорошо известных автору. О них мы уже упоминали в предыдущих главах.

ПОДЛЕ НЕСКУЧНОГО САДА

Парк культуры и отдыха, носящий имя А. М. Горького, — одно из примечательных литературных мест. В парке у парадного входа стоит памятник великому пролетарско-

му писателю (скульптор Н. Никогосян, архитектор Р. Семерджиев, 1977 г.). Само название парка и эта скульптура вводят нас в мир литературных тем.

Парк состоит из двух частей — новой, начинающейся у Садового кольца, и старой, примыкающей к Ленинским горам. Старая часть — бывший Нескучный сад, образованный из трех усадебных садов — принадлежала в XVIII веке князьям Голицыным, заводчику-миллионеру П. А. Демидову и князю Н. Ю. Трубецкому. В первой половине XIX века все три усадьбы были объединены в имение Нескучное, перешедшее в собственность царской семьи.

В ту пору, конечно, здесь было безлюднее и тише, берега Москвы-реки не были одеты в гранит, но на их склонах уже стояли «Летний домик» и ванный — «Нижняя ванна», сохранившиеся и до наших дней. Однако не было нынешнего Зеленого театра, а был другой, находившийся неподалеку от нынешней Пушкинской набережной, «Воздушный театр», который летом 1830 года посетил А. С. Пушкин. В память об этом в 1937 году была оформлена по проекту архитектора А. В. Власова Пушкинская набережная. В парапет набережной вмонтирована памятная доска с профилем великого поэта.

Нескучный сад и дачная местность, располагавшаяся близ него, описаны *И. С. Тургеневым* в повести «Первая любовь». Все душевные переживания, любовная драма шестнадцатилетнего Володи — Владимира Петровича, от имени которого ведется повествование, разворачиваются на фоне этой поэтичной окраины, на берегу медленно текущей Москвы-реки. Дача, где жил герой повести, видимо, располагалась где-то на месте застройки нынешнего Ленинского проспекта, как предполагают некоторые исследователи, возможно, на углу улицы, идущей от Донского монастыря.

«Дело происходило летом 1833-го года.

Я жил в Москве у моих родителей. Они нанимали дачу около Калужской заставы, против Нескучного сада. Я готовился в университет — но работал очень мало и не торопясь». «Дача наша состояла из деревянного барского дома с колоннами и двух низеньких флигельков...»

«Я гулял — то в саду нашей дачи, то по Нескучному, то за заставой...»

Гроза, которая однажды разразилась над Нескучным, отвечает настроению юноши: «Я глядел на немое песча-

ное поле, на темную массу Нескучного сада, на желтоватые фасады далеких зданий, тоже как будто вздрагивавших при каждой слабой вспышке... Я глядел — и не мог оторваться: эти немые молнии, эти сдержанные блистания, казалось, отвечали тем немым и тайным порывам, которые вспыхивали так же во мне».

Так дорог нам Нескучный именно потому, что он связан в нашем воображении с юным Вольдемаром, влюбленным в Зинаиду Засекину, много пережившим и получившим суровый жизненный урок. И воображаемый жалкий флигель, в котором жили Засекины, и сад, в котором проводила время Зинаида со своими поклонниками, и пейзаж за заставой, где Володя «долго бродил по горам, по лесам», и берег Москвы-реки, где в стороне от Крымского брода в тихой деревушке юноша стал свидетелем загадочной для него сцены прощания отца с Зинаидой, — все это так близко, дорого и мило, будто кусочек нашей собственной жизни связан с этими местами. Знакомство с повестью «Первая любовь» — одно из сильных наших литературных впечатлений. Вероятно, очень многим эта повесть близка по настроению и по душевной тональности, проходя по местам, связанным с ней, испытываешь почти то же ощущение, какое овладевает, когда попадаешь в район, где когда-то жил. И невольно закрадывается неподвластное тебе чувство, что еще немного, ну только чуточку подождать, только как-то правильно себя повести, и откроешь ту, заветную дверь и что-то из прошлого вернется: очарование былой любви, радость общения с друзьями, душевное равновесие.

Отразилось Нескучное и в другом произведении, правда менее известном, — очерке *А. И. Герцена* «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова», в котором рассказано о приезде Екатерины Романовны в Нескучное. И по сей день украшением этого района является ансамбль усадьбы Нескучное (Ленинский просп., 14—20). Здание, в котором размещается президиум АН СССР, было сооружено в 1756 году по проекту архитектора П. Иеста. Великолепны и сам дворец, и подъезд к нему, оформленный со стороны проспекта пилонами ворот со скульптурами «Изобилие», и фонтан со скульптурой работы И. П. Витали, и весь ансамбль. «На другом краю Москвы, — пишет *А. И. Герцен*, — недалеко от Донского монастыря, во дворце, окруженном садами, доживал свой век... живой памятник екатерининских времен». Автор имеет в виду

графа А. Г. Орлова — очередного владельца Нескучного. «Граф зовет Дашкову к себе и делает один из тех баснословных пиров, о которых мы слышали предания в детстве, — пиров, напоминающих Версаль и Золотую Орду». Подобные развлечения в Нескучном в ту пору не были редкостью, но после смерти графа и парк и дворец пришли в запустение, о чем с сожалением замечает Герцен.

Неподалеку от Нескучного сада по другую сторону Ленинского проспекта, в глубине кварталов находится Донской монастырь (Донская пл., 1), основанный в 1591 году. Кладбище при монастыре существует с XVI века. Тенистые аллеи сыроваты от густой листвы даже в солнечный день. Стены кирпичные, бурые от времени, кое-где покрыты мхом. Когда проходишь мимо надгробных памятников, думаешь, что, вспоминая о давно ушедших людях, как бы «продлеваешь» их век: ведь люди как бы существуют, пока о них помнят. Среди погребенных — много литераторов и людей, связанных с ними. Это В. Л. Пушкин — писатель, дядя А. С. Пушкина; В. А. Соллогуб, П. Я. Чаадаев — философ, противник крепостничества; А. П. Сумароков — поэт и драматург, М. М. Херасков — поэт, В. Н. Тургенева — мать писателя, О. В. Пушкина — бабушка А. С. Пушкина, П. И. Макаров — партизан 1812 года из отряда Д. Давыдова, П. И. Фонвизин — брат писателя Д. И. Фонвизина, А. И. Фонвизин — отец декабриста М. А. Фонвизина и брат писателя Д. И. Фонвизина; П. В. Грибоедов — дядя А. С. Грибоедова, поэт В. И. Майков, В. Ф. Одоевский — писатель и музыкальный критик, автор некролога о А. С. Пушкине; А. О. Смирнова-Россет — знакомая Пушкина и Гоголя, автор мемуаров о Петербурге пушкинской поры, З. П. Зосима — меценат, издатель книг на греческом языке; П. Н. Толстая — бабушка Л. Н. Толстого, писатель И. М. Долгоруков, А. Т. Тарасенков — врач, лечивший Н. В. Гоголя, К. А. Попондопулло — врач, автор «Российско-греческой грамматики», знакомый А. С. Пушкина; поэт А. Н. Майков, декабристы В. П. Зубков, М. М. Нарышкин, П. Н. Свистунов.

А над Донским монастырем и окружающими его домами возносится легкая, ажурная Шуховская башня — замечательное творение инженера В. Г. Шухова, — сооруженная в 1922 году. Радиостанция, работавшая здесь в начале 1920-х годов, была для людей, дотоле не знавших радио, символом новой жизни. Именно об этой башне говорит герой повести К. Федина «Города и годы» Андрей

Старцов, не приемлющий новой жизни, затерявшийся в нравственных «пустырях»:

«И вот всего на этих днях, под Москвой, с Поклонной горы один приятель показал мне на новую радиостанцию. Башню выстроили во время революции. Она сначала обрушилась. Ее вывели снова. Негодными инструментами, закусив губы. Вывели. Волны ее достигают Америки.

— Знаешь,— сказал мне мой приятель,— мы теперь выстроим станцию, волны которой опояшут весь земной шар. Москва подает — Москва принимает. Вокруг света».

Андрей не готов к тому, чтобы принять философию строителей башни — философию новых, крепких, сильных, волевых людей, которым принадлежит будущее, людей, которым близок другой герой повести — Курт Ван — нравственный антипод Андрея Старцова. Душевно мятущийся Андрей и в московском пейзаже замечает лишь мрачные стороны. Он видит, как за Шуховской Башней «в желтоватых сумерках темнел осыпавшийся Нескучный сад, колебались, словно бумажные, фермы Крымского моста, плыла под него черная Москва-река. И над садом, над мостом, рекою, непроницаемой для глаз плитой, кружила воронья стая». И эта стая застила для Андрея новое, яркое, жизнеспособное в окружающей его жизни. Она для него стала символом темных сторон, а для его духовных антиподов одним из символов возрождающегося города была именно Шуховская башня.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОШЛОЕ НОВЫХ РАЙОНОВ ЮГО-ЗАПАДА

Новые, светлые кварталы Юго-Запада, казалось бы, никоим образом не связаны с литературной биографией столицы. Но это лишь на первый взгляд. В действительности же это не так. Отдельные архитектурные памятники, названия улиц, уголки зеленых массивов напоминают нам о богатых поэтических традициях подчас, может быть, самых «нелитературных» мест.

Дворы в кварталах Юго-Запада запорошены пушистым легким снежком, красные ягоды рябины на голых, графичных ветвях прикрыты снежными ярко-белыми шапочками. Так тихо, будто все — и дворы, и дома, и окраинная дорога — прикрыто невидимым коллаком. Звуки как бы тонут в этой снежной пелене, как это бывает зимой в деревне.

Теплый Стан — самая высокая точка Москвы, ныне крупный жилой массив. Некогда здесь находилось село Салтычихи — жестокой помещицы Д. Н. Салтыковой, замучившей не один десяток крепостных. Ее образ, вызвавший ненависть и негодование у современников, в том числе и литераторов, стал одним из страшных символов дикого крепостничества. Село Троицкое было владением отца великого русского поэта Ф. И. Тютчева, который в юности бывал здесь.

С более поздними явлениями в истории литературного краеведения связано Ясенево. В северной части Ясенева находится санаторий «Узкое», расположившийся в старинной усадьбе XVII—XIX веков. Центром ее является двухэтажный дом с портиком и пандусами, построенный в стиле классицизма. Он окружен парком с террасными прудами и красивой въездной аллеей. О солидном возрасте усадьбы напоминает церковь постройки XVII века, реконструированная архитектором С. Родионовым в 1880 году. Среди прежних владельцев усадьбы были Стрешневы, Голицыны, Толстые и Трубецкие. В 1922 году имение по указанию В. И. Ленина перешло в ведение Центральной комиссии по улучшению быта ученых. Почетный академик Н. А. Морозов — бывший узник Шлиссельбургской крепости — завещал санаторию полотно Айвазовского, Грабаря, Кустодиева и Репина. В годы Великой Отечественной войны в течение семи месяцев здесь находился госпиталь.

В советское время в санатории «Узкое» бывали и отдыхали известные деятели литературы и искусства: В. Вересаев, Л. Леонов, А. Луначарский, С. Маршак, К. Станиславский, К. Чуковский. Посетил «Узкое» английский драматург Бернард Шоу. Наверное, никого из них не оставила равнодушным живописная усадьба, имеющая богатую историю.

Местность Зюзино связана с событиями давнего литературного прошлого. Зюзино расположено в южной части города и граничит с Новыми Черемушками и Беляево-Богородским. В Зюзине, некогда носившем названия Скрябино или Скарятинно, а также Борисовское, теперь находятся улицы Херсонская, Перекопская, Азовская и Севастопольский проспект, а неподалеку — станция метро «Каховская».

В 1664—1666 годах Зюзино находилось во владении Феодосьи Прокофьевны Морозовой — поборницы старооб-

рядчества, изображенной художником В. И. Суриковым на картине «Боярыня Морозова». Красавица Ф. П. Соковина юной вышла замуж за Глеба Ивановича Морозова — одного из первых бояр при царе Алексее Михайловиче, брата царского временщика Бориса Ивановича, женатого на сестре царицы. Она была дочерью окольного Соковнина — родственника царицы Марии Ильиничны, в то же время сестрой жены близкого царю боярина князя Урусова и двоюродной сестрой Федора Ртищева, т. е. Морозова занимала видное место в русском аристократическом обществе.

Протопоп *Аввакум Петров* (1620 или 1621—1682) — рьяный апологет раскола, вдохновенный расколоучитель, известный своими литературными произведениями, главным образом богословско-полемического содержания, в том числе автобиографией — знаменитым «Житием», был духовным наставником Морозовой. Всего Аввакуму приписывается около 40 сочинений. Аввакум так описывал место Морозовой в московской социальной иерархии: «Знаю, друг мой милый, Феодосья Прокопьевна... в дому твоём тебе служило человек с триста, крестьян у тебя было 8000, имения в твоём дому было на 200 или 250 тысяч, друзей и сродников в Москве множество; ездила ты к нам в карете дорогой, украшенной мусиею и серебром, на аргамаках многих по 6—12 запрягали, с гремучими цепями; за тобой слуг, рабов и рабынь, шло человек по 100 и по 200, а иногда и 300, оберегая честь твою и здорovie!» И вот, рано овдовев, эта знатная боярыня в 1662 году совершенно изменила свой образ жизни. Здесь, в Зюзине, неистовый вероучитель навещал Морозову, делился с ней своими мыслями, и под его влиянием она перед всеми обличала «римские ереси» Никона, отдавала себя благотворительности. Сама садилась за прялку, шила рубахи, которые собственноручно раздавала бедным на улицах и по темницам, при этом надевая рубище, раздавала деньги «овому рубль, а иному 10, а меди 50 рублей и мешок сотной». За это ее постигла опала: Алексей Михайлович отписал у нее половину вотчин. Однако в 1666 году конфискованное имущество вновь было ей возвращено. И Морозова опять «раздавала многую милостыню, многое имение расточила неимущим, многих с правезу выкупила...».

Предвидя тяжкие муки, которые ожидали ее за непокорность, «духовный отец» Аввакум писал ей из заточе-

ния из Пустозерска, когда Феодосья Прокофьевна еще находилась на свободе: «Дни наши не радости, но плача суть. Воспомяни: егда ты родилася, не възграла, но заплакала, от утробы ишшед матерни. И всякой младенец тако творит, прознаменуя плачевное сие житие, яко дни плача суть, а не праздника».

Волю Феодосьи Прокофьевны, фанатичной в своей вере, не сломали ни убеждения, ни мучения, ни преследования, ни жестокое заключение. Она умерла в боровской (ныне Калужская область) земляной тюрьме 2 ноября 1675 года.

О том давнем времени напоминает замечательный памятник нарышкинского барокко — церковь Бориса и Глеба, построенная архитектором Я. Г. Бухвостовым в 1688 году. Заказчиком храма был уже следующий владелец Зюзина — боярин Б. И. Прозоровский.

В этих краях протекает речушка Битца, давшая название и местности, и великолепному лесопарку, где преобладают ясень, клен, липа, а также растут дубы и сосны, некоторым из которых по сто лет. Особую живописность придают лесопарку небольшие овражки.

Битца в наши дни — прежде всего, новый, современный, всемирно известный Олимпийский конноспортивный комплекс. Его окружают замечательный лесопарк и кварталы новостроек, а в XIX веке здесь была одна из первых ямских станций при выезде из Москвы. Через эту станцию провозили осужденных членов кружка Н. П. Сунгурова (см. эта же глава, подглавка 1). Несмотря на жестокий полицейский надзор, *Н. П. Огарев* приехал в Битцу и попрощался здесь со ссыльными. Этот факт привлек к Огареву еще большее внимание со стороны полиции, и за ним была установлена слежка.

Теперь и Теплый Стан, и Ясенево, и Зюзино, и Битца — районы новостроек. В одном из них находится скульптурная композиция «Каховка», которая вызывает прямые литературные ассоциации. Она установлена на одноименной улице, являющейся частью бывшей Большой Зюзинской улицы (авторы — скульптор А. Н. Бурганов, архитектор Л. И. Кирилльцева, 1973 г.). Название географического пункта Каховка связано с событиями гражданской войны: в 1920 году на Каховском плацдарме Красная Армия остановила наступление войск Врангеля.

В 1953 году для фильма «Три товарища» М. А. Свет-

лов написал «Песню о Каховке», которая вот уже полвека не перестает волновать нас своей задушевностью и романтичностью. Она начинается словами:

Каховка, Каховка — родная винтовка..
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака и пули звенели,
И ровно строчил пулемет..
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет..

...Мы попали сюда зимой. Снег лежал на газонах, нас окружили светлые бетонные многоэтажные здания, но тем не менее разве можно сказать, что все бесповоротно изменилось с тех времен, о которых мы вспомнили? Ведь нетленны земля, река и лес, хотя они, разумеется, и не совсем такие же, как в ту пору, когда здесь жили, страдали, боролись за истину любимые нами писатели и происходили волновавшие их события.

ОТ ТРЕХ ГОР
ДО ПОКЛОННОЙ ГОРЫ

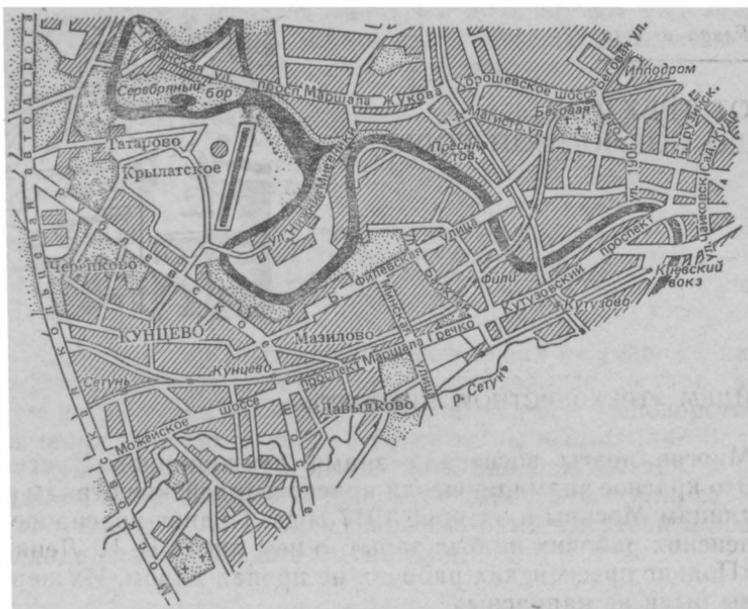
ИДЕМ «ТРЕХВЕРСТНОЙ ПРЕСНЕЮ»

Многие поэты воспевали знамя дружинников Пресни. Это красное знамя пронесли красногвардейские отряды по улицам Москвы в октябре 1917 года. Подвиг краснопресненских рабочих не был забыт, о нем писал В. И. Ленин: «Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны»¹.

Панно, где изображены дружинники с винтовками в руках, идущие под революционным знаменем, в течение многих лет укреплено на торце дома 19 по Баррикадной улице. Оно как огромная заставка для каждого, кто открывает «книгу» под названием «Красная Пресня» и входит в пределы этого легендарного района...

Пресня — символ революционной Москвы — место действия многих произведений А. С. Серафимовича, в частности рассказов «На Пресне» и «Мертвые на улицах», в которых описаны бои 1905 года. Писатель создает запоминающийся образ революционной Красной Пресни. Вот каким стал район в те напряженные дни: «На морозном небе вырисовывалась вдали каланча. Хотелось побольше полной грудью забрать этого славного, бодрого, покусывающего за уши, за щеки воздуха, не думая ни о чем, но глухие удары, доносившиеся оттуда, и каланча на морозном небе говорили: «Началось...» В рассказе «На Пресне» автор описывает, как строят баррикады: «Вот и баррикады. Торопливо снимают ворота, выворачивают решетки, валят столбы. На протянутых через улицу веревках трепещут красные флаги. Оставлены узкие проходы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42, С. 200.

по тротуарам. Все пролезают, покорно сгибаясь, под протянутые проволоки». Читатель становится свидетелем того, как начинался обстрел пресненских баррикад. «Из кучи любопытных шрапнель вырвала шестнадцать человек. Часть растаскивают по дворам, а на снегу неподвижно чернеют четверо». Сражающиеся дружинники, измученные обстрелом женщины и дети — все встает перед нашими глазами.

Автор видел весь ужас террора. В рассказе «На Пресне» он пишет о штурме баррикад казаками: «Серым развернутым строем поперек всей улицы шли вдаль спешенные казаки. Когда взошли на мост, их серый ряд разом блеснул огнем, и раздалось: rrrr... rrrr... rrrr... точно рвали громадный кусок сухого накрахмаленного ситца». Во время боев обстреливали дома, возникли пожары, жители многоэтажных зданий искали спасения в подвалах. Мечется в поисках защищенного от снарядов места беднота, а солдаты закалывают штыками рабочих, расстреливают подозрительных, стреляют наугад по зоологическому саду. Так был убит ни в чем не повинный служащий, относивший еду животным. Чад, всполохи, канонада.

Среди растерянных жителей отличались собранностью и четкостью дружинники: они-то и стали символом борющейся Пресни. Значительность их действий понимали все. «Это — дружинник, — передавали, отходя, шепотом друг другу, и в этом шепоте и во взглядах, которыми его провожали, таилось уважение, смешанное со страхом, и надежда на что-то большое, что сделают эти люди».

Пресня героически держалась. Солдаты разрушали баррикады, а они множились: «Каково же было удивление утром, когда я увидел, что это еще не конец: вновь возведенные баррикады гордо красовались, и непреклонно веял красный флаг».

Дух революционной Пресни близок был и *В. В. Маяковскому*, который жил здесь в 1913—1915 годах. В его квартире на улице Красная Пресня, 36, теперь находится музей. В июле 1957 года на фасаде дома установлена мемориальная доска.

Адрес этой квартиры поэт приводит в стихотворении «Я и Наполеон»:

Я живу на Большой Пресне,
36, 24.
Место спокойненькое,
Тихонькое.

Само название улицы встречается и далее в этом стихотворении, посвященном протесту против войны:

Когда канонизируете имена
погибших,
меня известней, —
помните:
еще одного убила война —
поэта с Большой Пресни!

Мальчиком Маяковский окунулся в революционную работу, пятнадцати лет вступил в партию, несколько раз был арестован. Первый раз — вблизи нынешней площади Восстания в одном из переулков рабочей Пресни — ныне Зоологическом. Он был арестован полицией 29 марта 1908 года по делу подпольной типографии РСДРП.

Предварительные допросы велись в полицейском участке в бывшем Оружейном переулке возле нынешней площади Восстания в Пресненской полицейской части, а затем в Сущевской части. Юноша отказывался от предъявляемых ему обвинений, отвергал причастность к партии большевиков. Маяковский вышел из-под стражи 9 апреля 1908 года. 18 января 1909 года он был снова задержан и

находился в Сущевской части до 27 февраля, 2 июля 1909 года был арестован за содействие побегу группы женщин из Новинской тюрьмы, в подготовке которого приняла участие семья Маяковских. Юный Владимир Владимирович был заключен в 103-ю одиночную камеру Бутырок.

Об этом времени поэт вспоминал:

Юношеству занятий масса,
Грамматикам учим дурней и дур мы,
Меня же
из 5-го вышибли класса,
Пошли швырять в московские тюрьмы.

В тюрьме Маяковский попробовал писать.

О Пресне поэт писал уже в послереволюционные годы:

Одолевая
снег и страх,
Скользит
сестра,
идет сестра,
бредет
трехверстной Преснею
солить
картошку пресную.

Это происходило в суровые годы гражданской войны, когда тяжела была жизнь москвичей. Суровы были и быт, и городской пейзаж.

Декабрьский
рассвет,
изможенный
и поздний,
встает над Москвой горячкой тифозной.

В это напряженное время Москва была надеждой молодой Советской Республики.

«В ТЕ ДНИ, КАК ПРЕСНЕНСКОЕ ПОЛЕ ЕЩЕ ЗАБОР НЕ ЗАГРАЖДАЛ»

Вернемся в XIX век, в эпоху *А. С. Пушкина*. Тогда Пресня представляла собой живописную, свободно раскинувшуюся местность, где с XVII века располагались Садовничья дворцовая, в 1681 году ставшая Патриаршей, и Псаренная слободы. Обилие воды — в XVIII веке четыре пруда — и зелени делало ее очень привлекатель-

ной. Здесь в начале XIX века проходили гуляния, а на месте нынешнего зоопарка уже в конце XVIII века находился зверинец. Интересно, что в газетах того времени напоминали о правилах поведения на этих гуляниях: просят гуляющих не приводить «собак и лакеев».

На бывшей Средней Пресне (ныне улица Заморенова) стоял дом Ушаковых, знакомых поэта (он был под номером 16, не сохранился). Изменился облик улицы, уже давно нет дома, но остались стихи А. С. Пушкина, обращенные к милой ему Елизавете Николаевне Ушаковой, в которых упоминается Пресненское поле, которое существовало именно потому, что Средняя Пресня тогда еще была мало застроена:

Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

Первый Пресненский пруд — одно из украшений этой местности — оказался на территории зоологического сада, который был открыт в 1864 году. В 1870-х годах на льду пруда устраивали каток, который был известен *Л. Н. Толстому* по личным впечатлениям. 14 ноября 1866 года Лев Николаевич побывал здесь на выставке сельскохозяйственного скота, о чем писал С. А. Толстой в Ясную Поляну. Видимо, зима была ранняя: «Около катка играла музыка. С гор катались в салазках, в креслах и на коньках, теснясь на лестнице и у входа. Молодцы катальщики измучились».

Известно, что сам Толстой был хорошим конькобежцем, т. е. эти развлечения ему были близки. В романе «Анна Каренина» он связывает с этим местом значительные события в жизни своего любимого героя Константина Левина. Здесь каталась на коньках Кити Щербацкая, которая уже была влюблена во Вронского, но Левин еще не знал об этом и, может, лишь догадывался, поэтому катание для него было и радостно и тревожно:

«Был морозный день. У подъезда рядами стояли кареты, сани, ваньки, жандармы. Чистый народ, блестя на ярком солнце шляпами, кишел у входа и по расчищенным дорожкам, между русскими домиками с резными князьками; старые кудрявые березы сада, обвисшие всеми ветвями от снега, казалось, были разубраны в новые торжественные ризы.

Он шел по дорожке к катку и говорил себе: «Надо не волноваться, надо успокоиться. О чем ты? Молчи, глупое», — обращался он к своему сердцу. И чем больше он старался себя успокоить, тем все хуже захватывало ему дыхание. Знакомый встретился и окликнул его, но Левин даже не узнал, кто это был. Он подошел к горам, на которых гремели цепи спускаемых и поднимаемых салазков, грохотали катившиеся салазки и звучали веселые голоса. Он прошел еще несколько шагов, и перед ним открылся каток, и тотчас же среди всех катавшихся он узнал ее».

По другую сторону Большой Грузинской улицы, которая идет вдоль зоологического сада (ныне зоопарка), в глубине двора стоит дом 2, который некогда окружал большой, тенистый сад. Недавно закончена реставрация этого памятника архитектуры конца XVIII века. В этом здании жил замечательный человек, писатель, этнограф, лингвист, лексикограф, ученый *В. И. Даль* (1801—1872). Даль является автором сборника «Пословицы русского народа» и «Толкового словаря живого великорусского языка» — книги, не потерявшей своей актуальности, хотя за многие десятилетия, отделяющие нас от той поры, когда она была создана, вышло в свет множество толковых словарей. Даль тонко чувствовал роль слова в жизни человека. «С языком шутить нельзя, словесная речь человека — это видимая, осязательная связь, звено между душою и телом, духом и плотью», — писал он.

Владимир Иванович родился в семье датского врача Иоганна Даля, считавшего Россию своей родиной и подписывавшегося «Иван Матвеев сын Даль». Отец Владимира Ивановича владел восемью языками, мать — четырьмя.

Жизнь Владимира Ивановича сложилась так: Петербургский морской корпус, пять лет службы во флоте, Дерптский университет, сначала служба врачом в армии, затем — чиновником особых поручений в Оренбурге. За этнографические и исторические работы по изучению Оренбургского края Российская академия наук избрала его член-корреспондентом. Какова бы ни была его служба, главной оставалась постоянная кропотливая работа по собиранию слов русского языка — созданию словаря русского языка. Это была страсть.

Владимир Иванович был современником Пушкина. Очень значительными для Даля были встречи с ним. Знакомство с великим поэтом произошло в Петербурге. Пуш-

кин одобрял труд молодого автора «Русских сказок», а узнав о собирании Далем слов, рекомендовал ему заняться составлением словаря. Александр Сергеевич высоко оценил значение трудов Даля.

Даль присутствовал при кончине Пушкина как врач, всячески стараясь облегчить страдания больного. Пушкин скончался на его руках. Даль слышал последние слова поэта: «Жизнь кончена».

Наталья Николаевна подарила Далю простреленный на дуэли сюртук и перстень с изумрудом, который Александр Сергеевич считал своим талисманом.

Другой его великий современник — Гоголь так охарактеризовал значение раннего творчества Даля: «Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремленья производить творческие создания; он видит всюду дело и глядит на всякую вещь с ее дельной стороны... Все у него правда и взято так, как есть в природе... Его сочинения — живая и верная статистика России».

Даль прожил долгую жизнь. В доме на Большой Грузинской, уйдя в отставку, он завершал труд всей жизни, «работая, как батрак». Четыре тома словаря вобрали двести тысяч слов. Создание «Толкового словаря живого великорусского языка» было крупным событием культурной жизни России. Он помогает нам, как отмечал В. И. Ленин, «говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений»¹.

Известно, что этот дом связан с именем писателя *П. И. Мельникова (псевдоним Андрей Печерский)*, который после 1866 года, т. е. со времени своего выхода в отставку со службы в министерстве внутренних дел, поселился в Москве, где сотрудничал в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике».

На площади Восстания есть еще один литературный адрес — это бывший «Вдовый дом» (Баррикадная, бывш. Кудринская ул., 2). До революции здесь находилось благотворительное государственное учреждение, где жили вдовы, мужа которых прослужили на гражданской или военной службе не менее десяти лет. В дни Декабрьского вооруженного восстания Кудринская улица и Кудрин-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 92.

ская площадь были центром ожесточенных боев. На доме в память об этом установлена мемориальная доска. В ее верхней части рельефное изображение знамен и штыков. На доске текст: «Здесь проходили бои рабочих «дружиин» в декабре 1905 года».

Дом замечателен тем, что здесь в детские годы (1874—1877) жил вместе с матерью писатель *А. И. Куприн*. Уклад этого богоугодного заведения он изобразил в рассказе «Святая ложь». Герой рассказа Иван Семенюта — неудачник, ведущий нищенскую жизнь, раз в год приходит во вдовый дом навестить мать. «Неслышным шагом проходит он сквозь ряды огромных сводчатых палат, стены которых выкрашены спокойной зеленой краской, мимо белоснежных постелей со взбитыми перинами и горами подушек, мимо старушек, которые с любопытством провожают его взглядом поверх очков. Знакомые с младенчества запахи — запах травы, пачули, мятного куренья, воска и мастики от паркета и еще какой-то странный, неопределенный, цвелый запах чистой, опрятной старости, запах земли — все эти запахи бросаются в голову Семенюте и сжимают его сердце тонкой и острой жалостью».

Москва хранит память не только о русских писателях. Так, среди характерных московских домов в сквере на Большой Грузинской улице находится памятник грузинскому поэту XII века *Шота Руставели* — автору известной поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Авторы памятника скульптор *М. И. Бердзенишвили* и архитектор *И. И. Ловейко*. Он установлен в 1966 году.

На Малой Грузинской в доме 28 прожил последние пять лет поэт и артист *Владимир Семенович Высоцкий* (1938—1980). Москвич по рождению, он плоть от плоти, кровь от крови нашего прекрасного, но сложного, противоречивого и многослойного по своей культуре города.

На здании мемориальная доска: разбитый колокол, знакомый профиль, слова: «Владимир Высоцкий, поэт и артист, жил в этом доме с 1975 по 1980». Доска была открыта 28 января 1988 года (скульптор *А. Рукавишников*).

Прошло уже столько лет с того момента, как не стало замечательного поэта, а его творения живы. Мы знаем, как обогатили нашу духовную жизнь и наши представления об окружающем его песни: «На братских могилах», «Он не вернулся из боя», «Звезды», «Корабли», «Верши-

на», «Копи привередливые», «Охота на волков», «Банька по-белому».

В 1988 году вышла книга стихов Высоцкого «Я, конечно, вернусь». В стихах о своем поколении 1960—1970-х годов он сказал:

А нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз.
Мы — тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

В. Высоцкий местом действия многих песен и стихов выбирал Москву. В поэтическую ткань его песен вплетены названия московских улиц: Петровка, Ордынка, Арбат, Первая Мещанская, Большой Каретный, Таганка — адреса, известные Высоцкому или его собственные. В его стихах — городские ритмы; персонажи говорят бытовым московским языком. Москва дала ему бесконечно много: впечатление, литературную и артистическую среду, Театр на Таганке. Он родился, творил, жил и умер в нашем городе и похоронен неподалеку от этого дома — на Ваганьковском кладбище.

Ваганьковское кладбище (Малая Декабрьская ул., 2/4) издавна известно в связи со многими литературными именами. Упоминание о нем мы встречаем и в «Былом и думах». Здесь в 1834 году встретились молодой Александр Герцен и его кузина Наталья Захарына, взволнованные и обескураженные арестом Огарева:

«Мы встретились на кладбище. Она стояла, опершись на надгробный памятник, и говорила об Огареве, и грусть моя улеглась.

— До завтра,— сказала она и подала мне руку, улыбаясь сквозь слезы.

— До завтра,— ответил я... и долго смотрел вслед за исчезающим образом ее. Это было девятнадцатого июля 1834».

Событие это имело большое значение для Герцена: «Несколько слов глубокой симпатии, сказанные семнадцатилетней девушкой, которую я считал ребенком, воскресили меня».

На Ваганьковском кладбище похоронен легендарный матрос Железняк — москвич А. Г. Железняков. В 1917 году именно он объявил о прекращении заседания Учредительного собрания. Впоследствии он был комендантом Таврического дворца, а во время гражданской войны — командиром бронепоезда и погиб в бою на Украине. Желез-

Так воплотилась простота авторского замысла. Авторы сумели раскрыть гуманизм, революционный порыв Кобзаря.

Подле памятника на отдельной плите высечены слова из его «Завещания»:

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните
Добрим тихим словом.

В памятнике заключена идея противоборства. Размах широких проспектов и набережных, над которым он доминирует, напоминают о присущих поэзии Шевченко неумности, бунтарском духе, протесте.

Памятник находится в той части города, где река делает Дорогомиловскую излучину. Это старый, но полностью реконструированный район, где за последние годы выросли интересно решенные архитекторами общественные здания Президиума Верховного Совета и Совета Министров РСФСР, СЭВ и Международного центра торговли и научно-технических связей. Памятник в градостроительном отношении является как бы идейно-эстетическим центром современного архитектурного комплекса, организующим застройку.

Монумент не случайно установлен именно в этой части Москвы: набережная Тараса Шевченко, Украинский бульвар, соединяющий гостиницу «Украина» с площадью Киевского вокзала, Киевский вокзал — ворота на Украину. На сквере перед вокзалом заложен камень на том месте, где предполагается открыть памятник в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Оформление всех трех станций метро «Киевская», находящихся под площадью, несет в отделке мотивы украинских орнаментов. Особенно примечательно оформление станции «Киевская»-кольцевая. Ее центральный зал украшают мозаичные панно на сюжеты, отражающие историю русско-украинских отношений и современную жизнь украинского народа. На одном из них изображен Шевченко, читающий стихи Чернышевскому, Добролюбову и Некрасову, на другом — Пушкин, слушающий бандуристов. Глядя на эти панно, вспоминаешь об интересе Пушкина к славянской поэзии. Им были созданы «Песни западных славян», в которые вошли «Янко Марнавич», «Воевода Милош», «Яныш королевич» и другие стихотворения.

Памятник Т. Г. Шевченко был открыт 10 июня 1964 года при стечении тысяч москвичей и гостей столицы под звуки государственного гимна.

Авторами памятника являются скульпторы М. Я. Грицюк, Ю. Л. Синькевич, А. С. Фуженко, архитекторы А. Сницарев, Ю. Чеканюк, которые окончили Киевский государственный художественный институт. Они до этого работали в монументальной мастерской института над образом Т. Шевченко. Реализуя замысел скульптуров и архитекторов, с увлечением работали формовщики, гранитчики, литейщики, строители.

А. М. Горький, читая курс лекций по литературе в школе на Капри, говорил о значении для мировой культуры трех гениев славянства — Пушкина, Мицкевича и Шевченко. Имена всех троих связаны с Москвой. И память обо всех трех великих писателях запечатлена в облике московских улиц. Шевченко любил Москву и был связан со многими деятелями культуры нашего города. Он говорил: «В Москве более всего радовало меня то, что я встретил в просвещенных москвичах самое теплое радушие лично ко мне и непритворное сочувствие к моей поэзии».

Над памятником летят облака. Их великое множество, они все время меняют форму. Я люблюсь их бело-розовыми взбитыми шапками, наблюдаю, как одна форма перетекает в другую, и думаю, что так же и людские отношения вообще и взаимоотношения народов и их культур, кажущиеся постоянными, вместе с тем изменчивы и «перетекают», меняя форму, но сохраняя изначальное в своей основе.

Познакомившись с памятником, возвышающимся над городским пейзажем, пройдем по литературным памятным местам в районах, лежащих на обоих берегах Москвы-реки: на высоком — у Садового кольца и на низком — в местности, прилегающей к Поклонной горе.

«МОСКВА С ПОКЛОННОЙ ГОРЫ РАССТИЛАЛАСЬ ПРОСТОРНО»

Бродишь по улочкам, выходящим на Кутузовский проспект. Вокруг новые дома. Слева от проспекта, вдаль, на другом берегу Москвы-реки, на Ленинских горах, виднеется шпиль университета. Он блестит в лучах солнца и,

когда к вечеру лучи падают косо, на шпиле поблескивает золотой кружочек. Выходишь на шумный, широкий, современный проспект и вспоминаешь... Вот по этой, некогда Большой Дорогомиловской, улице (которая идет под острым углом по отношению к проспекту) и дальше, по Можайскому шоссе, мальчика Пушкина возили на лето в Захарово, Герцен ездил этим путем в Подмосковье — Покровское и Васильевское, Гиляровский — в Картино, а Л. Н. Толстой — на Бородинское поле в период работы над «Войной и миром».

Детские годы *Л. Н. Толстого* прошли в этом районе. Семья поселилась на Плющихе, 11, на высоком берегу Москвы-реки. Приехали в Москву в 1837 году из Ясной Поляны, где родился писатель, расположенной на юг от Москвы. В Москву ехали обозом. Толстой так описывает эту поездку в повести «Детство», правда изменив время года: «Я стал смотреть кругом: на волнующиеся поля спелой ржи, на темный пар, на котором кое-где виднелась соха, мужик, лошадь с жеребенком, на верстовые столбы». Во время дороги отец поочередно брал детей в свою карету. Когда въезжали в Москву, этот черед выпал Левушке. Толстой вспоминает: «Был хороший день, и я помню свое восхищение при виде московских церквей, домов, восхищение, вызванное тем тоном гордости, с которым отец показывал мне Москву».

Толстые снимали этот типичный барский особняк у Щербачевых в период с января 1837 по октябрь 1838 года. Особняк начала XIX века построен в стиле классицизма. Фасад дома украшали полуколонны, по мезонину и над окнами первого этажа были лепные детали, исчезнувшие со временем. Со двора здание имеет три этажа: в Москве XIX века с фасада домовладельцы умышленно делали здание ниже, так как налог взимался поэтажно.

Высокие, благородных пропорций окна бельэтажа свидетельствуют о больших помещениях: это были парадные комнаты — столовая, гостиная, цветочная, диванная и кабинет. Здание стоит под острым углом к Плющихе, от улицы оно было отгорожено высоким глухим забором, перед домом был цветник. За домом находился двор с хозяйственными постройками.

Семья Толстых расположилась здесь так: первый этаж занимали взрослые, дети и воспитатели жили в мезонине, а в полуподвале — крепостная прислуга.

В этом же доме с Толстыми жил его воспитатель —

Федор Иванович Рессель, в повести «Детство» выведенный под именем Карла Ивановича. Он часто гулял с Левушкой по Москве. Они уходили, вероятно, на Бульварное и Садовое кольца, в центр города к Кремлю и на Новинские, или, как их еще называли, Подновинские, гуляния.

Местность, где находится улица Чайковского, была в XVIII — первой половине XIX века известна этими народными гуляниями, получившими название по Новинскому монастырю, некогда стоявшему здесь и упраздненному в XVIII веке. Гуляния под Новинским посещали Пушкин, Баратынский, Глинка, Достоевский, Герцен. Новинские гуляния были достопримечательностью этого района.

Многие детские впечатления и наблюдения давали Толстому впоследствии материал для творчества. Так было и с домом на Плющихе. Мальчик Толстой, еще будучи ребенком, стремился исследовать каждое явление. И вот однажды здесь совершил рискованный поступок — выпрыгнул из окна мезонина с высоты второго этажа, во-первых, чтоб совершить что-то необычное, а во-вторых, чтобы испытать чувство полета. При этом (как впоследствии он в 70-летнем возрасте говорил секретарю Гусеву) он еще подпрыгнул повыше, чтобы продлить это ощущение. Мальчик потерял сознание и с легким сотрясением мозга проспал 18 часов.

Ощущение, испытанное Левушкой «в полете», было запечатлено Толстым в «Войне и мире»: Наташа Ростова в Отрадном в звездную ночь мечтает летать — так переполняют ее энергия и мечта о необыкновенном.

Жизнь Толстых, проходившая здесь, была описана Львом Николаевичем в повести «Детство». Интересно, что в этом доме на Плющихе впоследствии бывали многие известные деятели культуры, в частности Н. В. Гоголь.

Неподалеку от Плющихи находилось еще одно памятное «толстовское» место — Проточный переулок, 11 (дом не сохранился). Здесь Л. Н. Толстой в январе 1882 года посетил во время переписи населения Ржанову ночлежку. Когда Лев Николаевич первый раз пришел в Проточный переулок, то эти места произвели на него тяжелое впечатление: «Я зашел с Никольского переулка (он имел в виду 3-й Николощеповский пер., ныне проезд Шломина.— Авт.). Никольский переулок кончается с левой стороны

мрачным домом без выходящих на эту сторону ворот; по виду этого дома я догадался, что это и есть Ржановская крепость. На Проточный переулочек выходят несколько дверей и двое ворот: трактира, кабака и нескольких съестных и других лавочек... Все здесь серо, грязно, вонюче — и строения, и помещения, и дворы, и люди. Большинство людей, встретившихся мне здесь, были оборванные и полураздетые».

К делу переписи Толстой хотел присоединить помощь неимущим. На переписи его сопровождал И. Е. Репин.

Нищета и трагическое положение этих несчастных заставляли Толстого страдать. Он посещал другие ночлежки, например Ляпинский ночлежный дом. «И с чувством совершенного преступления, — пишет Толстой, — я вышел из этого дома и пошел домой... При виде этого голода, холода и унижений тысяч людей я не умом, не сердцем, а всем существом своим понял, что существование десятков тысяч таких людей в Москве, чтобы ни говорили мне все ученые мира о том, как это необходимо, есть преступление не один раз совершенное, но постоянно совершающееся».

Плодом этих посещений ночлежных домов явился трактат «Так что же нам делать?», в котором писатель с горечью говорит о том, что богачи веселятся от 11 до 6 часов утра, в самую глухую ночь, в то время как с пустыми желудками валяются люди по ночлежным домам и некоторые умирают... В этой работе Толстой ставит перед обществом вопрос — что делать? как покончить с существующими беззаконием и несправедливостью?

Творчество Л. Н. Толстого является предметом общечеловеческого интереса. Он «сказал нам о русской действительности больше, чем вся литература до него», писал А. М. Горький. Так велико мастерство этого писателя, что до образов, созданных им, по словам Горького, «хочется притронуться рукой».

Противоречивость взглядов Л. Н. Толстого вскрыл В. И. Ленин. Он посвятил Толстому семь статей и 20 высказываний в разных работах. Л. Н. Толстой был любимым писателем В. И. Ленина. С восторгом перечитывал Владимир Ильич произведения этого «колосса» в литературе. Толстой был первым, кому Ленин наметил в 1918 году по плану монументальной пропаганды поставить памятник в Москве. Ленин писал: «Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками,

выступила благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества»¹. Буржуазная критика пыталась выпятить слабые стороны в творчестве Толстого.— его религиозно-философское учение, но Толстой всем людям земли дорог как передовой человек своего времени. В 1896 году в статье «О существующем строе» он писал: «Уничтожиться должен строй соревнователей и замениться строем коммунистическим, уничтожиться должен строй капиталистический и замениться строем социалистическим, уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитражей; уничтожиться должен строй сепаратизма узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством». Он осуждал агрессию Италии против Абиссинии. Уже тогда, на заре XX века, предвидя ряд страшных войн, боролся за мир. В 1909 году в Стокгольме созывали съезд сторонников мира. Съезд отменили, когда узнали, что 81-летний Толстой собирается приехать, так как боялись его голоса. Сохранился конспект Толстого для выступления в Стокгольме: «Все мы, десятки собравшихся с разных концов земли частных людей, не имеющих никаких особых преимуществ, а главное, никакой власти ни над кем, намереваемся бороться, а если хотим бороться, надеемся победить эту огромную силу не одного, а всех правительств, имеющих в своем распоряжении миллиарды денег и миллионы войск». «Победа наша так же несомненна, как несомненна победа света восходящего солнца над темнотою ночи».

Л. Н. Толстой — замечательный художник — тонко выразил неповторимость Москвы. В «Войне и мире» Толстой описал город в одну из драматических минут — в момент вступления в древнюю столицу войск Наполеона:

«...2 сентября в Дорогомиловском предместье оставались на просторе одни войска арьергарда. Армия (русская армия.— Авт.) была уже на той стороне Москвы и за Московью.

В это же время, в десять часов утра 2 сентября, Наполеон стоял между своими войсками на Поклонной горе и смотрел на открывающееся перед ним зрелище. Начиная с 26 августа и по 2 сентября, от Бородинского сражения и до вступления неприятеля в Москву, во все дни этой тревожной, этой памятной недели стояла та необы-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 19.

чайная, всегда удивляющая людей осенняя погода, когда низкое солнце греет жарче, чем весной, когда все блестит в резком, чистом воздухе так, что глаза режет, когда грудь крепнет и свежее, вдыхая осенний пахучий воздух, когда ночи даже бывают теплые и когда в темных теплых ночах этих с неба беспрестанно, пугая и радуя, сыплются золотые звезды.

2 сентября, в десять часов утра была такая погода. Блеск утра был волшебный. Москва с Поклонной горы расстилалась просторно с своею рекой, своими садами и церквами и, казалось, жила своею жизнью, трепеща, как звездами, своими куполами в лучах солнца.

Деревенька Фили, где состоялся знаменитый военный совет, так прекрасно описанный Толстым в романе, свявана и с явлением в литературной жизни более поздней поры. Прелестный памятник русского зодчества конца XVII века церковь Покрова в Филях была невольным, бесстрастным свидетелем зарождения поэтических замыслов *Марины Цветаевой*.

Однажды, гуляя с дочерью Алей подле церкви Покрова в Филях (Новозаводская ул., 47), Цветаева получила от нее в подарок четырехлистник клевера. Тогда же маленькая Аля так описала это «событие». «Был теплый и легкий день, и мы с Мариной гуляли... Наверху была большая церковь... Вдруг я увидела, что под ногами у меня растет клевер. Там перед ступеньками были ровно уложенные старинные камни. Каждый из них был в темной рамке из клевера... Я... стала искать четырехлистник... вдруг я его нашла... Я бросилась к Марине и подарила ей свою добычу... Она поблагодарила меня и положила его засушить в записную книжку». В своих воспоминаниях, помещенных в третьем номере журнала «Звезда» за 1976 год, А. С. Эфрон пишет, что в стихотворении Цветаевой возникает «счастливый, четырехлистный листок клевера, разысканный некогда... у подножья грациозной громады Покрова в Филях». Стихотворение написано 14 августа 1918 года:

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье,
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: — Откуда мне сие?

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

Памятные литературные места порой как бы соединяют несоединимые имена. На Кутузовском проспекте во дворе дома 22 находится школа № 56 Киевского района — первая новая школа в советской Москве, открытая в 1927 году. В ее закладке принимал участие советский поэт *Демьян Бедный* (Е. А. Придворов, 1883—1945) — автор популярных в гражданскую войну сатирических стихов, фельетонов, песен и басен, поэм «Про землю, про волю, про рабочую долю» и «Главная улица».

А в самом начале Кутузовского проспекта в доме 1/7 (со стороны набережной Тараса Шевченко) с 1950 по 1961 год жил и работал замечательный советский поэт, написавший столь широко известные произведения — «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью — даль», *Александр Трифонович Твардовский* (1910—1971). Годы его жизни в этом доме совпали с периодом ответственной, напряженной и важной для всех работы: в 1950—1954 и 1958—1970 годах он был главным редактором журнала «Новый мир».

В 1950 году, когда Твардовский поселился в этом доме, прошло всего лишь пять лет после окончания Великой Отечественной войны. Смолянин по рождению, выпускник МИФЛИ, тридцатилетний поэт в июле 1941 года был командирован на фронт сначала в редакцию газеты «Красная Армия», а затем — «Красноармейская правда». Его стихи были для солдат духовной поддержкой. Много замечательных произведений было им создано непосредственно в ту трудную пору. Вот эти автобиографические строки А. Т. Твардовского из поэмы «Василий Теркин» характеризуют писательский труд во время Великой Отечественной войны:

На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки, от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль, зубами сняв перчатку,
На ветру, в любой мороз,
Заносил в свою тетрадку,
Строки, жившие вразброс.

Если бы любой человек, еще не знакомый с поэзией Твардовского, прочел только лишь «Я убит подо Ржевом» или вот эти строки, он сразу бы почувствовал, какой перед ним большой художник:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,—
Что я их мог, но не сумел сберечь,—
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Это стихотворение написано в период жизни здесь, в этом доме на берегу Москвы-реки. Дом отмечен мемориальной доской, находящейся со стороны набережной. Имя Твардовского носит школа № 279, в которой в 1975 году открыт музей поэта.

ЗА РЕЧКОЙ СЕТУНЬЮ

За речкой Сетунью находится Кунцево. В XIX — начале XX века это было дачное место. Здесь бывали Карамзин, Герцен, Огарев, Достоевский. Жили и работали советские писатели и поэты — Маяковский, Есенин, Гайдар, Багрицкий.

Живописны луга в пойме Москвы-реки, пруды, Тургеневский сквер, старые раскидистые деревья. В 1980 году началась реконструкция парка (Б. Филевская ул., 22). Восстанавливают двухэтажный XVIII века дворец Нарышкиных, обновляют его нарядные лестницы, реставрируют мраморные статуи — «Юнона», «Юпитер», «Похищение Прозерпины».

Знал эти места *И. С. Тургенев* и, начиная свой роман «Накануне», он представляет нам героев — Андрея Петровича Берсенева и его товарища «белокурого молодого человека» Павла Яковлевича Шубина и упоминает Кунцево: «В тени высокой липы, на берегу Москвы-реки, недалеко от Кунцева, в один из самых жарких летних дней 1853 года лежали на траве два молодых человека».

Известно также, что Огаревы в ту пору, когда жили в доме 23 на Большой Никитской, отдыхали в Кунцево.

В Кунцево жил юный *В. В. Маяковский* в 1913 году на даче Багровникова. Популяризатор биографии *В. В. Маяковского* *В. Д. Коркин* в книге «Маяковский на Красной Пресне» пишет об этом времени в жизни семьи Маяковских: «Вставали рано — сестры уезжали на работу в город, а Владимир целые дни проводил в лесу, в Крылатском и Рублеве, упорно работая над первой драматической вещью, названной им трагедией «Владимир

Маяковский». Есть воспоминания о том, что **Маяковский** переплывал Москву-реку у Крылатского и устраивал состязания по плаванию среди друзей. Он ходил к необхватному кунцевскому дубу. В статье «Как делать стихи» **Маяковский** писал, что строка «глядьте сухих и черных кошек» в трагедии «Владимир **Маяковский**» родилась в его сознании именно около этого дуба.

У этого же дуба в то же лето читал стихи *С. А. Есенин*. Когда юный *Есенин* в 1912 году работал в Москве на Пятницкой в типографии *Сытина*, он был близок к революционно настроенным рабочим, которые называли его ласково *Сережей*. *Есенин* посещал нелегальные собрания рабочих в *Кунцевском* парке и у села *Крылатского*, выполнял отдельные поручения. Юный поэт писал другу *Грише Панфилову*: «Недавно я устраивал агитацию среди рабочих письмами. Я распространял среди них журнал «Огни» с демократическим направлением. Очень хорошая вещь..» «.. Недавно был обыск на моей квартире... Приходится молчать, письма мои кто-то читает, но с большой аккуратностью, не разрывая конверта». В московской охранке на *Есенина* завели «дело». Он числился под кличкой «Набор».

На даче в *Кунцеве* жил в конце 1920-х — самом начале 1930-х годов *Э. Г. Багрицкий* (1895—1934) — автор революционно-романтических стихотворений и поэм, среди которых особое место занимают «Дума про *Опанаса*» и «Смерть пионерки». *Э. Г. Багрицкий* отдыхал здесь с семьей. Он много времени уделял сыну *Севе*, впоследствии талантливому поэту, погибшему юношей во время Великой Отечественной войны. *Эдуард Багрицкий* обращался к сыну в стихотворениях «*Всеволоду*», «*Разговор с сыном*» и посвятил ему эти строки:

Вставай же, *Всеволод*, и всем володей!
Вставай под осеннее солнце!
Я знаю: ты с чистою кровью рожден,
Ты встал на пороге веселых времен.

Впечатлениями *Кунцева* навеяно стихотворение «Смерть пионерки», в нем отразилась реальная история смерти *Вали Дыко* — дочери хозяев дачи, в которой жили *Багрицкие*:

Над больничным садом,
Над водой озер
Двигутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина.

Эта трагическая поэма кончается оптимистическим
призывом к жизни:

Вот и все!

Но песня
Не согласна ждать

Возникает песня
В болтовне ребят.

Подымает песню
На голос отряд.

И выходит песня
С топотом шагов

В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.

«ВДОЛЬ
ПО ПИТЕРСКОЙ,
ПО ТВЕРСКОЙ-
ЯМСКОЙ»

УЛИЦА ГОРЬКОГО
И ЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Улица Горького — главная улица Москвы. Она заканчивается у площади Белорусского вокзала¹, ее продолжением является Ленинградский проспект, от которого ответвляются Волоколамское и Ленинградское шоссе. Улица Горького — ныне вновь Тверская — некогда была началом большого, столбового пути. Подле этой улицы за пределами Садового кольца находилась Ямская слобода, где жили ямщики, отсюда и произошло название отрезка Тверской улицы за Садовым кольцом — Тверская-Ямская, а также название соседних с ней Ямских улиц.

Бывшая Тверская-Ямская — ныне улица Горького — начинается от площади Маяковского. Символично соседство двух этих имен — Горького и Маяковского — на карте литературной Москвы. Памятник поэту был установлен в 1958 году. Его авторы — скульптор А. П. Кибальников, архитектор Н. П. Гришин. На постаменте высечены слова:

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

---

¹ Как мы уже упоминали, решением Моссовета от июля 1990 г. улице Горького в пределах Садового кольца возвращено прежнее название Тверская. Часть улицы между площадями Маяковского и Белорусского вокзала по-прежнему называется улицей Горького.

На площади Маяковского находится Театр сатиры, где с успехом шла пьеса В. В. Маяковского «Клоп».

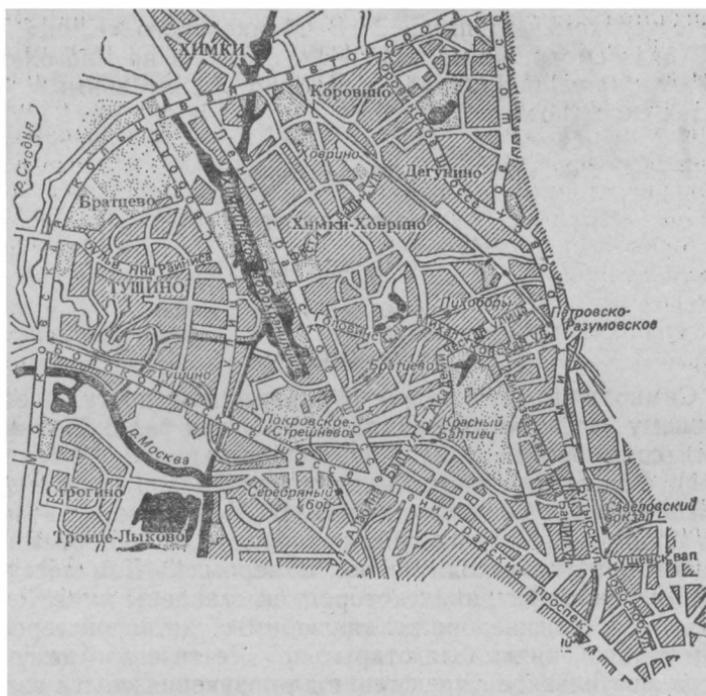
Когда смотришь на памятник, стоящий на многолюдной театральной площади, особенно убедительными кажутся слова поэта:

Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана, главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.

Символично, что рядом с памятником поэту, воспевавшему «весну человечества», находится редакция журнала со звонким названием «Юность» (ул. Горького, 32/1). Главный редактор — поэт Андрей Дементьев.

Неподалеку от памятника В. В. Маяковскому — поэту, любимому и взрослыми, и юношеством, и детьми, на улице Горького находится под номером 43 Дом детской книги, в окнах-витринах которого выставлены книги детских писателей, изображения любимых детворой героев. Дом детской книги был открыт при Детгизе как научно-исследовательское учреждение для изучения опыта издания детской литературы и читательских интересов. При Доме действуют кабинеты критики, теории и истории детской литературы, пропаганды детской книги, ее художественного оформления. В Доме находятся научная библиотека и музей, здесь ребята встречаются со своими любимыми писателями. Книги Гайдара, Кассиля, Маршака, Михалкова стали настольными для наших школьников. Особенно оживленно здесь в день детской книги — на «книжники именины».

В соседнем квартале у здания торгового представительства ЧССР на 2-й Брестской улице стоит памятник бюст известному чешскому писателю *Юлиусу Фучику*, который знал, любил Москву и жил в ней в начале 1930-х годов. Прощаясь навсегда с Москвой 5 мая 1936 года, Фучик долго бродил по городу и не мог расстаться с ним. Он полюбил Москву, вероятно, и потому, что здесь почувствовал дыхание новой жизни: участвовал в субботниках на строительстве станции метро «Библиотека Ленина», в подземном вестибюле станции «Дворец Советов» (ныне

Кропоткинская, 4) брал интервью, в колонне демонстрантов прошел по улице Арбат 1 мая 1936 года.

Он вернулся в наш город на страницах своей бессмертной книги «Слово перед казнью», созданной в фашистском застенке. 8 сентября — день расправы гитлеровцев с замечательным журналистом теперь является Международным днем солидарности журналистов.

Эти места связаны и с именем советского писателя, начавшего свой творческий путь в 1920-е годы, основной темой творчества которого стало изучение характера нового человека. В 1927 году вышел отдельным изданием его роман «Разгром», а сразу же после войны — «Молодая гвардия».

На Миусской площади, рядом с Дворцом пионеров Фрунзенского района, стоит памятник А. А. Фадееву. Советского писателя занимала тема преемственности поколений. В 1973 году был открыт памятник писателю и его бессмертным героям — представителям разных поколений (скульптор В. А. Федоров, архитекторы

М. Е. Константинов, В. Н. Фирсов). Это сложная, многофигурная композиция. В центре на высоком постаменте — бронзовая фигура Фадеева. Справа и слева от нее мы видим две скульптурные группы, которые установлены на невысоких постаментах симметрично по отношению к центральной фигуре. Эти группы чуть выдвинуты вперед. Слева изображены герои романа «Разгром» — дальневосточные партизаны. Это на них равнялось поколение «Молодой гвардии» — героев романа Фадеева, в котором воскрешен подвиг краснодонских комсомольцев. Скульптурные фигуры молодогвардейцев находятся в правой части композиции.

Неподалеку от памятника, на котором увековечены юные герои гражданской и Великой Отечественной войн, на улице Готвальда стоит скромный и неприметный трехэтажный дом под номером 7, в котором прошли детство и юность поэта «сороковых-роковых» *Павла Когана* (1918—1942) — автора «Бригантины». Он ушел на фронт и в двадцать четыре года погиб под Новороссийском. Похоронен на горной вершине с необычным названием Сахарная голова. В стихотворении «Лирическое отступление» юный поэт так охарактеризовал свое поколение:

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.

Возможно, свою квартиру в этом доме имел в виду Павел Коган, когда писал:

Квартиры юности и детства,
Куда нам деться от тоски...
Пройдись, пересчитай наследство,
Стихов и юности ростки...

Заканчивается улица Горького площадью Белорусского вокзала. В небольшом сквере, находящемся посреди площади, возвышается памятник А. М. Горькому, открытый в 1951 году. Это работа скульптора И. Д. Шадра, завершенная после его смерти скульптором В. И. Мухиной в содружестве с З. Г. Ивановой и Н. Г. Зеленской; архитектор — З. М. Розенфельд.

Монумент напоминает нам о значительном событии в жизни литературной Москвы. Здесь весной 1928 года москвичи встречали приехавшего из Италии А. М. Горько-

го. К этому времени относятся слова писателя, обращенные к москвичам: «В Москве — наибольшее скопление энергии. Москва — новый город, в котором живут и работают новые люди. Все здесь для меня стало неизведанным, все помолодело, помолодело изнутри. Нет прежней российской мягкотелости, раньше человека давили, и он попискивал, но вы — уже не то. Вы говорите громко, хорошо баритоном. Вас слушает мир»¹.

Белорусский вокзал — ворота на запад, место расставаний, проводов и встреч, свидетель слез радости и страданий. На перроне Белорусского вокзала летом 1941 года перед солдатами, уходившими на фронт, была впервые исполнена «Священная война». Слова этой песни написал поэт В. И. Лебедев-Кумач, музыку — А. В. Александров. Ее суровый мотив и проникновенные слова вызывают в памяти тревожное и великое время:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.

В. И. Лебедев-Кумач жил в 1937—1949 годах рядом с вокзалом на улице Горького в доме 64. Здание отмечено памятной доской.

Нам помогают осознать место Белорусского вокзала в поэтическом строе наших воспоминаний строки А. Межирова:

Нас везли в эшелонах с тобою,
Так везли, что дрожала земля,
С Белорусского — на поле боя
И с Казанского — в госпиталя.

О настроении юных командиров в то время, об их отношении к жизни говорит С. Наровчатов в стихотворении «Отъезд»:

Проходим перроном, молодые до неприличия,
Утреннюю сводку оживленно комментируя.
Оружие личное.
Знаки различия,
Ремни непривычные:
Командиры!

О военном суровом, жестоком времени, полном испытаний, сложено множество искренних, трепетных стихов,

---

¹ Известия. 1928. 13 июня. № 135.

написана замечательная проза. Горькие испытания, потери, страдания, тяжкий воинский труд, убежденность в том, что любой ценой необходимо победить врага, вызвали небывалый творческий подъем. Многие писатели ушли на фронт, чтобы с оружием в руках защищать родную землю. Уже в первые дни войны в ряды Красной Армии вступили А. Гайдар, С. Михалков, Е. Петров, М. Светлов, К. Симонов, А. Сурков, А. Твардовский, Н. Тихонов и многие другие. На фронтах Великой Отечественной войны более тысячи советских писателей были бойцами, командирами, политработниками, военкорами фронтовых газет.

На улице «Правды», уходящей вправо от Ленинградского проспекта, в доме 24 находятся редакции газет «Правда», «Комсомольская правда», «Советская Россия», еженедельника «За рубежом» и издательство «Правда». Многие писатели в период Великой Отечественной войны с корреспондентским билетом «Правды» и «Комсомольской правды» уезжали отсюда на фронт.

Отсюда в июле 1941 года ушел на фронт *А. П. Гайдар*. В здании редакции «Комсомольской правды» ему было вручено удостоверение: «Дано писателю тов. Гайдару Аркадию Петровичу в том, что он командирован в действующую Красную Армию в качестве военного корреспондента газеты «Комсомольская правда», согласно разрешения Генерального штаба Красной Армии...» Он похоронен неподалеку от места гибели на высоком берегу Днепра в городе Каневе, и все проходящие пароходы как бы салютуют ему своими гудками... Память о погибших увековечена на памятной доске, находящейся в доме 24 по улице «Правды».

Примечательно, что именно на этой улице находится дом, где на квартире у *Павла Когана* в «семиметровой обители» перед самой войной собирались друзья — молодые поэты-ифлийцы С. Наровчатов, Д. Самойлов, Ж. Лепский и другие. Эти литературные встречи они сами называли «Поселком», так как в ту пору местность подле Ленинградского шоссе не была еще так густо заселена, как в наши дни. Для посвященных «Поселок» означал многое. Это был мир, где были требовательны к таланту и непримиримы к недостаткам.

Если в путешествии вдоль Ленинградского шоссе пройти в сторону от центра, к дому 4 по улице Черняховского, находящемуся рядом со станцией метро «Аэро-

порт», то мы вспомним, что этот дом связан с именем *К. М. Симонова*, создавшего замечательную панораму событий Великой Отечественной войны. На здании памятная доска: «...с 1967 по 1979 год работал писатель, Герой Социалистического Труда Константин Михайлович Симонов». Его военная лирика передала внутренний мир людей, живших тогда, тонкие движения человеческой души. Бессмертны его стихи о жизни, смерти и бессмертии, о подвиге и ненависти, о любви к Родине. В 1941 году в стихотворении «Родина» *К. М. Симонов* писал:

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

Лирику *Симонова* военной поры характеризует умение проникнуть в глубь духовной жизни человека. Наверное, в этом кроются истоки популярности его замечательных стихов «Родина», «Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины»:

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.

За то, что на ней умирать мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

К войне *К. М. Симонов* обращался вновь и вновь в романах «Товарищи по оружию» и «Живые и мертвые», «Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина)». Доверие к человеку, вера в его духовные силы — вот одна из главных мыслей книги. Различны судьбы героев романа — Синцова, Серпилина, Козырева, Баранова, но объединяет их одно — служение Родине.

Есть в Москве памятник *Константину Симонову* — библиотека № 148, носящая его имя. Она находится в противоположном конце города на Коломенской улице в доме 9. Библиотека была основана в 1918 году по инициативе рабочих и служащих электромеханического завода «Динамо» и имела название «Пролетарская кузница». С 1932 года стала районной библиотекой. В 1934 году библиотеку посетила *Н. К. Крупская*. В библиотеке

есть мемориальный зал К. М. Симонова, где представлены материалы о его жизни и деятельности, книги писателя, изданные на многих языках народов мира, фото-выставка. Здесь проводятся вечера памяти Симонова.

Итак, Белорусский вокзал, Ленинградский проспект, Ленинградское шоссе — места, как бы обожженные воспоминаниями о минувшей войне, но эти места связаны также и с более давними историко-литературными событиями.

«ВОТ, ОКРУЖЕН СВОЕЙ ДУБРАВОЙ,
ПЕТРОВСКИЙ ЗАМОК»

На Ленинградском проспекте под номером 40 стоит замечательное здание. Это бывший путевой дворец, который был построен в 1776—1796 годах на земле бывшего Петровского монастыря знаменитым зодчим М. Ф. Казаковым в стиле национального романтизма. Мощному объему купола сооружения ритмически отвечают шесть башен окружающей его стены. Сейчас здесь располагается Академия Военно-Воздушного Флота имени Н. Е. Жуковского. Через 50 лет после постройки этого сооружения М. Н. Загоскин так описывал эти места:

«Давно ли здесь было чистое поле, на котором не росло ни одного деревца, не красовалось ни одного домика: направо — единообразное и бесконечное Ходынское поле, налево — продолжение того же поля, песчаная земля, глиняные копи, кой-где гряды с тощей зеленью и несколько лачужек, в которых жили огородники, — вот все, что представлялось вашим взорам, когда вы, миновав Петровский дворец, прекрасное здание мавританской архитектуры, переделанное на европейские нравы, продолжали ехать к Тверской заставе.

А теперь!.. Посмотрите, каким роскошным ковром раскинулся этот веселый парк, как разбегаются во все стороны его широкие укатанные дороги, с каким изящным вкусом разбросаны его рощи, опушенные цветами и благоуханными кустарниками; какой свежей и яркой зеленью покрыты его обширные поляны; как мил и живописен этот небольшой пруд со своими покатыми берегами и прелестными мостиками!»

В ту пору это были окрестности Москвы — место загородных гуляний и отдыха.

В Москве 1820—1830-х годов все дышало воспоминаниями о недавних исторических событиях — Отечественной войне 1812 года. А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» так обращается к ним:

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.

Действительно, в 1812 году в Петровском дворце несколько дней прожил Наполеон, спасаясь от московского пожара.

В Петровском дворце в свой последний приезд в Москву в конце апреля 1841 года останавливался у своего друга Д. Г. Розена *Михаил Юрьевич Лермонтов*. Сейчас этот факт подвергается сомнению. Д. Г. Розен был сверстником и однополчанином Лермонтова, сыном генерала Розена, участника Отечественной войны 1812 года. Розены жили здесь на казенной квартире.

Приехал М. Ю. Лермонтов в Москву за три месяца до смерти. Он возвращался из Петербурга, где недолго пробыл в отпуске. В. Г. Белинский так характеризует внутренний мир поэта в эту пору: «...пылкая молодость, жадная впечатлений бытия, самый род жизни,— отвлекали его от мирных кабинетных занятий, от уединенной думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура его начала устраиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые, он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство по примеру куперовской тетралогии...» Еще до отъезда из Петербурга поэт печатает в «Отечественных записках» стихотворение «Родина», в котором проявляется, по словам Добролюбова, «его любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

17 апреля 1841 года Лермонтов и ехавший с ним на Кавказ родственник и друг А. А. Столыпин были в Москве и задержались в древней столице. «Я в Москве пробыл несколько дней, остановился у Розенов»,— писал поэт.

Пребыванием в Москве Михаил Юрьевич остался очень доволен. «Я здесь принят был обществом по обыкновению очень хорошо,—и мне довольно весело... от здешнего воздуха потолстел в два дня»,— писал он Е. А. Арсеньевой. Лермонтов навестил генерала Н. Н. Анненкова и его жену, с которою (в девичестве В. И. Бухарина) он прежде был знаком и посвятил ей одну из новгородных эпиграмм на встрече нового, 1832 года. Анненковы жили на Манежной улице в доме 7.

Навсегда покидая Москву, Лермонтов признавался перед отъездом своему знакомому Ф. Ф. Вигелю: «Ах, если б мне позволено было оставить службу, с каким удовольствием поселился бы я здесь навсегда».

Ведь с надеждой получить отставку Лермонтов и ездил в Петербург, но в этом ему было отказано. Надежда поэта не осуществилась: 15 июля 1841 года он был убит на дуэли.

Бывший Петровский замок некогда окружал Петровский парк, частично сохранившийся. В XIX веке, начиная с 1830-х годов, Петровский парк был излюбленным местом гуляний. Неподалеку находились известные в Москве рестораны «Яр» и «Стрельна», упоминание о которых мы можем найти у многих русских писателей. В этих ресторанах выступали цыгане. И. Бунин в рассказе «Чистый понедельник» передает атмосферу этих выступлений, хотя в самом рассказе нет конкретного указания на то, что действие происходит именно здесь; цыгане «входили нарочито шумно, развязно: впереди хора, с гитарой на голубой ленте через плечо, старый цыган в казакине с галунами, с сизой мордой утопленника, с голой, как чугунный шар, головой, за ним цыганка-запевала с низким лбом под дегтярной челкой...».

Вспоминая о цыганской песне, наш современник Л. Гинзбург в романе «Разбилось лишь сердце мое» пишет:

«Яр» и «Стрельна», знаменитые московские рестораны, где купечество устраивало фантастические кутежи, не забытые старыми москвичами, были... очагами песенной цыганской культуры.

...Судаков, владелец «Яра», имел русские женский и мужской хоры, украинскую капеллу, венгерский оркестр и цыганский хор. Певцы были первоклассные! И знаете ли вы, что цыгане были хранителями полковых песен русской армии?..»

В этой связи интересно вспомнить ту высокую оценку, которую давал цыганской песне *Л. Н. Толстой*. В пьесе «Живой труп» он вкладывает в уста Федора Васильевича Протасова такие слова: «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...»

В связи с именем *Л. Н. Толстого* вспоминается одно из мест, находящихся неподалеку от Петровского парка. Это Ходынка. На месте бывшего Ходынского поля располагается ныне Центральный аэровокзал. Здесь 18 мая 1896 года по случаю коронации Николая II были организованы «народные гуляния». Из-за преступной безответственности властей возникла давка и погибло более тысячи человек, вдвое больше было искалечено. На Ваганьковском кладбище похоронены 1386 человек, погибших на Ходынском поле в этот печально памятный день.

Документально правдивое описание «Ходынки» мы встречаем у *Л. Н. Толстого* в одном из его последних рассказов «Ходынка», написанном в 1910 году, где писатель знакомит нас с тем, как воспринимал эти события «простой» народ и люди из высшего круга. Герой рассказа Емельян попадает в самую гущу событий: «Это кричал Емельян и, напруживая здоровые, широкие плечи и растопыривая локти, раздвигал, как мог, и рвался вперед, хорошенько не знал зачем,— потому только, что все рвались и что ему казалось, что прорваться вперед непременно нужно. Сзади его, с обоих боков были люди, и все жали его, а впереди люди не двигались и не пускали вперед. И все что-то кричали, кричали, стонали, охали».

«Но тут вдруг случилось что-то такое, чего он не мог понять. То он ничего не видал перед собой, кроме спин людских, тут вдруг все, что было впереди, открылось ему. Он увидел палатки, те палатки, из которых должны были раздавать гостинцы. Он обрадовался, но радость его была только одну минуту, потому что тотчас же он понял, что открылось ему то, что было впереди, только потому, что

они все подошли к валу и все передние, кто на ногах, кто котом, свалились в него, и сам он валится туда же, на людей, валится сам на людей, а на него валятся другие, задние. Тут в первый раз на него нашел страх», «Он подался вперед, но ноги его ступали по мягкому — по людям». В этой страшной давке Емельян спас затоптанного толпой мальчика и девушку — фрейлину Александру Голицыну — Рину. Этот поступок помог Емельяну осознать себя: «И он улыбнулся такой белозубой, радостной улыбкой, которую Рина вспоминала как утешение в самые тяжелые минуты своей жизни.

И такое же еще большее радостное чувство, выносящее его из этой жизни, испытывал Емельян, когда вспоминал Ходынку и эту барышню и последний разговор с нею».

Ходынская катастрофа также была подробно описана А. М. Горьким в романе «Жизнь Клима Самгина».

«Огромный пестрый город гудел, ревел, непрерывно звонили сотни колоколов, сухо и дробно стучали колеса экипажей по шишковатым мостовым, все звуки сливались в один, органнй, мощный. Черная сеть птиц шумно трепетала над городом, но ни одна из них не летела в сторону Ходынки. Там, далеко, на огромном поле, под грязноватой шапкой тумана, утвердилась плотно спрессованная, икряная масса людей. Она казалась единым телом, и, только очень сильно напрягая зрение, можно было различить чуть заметные колебания икринок; иногда над ними как будто нечто вспухало, но быстро тонуло в их вязкой густоте».

А через некоторое время оттуда, со стороны Ходынского поля, повезли телеги, наполненные трупами. «На одну из телег был погружен лишний человек, он лежал сверху трупов, аккуратно положенных вдоль телеги, его небрежно взвалили вкось, почти поперек их, и он высунул из-под брезента голые разномерные руки; одна была коротенькая, торчала деревянно, растопырив пальцы звездой, а другая — длинная, очевидно, сломана в локтевом сгибе; свесившись с телеги, она свободно качалась, и кисть ее, на которой не хватало двух пальцев, была похожа на клешню рака».

Ленинградский проспект, а далее Волоколамское шоссе приведут нас в Покровское-Стрешнево, во времена Л. Н. Толстого представлявшее собой дачное место. Оно и сейчас привлекает своими панорамными видами и пей-

важным парком «реалистического типа», т. е. парком, в котором свободно расположены рощи, поляны, пруды и отсутствует жесткая, бросающаяся в глаза планировка. Л. Н. Толстой в начале лета 1856 года заезжал сюда на дачу к своим друзьям врачу Андрею Евстафьевичу Берсу и его жене Любови Александровне. Л. Н. Толстой записал в дневнике: «26 мая. Мы приехали в Покровское с Костинькой и обедали у Люб. Берс. Дети нам прислуживали. Что за милые, веселые девочки! Потом гуляли, играли в чехарду». Среди девочек была и Соня Берс.

8 февраля 1893 года С. А. Толстая записала в своем дневнике: «Детьми мы все очень любили Льва Николаевича; он играл с нами, заставлял нас петь и прекрасно рассказывал. Помню, когда начиналась Севастопольская война, мне было одиннадцать, он приехал прощаться с нами. Мы с сестрой страшно плакали».

В июле — августе 1862 года Лев Николаевич опять посетил эти места. Виктор Шкловский в книге «Лев Толстой» приводит со своими пометками запись Толстого: «Пошел к Берсам (в Покровское. — *Вик. Шк.*) пешком, покойно, уютно. Девичий хохот. Соня не хороша, вульгарна была, но занимает. Дала прочесть повесть. Что за энергия правды и простоты. Ее мучает неясность».

Об этой даче, жизни здесь семьи Берсов и приездах сюда Л. Н. Толстого пишет сестра Софьи Андреевны Т. А. Кузминская в книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»: «Но вот миновали Петровский парк, Всесвятское, и мы дома». «Дача наша была двухэтажная. Внизу жили родители, гувернер со старшими мальчиками, потом была комната для приезжих, большая гостиная, столовая и терраса. Наверху помещались дети с няней, прислуга, и была наша большая, светлая комната с итальянским окном: из окна был веселый, живописный вид на пруд с островком, церковь с зелеными куполами. Живописная дорога, извиваясь, вела из города к нашей даче. Мама называла нашу комнату «комнатой трех дев».

В том же 1862 году Лев Николаевич сделал предложение Софье Андреевне, и 24 сентября, через неделю после помолвки, состоялась их свадьба.

Видимо, хорошо был знаком район Ленинградского проспекта советскому писателю Ю. В. Трифонову (1925—1981). В повести «Долгое прощание» упоминается, что деревянный домик, в котором жили Ляля — Люд-

мила Петровна Телепнева и ее муж Гриша Ребров, стоял неподалеку от речки Таракановки, исток которой находится в районе улицы З. и А. Космодемьянских. Затем речка пересекает Рижское направление Московской железной дороги, Ленинградский проспект и Хорошевское шоссе. Притоком ее является речушка Ходынка. Наверное, для писателя в данном случае не было безразлично, в каком именно месте Москвы разворачивается действие повести. Повествование взято в «рамку»: произведение начинается и оканчивается описанием места, где стоял дом, в котором бурно и, как казалось самим героям — молодой актрисе и начинающему писателю, несчастливо проходит их жизнь. А так ли оказалось действительно? Вот начало повести: «В те времена, лет восемнадцать назад, на этом месте было очень много сирени. Там, где сейчас магазин «Мясо», желтел деревянный дачный заборчик — все было тут дачное, и люди, жившие здесь, считали, что живут на даче, — над заборчиком громоздилась сирень». «Но, впрочем, все это было давно. Сейчас на месте сирени стоит восьмиэтажный дом, в первом этаже которого помещается магазин «Мясо». Тогда, во время сирени, жители домика за желтым дачным заборчиком ездили за мясом далеко — трамваем до Ваганьковского рынка. А сейчас им было бы очень удобно покупать мясо. Но сейчас, к сожалению, они там не живут».

И в самом конце повести, когда ее герои подводят итог своей жизни, вновь возникает образ этих мест: «Когда Ляля проезжает троллейбусом мимо восьмиэтажного дома с магазином «Мясо» в первом этаже, — Ляля ездит иногда на бульвар Карбышева в срочную химчистку — ей вспоминается вдруг кое-что из прошлой жизни, восемнадцать лет назад: Гриша, театр, старик режиссер, запах сирени весной, собака Кандидка, гремящая цепью вдоль забора, — и она испытывает странную мгновенную боль, сжатие сердца, не то радость, не то сожаление оттого, что все это было с нею когда-то». А ее бывший муж Ребров, некогда страстно ее любивший, «часто думает о своей жизни, оценивает ее так и сяк — это его любимое занятие повсюду, особенно в путешествиях, — и ему кажется, что те времена, когда он бедствовал, тосковал, завидовал, ненавидел, страдал и почти нищенствовал, были лучшие годы его жизни...»

Уже упомянутая нами улица З. и А. Космодемьянских начинается у Ленинградского шоссе, а заканчива-

ется подле зеленого массива **Московской ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева**. До революции она называлась **Петровской**. Ее архитектурным и историческим центром является главное здание усадьбы **Петровско-Разумовское** — дворец, возведенный в 1865 году архитектором **Н. Л. Бенуа**, и три флигеля постройки XIX века, с парком, прудами, садовой террасой и белокаменным гротом, сооруженными в XVIII веке.

Эти живописные места привлекали многих художников слова. Интересно, что в 1762 году будущий поэт **Г. Р. Державин**, в ту пору солдат-гвардеец Преображенского полка, нес в Петровском-Разумовском караульную службу по случаю приезда Екатерины II.

Через сто лет Петровская академия стала местом, широко известным русской интеллигенции своим вольнолюбивым духом. В 1879 году писатель **В. М. Гаршин** посетил в «Петровке» друзей. Летом 1875 года на даче на территории академии жил писатель-демократ **В. А. Слепцов**, а в 1877 году здесь проводил летние месяцы будущий писатель **Н. Д. Телешов**.

В 1874—1876 годах, как гласит мемориальная доска, укрепленная на главном здании академии, здесь учился **В. Г. Короленко**. Во второй книге «Истории моего современника» Короленко так передает свое впечатление об академии: «В этом месте моих воспоминаний на меня точно веет струя свежего воздуха, и прежде всего в прямом, не в переносном смысле. Уже от Москвы дорога пролегала лесными аллеями с запахом свежего сена и сосны...»

В академии в доме на Новом шоссе бывал в 1896 году **Л. Н. Толстой**, который и раньше приезжал в Петровскую академию, например верхом, в 1884 году. В 1875 году здесь побывал **Н. А. Некрасов**, навещая начинающую писательницу **Л. Нелидову**. А в 1901 году приезжал сюда **А. П. Чехов** с **О. Л. Книппер**.

Грот в парке академии фигурирует как место действия в романе **Ф. М. Достоевского** «Бесы».

В 1886 году от Бутырской заставы до Петровского-Разумовского уложили рельсы и пустили паровозик. Район превратился в модную дачную местность. В первое время для безопасности прохожих перед паровичком скакал на лошади мальчик-форейтор и трубил в рожок. Позднее паровозик заменил трамвай, на котором одно время ра-

ботал кондуктором *К. Г. Паустовский*, впоследствии вспоминавший об этом в «Повести о жизни».

Связана Тимирязевка и с биографией *В. В. Маяковского*. Именно здесь оказалось первое пристанище семьи Маяковских, переехавших в 1906 году из солнечной Грузии в Москву. Через два года Маяковские поселились на даче в районе Соломенной сторожки, бывал здесь *В. В. Маяковский* и в 1909 году, а летом в 1911 и 1912 годах жил здесь же на даче. Известно из воспоминаний родных; что юный Маяковский писал в этих местах стихи, но они, к сожалению, не сохранились.

Завершает нашу прогулку по памятным местам, находящимся в районе Ленинградского шоссе, знакомство с памятником в парке Дружбы. Памятник *Мигелю Сервантесу* (1547—1616) — автору бессмертного «Дон Кихота» — дар мадридцев москвичам. Он установлен здесь в «дни Мадрида» в ноябре 1981 года и представляет собой копию памятника работы *А. Сола*, установленного в Мадриде в 1835 году. Фигура стоит на постаменте из розового песчаника. В его установке в парке принимали участие архитекторы *И. Н. Воскресенский* и *Ю. В. Калмыков*.

Москвичи не остались в долгу перед жителями Мадрида: зимой 1980/81 года в Мадриде был открыт памятник *А. С. Пушкину*, подаренный москвичами.

ПРОСПЕКТОМ МИРА
К СЕВЕРНЫМ ОКРАИНАМ
МОСКВЫ

ОТ ДОМА БРЮСОВА
К ДОМУ ДОСТОЕВСКОГО

Проспект Мира начинается в кварталах бывших Мещанских улиц и стремительно вырывается в просторную северную часть Москвы, богатую зеленью Ботанического сада, парков и рощ ВДНХ, Сокольнического массива. Продолжение проспекта — Ярославское шоссе — подходит к заповедному Лосиному острову. Эта часть города долго оставалась окраиной Москвы, но в последние два десятилетия район ВДНХ превратился в один из градостроительных центров.

Здесь много примечательных памятных литературных мест. Одно из них находится в самом начале проспекта. Это дом 30, связанный с именем *В. Я. Брюсова*. Проспект Мира — широкая современная московская улица. Начало ее прежде называлось 1-й Мещанской. Вот на этой улице и находился привлекший наше внимание дом — здание с двускатной островерхой крышей, резко асимметричными окнами (в настоящее время дом восстанавливается после пожара). В. Я. Брюсов жил здесь с 1910 по 1924 год, т. е. до конца дней (прежде дом принадлежал купцам Баевым). Брюсовы занимали нижний этаж. В наше время в этом доме находилась также и библиотека, здесь же и мемориальный кабинет В. Я. Брюсова.

Кабинет поэта был уединенной кельей. Людей привлекали сюда громадная эрудиция, воля, чуткий поэтический слух хозяина. Многие годы к Брюсову на «среды» приходили А. Луначарский, А. Толстой, А. Блок, Вяч. Иванов, М. Волошин, А. Белый, тогда молодые Маяковский, Пастернак, Шервинский. Брюсов любил читать сти-

хи начинающих, малоизвестных авторов. Если, например, предполагалось читать стихи Блока и одновременно неизвестного поэта, он сначала читал стихи молодого поэта. Брюсова здесь посещали и ученые, например О. Ю. Шмидт.

Валерий Яковлевич обладал темпераментом творца и исследователя. Горький писал Брюсову: «Давно и пристально слежу я за вашей культурной работой, и я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы не знаю — это искренне!»

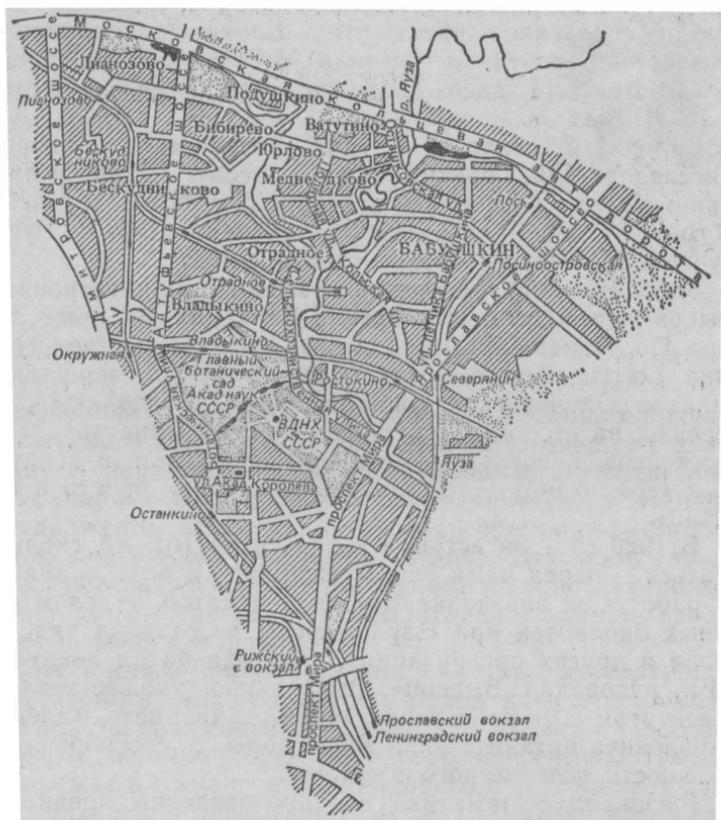
Здесь Валерий Яковлевич, знавший семь иностранных языков, переводил произведения Верхарна, Верлена, Эдгара По, Ромена Роллана, исследовал творчество Пушкина, Гоголя, Тютчева, Баратынского. Когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, он перешел на сторону Советской власти: «Мне казалось, что теперь, в последний период моей жизни, я вернулся в «дом отчий» — так все это мне было просто и понятно».

В 1920 году он вступил в ряды ВКП(б). «А сколько учиться — перед нами еще букварь!» — и поэт принялся за работу: он заведовал Книжной палатой, отделом научных библиотек при Наркомпросе, возглавлял ряд отделов в других организациях, три года читал лекции в МГУ, руководил Высшим литературно-художественным институтом. Поэты и переводчики в кабинете Валерия Яковлевича читали стихи, вели споры о своеобразии и сложности поэтического искусства.

Расширилась тематика его произведений, появились циклы стихов «Мир электрона», «Мир измерений». Своей знаменитой «Инвективой» он обличал малодушных, звал колеблющихся к борьбе. Ему давала силы в этой огромной работе глубокая любовь к родному народу и стране.

Брюсова по праву называют певцом города. Во многих стихах он воспел город, и в созданном им городском пейзаже мы часто находим конкретные черты Москвы. Он запечатлел и этот, тогда окраинный, район города:

Я люблю у застав переулки Москвы
Разноцветные, узкие, длинные,
По углам у заборов обрывки травы,
Тротуары, и в полдень пустынные.
Эта тихая жизнь, эта жизнь слободы
Эта тишь в долетающем грохоте...

В соседнем квартале, ближе к Большой Колхозной площади, находится ансамбль бывшего Странноприимного дома Шереметева, сооруженного в 1794—1807 годах по первоначальному проекту Дж. Кваренги, переработанному архитектором Е. С. Назаровым. Фасад здания выходит на Садовое кольцо, здесь располагается Московский городской научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н. В. Склифосовского, который занимает ряд зданий. В одном из них, обращенном в сторону проспекта Мира, в ритуальном зале в мартовский влажно-снежный день 1966 года москвичи прощались с умершей 5 марта *Анной Андреевной Ахматовой*.

Евгений Евтушенко, вспоминая прощание с Ахматовой в стихотворении «Память Ахматовой», говорит о лю-

дях, и в частности о молодежи, проходившей у ее гроба,
и о простой, старой женщине-труженице, которая

. . . . . невдалеке,
как будто рядом с библией чистушка,
лежала в белом простеньком платке
ахматовского возраста старушка.

Задумываясь над значением творчества Анны Андреевны для русской культуры, поэт убеждается, что не может быть границы между «Россией духа» и «Роснией рук», потому что:

Ведь просто быть не может двух России,
как быть и двух Ахматовых не может.

Написанную за год до смерти автобиографию «Коротко о себе» поэтесса заканчивает так: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Ахматова, так много ездившая и много видевшая, завершила свой жизненный путь в городе, который любила.

Она знала Москву: жила в 3-м Зачатьевском переулке, на Ордынке, на улице Обуха, на Хорошевском шоссе, бывала в так нравившемся ей Коломенском. И вот... Институт Склифосовского... случилось непоправимое.

Задумываясь над жестокими законами бытия, Анна Андреевна писала в январе 1959 года:

Я притворилась смертной зимой
И вечные навек закрыла двери,
Но все-таки узнают голос мой,
И все-таки ему опять поверят.

И это так. Да и как же может быть иначе? Разве можно не узнать голос великого поэта, который в тяжелую для своего народа годину писал:

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во все новое нарядились,
Как в солдатки шли играть.
Ни плохих, ни хороших, ни средних...
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.

Путешествуя по городу, мы убедились, что хранят память о литераторах порой даже, казалось бы, самые «нелитературные» объекты. О примечательных событиях литературной жизни прошлого напоминают порой не только архитектурно-исторические памятники, но и названия отдельных улиц, площадей и переулков, элементы ландшафта. В этом отношении интересна местность, называемая Самотекой. Название произошло от неторопливого движения, «само течения» рек Неглинной и Напрудной, впоследствии заключенных в подземные трубы.

В XVII веке для этого района были характерны тишина и сонное спокойствие. Здесь стояли небольшие деревянные дома, окруженные садами и огородами. Эти места запечатлел в картине «Лубяной торг на Трубе» А. М. Васнецов. Часть города подалье Самотеки называлась Занеглименьем, так как располагалась за речкой Неглинкой.

В старину в Занеглименье в районе современного Самотечного бульвара собирался народ петь песни и водить хороводы. Скоморохи шутками и смехом собирали вокруг себя толпу и вовлекали зрителей в пляски, игры и разыгрывали кукольные комедии. Русский бродячий кукольный театр XVII века имел переносную сцену, действующими лицами театрального действия, как правило, были Петрушка, его невеста Варюшка и цыган.

Интересно, что сегодня мы можем увидеть эти персонажи в музее кукол, находящемся в Государственном центральном театре кукол, работающем под руководством С. В. Образцова, здание которого находится кварталом выше, на Садовой-Самотечной улице в доме За.

Скоморохи и кукольный театр многие десятилетия развлекали москвичей. Но скоморохи не только их развлекали, они как бы восполняли в те времена нехватку книг и были выразителями общественного мнения, в их импровизациях отражалось народное сознание. Не случайно в царской грамоте 1648 года народные игрища названы «мятежным действием». Любопытно отметить, что даты всех «противоскоморошких» постановлений совпадали с датами многих народных движений. Видимо, власти опасались скоморохов, и поэтому указ Алексея Михайловича запретил их.

Здесь же неподалеку, на бывшей окраине Москвы, за Самотеккой находилась Божедомка, а за ней начиналась березовая Марьиная роща. Там, где сейчас раскинулась

площадь Коммуны, протекала речка Неглинная. Со времен Алексея Михайловича здесь в старой Москве находилось кладбище бродяг, самоубийц, преступников и их неопознанных жертв. В течение зимы трупы сохранялись в часовне, а весной, к пасхе, со всех концов Москвы стекался народ, принося пожертвования на погребение «бездомных покойников». Люди приходили для поминовения усопших перед троициным днем, в так называемый «семик» — на седьмую неделю после пасхи. Так возникли народные «гуляния» на кладбище при церкви Воздвижения Креста на Boжедомке, а позже при церкви Лазаревского кладбища, расположенного рядом с Марьиной рощей. Гуляние вскоре было перенесено в саму Марьину рощу, приняло характер народного и продолжалось до конца XIX века, когда Марьину рощу начали застраивать. Это гуляние было столь широко известным, что в 1815 году на сцене Большого театра был поставлен дивертисмент с пением, танцами и литературным текстом «Семик, или Гуляние в Марьиной роще». 19 мая 1827 года на гулянии в Марьиной роще побывал А. С. Пушкин.

Об этом районе рассказывается в популярной в начале XIX века повести современника А. С. Пушкина В. А. Жуковского «Марьиная роща». Интерес к отечественной истории побудил поэта обратиться к этим местам. В повести описана история гибели юной крестьянки Марии, покончившей самоубийством из-за того, что она изменила своему возлюбленному певцу Усладу, прельстившись богатством «булатной руки», «жестокоего сердца» витязя Рогдая. Правда, топографически обширный район бывшей Марьиной рощи не совсем соответствует описанию его местоположения в повести. Вот как его представляет автор: «И хижина отшельника Аркадия, и скромная часовня Богоматери (имеется в виду — над могилой Марии.— *Авт.*), и камень, некогда покрывавший могилу Марии,— все исчезло; одно только наименование Марьиной рощи и сохранено для нас верным преданием. Проезжая по Троицкой дороге (ныне проспект Мира.— *Авт.*), взойдите на Мытищинский водопровод — вправо представится глазам вашим синеющий лес; там, где прозрачная река Яуза одним изгибом своим прикасается к роще и отражает в тихих волнах и древние сенистые дубы, и бедные хижины, рассыпанные по берегам ее,— там некогда погибла несчастная Мария; там сооружена была над гробом ее часовня во имя богоматери, там, на-

конец, и Усадл кончил печальный остаток своей жизни». Этими словами заканчивается повесть.

Сейчас память о Марьиной роще сохранилась лишь в условном названии района, а на ее месте вдоль Сущевского вала и Шереметевской улицы расположены кварталы новых домов. Среди них современное здание театра «Сатирикон».

Сравнительно недалеко отсюда, на Трифоновской улице, стоит под номером 38 замечательное здание — древний посадский храм Трифона, когда-то относившийся к подмосковному селу Напрудному. Он был построен в конце XV века. Это церковь Трифона в Напрудном. Глядя на нее, невольно вспоминаешь, что *А. К. Толстой* (1817—1875) — автор повести «Князь Серебряный», исторической драматургической трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Борис», «Царь Федор Иоаннович», защищая памятники старины, писал в 1860 году: «Наконец, на этих днях я просто не узнал в Москве прелестную маленькую церковь Трифона Напрудного, с которой связано одно из преданий об охоте Ивана Васильевича Грозного. Ее облепили отвратительными пристройками, заново обделали внутри и поручили какому-то богомазу переписать наружную фреску, изображающую святого Трифона на коне и с соколом в руке».

Эти места связаны также с именем *Ф. М. Достоевского*. Свидетелем печальных событий в жизни семьи писателя была Духовская церковь бывшего Лазаревского кладбища — памятник архитектуры 1784—1787 годов, построенная по проекту архитектора В. И. Баженова (2-й Лазаревский пер., 2). В Музее *Ф. М. Достоевского* хранится надгробный камень, перенесенный с могилы матери Федора Михайловича, Марии Федоровны, похороненной на Лазаревском кладбище около этой церкви. На камне надпись, выбранная детьми и мужем покойной из сочинений *Н. М. Карамзина*:

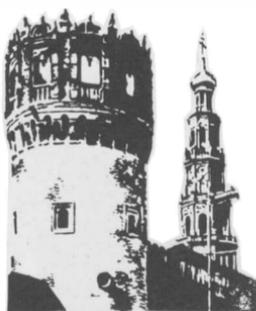
Покойся, милый прах,
До радостного утра.

Музей писателя находится на улице, носящей его имя, в доме под номером 2. В 1928 году улица Новая Божedomка и бывшая Марининская больница для бедных, сооруженная в начале XIX века по проекту архитектора *А. А. Михайлова*, были названы именем *Ф. М. Достоевского*.

**«ВИДНЫ МОСКВЫ
ШИРОКИЕ ПРОСТОРЫ»**

Ленинские горы.
Знак в память о клятве
А. И. Герцена и Н. П. Огарева

Ул. Л. Н. Толстого, 21.
Дом-музей Л. Н. Толстого

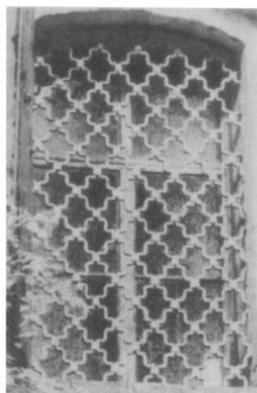
Сквер бывшего Девичьего поля.
Памятник Л. Н. Толстому

Новодевичье кладбище.
Памятник на могиле
А. П. Чехова

Новодевичье кладбище.
Памятник на могиле
М. А. Булгакова

ОТ ТРЕХ ГОР
ДО ПОКЛОННОЙ ГОРЫ

Набережная
Т. Г. Шевченко.
Памятник Т. Г. Шевченко

Кутузовский просп., 1/7.
Памятная доска, посвященная
А. Т. Твардовскому

Памятник В. С. Высоцкому
на Ваганьковском
кладбище

Малая Грузинская ул., 28.
Памятная доска,
посвященная
В. С. Высоцкому

«ВДОЛЬ ПО ПИТЕРСКОЙ,
ПО ТВЕРСКОЙ-ЯМСКОЙ»

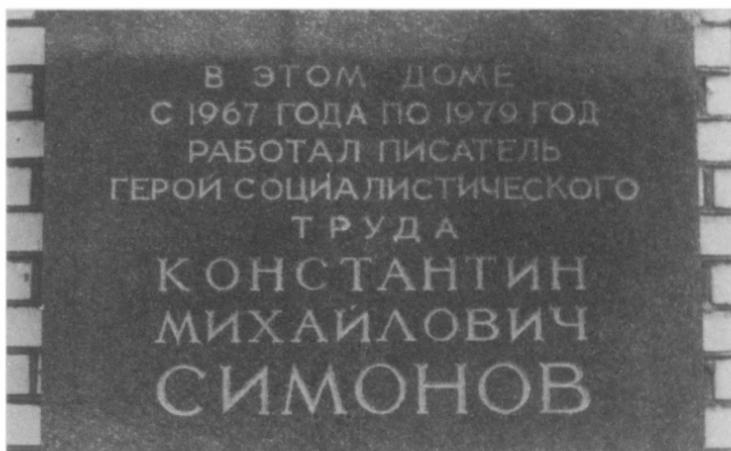
Миусская пл.
Памятник А. А. Фадееву
и многофигурная
композиция — памятник
литературным героям
«Молодой гвардии»

Пл. Белорусского вокзала.
Памятник А. М. Горькому

Ул. Черняховского, 4.
Памятная доска,
посвященная К. М. Симонову

ПРОСПЕКТОМ МИРА
К СЕВЕРНЫМ ОКРАИНАМ
МОСКВЫ

Ул. Достоевского, 2.
Памятник Ф. М. Достоевскому

Ул. Достоевского, 2.
Памятная доска, посвященная
Ф. М. Достоевскому

Ул. Достоевского, 2.
Музей Ф. М. Достоевского

Ул. Бочкова, 5.
Памятная доска, посвященная
В. М. Шукшину

ОТ ЛЕРМОНТОВСКОЙ
ПЛОЩАДИ
К БЕРЕГАМ ЯУЗЫ

Памятная доска,
посвященная А. С. Пушкину,
на фасаде школы № 353

Бауманская ул.,
двор школы № 353.
Памятник А. С. Пушкину

Лермонтовская пл.
Памятник М. Ю. Лермонтову

Памятник М. Ю. Лермонтову.
Декоративная решетка

От Лермонтовской площади к берегам Яузы

Ростокинский пр., 13а.
Здание бывшего МИФЛИ
им. Н. Г. Чернышевского

Ул. Чкалова, 14/16.
Памятная доска,
посвященная С. Я. Маршаку

МОСКВОРЕЧЬЕ

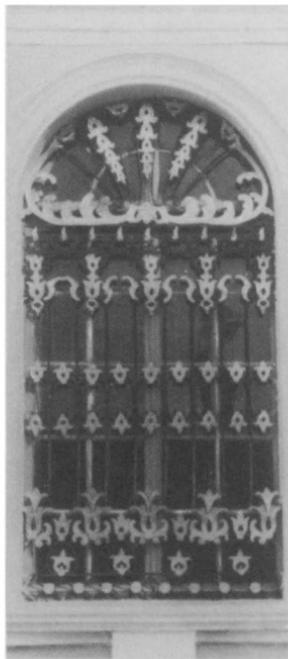
Андроников монастырь.
Здесь находился в заточении
протопоп Аввакум

1-й Крутицкий пер., 4а,
Крутицкий теремок, за ним —
Крутицкие казармы,
где содержался в заключении
А. И. Герцен

Кузьминский парк.
Музей К. Г. Паустовского

Есенинский бульв.
Памятник С. А. Есенину

4-я ул. Текстильщиков.
Памятник А. П. Гайдару

Ф. М. Достоевский родился в правом, если встать к нему лицом, флигеле больницы, в память о чем установлена мемориальная доска. В левом же флигеле, где прошли его детство и юность до 1831 года, открыт музей-квартира писателя.

Федор Михайлович вспоминал в «Дневнике писателя» о месторасположении квартиры, в которой родился: «...в правом крыле внизу окна во двор, если встать лицом к главному фасаду; затем переехали в левый флигель, где и жили до отставки отца».

В экспозиции музея хранится церковная книга, где регистрировались все рождения, крещения и смерти прихода. Она раскрыта на странице, где сделана запись о рождении Ф. М. Достоевского: «В октябре родился младенец в доме больницы для бедных у штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского и жены его купеческой дочери Марии Федоровны Достоевской, урожденной Нечаевой, наречен Федором...»

Перед зданием установлен памятник Ф. М. Достоевскому, который был задуман его создателем С. Д. Меркуровым в 1911 году как часть триады — памятники Толстому, Достоевскому и «Мысль». Памятник Достоевскому был первоначально установлен на Цветном бульваре, неподалеку от мастерской скульптора, а в 1936 году перенесен сюда; Толстому — на Девичьем поле, ныне находится на Кропоткинской, 11, во дворе Музея Л. Н. Толстого, а на могиле С. Д. Меркурова на Новодевичьем кладбище находится памятник «Мысль».

Достоевский считал, что ни одно слово, произнесенное человеком, не пропадает, а имеет воздействие на окружающих, что ни одно действие, ни одна мысль — **ничто** не исчезает бесследно — все служит для формирования наших чувств, представлений и мыслей. И нам, чтоб полнее представить истоки творчества писателя, важно знать о том, что он любил, а что ненавидел, что презирал, а что уважал. Также существенно для нас и знание того, что его окружало, где он жил, учился и работал, с какими людьми встречался.

Все детство и юность великого писателя прошли под знаком общения с больными, несчастными людьми. Известно, как сильны и действенны у каждого человека отроческие и юношеские воспоминания! Наверное, из этих впечатлений возникали те ощущения и мысли Достоевского, которые, трансформировавшись, вошли в его про-

изведения. Об этом напоминает нам хотя бы название одной из первых повестей — «Бедные люди». Бедные люди! Конечно, это петербургские персонажи, но впервые Достоевский прочувствовал драму жизни бедных людей именно здесь, в Москве. Из окна квартиры ребенок мог видеть, как перед главным входом в больницу разыгрывались страшные сцены, когда умирающего человека не принимали из-за того, что он оказывался крепостным или дворовым. В этом больничном дворе он видел изможденных, измученных людей. Их серые монотонные одежды, бледные лица, запавшие глаза — не те ли это впечатления, не те ли образы, которые потом пройдут через книги Достоевского?

По извилистым улочкам, окружающим нынешний музей, отец мог водить гулять мальчика, рассказывая ему о «прямых и острых углах», чему прекрасной иллюстрацией были изломы улиц Марьиной рощи.

Жизнь Достоевских в этой квартирке была очень скромна, проходила однообразно, по раз заведенному порядку. Вставали рано, часов в шесть. В восьмом часу утра отец выходил в больницу, в это время проводилась уборка, топка печей. В первом часу обедали, после обеда отец уходил в гостиную, двери зала закрывались, и наступала тишина. В четыре часа пили чай, после которого отец опять уходил к больным. Вечера проводили в гостиной. Так размеренно проходила жизнь.

Когда настало время учить детей, их определили в частный пансион Н. И. Сушарда. В романе «Подросток» Ф. М. Достоевский вспоминал годы учения и своего учителя, описав его под именем Тушара. Затем их перевели в пансион Л. И. Чермака.

В музее среди прочих экспонатов находятся книги, которые он читал в детстве. Ведь именно с пребыванием в этом доме связано его приобщение к литературе. Когда собиралась вся семья, читали вслух произведения Пушкина, Карамзина, Жуковского, между детьми и родителями возникал обмен мнениями о прочитанном.

В экспозиции также сохраняют подлинные учебники, по которым учился Достоевский.

1837 год — год смерти Пушкина был последним годом пребывания Федора Михайловича в родительском доме. Братья Достоевские были приняты в Петербургское инженерное училище. Младший брат писателя Андрей Михайлович, вспоминал: «Отец Иоан Баршев (священ-

ник Марининской больницы.— *Авт.*) отслужил напутственный молебен, и путешественники, усевшись в кибитку, двинулись в путь...» Вернувшись в Москву много лет спустя, писатель жил уже в других районах города.

Еще два памятных литературных места в этой части Москвы не могут быть обойдены вниманием. Одно из них — малоизвестное Леоново, находящееся за станцией метро «Ботанический сад», раскинувшееся на левом берегу Яузы, к югу от линии Окружной железной дороги, и соседствующее с Ростокиным и Свибловом. На возвышении, над рекой, как нарядная белая игрушка, красуется церковь Ризположения начала XVIII века, рядом с ней — аллея из вековых лип — остатки парка. В Леонове сохранился небольшой живописный пруд удлиненной формы, оставшийся от системы прудов, существовавших некогда. Это место упоминается в «Путеводителе по Москве и ее окрестностям» за 1903 год, а в начале нашего века ему была посвящена книга «Леоново, подмосковное поместье боярина князя Ивана Никитича Хованского». Ее автором был писатель *В. Л. Капустин*, в ту пору владевший частью Леонова. В журнале «Исторический вестник» за декабрь 1908 года, том 64, помещена рецензия на эту книгу, настолько точно передающая время и столь информативная, что невозможно ее не процитировать:

«Село Леоново, считающееся одной из лучших дачных местностей под Москвою, впервые упоминается в писцовых книгах в 1573 г.; в 1626 г. оно было пожаловано в поместье князю И. Н. Хованскому, соседями которого были князь Д. Т. Трубецкой (село Александровское), князь И. Б. Черкасский (Останкино, теперь графа Шереметева) и знаменитый князь Д. М. Пожарский (Медведково). Во второй половине XVIII в. Леоново было продано известному П. Г. Демидову...

Автор добросовестно собрал о Леонове все сведения, которые мог найти в исторической литературе, а главным образом в делах Московского архива Министерства Юстиции. Изложение этих сведений он иллюстрировал прекрасными снимками со старинных гравюр и с не менее прекрасных фотографий собственной работы, изображающих виды современного Леонова и его окрестностей».

До наших дней сохранилось небольшое Леоновское кладбище. Оно густо засажено высокими старыми липами. Справа у входа на кладбище черный массивный па-

мятник. На нем высеченная из гранита книга, на титульном листе которой название «Под светлым небом». Здесь похоронен *Александр Алексеевич Шахов* (1895—1956). Он пришел в литературу как автор книг о природе: «По оленьим тропам», «На разных широтах», «За жар-птицей», «В камышах Балхаша», «В таежной глуши» и др. Некоторые повести и рассказы писателя в 1956 году были объединены в сборник «Под светлым небом». Изображение книги, которая является последней большой работой Шахова, мы и видим на памятнике.

Леоново — этот зеленый островок, уцелевший среди массивов современных жилых кварталов — и сейчас сохраняет живописность и неповторимость подмосковных сел с их плотно утоптаннами тропинками, со штакетником и сочными, пышными дикими травами, растущими на припечке у заборов и источающими пряный, слегка дурманящий запах. Для нас очень интересна и ценна связь Леонова с литературными именами, пусть и недостаточно популярными.

Другое памятное место в этом районе — Пятницкое кладбище. Расположенное за Крестовской заставой, откуда его второе название — Крестовское, оно основано в 1771 году, во время эпидемии чумы. Пятницкое кладбище стало последним приютом для многих, чьи имена связаны с литературой. Здесь покоятся Н. В. Станкевич — русский общественный деятель, философ, поэт, основатель знаменитого кружка, современник Герцена и Огарева; Н. Х. Кетчер — врач, общественный деятель, переводчик, член кружка Герцена — Огарева, друг В. Г. Белинского и Т. Н. Грановского; сам Т. Н. Грановский — русский историк, общественный деятель, глава московских западников; фольклорист А. Н. Афанасьев — представитель «мифологической школы» в фольклористике, составитель сборника «Народные русские сказки»; русский крестьянский поэт И. З. Суриков — основатель Суриковского литературно-музыкального кружка, просуществовавшего до 1933 года, который посещал и С. А. Есенин. Интересны своей архитектурой постройки Пятницкого кладбища начала XIX века: церковь Троицы и северный и южный флигеля работы архитектора А. Г. Григорьева.

Такова давняя литературная история этих на первый взгляд таких «нелитературных» мест.

«НА СВЕТЛЫЙ ГОРОД ПРИСТАЛЬНО ВЗГЛЯНИ»

Некоторые из памятных литературных мест, расположенных в районах, примыкающих к проспекту Мира, связаны с событиями литературной жизни советской Москвы. Это и установленный в 1966 году в районе ВДНХ (2-й Сельскохозяйственный пр., 2/11) во дворе специальной средней школы-интерната № 5 памятник-бюст Н. А. Островскому (скульптор А. В. Рыбкин, архитектор Н. В. Боярский) — герою гражданской войны, автору во многом автобиографического романа «Как закалялась сталь», в котором рассказано о подвиге комсомольцев — современников Островского. Памятник чем-то сродни по настроению памятному знаку, находящемуся в этой же части города в сквере у кинотеатра «Комсомолец» на Дмитровском шоссе, 53 (скульптор П. Бондаренко, архитектор В. Овсянников, гранит, 1976 г.).

Со временем Отечественной войны связаны памятные литературные места площади Коммуны, весь облик которой напоминает о славных делах Советской Армии. Здесь, в старинном здании бывшего Екатерининского института, построенного архитекторами Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьевым в конце XVIII — начале XIX века, разместился Центральный Дом Советской Армии, а рядом, в отдельном здании, построенном к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне, — Музей Вооруженных Сил СССР. В 1934—1940-х годах на площади Коммуны (дом 2) соорудили здание для Центрального театра Советской Армии (архитекторы К. С. Алабян, В. Н. Симбирцев).

Никогда не забудутся суровые дни Великой Отечественной войны. Поэт М. Светлов в стихотворении «Снова в Москве» писал о тяжелых днях осени — начала зимы 1941 года:

На светлый город пристально взгляни,
И встанут снова сумрачные дни,
Закрой глаза — и снова пред тобой
Клубится дымом подмосковный бой.

В те дни и весь город, и эта площадь выглядели по-другому: у театра стояли зенитки. Чтобы дезориентировать фашистских летчиков, рядом с театром поставили макет церквушки. Об этом мы читаем в воспоминаниях и художественных произведениях. Можно обратиться и к хронике тех дней, и мы узнаем, что в театре шла пьеса

А. А. Первенцева «Крылатое племя». Это была первая пьеса о войне, премьера спектакля состоялась 24 августа 1941 года, а 12 сентября 1941 года ЦТКА в двухсотый раз показал пьесу Бахтерева и Разумовского «Полководец Суворов». Эти спектакли всегда заканчивались патристическими митингами. В зале театра после спектакля с горячими речами выступали бойцы, командиры, политрабатники. Они клялись по-суворовски бить врага.

В те дни фронт настолько приблизился к Москве, что корреспонденты по два раза в сутки успевали выезжать из города на передовые и возвращаться с материалами для газет. Редакция «Красной звезды» находилась в первые месяцы войны именно здесь, в подвалах Театра Советской Армии. В газете была опубликована «Песня защитников Москвы» А. Суркова.

Неподалеку (просп. Мира, 74, мемор. доска) с 1965 по 1976 год жил писатель *Сергей Сергеевич Смирнов* (1915—1976) — автор произведений «Брестская крепость», «Герои Брестской крепости», «Рассказы о неизвестных героях» и других, в которых он увековечил бессмертный подвиг защитников Родины.

Связан этот район и с именем самобытного писателя, талантливого кинорежиссера и актера *В. М. Шукшина* (1929—1974). Василий Макарович, приехав в Москву, поступил в 1954 году на режиссерский факультет ВГИКа, где учился в 1954—1960 годах (ул. Вильгельма Пика, 3). Широко известны фильмы, поставленные по его сценариям, — «Живет такой парень» (1964), «Печки-лавочки» (1973) и «Калина красная» (1973). За последний уже посмертно, в 1976 году, Василий Макарович был удостоен Ленинской премии.

В доме 5 на улице Бочкова, отмеченном мемориальной доской, писатель прожил два последних года. Это было время взлета его таланта, время, когда от него, немногим более чем сорокалетнего человека, ожидали новых ярких свершений. И действительно, как было не ждать ещё более правдивых и пронзительных вещей от автора, который написал «Жена мужа в Париж провожала», «Горе», «Беседы при ясной луне», «Сураз», «Срезал», «Крепкий мужик», человека, который так тонко понимал человеческую душу. Он прекрасно знал, например, «как тяжело бывает одинокому человеку. Даже когда так прекрасно вокруг, и такая теплая, родная земля, и совсем не страшно на ней». Со щемящей грустью мы

смотрим на объемный скульптурный поясной портрет молодого, сильного человека, на небрежно расстегнутый бронзовый ворот рубашки, бронзовые же, зачесанные со лба волосы и читаем текст памятной доски: «В этом доме с 1972 года по 1974 год жил и работал писатель, кинорежиссер, актер, заслуженный деятель искусства РСФСР, лауреат Ленинской премии Василий Макарович Шукшин».

Отсюда, от кварталов улицы Бочкова, хорошо видна возвышающаяся надо всем районом Останкинская телебашня. Это замечательное инженерное сооружение стало одним из архитектурных символов Москвы. Монументальное и вместе с тем изящное, оно взмывает над зеленью ВДНХ, Главного ботанического сада и парка имени Ф. Э. Дзержинского с их прудами, речушками и аллеями, объединяя в единый комплекс разнородные по застройке жилые массивы улиц Академика Королева, Шереметевской и Останкинских. Украшением этих мест является находящийся рядом с башней ансамбль сооружений Останкинского дворца-музея творчества крепостных — постройки конца XVIII века. Как много причудливости и контрастности в сочетании построек Останкинского дворца с их изысканным декором, деревянными таинственными переходами и лестницами и современных лаконичных железобетонных сооружений! Это ощутил и передал в романе «Альтист Данилов» писатель Владимир Орлов. И события реальной жизни героев романа, их фантазмагорические приключения происходят именно здесь, у Останкинской телебашни.

Вот сколь интересны памятные литературные места этого района, ставшего одним из градостроительных центров столицы.

ОТ ЛЕРМОНТОВСКОЙ
ПЛОЩАДИ
К БЕРЕГАМ ЯУЗЫ

РАЗГУЛЯИ, БАСМАННАЯ, ЕЛОХОВСКАЯ
И ИХ ОКРЕСТНОСТИ В ПУШКИНСКУЮ ПОРУ

На шумном, широком, многолюдном Садовом кольце есть две площади, носящие имена поэтов Маяковского и Лермонтова. О площади Маяковского мы уже говорили. Лермонтовская площадь — бывшая площадь Красных ворот — получила название в 1941 году, в столетнюю годовщину со дня гибели *М. Ю. Лермонтова*, а сквер, занимающий северную ее часть, с 1914 года назывался Лермонтовским. Поэт родился в доме, стоявшем на месте высотного здания (ул. Садовая-Спаская, 21) в октябре 1814 года, о чем в метрической книге несохранившейся церкви Трех Святителей, где крестили *М. Ю. Лермонтова*, была сделана соответствующая запись. Церковь стояла рядом с тем местом, где теперь находится памятник советской архитектуры — наземный вестибюль станции метро «Красные ворота», построенный в 1934—1935 годах по проекту архитектора *И. А. Фомина*.

Прежде площадь называлась Красными воротами, так как по случаю побед над шведами здесь построили красивую деревянную арку. В 1742 году на месте старых сгоревших ворот были сооружены другие, а на их месте в 1753—1757 годах архитектор *Д. В. Ухтомский* построил новые. Их снесли лишь в 1928 году.

Дом, в котором родился поэт, снимала его бабушка *Е. А. Арсеньева*. Лермонтова грудным ребенком увезли в село Тарханы Пензенской губернии и вновь привезли в Москву в возрасте пяти лет. Его мать *Мария Михайловна* умерла, когда будущему поэту не было и трех лет. Между отцом и бабушкой существовали напряженные отношения. В 1831 году в стихотворении «Стансы. Набросок» *М. Ю. Лермонтов* писал:

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец,
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом...

В. Г. Белинский, оценив по достоинству замечательное дарование поэта, говорил о его больших возможностях: «О, это будет русский поэт с Ивана Великого...» Скорбя о погибшем поэте, Белинский писал: «...содержание, добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, исполинский взмах, демонский полет — с небом гордая вражда — все это заставляет думать, что мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина».

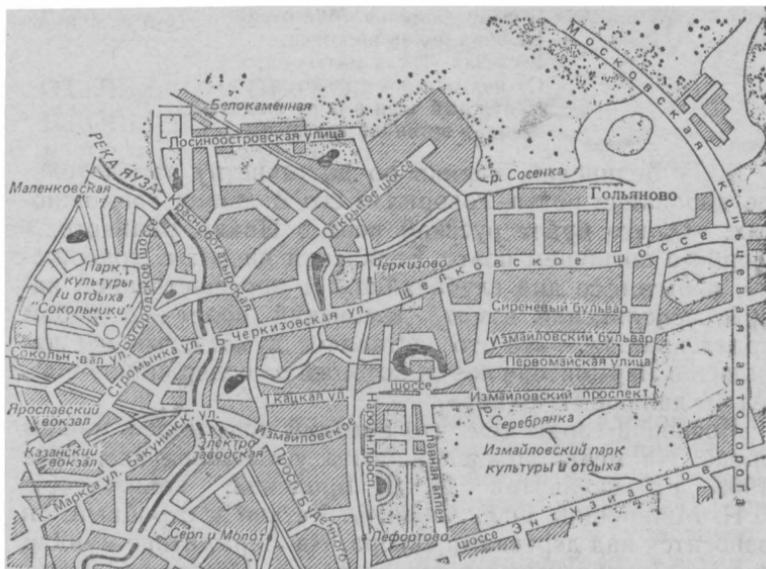
Москвичи горды тем, что великий поэт жил в нашем городе. На месте рождения поэта установлен памятник (1965 г., скульптор И. Д. Бродский, архитекторы Н. Н. Миловидов, Г. Е. Саевич). Четкий и стройный, он возносится над деревьями сквера. На Лермонтове мундир офицера Тенгинского пехотного полка. Распахнут ворот, откинута пола мундира. Динамичен и рисунок декоративной решетки памятника: на ней — стремительно летящий Парус, Демон, заламывающий в отчаянии руки, и бой Мцыри с барсом. На боковом пилоне слова:

Москва! Москва!..
Люблю тебя, как сын,
Как русский, —
Сильно, пламенно
И нежно!

Своеобразным памятником Лермонтову является библиотека № 102, названная его именем (4-я Сокольническая ул., 28) и основанная в 1919 году на основе личного фонда семьи М. Ю. Лермонтова. Она первоначально размещалась в доме, где родился поэт, а в связи с реконструкцией Лермонтовской площади была переведена в другое помещение. В библиотеке имеется лекционный Лермонтовский зал, действуют клуб интересных встреч, лекторий «Вторая жизнь книги», где встречаются читатели с писателями-переводчиками.

В этом же районе есть целая группа зданий, связанных с именем *А. С. Пушкина*. Кому не знакомы пушкинские строки:

Москва! Как я любил тебя,
Святая родина моя,

Москва была родиной поэта. В городе около ста зданий, связанных с его именем. И прежде всего, это дома здесь, в бывшей Немецкой слободе. На Бауманской улице находится школа № 353. Укрепленная на ней памятная доска рассказывает, что она находится якобы на месте дома, в котором родился поэт. Подле школы стоит скульптура работы Е. Ф. Белашовой, изображающая порывистого, прелестного Пушкина-мальчика.

Однако исследователь творчества Пушкина краевед С. К. Романюк установил, что «двор коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова» со строением, сдаваемым им в 1799 году семье Пушкиных, находился не здесь, а у Госпитального моста. Дом, к сожалению, не сохранился. Его современный адрес был бы — Малая Почтовая улица, дом 4.

Неподалеку от Бауманской улицы находится собор Богоявления в Елохове. В храме того же названия, стоявшем здесь в 1799 году, крестили А. С. Пушкина, о чем в метрической книге от 8 июня 1799 года записано: «Мая 27. Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скварцова у жильца ево Мозора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещен июня 8 дня. Восприемник граф Артемий Иванович Воронцов,

кума мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина».

В 1835—1845 годах архитектором Е. Д. Тюриным была построена в стиле позднего ампира ныне существующая внушительных размеров церковь.

Вяземский писал: «Пушкин был... родовой москвич. Нет сомнений, что первым зародышем дарования своего... он обязан был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью». И москвичи платили ему признательностью. Достопримечательностью этого района является библиотека, носящая имя А. С. Пушкина (Спартакoвская ул., 9). Во дворе ее стоит бюст великого поэта. Библиотека основана в 1899 году в честь столетия со дня рождения А. С. Пушкина, открыта 15 мая 1900 года в небольшом помещении на бывшей Немецкой улице (ныне Бауманская ул.) как бесплатная библиотека-читальня. Ее попечительницей была дочь поэта — М. А. Гартунг. С 1913 года и по сей день библиотека размещается в здании бывшей городской усадьбы XVIII—XIX веков. Она располагает большим фондом, в котором, в частности, имеются произведения поэта на русском и иностранных языках, есть и прижизненные издания. Здесь действует постоянная выставка, посвященная жизни и творчеству поэта.

Особое место среди всех пушкинских домов в этом районе принадлежит дому, где жил в 1826—1830 годах дядя поэта В. Л. Пушкин. Это дом 36 на нынешней улице Карла Маркса, известный в краеведческой литературе под названием «дома Кетчера», по имени его владельца. Здание отмечено мемориальной доской.

Особняк построен в конце 20-х годов XIX века, он одноэтажный, деревянный. Дядя поэта был веселым, добродушным, остроумным человеком. Писал стихи. Из его сочинений особенно широко известна поэма «Опасный сосед». Он был знаком с Батюшковым, Дмитриевым, Карамзиным, Жуковским, Вяземским. Василий Львович был первым поэтическим наставником Пушкина. Впоследствии Александр Сергеевич называл его «парнасский мой отец», а в «Послании к Дельвигу» говорил, что «с музами сосватал» его дядюшка-поэт. Из лица юный Пушкин присылал дяде свои стихи.

В этот дом А. С. Пушкин приехал в сентябре 1826 года, вернувшись из ссылки. Сняв номер в гостинице на Тверской, Пушкин первый вечер в городе провел именно

здесь. В этом доме 18 августа 1830 года Пушкин навесит дядю, а 20 августа вместе с Вяземским присутствовал при его последних минутах.хлопоты и расходы по погребению дяди Пушкин взял на себя и гроб с телом покойного проводил до Донского монастыря, где и похоронили Василия Львовича.

А. С. Пушкину был также знаком дом А. И. Мусина-Пушкина, связанный с историей замечательного памятника русской письменности XII века — «Слово о полку Игореве». Это дом 2 (надстроен) на Спартаковской улице (в прошлом улица называлась Елоховской и расположена между площадью Разгуляй и Бауманской улицей). Эта живописная городская усадьба конца XVIII века постройки М. Ф. Казакова состояла из главного дома, северного и двух южных флигелей.

Список замечательного памятника русской литературы XII века «Слово о полку Игореве» сгорел здесь во время пожара 1812 года. А. И. Мусин-Пушкин успел к тексту «Слова» составить комментарий, сделать с него перевод и познакомить поэтов и ученых с этим произведением. В 1792 году для Екатерины II была снята копия и подарена ей вместе с переводом и комментариями. А. И. Мусин-Пушкин передал само произведение ученым Н. Н. Бантыш-Каменскому и А. Ф. Малиновскому, которые и издали «Слово о полку Игореве» в 1800 году. Известна та высокая оценка, которую дал «Слову о полку Игореве» А. С. Пушкин. В архивах и книгохранилищах А. И. Мусина-Пушкина работал Н. М. Карамзин.

Заканчивающаяся около этого дома улица Карла Маркса связана еще с двумя выдающимися именами: в доме 21 в 1838 году в здании, в котором в ту пору располагался Константиновский Межевой институт, жил *В. Г. Белинский*. В 1866 году в этом же доме у своей сестры В. М. Ивановой жил *Ф. М. Достоевский*. Во времена Достоевского Константиновский Межевой институт находился и по другому адресу: во второй половине 1870-х годов он переехал в Демидовский дворец (Гороховский пер., 4). Достоевский бывал у Ивановых и по этому адресу. Дружная и веселая семья доктора Иванова, женой которого была сестра писателя Вера Михайловна, обитала во флигеле этого дома. Характер отношений в семье своих родных Достоевский изобразил в повести «Вечный муж».

Н. Н. Фохт — ученик Иванова делится в записках воспоминаниями о первой встрече с писателем в этом доме: «Однажды вечером, в начале 1866 года, я был отпущен в отпуск к Ивановым... У них я застал довольно много гостей, здороваясь с которыми я был представлен пожилому господину, немного выше среднего роста, с белокурыми прямыми волосами и бородкой, с весьма выразительным, бледно-матовым, почти болезненным лицом. Это был Ф. М. Достоевский. Он сидел в кругу молодежи и беседовал с нею». Это был период работы писателя над романом «Преступление и наказание».

С именем писателя связана и Новая Басманная улица, здесь в доме 31 (не сохранился) находился пансион Чермака, куда юных братьев Достоевских Федора и Михаила перевели из пансиона Н. И. Сушарда. В пансионе Чермака они учились до 1837 года, а в 1837 году на «порожнее место» определили их младшего брата Андрея. Во время каникул братья возвращались с Новой Басманной на Божедомку в квартиру при Мариинской больнице.

Братьям Достоевским в ту пору уже были знакомы некоторые запрещенные стихи. Например, у них находился список поэмы «Суд сумасшедших» и стихи на смерть Пушкина.

На Новой Басманной улице находился дом (не сохранился), в котором жил до самой смерти, т. е. до 1856 года, *П. Я. Чаадаев* — общественный деятель и философ, автор знаменитого трактата, состоящего из восьми «философических писем». О первом и единственном напечатанном при его жизни «философическом письме к г-же...» А. И. Герцен сказал, что оно «прогремело подобно выстрелу из пистолета в глубокую полночь».

Дом, в котором жил писатель, располагался на территории нынешнего Сада имени Н. Э. Баумана и принадлежал семье Левашовых, с которой у Петра Яковлевича установилась тесная дружба. Здесь он был окружен любовью и заботами друзей и всецело предавался литературе, философии и истории, русской истории и богословским вопросам. Благодаря известности автора эта квартира получила популярность, а Чаадаева москвичи называли «басманным философом».

«Философическое письмо к г-же...» вызвало сенсацию, так как явилось уничтожающим приговором самодержавию, православию и крепостничеству. Как известно, жур-

нал «Телескоп», где оно было напечатано, был закрыт, а его редактор Надеждин сослан в Усть-Сысольск, цензор удален от должности, а сам автор по указанию Николая I объявлен сумасшедшим. В официальной бумаге, прочитанной Чаадаеву, незуитски говорилось следующее: «Принимая во соображение болезненное состояние несчастного, правительство в своей заботливости и отеческой попечительности предписывает ему не выходить из дому и, снабдив его даровым медицинским пособием, на который конец местное начальство назначить особенного, из ему подведомственных врачей». Чаадаева стали еженедельно навещать полицмейстер и врач, делавшие особые донесения об этих визитах властям.

К Чаадаеву впоследствии было разрешено приезжать друзьям. Среди других здесь бывал и А. И. Герцен. В «Былом и думах» Герцен дает исчерпывающую характеристику Петру Яковлевичу: «Его оригинальная наружность, красивая и самобытно резкая, должна была каждого остановить на себе». Его оригинальный ум, парадоксальные суждения, широта взглядов завораживали собеседника. О беседах с ним Герцен вспоминал, сравнивая с ними встречи с Прудоном: «Они напоминали знаменитые всенощные бдения Бакунина с Хомяковым у Чаадаева...» До последних дней Чаадаев сохранил «души высокие порывы».

Неподалеку от Новой Басманной, на Садовой-Спаской улице, под номером 1 находится городская усадьба второй половины XVIII — начала XIX века, главный дом которой построен по проекту В. И. Баженова. Усадьба связана с именем книгоиздателя-просветителя *Н. И. Новикова*. В 1784 году Новиков основал «Типографическую компанию», собрания которой проходили в этом доме, принадлежавшем графу И. С. Гендрикову. Известна драматическая судьба замечательного энтузиаста: в 1792 году Н. И. Новиков, выпускавший газету «Московские ведомости», журналы «Московское еженедельное издание» и «Детское чтение», издавший 1/3 всех вышедших в период с 1779 по 1792 год в России книг, увеличивший в Москве в 10 раз число книжных лавок, был арестован и без суда и следствия заточен в Шлиссельбургскую крепость. Его издания были уничтожены. Через четыре года измученный заточением Новиков был выпущен на свободу и остаток жизни провел в имении Авдотьино под Москвой.

Это же здание, Спасские казармы, было свидетелем драмы другого деятеля русской культуры — поэта А. И. Полежаева. Выпускник Московского университета, автор поэмы «Сашка», содержащей сатирические выпады против общественного уклада, был отдан по распоряжению Николая I в солдаты. В этой поэме есть такие бунтарские строки:

Отчизна глупая моя!
Когда тебе настанет время
Очнуться в дикости своей,
Когда ты свергнешь с себя бремя
Своих презренных палачей?

«Отличительный характер поэзии Полежаева, — отмечал В. Г. Белинский, — необыкновенная сила чувств». Действительно, не эти ли строки поэта тому подтверждение:

Увы! давно печален, равнодушен,
Я привыкал к лихой моей судьбе, —
Неистовый, безжалостный к себе,
Презрел ее в отчаянной борьбе
И гордо был несчастью послушен!..

В 1828—1829 годах в течение года поэт томился в солдатской тюрьме, находившейся в подвале Спасских казарм, где написал ряд стихотворений: «А. П. Лозовскому», «Песнь пленного ирокезца», «Песнь погибающего пловца», «Провидение» и др., считающихся лучшими его произведениями.

Впоследствии он был отправлен на Кавказ, а по возвращении в Москву, где он провел последние пять лет, был помещен в сентябре 1837 года в Лефортовский военный госпиталь, находившийся сравнительно недалеко отсюда. Там он и скончался. Когда, как рассказывает Герцен, «один из друзей его явился просить тело для погребения, никто не знал, где оно... Наконец, он нашел в подвале труп бедного Полежаева, — он валялся под другими, крысы объели ему одну ногу».

Могила Полежаева на Семеновском кладбище затерялась, Н. П. Огарев в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература» писал: «Мы не знаем более трагической жизни и рокового конца. Все соединилось против юноши, страстно полюбившего волю и рифму, — происхождение и царь, воспитание и Николай Павлович, наконец, крысы обкусили ноги его трупа, заброшенного в

казарменных подвалах. И поневоле у живого человека вырывается проклятие к этой недостойной среде и этой недостойной власти».

О ЯУЗСКИХ БЕРЕГАХ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

На берегах Яузы находятся архитектурные памятники, связанные с событиями, отраженными в романе А. Н. Толстого «Петр Первый», над которым писатель работал до конца жизни, так и не завершив его. «Если бы я родился в городе, а не в деревне, не знал бы в детстве тысячи вещей — эту зимнюю вьюгу в степях, заброшенных деревнях, святки, избы, гадания, сказки, лучину, овины, которые особым образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву», — замечал А. Н. Толстой. В романе перед нами и Кремль с его соборами и царскими палатами, и Китай-город с шумными посадскими улицами, царевым кабаком, переполненным стрельцами в «красных, зеленых, клюквенных» кафтанах и купцами гостиного двора, и Красная площадь — в будни и праздники и в часы казни стрельцов, и шумные московские заставы.

Берега Яузы и лежащие поодаль Сокольники и Измайлово — все связано с деятельностью неутомимого Петра. Это и бывшая вотчина бояр Романовых в Измайлове, где в амбаре у Ольяного пруда юный Петр нашел ботик, впоследствии названный «дедушкой русского флота», и совершил первое плавание на нем по речкам Серебрянке, Яузе и Просяному пруду, и бывшая вотчина Чудова монастыря — Черкизово, и Сокольники, Преображенское, и Немецкая слобода.

Перелистаем лишь некоторые страницы и сопоставим прочитанное с сохранившимися памятниками, с приметами ландшафта и городского пейзажа. В историческом романе, написанном в период с 1929 по 1945 год, мелькают знакомые нам названия — Басманная, Разгуляй, Немецкая слобода, Преображенское, Лосиный остров, Яуза.

В Преображенском произошло знакомство юного Петра с Алексашкой Меншиковым, когда Алексашка с Алешкой Бровкиным «однажды, закинув удочку в тихую и светлую Яузу, что вытекала из дремучих лесов Лосиного острова, увидели... на другом берегу мальчика, сидевшего, подперев подбородок». Это был Петр. А «невдалеке,

на пригорке, из-за липовых кущ поднимались гребнистые кровли Преображенского дворца. Когда-то он весь отражался в реке, нарядный и пестрый,— теперь зарос листвою, приходил в запустение».

А вот и Немецкая слобода, где «приветливый свет из окошек небольших домов падал на низенькие ограды, на подстриженные деревца, на стеклянные шары, стоявшие на столбах среди песчаных дорожек. В огородах перед домиками белели и чудно пахли цветы». Немецкая слобода была не только уютным, непохожим на привычные московские слободы районом, а стала для юного Петра как бы тем «окном», через которое он увидел широкий мир.

Имена Лефорта, Меншикова, Анны Монс связаны с районом нынешних улиц — Бауманской, 2-й Бауманской, Радио и находящегося на другом берегу Яузы Лефортова. Сохранился бывший дворец Лефорта — Меншикова, который также называют дворцом Петра I на Яузе (2-я Бауманская ул., 3): в 1697 Петр I поручил «работнику палатного строения» Д. В. Аксамитову построить палаты, которые были закончены в 1698 году.

В этот ансамбль входят дворец Меншикова, построенный в 1708 году, и дворец Лефорта, сооруженный в конце XVII — начале XVIII века. После смерти Ф. Я. Лефорта дворец оставался резиденцией Петра I. В 1707 году Петр подарил его А. Д. Меншикову. Сейчас здесь находятся Военно-исторический архив и архив звукозаписи. Внутреннее убранство было роскошно: кожа, тиснение золотом, желтая камка, редкие китайские изображения, картины составляли декор покоев. Рядом с этими зданиями расположен Московский технический университет имени Н. Э. Баумана — бывший Слободской дворец.

В романе «Петр Первый» большое внимание уделено Ф. Я. Лефорту и соответственно изображен и этот дворец. В этом «последнем доме XVII столетия», как его иногда называют, Лефорт отпраздновал в присутствии Петра I новоселье 12 февраля 1699 года и менее чем через месяц умер. Во дворце Петр прощался с покойным. Ближайший сподвижник молодого царя был человеком, страстно любившим жизнь, полным энергии. Умирая, он просил позвать музыкантов. «На цыпочках вошли музыканты,— не одетые, кто в чем был. Внесли кубки с вином. Музыканты, окружив постель, приложили рога к губам

и на шестидесяти рогах — серебряных, медных и деревянных — заиграли менуэт, роскошный танец». Когда в зал вошел Петр, убитый горем, — «вдова на стуле, увидев царя, обомлела. Сорвалась, хотела пасть в ноги. Петр обнял ее, прижал, поверх ее головы глядел на гроб. Подбежали слуги. Снял с него тулуп. Петр косолапо, в валенках, пошел прощаться. Долго стоял, положив руку на край гроба. Нагнулся и целовал венчик, и лоб, и руки милого друга. Плечи стали шевелиться под зеленым кафтаном, затылок натянулся».

На страницах романа предстает образ Петра, энергичного, жадного до работы, страстного, порывистого в строительстве, сражениях, работе и в любви.

В бывшей Немецкой слободе, в Старо-Кирочном переулке, стоит с мезонином и окнами полуподвала двухэтажный дом, в котором, по преданию, якобы жила Анна Монс. Мезонин — результат перестройки XIX века. Само здание — бывший жилой дом конца XVII — начала XVIII века — значится под номером 6, строение 12. На фасадной стороне первого этажа и у боковых входных дверей видна фигурная кладка оконных наличников работы замечательных мастеров и другие элементы фасада, не тронутые ни временем, ни позднейшей перестройкой.

В представлении москвичей дом всегда был загадочным. Читали, что подземным переходом он связан с дворцом Лефорта. О доме (хотя это описание точно не совпадает с видом дома) Толстой так пишет в романе: «...в Немецкой слободе, рядом с лютеранской кирхой, выстроили кирпичный дом по голландскому образцу, в восемь окон на улицу». Строил приказ Большого дворца, торопливо — в два месяца. В дом переехала Анна Ивановна Монс с матерью и младшим братом Виллимом. Сюда, не скрываясь, ездил царь и часто оставался ночевать. На Кукуе (да и в Москве) так этот дом и называли — «царицын дворец». Анна Ивановна завела важный обычай: «мажордома и слугу в ливреях, на конюшне — два шестерика дорогих польских коней, кареты на все случаи».

Известно, что Петр I сблизился с Анной Монс — дочерью немецкого виноторговца — в 1692 году и расстался с ней через десять лет. Как отмечают современники, Анна Монс «девица была изрядная и умная» и являла собой противоположность жене царя Евдокии Лопухиной,

слепо приверженной старине. Анна была находчива, весела, всегда готова потанцевать, пошутить, поддержать разговор. Такой и изобразил ее А. Н. Толстой.

Не столько личность самой Анны Монс, сколько представление об интересном историческом фоне делают этот дом интересным для нас. Он ценен как памятник эпохи, место, связанное с именем Петра I, и место действия исторического романа, известного широкому читателю.

С именами, упомянутыми нами в этой книге, связано и Введенское кладбище («Введенские горы»), находящееся в районе Лефортова (Наличная ул., 1). Оно было основано в XVIII веке и первоначально называлось Немецким, так как здесь некогда хоронили лишь лиц лютеранского и католического вероисповеданий. Сюда из Немецкой слободы в XIX веке перенесли останки сподвижников Петра I генералов Ф. Лефорта и П. Гордона. Здесь похоронены уже известный читателю врач Ф. П. Гааз, филолог А. Н. Веселовский, библиограф Н. М. Лисовский. В годы Великой Отечественной войны на этом кладбище похоронили советских воинов, а на «французской площадке» — летчиков авиаполка «Нормандия — Неман» (в 1950-е годы останки их перевезли во Францию). На кладбище покоится Л. Н. Сейфуллина, прожившая в Москве последние тридцать лет, автор повестей «Перегной» и «Виринея», в которых изображена деревня, пробуждающаяся к новой жизни. Сейфуллина создала еще ряд значительных произведений, в том числе «На своей земле» и «Правонарушители». Здесь похоронен М. М. Пришвин — писатель, проживший долгую жизнь, полную глубоких раздумий о сложных нравственных проблемах, которые ему помогало разрешать обращение к природе. Его светлые книги «Кладовая солнца», «Корабельная чаша», «Кашеева цепь», «Лесная капель», «Календарь природы» могут стать для нас нравственным помощником в трудную минуту.

Чуть далее, на другом берегу Яузы, раскинулись Сокольники. Бережно сохраняется в Сокольниках на 6-м Лучевом просеке уютный деревянный дом под номером 21, где в первые революционные годы находилась Лесная школа, в которой отдыхала и лечилась Н. К. Крупская. В конце 1918 — январе 1919 года здесь ее навещал В. И. Ленин. 19 января 1919 года он присутствовал в этом доме на детской елке. Здание отмечено мемориальной доской. О елке, об участии в ней В. И. Ленина про-

сто, несколько наивно поведал писатель А. Т. Кононов в рассказе для детей «Елка в Сокольниках».

В тех же Сокольниках располагалось в предвоенной Москве здание учебного заведения, которое сыграло большую роль в истории советской литературы, особенно поэзии. Это МИФЛИ — Московский институт филологии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского. И поныне на опушке Сокольнического парка стоит внешне непримечательное здание — дом 13а по Ростовкинскому проезду, где некогда располагался институт. Многие студенты были приезжими и жили в общежитиях на Стромынке, на Усачевке и в Останкине.

В МИФЛИ студенты получали глубокое, разностороннее образование, здесь был исключительно высокий уровень преподавания, и то обстоятельство, что из МИФЛИ вышло много поэтов, наверное, объясняется и атмосферой, которая окружала студентов. Их вдохновлял дух творчества, ведь здесь преподавали такие замечательные профессора, как Гудзий, Ушаков, Белкин, Винокур, Благой, Бродский. Почти все студенты писали стихи. Жизнь была ключом, на каждом факультете были литературные кружки, устраивали маленькие факультетские литературные вечера. Поэзия была всюду, на каждом вечере и в каждой институтской компании. Сохранились воспоминания о том, как студент МИФЛИ Павел Коган впервые прочитал стихотворение «Гроза» во дворе института. Произошло это так: кто-то предложил графически изобразить линию жизни. Один изобразил ее в виде прямой, другой — замкнутого круга, третий — овала. Павел резким росчерком поперек овала нарисовал острый угол.

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!

Это заключительные строки по-юношески бескомпромиссного стихотворения, название которого было дано первому сборнику стихов Павла, вышедшему посмертно, — «Гроза».

Для студентов-ифлийцев было характерно острое чувство времени — предощущение грозы. Большую роль в их нравственном воспитании сыграла война в Испании; студенты имели карты, где отмечали ход военных событий на испанском фронте. А первым испытанием и проверкой была для некоторых из них финская война и для всех — Великая Отечественная.

В 1939 году МИФЛИ закончил А. Твардовский. Моложе несколькими курсами занимались поэты С. Наровчатов, Д. Самойлов, М. Матусовский, Л. Озеров, С. Гудзенко, И. Мележ и начинающие критики — М. Молочко и Г. Стружко, погибшие на финском фронте. К. Симонов учился в аспирантуре. В 1941 году МИФЛИ был влит в МГУ.

Сокольники оказались свидетелями встречи двух в чем-то основном очень похожих людей — писателя А. П. Гайдара и московской школьницы Зои Космодемьянской. Зимой 1940/41 года они встретились в сокольническом санатории. Зоя относилась к Гаюдару, творчество которого очень любила, с большим доверием. Незадолго до отъезда из санатория она обратилась к Аркадию Петровичу с вопросом, что такое счастье. И писатель ответил ей словами из «Чука и Гека», написав их на титульном листе подаренной Зое книжки. О встрече Гаюдара и Зои в Сокольниках рассказала мать героини Л. Т. Космодемьянская в книге «Повесть о Зое и Шуре».

В районе, мысленно очерченном нами, находятся на небольшом расстоянии друг от друга две привокзальные площади. Неподалеку от Сокольников — Комсомольская, на ней три вокзала — ворота на север и на восток — Ленинградский, Ярославский и Казанский. Прекрасно охарактеризовал чувство, охватывающее человека, попадающего сюда, Евгений Долматовский в стихотворении, которое так и называется — «Комсомольская площадь»:

Комсомольская площадь — вокзалов созвездье.
Сколько раз я прощался с тобой при отъезде,

Сколько раз выходил на асфальт раскаленный,
Как на место свиданья впервые влюбленный.

Но была мне тревожной и радостной вестью
Комсомольская площадь — вокзалов созвездье.

Расставанья и встречи — две главные части,
Из которых когда-нибудь сложится счастье.

Другая привокзальная площадь — площадь Курского вокзала. При подъезде к ней находится улица Чкалова. Здесь в доме 14/16 провел последние годы С. Я. Маршак (1887—1964). Здание отмечено мемориальной доской.

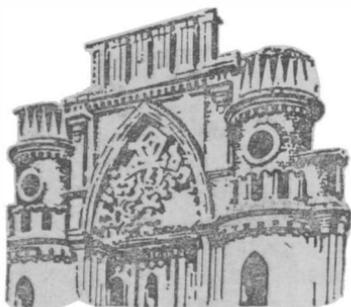
С. Я. Маршак, принадлежащий к старшему поколению советских писателей, был поэтом, драматургом, пе-

реводчиком и теоретиком литературы. Его стихи для детей — это, как правило, одновременно и стихи для взрослых. И в них немалое место занимает город, обращение к которому подчас сочетается с раздумьями о жизни:

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечье,
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.
Мосты и переулки говорят,
Беседуют между собой балконы,
И у платформы, выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.

От Курского вокзала Садовое кольцо сбегает к Яузе, и на другом ее берегу начинается район, к литературным памятным местам которого мы обратимся в следующей главе.

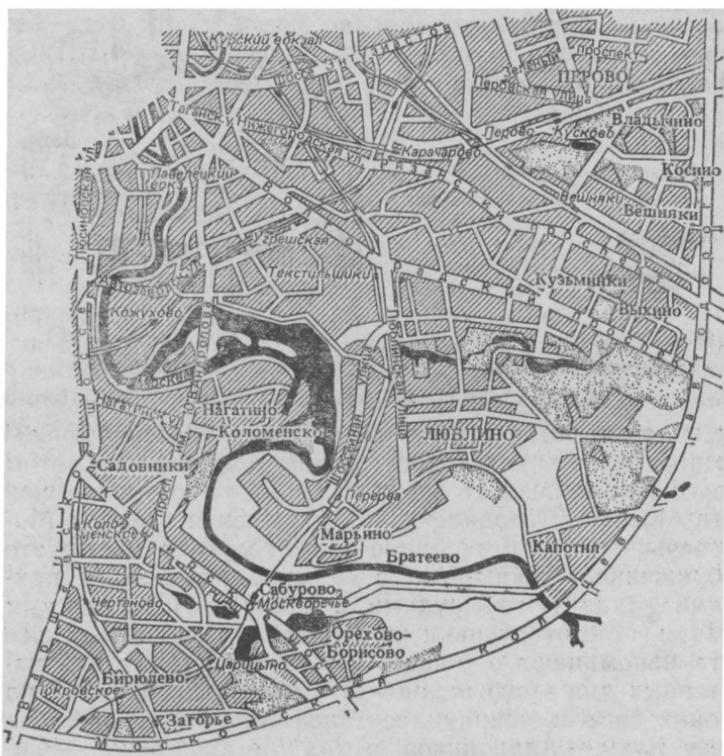
МОСКВОРЕЧЬЕ

Как красиво, четко и емко само слово «Москворечье»! Оно прекрасно характеризует район, ставший предметом нашего внимания. Вот перед нами карта юго-восточной части Москвы. Неподалеку от обозначения станции Москворечье — на карте обилие густо-голубого цвета: это изображение Москвы-реки с ее многочисленными притоками, прудами и запрудами, с широким Новинковским рукавом. Многоугольники изумрудного, весенне-зеленого цвета напоминают о рощах, парках и садах, столь характерных для этого района. В Москворецкой пойме на высоких берегах сохранились ансамбли монастырей: на берегу Яузы — Андроников, а над Москвой-рекой — Симонов и Крутицы. Какое обилие живописных памятников и как тесно, оказывается, многие из них связаны с историей литературы!

Постоянно обновляющийся живой организм города отражает сегодняшний день. Мы идем по Москве в поисках домов, в которых жили близкие нашему сердцу литераторы, и в поисках мест, с которыми связана судьба созданных их воображением и талантом героев. Вы знаете, как щемит сердце, когда вы проходите мимо дома, в котором когда-то сами жили, какой ряд картин и образов, отвечающих настроению или логике поступков, характерных для вашей жизни в тот период, всплывает в памяти. Так же бывает и при встрече с домами, в которых жили и творили писатели.

Окидывая взглядом часть карты от шоссе Энтузиастов до Варшавского, обратимся к литературной биографии этого района.

**ЗАТОЧЕНИЕ НЕИСТОВОГО ПРОТОПОПА
В АНДРОНИКОВЕ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ
АЛЕКСАНДРА ГЕРЦЕНА В КРУТИЦАХ**

Широко известен Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева, расположенный в бывшем Спасо-Андрониковом монастыре (пл. Прямикова, 10), основанном в XIV веке как форпост для защиты от монголо-татар. Здесь провел последние годы и был похоронен Андрей Рублев.

В сентябре 1653 года в подвалы этого монастыря был брошен протопоп *Аввакум Петров*, широко известный страстной проповедью старообрядчества. Старообрядцы представляли ту часть верующих русской православной церкви, которые не признавали реформ Никона 1653—1656 годов.

Андроников монастырь, в который был заточен Аввакум, был одним из центров переписки книг в XV—XVII веках. Это дело было протопопу хорошо знакомо: в свое время он был привлечен патриархом Иосифом — предшественником Никона — к участию в исправлении богослужебных книг, состоявшем в сличении их с более древними старопечатными славянскими оригиналами. При Никоне эта работа продолжалась, но сличение производилось по греческим подлинникам, а Аввакум, в числе не знавших греческого языка, был отстранен от работы.

Новое исправление книг вызвало оппозицию со стороны крайних приверженцев всех тонкостей православных обрядов. Они увидели в исправлении посягательство на чистоту веры. В числе оппозиционеров был и Аввакум, наиболее рьяно и страстно выступавший против никоновских «новинок». Протопоп был сослан в Тобольск, затем был в Нерчинске, доходил до Шилки и Амура. В 1666 году он был возвращен в Москву. Его пытались убедить отказаться от оппозиции, но он был непреклонен. В течение пятнадцати лет протопоп находился в ссылке в Пустозерске. Однако дух его не был сломлен, и он воскликнул: «Бедный, бедный, безумный царик! Что ты над собою сделал!» 1 апреля 1681 года протопоп Аввакум был сожжен.

В период гонений Аввакум некоторое время был в заключении в одном из мрачных подземелий находящегося сравнительно недалеко отсюда Крутицкого архиерейского подворья. Цепи, которыми узник был прикован к стене, сохранились. Прежде чем подробнее сказать о Крутицком подворье, уделим внимание Симонову монастырю (Восточная ул., 4, некогда слобода называлась Симоновской). Симонов монастырь стоит на высоком берегу Москвы-реки. Из его построек сохранились башни Дуло, Старая, Новая, гражданское сооружение Сушило, где хранили сено (которое шло на продажу), настоятельский корпус, Трапезная палата XVII века, впоследствии перестроенная. Сохранился кусок стены постройки XV—XVII веков.

В Симоновом монастыре начались реставрационные работы. На территории завода «Динамо» до недавнего времени находился памятник древнерусского зодчества — бывшая монастырская церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове (1509). Ныне церковь отреставрирована и доступна для посещения. Здесь находятся захо-

ронения героев Куликовской битвы Александра Пересвета и Родиона Осляби: церковь стоит на месте более древнего храма, в подклете которого они и были захоронены.

Согласно летописи, историческая битва русской рати с полчищами Мамаю началась конным поединком Александра Пересвета с вражеским богатырем. Оба погибли в бою. О Куликовской битве повествуют произведения древнерусской литературы: «Задонщина», «Сказания о Мамаевом побоище». Известны замечательные слова из «Задонщины», которыми автор призывает воспеть славу победителям: «О жаворонок, летняя птица, красных дней утеха, возлети под синии небеса, посмотри на сильный город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу: буря ли занесет соколов из земли Залесской в поле Половецкое». В XVI веке в Симоновом монастыре жили и создали свои сочинения Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Он был известен многим литераторам и в более позднюю пору. Н. М. Карамзин писал: «Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся!»

«Подальше, в густой зелени древних вязов, блистает золотоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим».

С этим монастырем связано место действия популярной в свое время повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», написанной в 1792 году. Именно на фоне этого пейзажа и разыгралась трагедия оставленной Эрастом и утопившейся в пруду бедной крестьянки Лизы: «Ее погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на ее могиле». Долгое время это было место паломничества москвичей, убежденных в достоверности созданных воображением писателя событий.

Этот уголок Москвы известен был и *М. Ю. Лермонтову*. В «Панораме Москвы» он уделяет внимание этой окраине города: «...утомленный взор с трудом может достигнуть дальнего горизонта, на котором рисуются группы нескольких монастырей, между коими Симонов примечателен особенно...» В начале прошлого века москвичи, особенно молодежь, приезжали сюда отдохнуть, познакомиться с памятниками. Об этом и говорит Лермонтов в «Княгине Лиговской»: «Раз собралась большая компания ехать в Симонов монастырь ко всеобщей молиться, слушать певчих и гулять». «До всеобщей ходили осматривать стены, кладбище; лазили на площадку западной башни...»

Был знаком Симонов монастырь и современнику *М. Ю. Лермонтова* *М. Н. Загоскину*, который в «Очерках московской жизни» писал: «Четыре дня сряду угощал я моего приятеля Москвой, возил его из одного конца города в другой, ездил с ним в Коломенское, Царицыно, Кунцево, к Симонову монастырю...»

На кладбище при Симоновом монастыре был похоронен друг *А. И. Герцена* литератор *В. В. Пассек*, умерший молодым, не достигшим известности и бедным. Он был похоронен в могиле, вырытой на бесплатном месте, которое предоставил вдове настоятель за то, что Пассек безвозмездно написал «Историю и описание Симонова монастыря». *В. В. Пассек* был талантливым этнографом-историком. В Москве с 1838 года он начал издание «Очерков России». Это была первая популяризация этнографических сведений о нашей стране. Его первое литературное произведение «Путевые записки Вадима» подверглось некоторой критике со стороны *В. Г. Белинского*.

В повести «Легенда», написанной *А. И. Герценом* во время семимесячного заточения в Крутицких казармах, находящихся поблизости от Симонова монастыря, писатель обращается к Симонову монастырю, отмечая своеобразие его архитектуры: «Старинная архитектура укazyвала время его славы... В нем было столько тишины и спокойствия, столько святого и поэтического». «...Печальный, уединенный Симонов монастырь с черными крышами, как на гробах, с мрачными стенами стоял на обширном поле, небольшая река тихо обвивала его, не имея сил подвинуть несколько остановившихся барок; кое-где курились огоньки и около них лежали мужики, голодные, усталые, измокшие, и голос меди вырывался из гортани

монастыря. Как не похож Симонов монастырь, заключенный со всех сторон в ограды, на Москву, раскрытую со всех сторон...»

Крутицкие казармы, в которых содержался в заключении А. И. Герцен, находились на Крутицком подворье (1-й Крутицкий пер., 4а), расположенном на высоком, крутом берегу над синей Москвой-рекой. Отсюда и его название. Некогда существовавший здесь монастырь был основан в XIII веке и являлся резиденцией высшего духовенства. Подворье примечательно яркими желто-зелеными изразцами, украшающими Крутицкий теремок, сооруженный архитектором О. Старцевым в XVII веке. Следует отметить, что в середине XVII века в Крутицах во главе группы переводчиков работал киевский ученый-просветитель Епифаний Славинецкий. Крутицкий монастырь в ту пору был одним из центров русской культуры. В конце XVIII века монастырь упразднили, и его постройки частично вошли в комплекс Крутицких казарм, часть которых передали жандармскому управлению. Мрачные комнаты превратили в тюремные камеры.

В начале сентября 1834 года сюда и был заключен А. И. Герцен. Он был привлечен по делу о пении пасквильных песен. Тайный агент доносил в полицию, что это были песни, «наполненные гнусными и злоумышленными выражениями против верноподданнической присяги». Впоследствии писатель вспоминал: «В моей комнате стояла кровать без тюфяка, маленький столик, на нем кружка с водой, возле стул, в большом медном шандале горела тонкая сальная свеча... Сначала содержание было довольно строго. В девять часов всегда при последнем звуке вестовой трубы солдат входил в комнату, тушил свечу и запирали дверь на замок». Впоследствии режим смягчился, разрешили свидания, позволили иметь письменные принадлежности, и Александр Иванович начал писать.

В Крутицах Герцен написал повести «Германский путешественник», позже переработанную в «Первую встречу», и «Легенда». Отсюда, любуясь с высокого берега Москвой, узник, наверное, испытывал горькое чувство, глядя на город, передвижение по которому было ему заказано, ему была видна «вся Москва, весь этот огромный, пестрый гигант, распростертый на сорок верст... Я всматривался в каждую часть города, в каждой груди

камней находил знакомого, приятеля, которого давно не видал...»

Следствие было продолжительным, и только 31 марта 1835 года все 20 человек, проходивших по делу, собрали в доме генерал-губернатора на Тверской улице и им был объявлен приговор. А. И. Герцена выслали в Пермь, Н. П. Огарева — в Пензу под надзор отца. Так на четыре года (если не считать кратковременного приезда) он покинул Москву, которую любил: «...я люблю Москву, люблю ее за ее русский характер, люблю за воспоминания юности...»

«ЧТОБЫ СТАТЬ В ГОРОДЕ КАК ЛЕСОВИК В ЛЕСУ»

Сейчас граница Москвы проходит за бывшими загородными дачными станциями. В рассматриваемой нами юго-восточной части города это станции Бирюлево — с юга и Реутово — с востока. Многие москвичи с удовольствием отдыхали в этом богатом водой уголке Подмоск^{овья}. В Люблине на Летней улице в двухэтажном каменном доме под номером 8 снимал квартиру в период работы над «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевский. А наезжая в Москву, он останавливался у сестры Веры Михайловны Ивановой (см. главу 5 части II).

Неподалеку находится и Царицыно. Оно соседствует с Ленино-Дачным и Орехово-Борисовом. В начале XVIII века Царицыно называлось селом Черная грязь и было подарено Петром I молдавскому князю Д. К. Кантемиру, который был одним из образованнейших людей своего времени, хорошо знал восточные языки и несколько европейских и написал по-латыни трактат «Система или состояние мухаметанской религии». Здесь провел юные годы его сын — будущий поэт-сатирик А. Д. Кантемир. Сатиры Кантемира для нас примечательны тем, что в них изображено московское общество. Эти приметы давно ушедшего времени, по которым, хотя бы частично, мы можем воссоздать давно ушедшую эпоху.

Красота фрагментов замечательного ансамбля — незавершенного творения В. И. Баженова — привлекала многих. Этот дворцовый комплекс по замыслу его создателей должен был стать памятником победы над Турцией. Дворец не понравился Екатерине II и в 1786 году был разобран. Затем под руководством М. Ф. Казакова был

построен Большой дворец, разбит парк, но после смерти Екатерины строительство было прервано.

Эти места были известны и *И. С. Тургеневу*. Герои романа «Накануне» — Елена Стахова, ее родственники и друзья — Берсенев, Инсаров и Шубин — совершают прогулку из Кунцева в Царицыно: «Солнце уже высоко стояло на безоблачной лазури, когда экипажи подкатили к развалинам Царицынского замка, мрачным и грозным даже в полдень». «Погода была чудесная. Все кругом цвело, жужжало и пело; вдали сияли воды прудов; праздничное, светлое чувство охватывало душу». «Между тем все общество подошло к беседке, известной под именем Миловидовой, и остановилось, чтобы полюбоваться зрелищем Царицынских прудов. Они тянулись один за другим на несколько верст; сплошные леса темнели за ними».

Царицыно связано и с именем *А. П. Чехова*. 25 мая 1903 года профессор Остроумов порекомендовал писателю проводить зиму в Москве. После этого семья стала искать зимнюю дачу. Перед отъездом в Ялту Чехов отправился с *О. Л. Книппер* в Царицыно осматривать дачу некой Езучевской, но покупка не осуществилась. В письмах Чехова той поры можно встретить упоминания о Царицыне. В частности, в письме к *О. Л. Книппер-Чеховой* 24 февраля 1904 года из Ялты он пишет: «...моя родная, мне Царицыно нравится! Честное слово, нравится!» Брату Ивану он писал по этому поводу: «Милый Иван, я с Ольгой Леонардовной смотрел в Царицыне дачу. Дача почти новая, на берегу пруда, стоит она на краю Царицына, не может быть застроена и вообще, как мне показалось, имеет немало достоинств...»

Царицыно находится в треугольнике, образованном Варшавским и Каширским шоссе и Московской кольцевой автодорогой. Варшавское шоссе, местами близко подходя к Москворецкой пойме, приведет нас в район Павелецкого вокзала, где находится Большой Строченовский переулок, связанный с одним из событий в истории литературной Москвы. Здесь в доме 24 жил *С. А. Есенин*, впервые приехавший в наш город в 1911 году, как мы уже упоминали в других главах. В Москве он жил с большими перерывами до 23 декабря 1925 года, проведя здесь в общей сложности восемь лет.

Юный Есенин поселился в Москве в 1912 году в этом двухэтажном деревянном, обшитом тесом доме, в кото-

ром находилось общежитие холостых приказчиков — молодцовская. Рядом с молодцовской была комната, где в обществе еще двух человек жил старший приказчик, староста молодцовской А. И. Есенин — отец поэта, который работал в мясной лавке купца Крылова на улице Щипок. В письме к своей знакомой М. П. Бальзаминовой Есенин сообщает: «Посылаю тебе адрес свой: г. Москва, Большой Строченовский пер., дом Крылова, 24, кв. 11». Вскоре сам юный поэт поступил работать в эту лавку. Купеческий район с его кондовыми обычаями неприветливо встретил его. Этот переулок был застроен серыми, однообразными, тогда большей частью деревянными домами, один вид которых наводил на мысль о безрадостном существовании.

Когда годом раньше, весной 1911 года, шестнадцатилетний Есенин приехал погостить на две недели к отцу, он еще учился в Рязанщине в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе. Родители мечтали определить Сергея в Московский учительский институт. Поселившись здесь и некоторое время работая приказчиком в конторе, юноша тосковал по родной Рязанщине. К торговой замоскворецкой жизни у него не лежала душа. Он писал другу Грише Панфилову: «Ну, ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую: «Живу ли я или жил я?»

Он стал бунтовать: бросил работу в лавочке, на время возвратился в деревню, затем опять приехал в Москву. Недолго проработал продавцом в книжном магазине в районе Страстной площади и в 1913 году поступил в корректорскую типографию Сытина. Это было самое начало его жизненного и литературного пути.

На другом берегу Москвы-реки находится Таганская площадь, от которой начинается Таганская улица, а продолжением ее являются Нижегородская улица и далее Рязанский проспект и Рязанское шоссе. Вблизи этой магистрали — дороги на Рязань — располагается Есенинский бульвар. В его центре под березами стоит на низком постаменте бронзовый памятник Есенину (скульптор В. Е. Цигаль, архитекторы С. Е. Вахтангов, Ю. В. Юров, 1972 г.). Белая береза — неотъемлемый элемент русского пейзажа — постоянный образ в творчестве Есенина. Его первое печатное стихотворение, помещенное в журнале «Мирок» в первом номере за 1914 год, так и называлось — «Береза»:

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

Рядом с Большим Строченовским переулком находится Стремянный переулок. Здесь в доме 30 располагается Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова — бывший Коммерческий институт, в котором в юности, в 1911—1914 годах, учился *К. А. Федин*.

Видимо, уже тогда будущий писатель присматривался к Москве, вникал в жизнь большого города. Это были годы, когда в сознании юноши закладывались основы писательского видения. И через десять лет, в 1924 году, в романе «Города и годы» появились замечательные строки, отражающие его знание, понимание и ощущение города.

«Человеку надо прожить долгую жизнь без неба, без прямых, широкогрудых ветров, вырасти в сомкнутом строю железных столбов, провести детство на чугуне лестниц и асфальте мостовых, чтобы стать в городе как лесовик в лесу.

Нога знает, когда под ней железный рельс, когда гнилые торцы, когда скользкий и звонкий цемент. И ухо узнает, куда падает с крыш дождевая вода и на что наскочил, разорвавшись, внезапный порыв ветра.

Человеку, которому город — как лесовику лес, не надо света. Он помнит каждый угол, знает всякую улицу и все дома, старые и новые...»

Неподалеку в старинном парке культуры и отдыха «Кузьминки» открылся недавно Музей *К. Г. Паустовского* — первый народный литературный музей в Москве.

Он находится в одноэтажном с мезонином деревянном доме, чем-то напоминающем дом в рассказе «Снег». Музей организовали ученики и учителя школы № 456 Волгоградского района. В гостях у ребят побывали воспитанники и друзья Паустовского: М. Бремер, И. Дик, Г. Корнилов, В. Степенко, В. Тендряков. Фонды музея растут. Слова Паустовского «мне хочется хотя бы маленькой, но светлой памяти о себе» обретают все новое и новое звучание и все значительней, весомей и крепче становится о нем память.

В кварталах, находящихся между Таганской площадью, Абельмановской и Крестьянской заставами, находится переулок Маяковского. В небольшом двухэтажном доме 15/13 поэт жил с апреля 1926 года. В ту пору переулок назывался Гендриковым. Вокруг — множество промышленных предприятий, но в тихом, нешироком переулке было зелено, и по сию пору сохранился тенистый садик перед домом. Квартира была небольшой. В ней только самое необходимое: Маяковский не любил лишних вещей. Нам интересна столовая, в которой поэт принимал гостей. Здесь — широкий стол, черный кожаный диван, застекленный буфет, почти под потолком — широкая деревянная книжная полка. У Маяковского бывали А. В. Луначарский, В. Э. Мейерхольд, С. М. Эйзенштейн, М. Е. Кольцов, И. Э. Бабель, С. М. Третьяков, В. Б. Шкловский.

Маленькая угловая комната служила одновременно и кабинетом и спальней поэта. Н. Н. Асеев — друг Маяковского шутил, что комната настолько мала, что Маяковский не входит в нее, а как бы натягивает ее на себя, как рубашку. Помещение обставлено строго. Мебель нестандартная, сделана на заказ, «по месту». «Краснодеревщики не слали мебель на дом», она немодна и недорога, но очень удобна. Здесь находятся полосатая тахта, складной ломберный столик, а у окна — большой, удобный письменный стол.

Часто в этих стенах поэт читал своим друзьям только что написанные стихи, о чем и вспоминает биограф Маяковского В. Катанян: «Маяковский, читающий стихи, выражал себя наиболее полно. Чтение было прямым продолжением процесса создания вещи. В ней не было символистского подвывания и скандирования и не было натурализма актерской читки, бессовестно ломающей стихотворную речь грубым переигрыванием «игровых интонаций».

Яркие и интересные люди посещали этот дом при жизни поэта, но не иссяк к нему интерес, когда поэта не стало. Писатели из Франции, Греции, Югославии, Аргентины, США, Индии, Ирана, Чили, Турции и других стран побывали здесь, а в феврале 1940 года молодой, мало кому известный тогда поэт, стихи которого созвучны произведениям Маяковского, Михаил Кульчицкий в этом музее увидел блокнот со стихами Маяковского, его папиросы, трость, книги, башмаки, а когда шел обратно,

представил, как Маяковский десять лет назад проходил по этому тротуару:

По этим плитам, по еще живой —
Он проходил устало. И когда-то
Он отмерял барьер последний свой,
И расступались дома, как секунданты.

Сейчас квартира поэта является частью Музея В. В. Маяковского, но закрыта для посещения. В здании находится правление Добровольного общества любителей книги РСФСР.

Дом поэта, столь притягательный для его юных последователей, стал местом, где тридцать лет назад, начиная с осени 1959 года, работал один из интереснейших в Москве литературных кружков под руководством Л. Руднева. Молодые поэты работали и работают и в других литературных объединениях, нашедшихся при больших заводах и предприятиях. В 1960-е годы на заводе имени Лихачева руководил литературным объединением Л. Озеров, при «Серпе и молоте» — А. Филатов, в техническом училище имени Н. Э. Баумана — С. Поделков. Эта традиция поддерживается и ныне.

Юные творческие силы всегда группировались и группируются вокруг различных литературно-художественных театральных объединений. Так, сравнительно неподалеку отсюда, на 4-й улице Текстильщиков, среди живописных прудов и зелени Люблинского парка культуры и отдыха, находится Дворец пионеров и школьников имени А. П. Гайдара.

Во Дворце пионеров несколько лет назад делала свои первые шаги театральная студия под руководством В. Спесивцева. И сейчас детский коллектив во Дворце пионеров, носящем имя Аркадия Гайдара, работает интересно и нешаблонно. Ребята организовали музей любимого писателя, а в октябре 1983 года перед Дворцом открыт памятник Аркадию Гайдару (скульптор А. П. Шлыков, архитектор Ю. А. Мовчан). И хотя представление об «идушем впереди»¹ человеке, стремительном, порывистом, бескомпромиссном, не жалевшем себя и погибшем, спасая боевых товарищей, не вяжется с такими, казалось бы, статичными понятиями, как памят-

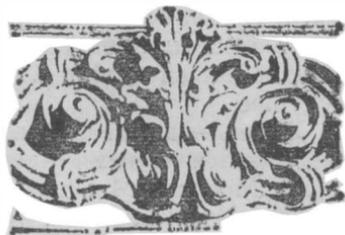
---

¹ Гайдар — литературный псевдоним А. П. Гелаякова — значит «идуший впереди».

ник и музей, все же и музей, и памятник, и имя, которое носит Дворец пионеров,— все это свидетельство благодарной нашей любви к человеку, который устремлен в будущее.

Жизнь — в постоянном движении. Пролетают годы, заполняется новыми памятными местами литературная карта Москвы. Мы нанесли на нее пункты, представление о которых как бы устоялось, но пройдет несколько лет — и появятся новые адреса, отражающие бесконечный процесс развития литературы и бег времени.

УРОКИ ЖИЗНИ ДАЕТ МОСКВА

Дорогой читатель! Вы узнали множество адресов, связанных с именами писателей или созданных их воображением литературных героев. Кто-то из вас умозрительно представит уже ранее известный ему дом, кто-то из окна транспорта постарается получше его рассмотреть, а кто-то отправится на литературную экскурсию. Конечно, лучше всего, если ее проведет квалифицированный экскурсовод. Однако известно великое множество самостоятельных экскурсий, и практическое применение этой книги и состоит в помощи людям, их проводящим. На подобные экскурсии отправляются преподаватели школ и других учебных заведений со своими воспитанниками, участники литературных объединений и просто семьи, где инициаторами таких прогулок чаще всего бывают женщины, о которых в неоконченной повести «Рославлев» А. С. Пушкин сказал: «Нет сомнения, что русские женщины лучше образованны, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем».

Литературные экскурсии занимают немалое место в нашей духовной жизни. Мы погружаемся в стихию города, и город, сам город, учит нас. Ведь город одним только своим видом может научить многому. Красивый, чистый, светлый, яркий город пробуждает высокие чувства. Грязный, запущенный, неряшливый, скучный — дурные. Москва винных лавок, ночлежек, скученных рынков, как вспоминают об определенной части ее А. М. Горький и В. А. Гиляровский, рождала людей «дна». Москва светлых кварталов, парков, картинных галерей, концертных залов может научить умению интересно жить, не тратить

время попусту, действовать с большой душевной отдачей. Сам по себе облик города несет большой духовный потенциал. В его накоплении немалую роль сыграли писатели. Их имена носят улицы, их облик повторили памятники, портреты на мемориальных досках. Идем по городу — и вдруг!.. перед нами высокий, чистый лоб, горделивая осанка, открытый взгляд: «Не раб, но человек». Александр Николаевич Радищев. Он смотрит на нас с памятной доски, укрепленной на здании бывшего Московского губернского правления (*Исторический пр., 1*), где содержался в заточении в сентябре 1790 года, перед сибирской ссылкой. На улицах нашего города памятники, исторические здания возникают перед нами подчас совершенно неожиданно. Москва не относится к разряду городов, где каждый монумент поставлен продуманно, эффектно, чтобы еще издали поразить своим видом зрителя. Она щедра и немного небрежна, как богач, который не считает сокровищ. Вот вы идете по глухому переулку, вокруг неказистые домишки, и внезапно перед вами возникает чудо-чудное — дивные, яркие, украшенные майоликовыми вставками, редкостными переходами, галереями, лестницами, — палаты. Это 1-й Крутицкий переулок, 4а, — Крутицкий теремок, а за ним длинное кирпичное здание, в котором во времена А. И. Герцена располагались Крутицкие жандармские казармы, где в 1834 году и находился под арестом писатель-демократ. И вот уже целая цепь раздумий, воспоминаний, ассоциаций будоражит ваш ум. Или — на изломе переулка, а может, в конце тупичка — особняк с деревянными колонками, каменных в старой части города, особенно в районе Арбата, сохранилось, к счастью, еще немало. В подобном доме «жила» героиня романа И. С. Тургенева «Накануне» Елена Стахова: большой деревянный дом возле Пречистенки, «с колоннами, белыми лирами и венками над каждым окном, с мезонином, службами, палисадником, огромным зеленым двором, колодцем на дворе и собачьей конурой возле колодца». Как одежда в чем-то отражает характер человека, так и в облике дома выражена суть его владельца и какая-то сторона натуры жильца.

Таким образом, разглядывая старые московские дома, мы сталкиваемся с литературным материалом, который дает большую пищу для размышлений о жизни, о горе, о счастье, о любви, о взаимопонимании, об обидах, «о подвигах, о доблести, о славе», о смерти.

Сейчас мы переживаем непростое время, и один из выходов связан с возрождением духовности. Что ж! Свою посильную лепту в этот процесс может внести и литературное краеведение. Конкретное знакомство с памятными местами ценно тем, что помогает наглядно представить значимость многих нравственных явлений, а тем самым отшлифовать в нашей натуре какие-то лучшие ее стороны. К глубоким раздумьям может нас привести знакомство с тем домом (*Суворовский бульв., 7а*), где в камине небольшой комнаты первого этажа был сожжен Н. В. Гоголем 2-й том «Мертвых душ»! Или насколько грустно-элегический лад может настроить вид утопающего в зелени дома 25 на Тверском бульваре, где Сергей Есенин читал небольшой группе литераторов поэму «Анна Снегина». А как горьки будут наши переживания, когда мы остановимся перед тем местом, где еще сравнительно недавно стоял дом (*ул. Фурманова, 3/5*, старая нумерация), в котором М. А. Булгаков писал роман «Мастер и Маргарита». Какая-то тайна притягивает к этим памятным местам. После посещения их и проза, и стихи приобретают в нашем сознании новые оттенки и становятся ближе.

Случается, что на литературной экскурсии мы обращаемся к некоторым бытовым подробностям в жизни писателей, именно эффект присутствия располагает к этому. Снижает ли это их образ в наших глазах? Ведь и интеллектуальная, и эмоциональная подготовленность экскурсантов различна, и для иного малая житейская деталь, особенно если она идет вразрез с его личным опытом, может затмить высокое нравственное начало в образе писателя, который по призванию своему в России всегда был проповедником. Может быть, такая смазанность образа снизит большое дело нравственного очищения, которому служит литература? Об этом задумывался еще А. С. Пушкин и в ноябре 1825 года в письме к П. А. Вяземскому отмечал: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции.— Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе».

Надо полагать, что чем выше духовный уровень человека, чем более глубоким и творческим является его отношение к культуре вообще и к творчеству какого-то конкретного писателя в частности, тем благоговейнее он относится к памятным литературным местам. Такое отношение сродни обращению с хрупким стеклянным сосудом, который мстит за небрежное отношение к нему тем, что ломается в грубых руках. Этим рукам уже непосильно будет созидание.

Интересно задуматься над тем, что же влечет нас к знакомству с памятными литературными местами. Думаю, что прежде всего интерес к литературе. Но также и не следует забывать о власти места. Эта сила безмерна и во многом еще недооценена нами. А ведь именно она в давние времена двигала паломниками, направлявшимися в святые места, именно под ее влиянием люди посещают могилы любимых народом С. А. Есенина и В. С. Высоцкого, покоящихся на Ваганьковском кладбище.

При знакомстве с памятным литературным местом возникает сложный спектр эмоций. «Работает» здесь и память чувства. Ощущения, испытанные человеком в прошлом при чтении художественного произведения, оживают при этой встрече: ведь память чувства особо окрашивает восприятие конкретного дома, парка, леса, которые связаны с именами Тургенева, Пастернака, Ахматовой. Если экскурсант читал произведения этих авторов и любит их, тогда конкретные реалии многое скажут ему, если же произведения ему не знакомы, то и посещение памятного места не будет впечатляющим. А мы ведь прекрасно знаем, что эмоционально окрашенные сведения лучше запоминаются и более прочны, чем сведения, к которым человек эмоционально индифферентен. В данном случае работает прямо-обратная связь: облик памятного места воздействует на воображение экскурсанта, но ведь и сам экскурсант, в свою очередь, не может оставаться пассивным. Замечательный скульптор А. С. Голубкина писала: «Много мы не видим только потому, что не требуем от себя этой способности, не заставляем себя рассматривать и понимать, пожалуй, вернее сказать, не знаем, что можем видеть».

Разумеется, не следует забывать, что все мы видим памятные места по-разному, в зависимости от направленности наших интересов. Это видение очень многослойно.

Например, полуразрушенная церковь (сейчас восстанавливается) в подмосковном селе Тараканове, в которой венчался А. А. Блок, для одних на протяжении долгого времени представляла собой просто бесформенные, неинтересные развалины, для других являла разрушенный памятник барокко, об утрате которого они горевали, для третьих была ценным образцом сочетания архитектурного сооружения с пейзажем, а четвертым представлялась лишь дорогим литературным памятным местом. Каждый обращал внимание прежде всего на те факты, связанные с этим сооружением, которые отвечали его прочтению памятника. Естественно, что каждый человек из суммы фактов берет лишь тот, который ему интересен. Немалую роль при этом играет и ссылка на духовный и жизненный опыт. Случается порой, что некоторые дома, дворики, набережные, перелески, парки, связанные с жизнью и творчеством писателей, не отличаются особой живописностью по сравнению с другими сооружениями. Это разочаровывает экскурсантов. Особенно загадочной становится связь, которая существует между художественным произведением, местом, вдохновившим на его создание, и памятным местом, где оно было написано.

Таким образом, восприятие памятного литературного места — это сплав увиденного, пережитого, переживаемого, осознанного, многих ассоциаций и размышлений. Так, познакомившись с домом 36 на улице Карла Маркса, где жил дядя великого поэта Василий Львович Пушкин, где неоднократно бывал Александр Сергеевич, навещая больного родственника, а впоследствии провожая его в последний путь, — мы узнаем не только о пушкинской поэзии, но приобщаемся к пушкинскому пониманию нравственных ценностей. Сам особняк и примыкающие к нему постройки создают необходимый исторический фон, который облегчает восприятие.

Литературная Москва — понятие бесконечно емкое. Шли годы, сменялись общественные формации, изменялся город, и каждый этап его жизни оставался запечатленным на страницах романов, рассказов, повестей и в стихотворных строках. Наши классики черпали в жизни Москвы впечатления для своего творчества. Невозможно смириться с тем, что трава жухнет, цветы увядают, а люди умирают, хотя мы являемся свидетелями этого постоянно, но лучшие умы нашего народа, наша совесть — наши литераторы — остались с нами в созданных ими

книгах и совсем не безразлично, в каком именно московском доме была написана каждая из них. Нам завещано судьбой любить и сохранять эти памятные литературные места. В 1830 году А. С. Пушкин писал:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как . . . . . пустыня
И как алтарь без божества.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абашидзе И. В. 257
 Аввакум (Петров) 4, 8, 274, 275, 344, 345
 Адалис (Ефрон А. Е.) 113
 Ажаев В. Н. 102
 Айвазовский И. К. 75, 152, 273
 Айседора Дункан 180, 181
 Аксаков С. Т. 4, 5, 7, 65, 82, 83, 140, 152, 154, 162—164, 173, 225, 258, 263
 Аксаковы И. С., К. С. 71, 82, 83, 154, 159, 163, 164, 225
 Аксамитов Д. В. 337
 Алабян К. С. 325
 Алевиз Фрязин, итальянский архитектор 20
 Александр I 306
 Александров А. В. 302
 Алексей Михайлович, царь 256, 274, 318
 Алигер М. И. 102
 Алябьев А. А. 267
 Алянский С. М. 108, 178
 Аль Хамиси 38
 Андерсен-Нексе М. 104
 Андреев Л. Н. 95, 96, 178
 Андреев Н. А. 80, 84, 92, 153, 176
 Андрей Белый (Бугаев Б. Н.) 94, 113, 121, 140, 177, 258, 314
 Андроников И. Л. 132, 156, 239
 Анненков Н. Н. 307
 Анненков П. В. 161
 Антокольский П. Г. 15, 35, 101
 Антон Фрязин, итальянский архитектор 20
 Антонов С. П. 198
 Апухтин А. Н. 167
 Арагон Луи 38, 104
 Аргамаковы 51
 Ардов В. Е. 236
 Арнольди Л. А. 154
 Аросев А. Я. 104
 Арсений Сатановский 256
 Арсеньева В. В. 226
 Арсеньева Е. А. 155, 156, 328
 Артем Веселый (Кочкуров Н. И.) 104, 202
 Архипов А. Е. 94, 119
 Асеев Н. Н. 41, 101, 102, 107, 120, 132, 135, 194, 202, 353
 Астапова Т. Н. 117
 Афанасьев А. Н. 324
 Афиногенов А. Н. 7, 101, 104, 194, 258
 Ахмадулина Б. А. 109, 257
 Ахмат, хан Большой Орды 19
 Ахматова А. А. 4, 8, 107, 114—116, 184, 196, 236, 237, 239, 316, 317, 359
 Бабель И. Э. 101, 104, 126, 353
 Багратнон П. И. 86
 Багрицкий Вс. 7, 196
 Багрицкий Э. Г. (Дзюбин) 101, 104, 295—297
 Баженов В. И. 320, 334, 349
 Базен Э. 38
 Базунов И. В. 46
 Бакшеев В. Н. 119
 Бальмонт К. Д. 94, 121, 178
 Бакунин А. П. 149
 Бакунин М. А. 71, 79, 80, 159, 163, 334

- Бакунина Е. П. 149
 Банников Н. В. 119
 Бантыш-Каменский Н. Н. 332
 Баранов Е. З. 103
 Баратынский Е. А. 7, 57, 60, 62, 64, 65, 143, 152, 290, 315
 Барбюс А. 194
 Барма, древнерусский зодчий 21
 Бартнев П. И. 72, 73
 Бартнев С. П. 17, 18
 Бартнев Ю. Н. 60, 62
 Барто А. Л. 258
 Басмановы 22
 Батый, хан Золотой Орды 18
 Батюшков К. Н. 28, 65, 245, 331
 Бауман Н. Э. 98, 119
 Бахтерев И. В. 326
 Башилов А. А. 149
 Бегичев Д. Н. 151
 Бегичев С. Н. 66, 68, 150, 151
 Бедный Д.—см. Демьян Бедный
 Безыменский А. И. 46, 102, 108, 194, 198, 202, 257, 258
 Бела Иллеш 194
 Белашова Е. Ф. 330
 Белинский В. Г. 5, 30, 44, 52, 55, 69—71, 77—80, 82, 143, 147, 150, 152, 153, 157—163, 208, 212, 306, 324, 329, 332, 335, 347
 Белкин А. А. 340
 Белоусов И. И. 103, 235
 Белый А.—см. Андрей Белый
 Беляев И. Д. 163
 Бенкендорф А. Х. 63
 Бенкендорф И. И. 54
 Бенуа Н. Л. 312
 Берг Н. В. 228
 Бердзенишвили М. И. 284
 Бережной А. Ф. 182
 Берс А. Е., Л. А., С. А. 26, 310
 Бессонов П. А. 74
 Бетховен Л. 267
 Бехер И. 38, 104
 Биль-Белоцерковский В. Н. 128
 Благой Д. Д. 340
 Бланк К. И. 126
 Блок А. А. 4, 10, 15, 32, 33, 94, 108, 109, 113, 121, 177—179, 186, 202, 204, 228, 253, 258, 314, 315, 359
 Блок Ж. Р. 104
 Боборыкин П. Д. 95, 166
 Бобров С. П. 120
 Бове О. И. 174
 Богданов А. А. 179
 Богданов В. В. 268
 Боков В. Ф. 257
 Болтина Е. А. 166
 Бомелий, лекарь 21
 Бондарев Ю. В. 102
 Бондаренко П. 325
 Бородин С. П. 19
 Бородулин Г. И. 109
 Боткин В. П. 71, 79, 80, 85, 159, 226, 228
 Боярский Н. В. 325
 Бременер М. С. 352
 Бродский И. Д. 329
 Бродский И. И. 340
 Брокгауз Ф. А. 129
 Бриллов К. П. 143
 Брюсов В. Я. 4, 5, 15, 32—34, 47, 94, 108, 113, 121, 122, 136, 176, 178, 194, 202, 204, 258, 314, 315
 Булгаков А. Я. 145
 Булгаков М. А. 4, 7, 8, 102, 125—130, 135, 138, 195, 196, 236, 253, 254, 258, 259, 268, 358
 Булгакова Е. С. 195, 196, 259
 Булгакова Т. Н. (Лаппа) 126, 127
 Булгарин Ф. В. 149
 Бунин И. А. 8, 93—96, 173, 176—178, 258, 307
 Бунин Ю. А. 177
 Бурганов А. Н. 275
 Бурденко Н. Н. 103
 Бухарина В. И. 307
 Бухвостов Я. Г. 275
 Бэкон Ф. 193
 Валькотт В. 94
 Ваншенкин К. Я. 102
 Варнгаген Р. 71
 Василенко С. Н. 183
 Василий III 207
 Васильев П. Н. 194
 Васильев С. А. 257
 Васильчиковы 75
 Васнецов А. М. 176, 318
 Васнецов В. М. 176
 Вахтангов Е. Б. 7, 185
 Вахтангов С. Е. 146, 351

- Веневитилов Д. В. 47, 58, 59, 65, 142
 Вересасв В. В. 7, 68, 95, 194, 258, 273
 Верлен П. 315
 Вернеры Е. А., М. А. 174
 Верстовский А. Н. 8, 71, 143
 Верхарн Э. 315
 Веселовский А. Н. 339
 Веснины А. А., В. А. 197
 Вигель Ф. Ф. 53, 141, 142, 148, 307
 Виельгорский М. Ю. 143
 Виктор Гюго 79
 Виленкин В. Я. 116, 196
 Винокур Г. О. 340
 Винокуров Е. М. 102
 Витали И. П. 270
 Витберг А. Л. 249—251
 Вишневский Вс. В. 102, 258
 Владимир Андреевич, двоюродный брат Дмитрия Донского 18, 346
 Владимирова А. 113
 Власов А. В. 269
 Вознесенский А. А. 39, 41, 109, 239, 240, 257
 Волков Ф. Г. 49
 Волконская З. А. 4, 45, 63—65, 82
 Волконский Н. С. 85
 Волконский С. Г. 163
 Волошин М. А. (Кириенко-Волошин) 94, 121, 185, 314
 Воровский В. В. 81, 137, 139—141, 147, 162, 170, 175—178, 186, 197, 201—203
 Воронский А. К. 101
 Воронцов А. И. 330
 Вороныч П. Н. 102
 Воскресенский И. Н. 313
 Врубель М. А. 94, 136
 Всеволожские 139
 Высоцкий В. С. 284, 285, 359
 Вяземская В. Ф. 147
 Вяземский А. И. 53
 Вяземский П. А. 7, 55—57, 59, 60, 63, 65, 68, 73, 76, 143, 147, 149, 262, 331, 332, 358
 Гааз Ф. П. 84, 251, 339
 Гагарины 82, 139, 189
 Гайдар А. П. (Голиков) 44, 132, 133, 191, 255, 295, 299, 303, 341, 354
 Гамзатов Р. 102, 257
 Гарин-Михайловский Н. Г. 95
 Гартунг М. А. 331
 Гаршин В. М. 91, 265, 312
 Гастев А. К. 107, 179
 Ге Н. Н. 118, 265, 167
 Гегель Г. В.-Ф. 71, 72, 158
 Гельдерлин Ф. 193
 Гендриков И. С. 334
 Георгиевский А. И. 83
 Герасимов М. П. 107, 179, 180
 Герасимов П. А. 22
 Герасимова В. 198
 Герман Ю. П. 104
 Герритс Гессель, картограф 22
 Герцен А. И. 4, 8, 15, 30, 31, 44, 45, 47, 55, 61, 63, 70, 71, 79—81, 101, 122, 137—140, 146, 158, 160—166, 202, 203, 250, 251, 254, 258, 259, 270, 271, 285, 289, 290, 295, 324, 333, 334, 344, 347—349, 357
 Гете И. В. 72, 183
 Гиляровский В. А. 10, 62, 63, 90, 92—95, 103, 121, 130, 176, 235, 258, 289, 356
 Гинзбург Л. В. 307, 308
 Гладков Ф. В. 101, 102, 104, 190, 258
 Глинка М. И. 71, 75
 Глинка С. Н. 103
 Глинка Ф. Н. 26, 65, 76, 290
 Гоголь Н. В. 4, 5, 7, 55, 70, 74—76, 92, 115, 129, 137, 140, 143, 149, 150, 152—155, 163, 164, 169, 177, 178, 189, 212, 258—263, 271, 283, 290, 315, 358
 Годунов Б. Ф. 5, 21—23, 29, 58, 59, 63, 244, 257
 Голицыны 24, 119, 139, 269, 273, 309
 Голлидэй С. Е. 186
 Головин А. Я. 94
 Голодный М. С. (Эпштейн) 202, 286
 Голубкина А. С. 176, 359
 Гольберг (Хольберг) Л. 50
 Гольденвейзер А. Б. 267
 Гольдони К. 217
 Гончаров И. А. 7, 167
 Гончарова Н. И. 145
 Гончарова Н. Н. (Пушкина) 7, 60, 61, 144, 145, 147, 283
 Горбунов И. Ф. 228

- Гордон П. 339
 Горький А. М. 6, 7, 11, 12, 33, 34, 40, 44, 46, 92, 94—105, 128, 132, 140, 175, 193, 202, 203, 222, 237, 238, 252, 253, 265, 268, 288, 291, 298, 299, 301, 302, 309, 315, 356
 Грабарь И. Э. 273
 Грановский Т. Н. 55, 71, 72, 79, 152, 159, 161—164, 324
 Грек Максим 346
 Грибоедов А. С. 5, 7, 34, 44, 47, 63, 66—68, 71, 82, 148, 150, 151, 212, 271
 Григорович Д. В. 55, 76, 90, 225, 230, 231
 Григорьев А. А. 85, 210, 226—228
 Григорьев А. Г. 149, 174, 324, 325
 Григорьев Д. Г. 83
 Григорьевы А. И., Т. А. 227, 228
 Грилуцкий 23
 Гришюк М. Я. 288
 Гришин Н. П. 298
 Гроссман Л. П. 202
 Гудзенко С. П. 341
 Гудзий Н. К. 340
 Гусев Н. Н. 290

 Давыдов Д. В. 60, 146, 147, 271
 Даль В. И. 224, 282, 283
 Даль И. М. 282
 Данилевский Г. П. 154
 Даргомыжский А. С. 71
 Дашкова Е. Р. 270, 271
 Дельвиг А. И. 57, 331
 Дементьев А. Д. 257, 299
 Демидовы П. А., П. Г. 269, 323
 Демян Бедный (Придворов Е. А.) 34, 46, 102, 130, 258, 294
 Державин Г. Р. 49, 53, 261, 312
 Дик И. И. 352
 Дмитрий Донской 18, 346
 Дмитрий-царевич, сын Ивана Грозного 22
 Дмитриев В. В. 196
 Дмитриев И. И. 49, 53, 54, 60, 262, 331
 Дмитриев П. Д. 63
 Добровейн И. А. 99
 Добролюбов Н. А. 287, 306

 Долгоруков В. М. 61
 Долгоруков И. М. 271
 Долгоруковы М., Ю. 24, 139
 Долматовский Е. А. 102, 341
 Домогацкий В. Н. 7, 194
 Доризо Н. К. 257
 Дорошевич В. М. 46
 Достоевская А. Г. 252
 Достоевские А. М., М. А., М. Ф. 320—322, 333
 Достоевский Ф. М. 7, 10, 34, 47, 83, 85, 166, 173, 220, 251, 252, 290, 295, 312, 314, 320—323, 332, 333, 349
 Драч И. Ф. 109
 Древин А. А. 54
 Дрожжин С. Д. 233, 235
 Дружинин А. В. 85
 Дудин М. А. 42, 257
 Дыко В. 296
 Дюбюк А. И. 228
 Дюпор Л. 151

 Евтушенко Е. А. 102, 109, 136, 257, 316, 317
 Екатерина II 48, 52, 54, 75, 306, 312, 332, 349
 Елагина А. П. 45, 55, 73
 Епифаний Славинецкий 256, 348
 Ермолов А. П. 71, 151
 Ермолова М. Н. 45, 82, 98
 Есенин А. И. 351
 Есенин С. А. 4, 5, 7—9, 94, 101, 102, 107, 108, 111, 112, 113, 135, 179—181, 202, 204, 210, 233, 234, 295, 296, 324, 350—352, 358, 359
 Есенин Ю. С. 234
 Ефрон И. А. 129

 Жаров А. А. 194, 202
 Железняков А. Г. 285, 286
 Жерихов Н. И. 183
 Жильярди Л. И. 69, 323
 Жуковский В. А. 27, 47, 49, 54—57, 65, 73, 143, 249, 319, 322, 331
 Журавлев Д. Н. 236, 239

 Забелин М. П. 165
 Заболоцкий Н. А. 258
 Завалишин Д. И. 82
 Заварзин А. А. 67
 Загоскин М. Н. 7, 8, 76, 147, 148, 153, 163, 248, 262, 305, 305, 347

Зайцев Б. К. 178
Закревский А. А. 70
Заплатина О. С. 162
Захарьина Н. А. 161, 285
Зегерс А. (Радавиц Н.) 38
Зеленская Н. Г. 301
Зелинский К. Л. 104, 198
Златовратский Н. Н. 34
Зосима З. П. 271
Зощенко М. М. 116
Зубков В. П. 60, 146, 271

Иван Васильевич (Иван III)
19, 20, 33
Иван Васильевич Грозный
(Иван IV) 20, 21, 26, 39, 208,
209, 320
Иванов А. П. 78
Иванов Вс. Н. 15, 19, 20, 101,
102, 182, 239
Иванов Вяч. В. 113, 179, 258,
314
Иванова В. М. 332, 349
Иванова З. Г. 301
Иванова Н. Ф. 7, 156
Ивнев Р. (Ковалев М. А.) 113,
181, 204
Игумнов К. Н. 267
Иест П. 270
Ильенков В. П. 104
Ильин И. Я. 258
Ильин-Алдаев Ю. В. 250
Ильина Н. И. 102
Ильинский М. 103
Ильф И. А. 7, 126, 130, 135,
190, 191, 196, 258, 268
Иноземцев Ф. И. 212
Иосиф, патриарх 345
Исаев Е. А. 257
Исаковский М. В. 258

Погель, танцмейстер 61, 144

Кабалевский Д. Б. 183
Казакевич Э. Г. 197, 258
Казаков М. Ф. 61, 66, 69, 82,
121, 126, 305, 332, 349
Казин В. В. 179, 194
Калинин М. И. 109, 203
Кадмыков Ю. В. 313
Каменев Л. Б. 100
Каменский В. В. 180
Кананин Р. Г. 250
Кантемир А. Д. 261, 349
Кантемир Д. К. 349

Капустин В. Л. 323
Карамзин Н. М. 45, 49, 52, 53,
55, 65, 249, 295, 320, 322, 331,
332, 346
Кассиль Л. А. 299
Катаев В. П. 104, 126, 127, 135,
136
Катанян В. 353
Катков М. Н. 83, 93, 159
Кауфман-Пастернак Р. И. 118
Каховский П. Г. 69
Качалов В. И. 60, 92, 136, 190
Кваренги Дж. 316
Кедрин Д. Б. 15, 21
Кекушев Л. Н. 94, 222
Келлет-Жандро Ж.-П. 155
Кетчер Н. Х. 81, 161, 163, 324,
331
Кибальников А. П. 298
Киреевские И. В., П. В. 59, 65.
73, 74, 142, 163, 164
Кириллов В. Т. 179
Кирилльцева Л. И. 275
Кириченко Е. И. 175
Кирсанов С. И. 202, 257
Киршон В. М. 101, 194
Киселев С. Д. 149
Клычков С. А. 180
Клюев Н. А. 113
Ключевский В. О. 98
Коган П. С. 7, 102, 178, 196,
301, 303, 340
Кожевникова В. В. 97
Козлов И. И. 57, 249
Козлов Н. Т. 28
Козловский И. И. 49
Козырев М. 113
Колоколов Н. И. 233
Кольцов А. В. 55, 163
Кольцов М. Е. 46, 104, 130, 353
Кольцовы-Мосальские 139
Кольванова Е. А. 53
Колычевы 21
Коненков С. Т. 41, 125, 180, 254
Коновница, графиня 63
Кононов А. Т. 340
Конский Г. Г. 196
Константинов М. Е. 301
Коонен А. Г. 113
Корин П. Д. 103
Коркин В. Д. 295
Корнилов Б. П. 104
Корнилов Г. 352
Корнилов Л. Г. 185
Коротич В. А. 109

- Корш Е. Ф. 161
 Корш Ф. А. 91
 Космодемьянские З. А., А. А.,
 Л. Т. 311, 341
 Костенецкий Я. И. 70
 Котельняцкий В. М. 166
 Котов А. К. 197
 Кошелев А. И. 163
 Крандиевская-Толстая Н. В. 187
 Критские В. И., М. И., П. И. 70
 Крузенштерн И. Ф. 148
 Крупская Н. К. 34, 126, 130,
 304, 339
 Крылов И. А. 47, 54
 Крюков Ф. Д. 71, 72
 Кубасов В. С. 255
 Кузминская Т. А. 310
 Кульчицкий М. В. 7, 102, 196,
 353
 Куманины 84
 Куприн А. И. 34, 94, 95, 177,
 284
 Кусиков А. Б. 107, 181
 Кустодиев Б. М. 278
 Кутузов М. И. 25

 Лавренев Б. А. 258
 Лазо С. Г. 124
 Лахтин А. Х. 81
 Лахути А. К. 258
 Лебедев Г. Г. 49
 Лебедев-Кумач В. И. (Лебе-
 дев) 216, 238, 258, 302
 Левашовы 333
 Левитан И. И. 90, 94, 119, 178
 Левитов А. И. 175
 Лейкин Н. А. 229
 Ленин В. И. 31, 33—35, 40, 41,
 45, 85, 97, 99—101, 107, 109,
 110, 112, 130, 161, 179, 183,
 189, 190, 192—194, 237, 239,
 255, 256, 273, 277, 283, 291,
 292, 299, 339
 Леонов Л. М. 101, 102, 104,
 194, 273
 Лепский Ж. 303
 Лермонтов М. Ю. 4, 6—8, 10,
 15, 16, 20, 29, 30, 34, 39, 40,
 44, 47, 62, 68—73, 120, 140,
 150, 152, 155—157, 207—209,
 240, 249, 262, 263, 306, 307,
 328, 329, 347
 Лермонтова М. М. 328
 Лесков Н. С. 4, 88, 129, 224,
 265
 Лефорт Ф. Я. 337—339
 Либединский Ю. Н. 102, 104,
 258
 Лидин В. Г. 102
 Лисовский Н. М. 339
 Лисянский М. С. 36
 Лобановы-Ростовские 149
 Ловейко И. И. 284
 Ломоносов М. В. 48, 254, 255,
 261
 Лопухина В. А. 7, 157
 Лопухина Е. Ф. 338
 Лопухины 70, 139, 155, 156
 Лошаковский Н. В. 167
 Луговой В. А. 101, 102, 104,
 258
 Луконин М. К. 102, 257
 Луначарский А. В. 8, 34, 81,
 106, 113, 140, 180, 192—194,
 203, 273, 314, 353
 Львовы 139
 Ляшко Н. Н. 190, 233, 258

 Майков А. Н. 8, 85, 249, 271
 Майков В. И. 271
 Майоров Н. П. 196
 Макаренко А. С. 44, 210, 238,
 239, 259
 Макаров П. И. 271
 Максимович М. Н. 163
 Малиновский А. Ф. 332
 Малышкин А. Г. 104
 Малюта Скуратов 21
 Малютин И. А. 106
 Мамай, правитель Золотой Ор-
 ды 18, 346
 Мамин-Сибиряк Д. Н. (Мамин)
 93, 95, 282
 Мандельштам Н. Я. 114, 115
 Мандельштам О. Э. 4, 7, 8, 109,
 114, 115, 236
 Мануилов А. А. 67
 Мариенгоф А. Б. 107, 108, 181,
 204
 Маркиш П. Д. 104
 Марко Руффо, итальянский ар-
 хитектор 20
 Маркс К. 35, 80
 Мартынов А. К. 103
 Мартынов Л. Н. 255
 Маршак С. Я. 104, 258, 259,
 273, 299, 341, 342
 Маслов И. И. 168
 Матвеев А. С. 24
 Мате Залка 7

- Матусовский М. Л. 341
 Маяковский В. В. 4, 7, 8, 15, 33, 35, 40, 41, 44, 46, 94, 101, 102, 105—111, 130, 132, 135, 136, 175, 176, 180, 194, 202—204, 239, 259, 279, 280, 286, 295, 296, 298, 299, 313, 314, 328, 353, 354
 Медведев Д. Н. 44
 Медокс М. Е. 51
 Межиров А. П. 302
 Мей Л. А. 228, 262
 Мейерхольд В. Э. 128, 353
 Мележ И. П. 341
 Мелик-Пашаев А. Ш. 196
 Мельников-Печерский П. И. (Андрей Печерский) 210, 223, 224, 283
 Менделеев Д. И. 107
 Меншиков А. Д. 336, 337
 Мериме П. 193
 Меркуров С. Д. 85, 174, 267, 321
 Метнер Э. К. 178
 Миллер В. Ф. 74
 Миловидов Н. Н. 329
 Милькеев Е. Л. 30
 Минин К. 23, 38, 40, 220
 Митлянский Д. Ю. 54, 199
 Михайлов А. А. 320
 Михайловский Н. К. 93
 Михалков С. В. 102, 257, 299, 303
 Мицкевич А. 44, 57, 60, 72, 288
 Молочко М. 341
 Мовчан Ю. А. 354
 Монс А. И., В. И. 337—339
 Морозовы Б. И., Г. И. 274
 Морозов Н. А. 273
 Морозова Ф. П. (Соковнина) 8, 273—275
 Мотовилов Г. И. 190, 214
 Мочалов П. С. 79, 217
 Муравьев А. Н. 260
 Муравьев-Апостол М. И. 86
 Муратов П. П. 178
 Муромцева В. Н. 177
 Мусин-Пушкин А. И. 7, 332
 Мухина В. И. 103, 175, 301

 Нагибин Ю. М. 8, 133—135
 Надеждин Н. И. 78, 334
 Надсон С. Я. 34
 Назаров Е. С. 316
 Найдепов С. А. 96

 Налбандян Д. А. 99
 Наполеон 25—27, 193, 279, 292, 306
 Наровчатов С. С. 241, 302, 303, 341
 Нарышкины 24, 271, 275, 295
 Нащокин П. В. 7, 61, 75, 142—144
 Нащокина В. А. 144
 Неверов А. С. 127, 190
 Нейгауз Г. Г. 239
 Некрасов Н. А. 34, 55, 79, 161, 184, 287, 312
 Нелидова Л. 312
 Немирович-Данченко В. И. 96, 128, 129
 Нерода Г. В. 87, 193, 254
 Неруда П. 38
 Нестор, летописец 53
 Нетте Т. И. 286
 Нечкина М. В. 80
 Низами 183
 Никитин Н. В. 260
 Никогосян Н. 269
 Николаева Г. Е. 198
 Николай I 28, 31, 56, 58, 62, 69, 146, 260, 334, 335
 Николай II 308
 Никон, патриарх 53, 274, 345
 Никулин Л. В. 104, 127, 259
 Никулина Н. А. 174
 Новиков И. А. 113
 Новиков Н. И. 47, 49, 52, 54, 212, 334
 Новиков-Прибой А. С. (Новиков) 190, 233, 259
 Новокрещенова Г. Н. 170
 Носков М. Н. 81

 Обер Л. Н., Обер-Шальме 60
 Оболенская Е. В. 173
 Образцов С. В. 318
 Овсянников В. 325
 Огарев Н. П. 44, 55, 70, 80—82, 88, 152, 158—161, 165, 250, 259, 275, 285, 295, 324, 335, 336, 349
 Одоевский В. Ф. 59, 271
 Озсров Л. А. (Гольдберг) 341, 354
 Окуджава Б. Ш. 7, 109, 199—201
 Олеша Ю. К. 101, 126, 135, 268
 Ольминский М. С. (Александров) 81

- Ольшевская Н. А. 236
 Опекушин А. М. 66
 Орбели Л. А. 103
 Орлов А. Г. 271
 Орлов Вл. 262, 327
 Орлов М. Ф. 71, 146
 Ослябя 346
 Островские Л. И., Н. Ф. 215—217
 Островский А. Н. 6, 21, 44, 45, 65, 85, 129, 152, 167, 209, 210, 213—225, 228, 240, 242, 262, 265
 Островский Н. А. 124, 125, 191, 192, 259, 325
 Отрепьев Григорий 22, 189
 Офросимова П. Д. 151, 172
 Ошанин Л. И. 198
- Павленко П. А. 104
 Павлов Н. Ф. 7, 64, 71, 72, 76, 83
 Павлова-Яниш К. К. 7, 8, 45, 71, 72
 Павлович Н. А. 180, 233
 Панаев И. И. 72, 159, 161, 163
 Панферов Ф. И. 104, 259
 Панфилов Г. 296, 351
 Пассек В. В. 347
 Пассек Д. В. 81
 Пассек Т. П. 61
 Пастернак Б. Л. 8, 102, 109, 113, 116—121, 135, 197—199, 236, 239, 240, 314, 359
 Пастернак Л. О. 118, 119
 Патрикеев Вассиан 346
 Паустовский К. Г. 47, 102, 122, 123, 126, 133, 210, 244, 263, 313, 352
 Первенцев А. А. 325
 Пересвет А. 346
 Перов В. Г. 119, 223
 Перфирьев В. С. 169
 Перцов В. О. 198
 Пестель П. И. 70
 Петефи Ш. 103
 Петр I 24, 25, 48, 49, 60, 109, 261, 336—339, 349
 Пётров Е. П. 7, 126, 130, 135, 190, 196, 268, 303
 Петровых М. С. 236
 Пешкова Е. П. 177
 Пешкова Н. А. 100
 Пильняк Б. (Ворай) 104
 Писемский А. Ф. 166, 173, 184, 243, 262
- Платонов А. П. 8, 102
 Плетнев П. А. 145
 Плеханов Г. В. 250, 352
 Плещеев А. Н. 5, 85, 90, 166, 167, 225
 Погодин М. П. 59, 65, 72, 82, 85, 142, 152—154, 163, 164, 260—262
 Погодин Н. Ф. 33, 259
 Поделков С. А. 354
 Подпорин П. А. 230
 Пожарский Д. М. 23, 24, 38, 323
 Поженян Г. М. 109
 Поздеев Н. И. 222
 Полевой Б. Н. (Кампов) 125, 198
 Полевой Н. А. 57
 Полежаев А. И. 8, 27, 28, 257, 258, 335, 336
 Полетаев Н. Г. 179
 Поливанов Н. И. 70, 156, 157
 Полторацкий А. М. 158
 Поль де Кок 78
 Поляков С. А. 94, 179
 Попов П. С. 129
 Попондопулло К. А. 271
 Портянко А. М. 268
 Постник, древнерусский зодчий 21
 Потемкина Е. П. (Трубецкая) 149
 Потемкины-Таврические 139, 149
 Пристли Д. 259, 260
 Пришвин М. М. 210, 239, 339
 Прозоровские 275
 Проскурин Н. М. 125
 Протасова Е. И. 53
 Протопопова Е. С. 228
 Пугачев Е. И. 63, 112, 113, 180, 181, 209, 239
 Пушкин А. С. 4, 8, 10, 15, 22, 23, 27—29, 34, 44, 47, 48, 52—54, 56—63, 65, 66, 68, 70—75, 78, 83, 85, 88, 94, 119, 133, 140—150, 161, 176, 181, 194, 199, 200, 228, 236, 249, 260, 269, 271, 280—283, 287—290, 306, 313, 315, 319, 322, 328—333, 356, 358, 360
 Пушкин В. Л. 7, 53, 271, 331, 332, 360
 Пушкин С. Л. 64, 142, 330

Пушкина О. В. 271, 331
Пушкина С. Ф. 61
Пыляев М. И. 62, 103
Пьетро Солари, архитектор 20

Раабен И. 126
Рабле Ф. 99
Радищев А. Н. 6, 47, 51, 52, 54,
78, 212, 243, 357
Разумовский А. В. 326
Разумовские 62
Райт Р. 106
Рамазанов М. А. 228
Раневская Ф. Г. 236
Рахилло И. 181
Рахманинов С. В. 5, 267
Редкин П. Г. 71, 212
Резанов П. Н. 148
Рейснер Л. 204
Рекамые Ж. 71
Ренкевич А. А. 142
Репин И. Е. 94, 223, 265—267,
273, 291
Рерберг И. И. 22
Рессель Ф. И. 290
Рильке Р. М. 120
Римская-Корсакова М. И. 5, 68
Римский-Корсаков Н. А. 267
Рихтер С. Т. 239
Рицос Я. 38
Рождественский Р. И. 15, 38,
41, 43, 109, 257
Розен Д. Г. 8, 306, 307
Розенберг К. Б. 97
Розенфельд З. М. 301
Розов В. С. 102
Романюк С. Ж. 58, 145, 147, 183,
330
Ромашов Б. С. 102, 194
Ромодановские 24
Роллан Р. 103, 315
Ростопчина Е. Л. 8, 24, 75, 76,
257
Рубинштейн А. Г. 183, 267
Рублев А. 344
Рудаков Е. А. 154
Руденко Ф. А. 198
Руднев Л. В. 255, 354
Рукавишников А. 284
Рукавишников И. 113
Румянцев Н. П. 261
Ручьев Б. А. 104
Рыщев Ф. М. 256, 274
Рыбаков А. Н. 180
Рыбкин А. В. 325

Рылеев К. Ф. 70, 78, 81, 86, 142,
147, 166, 167, 173, 197
Рюмины, домовладельцы 85

Саакянц А. 184
Саврасов А. К. 94, 119
Садовский П. М. 154, 228, 232
Садовьянц М. 38
Садофьев И. И. 179
Саевич Г. Е. 329
Сакулин П. Н. 202
Салтыков-Щедрин М. Е. (Сал-
тыков) 7, 47, 65, 93, 140,
164—167, 224, 226
Салтыкова Д. Н. 273
Самарин Ю. Ф. 73, 163
Самойлов Д. С. (Кауфман) 308,
341
Сандунова Е. С. 151
Сатин Н. М. 81
Свербеев Д. Н. 45, 70, 151
Светлов М. А. 109, 132, 202,
276, 303, 325
Свистунов П. Н. 86, 173, 271
Свифт Д. 99
Святослав Ольгович, князь нов-
город-северский 17, 18
Северянин И. В. 178, 233
Сейфуллина Л. Н. 101, 104, 132,
339
Сельвинский И. Л. 102, 194
Семеновский Д. Н. 99, 233
Семержиев Р. 269
Сенкевич Г. 267
Серафимович А. С. 34, 95, 182,
210, 237, 277—279
Сервантес М. 99, 217, 313
Серов В. А. 119
Серов В. Д. 136
Сеченов И. М. 107
Сильва А. 38
Симбирцев В. Н. 325
Симонов К. М. 15, 36, 37, 41—
43, 102, 131, 239, 303—305,
341
Синькевич Ю. Л. 288
Синявские, сестры 120
Скирмунт С. А. 96
Скиталец С. Г. 96
Скобелев М. Д. 122
Славин Л. И. 126
Слепцов В. А. 210, 224, 312
Слуцкий Б. А. 102, 109, 198,
257
Смеляков Я. В. 257

Смирнов С. С. 198, 257, 326
Смирнова-Россет А. О. 271
Сницарев А. 288
Собинов Л. В. 94, 194
Соболевский С. А. 59, 76, 142, 148
Соковнины 274
Соколов В. Н. 13
Соколов В. П. 268
Соколов П. Ф. 143
Сола А. 313
Солдатенков К. Т. 87
Соллогуб В. А. 75, 271
Сологуб Ф. К. 94, 95
Соловьев В. С. 84
Соловьев С. М. 75, 163
Соловьев-Несмелов Н. А. (Соловьев) 235
Солоухин В. А. 102, 196
Сольдейн В. Я., Х. С. 147
Сорокин В. В. 167
Софронов А. В. 198
Софья Алексеевна, царевна 257
Спасский М. Ф. 212
Сперанский М. Н. 74
Спесивцев В. 354
Ставский В. П. (Кирпичников) 101, 102
Сталин И. В. 109, 115, 128—130
Стамо Е. Н. 244
Станиславский К. С. 88, 113, 128, 129, 180, 194, 244, 273
Станкевич Н. В. 44, 70, 71, 78, 79, 158, 324
Стасов В. В. 267
Старцев И. 181
Старцев О. 348
Степенко В. 352
Стешенко А. Н. 182
Столыпин А. А. 307
Стрешневы 273
Стружко Г. 341
Стуккен Э. 193
Суворин А. С. 230
Суворов А. В. 261, 326
Сулержицкий Л. А. 96
Сумароков А. П. 6, 47, 49, 50, 271
Сумароковы 50, 64
Сунгуров Н. П. 158, 251, 275
Суриков В. И. 176
Суриков И. З. 167, 324
Сурков А. А. 36, 102, 104, 116, 131, 257, 303, 326
Сушковы 75, 76, 141

Сытин И. Д. 6, 46
Табидзе Т. Ю. 104
Тарасенков А. Т. 271
Твардовский А. Т. 15, 37, 259, 294, 295, 303, 341
Телешов Н. Д. 4, 45, 92, 94, 95, 210, 234, 235, 312
Тендряков В. Ф. 352
Тихонов Н. С. 116, 257, 303
Толстая С. А. (Берс) 26, 181, 266, 281
Толстой А. К. 15, 21, 320
Толстой А. Н. 7, 15, 24, 25, 44, 101, 103, 127, 138, 186—190, 194, 259, 314, 336—339
Толстой Л. Н. 7, 15, 25, 26, 34, 46, 47, 55, 63, 65, 76, 77, 79, 83, 85—87, 92—94, 96, 98, 118, 138, 140, 146, 163, 164, 166, 169—174, 176, 225, 226, 228, 252, 258, 263—268, 271, 281, 289—293, 308—310, 312, 321
Толстой Ф. И. 148
Толстые 153, 173, 266, 271, 273
Томский Н. В. 152, 153, 255, 259
Тон К. А. 22
Тренин К. А. 239, 259
Третьяков С. М. 353
Трифонов Ю. В. 310, 311
Трубецкие 149, 269, 273, 323
Туманный Д. 113
Тур Е. В. (Салиас-де-Турнемир) 225
Тургенев А. И. 56, 70—72, 262
Тургенева В. Н. 271
Тургенев И. С. 5, 7, 34, 44, 55, 65, 75, 79, 82, 83, 129, 138, 152, 154, 159, 163, 164, 167, 168, 226, 269, 295, 350, 357, 359
Тургеневы А. И., И. П. 54, 55
Туржанский Л. В. 176
Тышлер А. Г. 236
Тюрин Е. Д. 331
Тютчев Ф. И. 4, 7, 8, 71, 76, 82, 83, 120, 273, 315
Тютчева А. Ф. (Аксакова) 88
Тютчева Е. Ф. 76
Урусовы 274
Уткин И. П. 194, 202
Ухтомский Д. В. 328
Ушаков Д. В. 340

- Ушакова Е. Н. 281
Уэллс Г. Д. 46
- Фадеев А. А. 101, 102, 104, 124, 132, 202, 203, 259, 300, 301
Федин К. А. 99, 102, 127, 202, 239, 259, 271, 272, 352
Федоров В. А. 257, 300
Федоров И., первопечатник 47
Федосюк Ю. А. 178
Федотов П. А. 152
Фет А. А. (Шеншин) 5, 34, 79, 85, 173, 210, 226—229
Филарет, митрополит 31
Филатов А. 354
Филлипов Б. М. 203
Филомафитский А. М. 212
Фирсов В. Н. 301
Фомин И. А. 103, 328
Фонвизин Д. И. 6, 47, 49—51, 271
Фонвизины 51, 271
Фохт Н. Н. 333
Фофанов К. М. 91
Фриче В. М. 202
Фролов В. К. 255
Фрунзе М. В. 182
Фуженко А. С. 288
Фурманов Д. А. 7, 102, 115, 132, 140, 166, 167, 182, 183, 195, 204, 259, 358
Фучик Ю. 299, 300
- Херасков М. М. 49, 53, 62, 271
Хикмет Назым 239, 259
Хин-Гольдовская Р. М. 184
Хитрово Е. М. 141
Хлебников А. 145
Хлебников В. В. 135
Хмелев Н. П. 268
Хованские 24, 161, 323
Хомяков А. С. 59, 65, 71—73, 140, 163, 164, 225, 334
Хомяков Ф. С. 59
Храповицкий А. В. 75
Хрущевы 149
- Цвейг С. 194
Цветаев И. В. 8, 117
Цветаева М. И. 4, 7, 8, 47, 117, 118, 179, 183—186, 202, 210, 235, 236, 293
Цветаевы 184—186, 235, 293
Церетели Н. М. 113
Цигаль В. Е. 351
- Цявловский М. А. 202
- Чаадаев П. Я. 62, 70—73, 78, 164, 271, 333, 334
Чайковский П. И. 45, 90, 150, 223, 290, 298
Чалтыкьян А. Г. 54
Чаренц Е. А. (Согомонян) 104
Чеканюк Ю. 288
Черемных М. М. 106
Черкасские 323
Чернышев А. 233
Чернышевский Н. Г. 34, 44, 69, 78, 84, 87, 93, 254, 267, 287, 340
Чертков А. Д. 55
Чертков В. Г. 173
Чехов А. П. 7, 10, 15, 32, 34, 44, 46, 47, 86—95, 97, 167, 174, 210, 223, 229—232, 240, 247, 259, 265, 268, 312, 350
Чехова-Книппер О. Л. 268, 812, 350
Чеховы 32, 88, 92, 174, 229, 230
Чиладзе, братья 109
Чичагов Н. И. 22
Чуковский К. И. 236, 273
Чулков Г. И. 179
- Шагинян М. С. 7, 183
Шадр И. Д. 301
Шаликов П. И. 83
Шаляпин Ф. И. 96, 267
Шан-Гирей М. А. 155
Шанцер В. Л. (Марат) 81
Шатобриан А. 71
Шахов А. А. 324
Шаховские 139
Шведов И. 180
Шевченко Т. Г. 74, 163, 183, 286—288, 294
Шевырев С. П. 59, 64, 72, 75, 142
Шекспир В. 159, 193, 217
Шеллинг Ф. 71
Шенгели Г. А. 236
Шеншины В. А., Н. С. 70, 156
Шервинский С. В. 314
Шереметевы 316, 323
Шершеневич В. Г. 108, 181, 204
Шехтель Ф. О. 96, 103
Шиловская Е. С. 129
Ширинский В. П. 183
Ширяев А. С. 83

Шишков В. Я. 131, 132, 209,
259
Шкловский В. Б. 110, 202, 310,
353
Шкулев Ф. С. 233
Шлыков А. П. 354
Шмаков М. А. 250
Шмаровин В. Е. 176
Шмидт О. Ю. 315
Шолохов М. А. 104
Шота Руставели 284
Шоу Бернард 8, 103, 273
Шпет Г. Г. 119
Штейнгель В. И. 167, 173
Шуйский В. И. 21—23
Шукшин В. М. 259, 326, 327
Шумский С. В. 75, 154
Сухов В. Г. 271, 272
Щепкин М. С. 5, 55, 71, 74, 79,
81, 82, 143, 152, 154, 161, 217,
262
Щепкин Н. М. 46, 87
Щепкина-Куперник Т. Л. 91
Щербачевы 289
Щипачев С. П. 257
Эдгар По 315

Эйзенштейн С. М. 353
Эми Сяо 104
Энгельгардт А. Л. 64
Эренбург И. Г. 35, 42, 113, 130,
131, 202, 259, 263
Эрихсон А. 94
Эрлих А. 125
Эфрон А. С. 293
Эфрон Е. и В. 184, 186
Эфрон С. Я. 183—186, 235
Южин-Сумбатов А. И. 94
Юрий Владимирович Долгору-
кий 17, 18, 33, 234
Юров Ю. В. 351
Юсупов Н. Б. 31, 57
Язвицкий В. И. 19
Языков Н. М. 57, 65, 164
Языковы 24
Якулов Г. Б. 181
Яновская Л. М. 127
Яншин М. М. 268
Ярославский Е. М. (Губельман)
203
Ясенский Б. (В. Я.) 104, 194
Яшин А. Я. (Петров) 102

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адреса литераторов 4—8, 10, 49—51, 53—59, 64—66, 68, 75, 77, 78, 81, 82, 88, 90—93, 95, 98, 105, 110, 112—115, 117—122, 124—126, 131, 133, 140—142, 144—146, 149—151, 153, 155, 156, 160—167, 169, 173, 175, 177, 178, 180, 181, 183, 184, 186, 190, 194, 196, 212, 214, 216, 217, 225, 226, 228, 229, 234—239, 263, 264, 268, 282, 283, 289, 294—296, 301, 302, 306, 307, 314, 328, 330, 341, 350, 353

Архивы 73, 261, 323, 332, 337

Архитектура

архитектурные стили, застройка города 5, 8, 18, 20, 72, 87—89, 100, 105, 121, 126, 135, 139—141, 148, 152, 168, 174, 184, 200, 209, 224, 240

памятники архитектуры (см. также монастыри и церкви) 22, 23, 25, 39, 40, 54, 57—61, 66, 68, 69, 83, 94, 103, 107, 148, 149, 164, 167, 170, 222, 241, 242, 256, 260, 261, 270, 275, 282, 289, 305, 312, 320, 327, 337, 338, 349

Библиотеки 5, 45, 84, 92, 115, 184, 192, 206, 212, 227, 243, 253, 262, 299, 304, 305, 329, 331

Благородный пансион 29, 47, 49, 54, 66, 69, 70, 75, 155

Больницы 84, 88, 91, 131, 175, 268, 273, 316, 317, 320—322, 333, 335
Вокзалы 86, 92, 131, 177, 186, 187, 240, 244, 287, 298, 301, 302, 305, 341, 342, 350

Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова 202, 315

Газеты 46, 81, 88, 93, 125, 127, 130, 131, 136, 176, 177, 190—192, 197, 198, 202, 223, 224, 230, 232, 233, 237, 238, 283, 294, 302, 303, 326, 334

Гимназии и школы 47, 50, 69, 89, 117—119, 121, 165, 173, 175, 176, 188, 199, 217, 224, 227, 256, 294, 295, 325, 330, 352

- Гостиницы 5, 15, 47, 58, 60, 84, 85, 89, 91, 94, 112, 121, 132, 177, 223, 232, 286, 287
- Декабристы 7, 28, 31, 56, 59, 60, 63, 69—71, 80—82, 85, 86, 146, 149, 151, 163, 167, 173, 225, 260, 271
- Журналы 79, 80, 90, 116, 128, 130, 145, 147, 158, 159, 175, 192, 197, 202, 223, 224, 225, 227, 238, 250, 283, 294, 296, 306, 351
- Издательства и типографии 6, 49, 50—52, 74, 83, 85, 87, 94, 99, 103, 110, 130, 178, 233, 241, 279, 296, 351
- Институт мировой литературы имени А. М. Горького 105, 175
- Интерьеры московских домов 56, 66, 94, 98, 99, 103, 143, 144, 150, 156, 159, 160, 161, 165, 174, 175, 182, 192, 193, 214, 215, 220, 221, 226, 261, 262, 264—266, 337, 353
- История Москвы
древняя Москва 17—24, 139, 206—209, 220, 242, 257, 280, 323, 344, 345
Москва в 1812 г. 25—27, 29, 55, 151, 171, 172, 292, 293, 306
Москва в 1905 г. 40, 52, 81, 97, 98, 119, 121, 176, 210, 233, 237, 277—279, 283, 284
Москва в 1917—1920 гг. 33, 65, 80, 106—108, 115, 120, 122, 123, 179, 180, 185—187, 189, 210, 233, 234, 275—277, 280, 285, 286, 291, 293
Москва в 1941—1945 гг. 35—37, 41—43, 115, 116, 131, 132, 186, 199, 203, 273, 294, 295, 301—304, 317, 325, 326, 340, 341
- Кладбища 41, 81, 104, 131, 258, 259, 261, 271, 285, 308, 319—321, 323, 324, 335, 339, 359
- Клубы 47, 61—63, 85, 86, 89, 90, 110, 151, 203, 204, 237, 354
- Книжные магазины и лавки 5, 6, 46, 47, 83, 111, 112, 217, 334
- Ленинские места 5, 6
квартира В. И. Ленина в Кремле 34
- Литературно-художественные направления, общества и кружки 45, 49, 55, 78, 94, 95, 101, 104, 107, 108, 111, 120, 121, 140, 178—180, 190, 228, 233, 234, 303, 353
- Литературные вечера советских писателей и поэтов 4, 45, 107—109, 112, 113, 116, 178, 179, 186, 187, 202, 256, 257
- Литературные премии 38, 91, 124, 197, 198, 244, 326, 327
- Литературные салоны и кофейни 4, 5, 8, 45, 55, 63, 64, 70—73, 75, 76, 79, 82, 94—96, 182, 189, 224
- Литературный институт имени А. М. Горького 47, 102, 105, 196, 198
- Лобное место 38, 40, 189
- Мемориальные доски 47, 48, 52, 55, 59—61, 69, 79, 80, 81, 90, 91, 93, 95, 98, 102, 103, 112, 122, 124, 125, 130—132, 147, 150, 154, 156, 161, 163, 167, 169, 170, 174, 183, 190, 192, 199, 203, 214, 233, 237, 243, 244, 268, 269, 279, 284, 295, 302—304, 312, 321, 326, 327, 330, 331, 339, 341, 357

- Метро 92, 255, 256, 273, 287, 299, 300, 303, 304, 323, 328, 343
- Монастыри 22, 28, 50, 64, 89, 139, 153, 155, 157, 250, 254, 256—260, 269—271, 305, 332, 343—348
- Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского 294, 303, 340, 341
- Московский университет 11, 29—31, 47—51, 54, 55, 59, 65, 66, 69, 70, 72, 77, 78, 80—82, 86—88, 98, 119, 120, 154—158, 160, 161, 166, 167, 182, 212, 224, 227, 229, 238, 249, 251, 254, 255, 261, 269, 288, 289, 315, 335, 341
- Московское училище живописи, ваяния и зодчества 105, 118, 119
- Музеи 8, 38, 40, 47, 48, 52, 90, 103, 105, 107, 110, 117, 119, 125, 126, 140, 144, 146, 149, 150, 154, 156, 161, 164, 174—176, 178, 184, 186, 189, 190, 192, 201, 203, 205, 206, 214, 223, 226, 238, 239, 241, 263, 264, 267, 279, 295, 305, 314, 318, 320—322, 325, 327, 344, 352, 354, 355
- Народные гуляния 64, 165, 166, 209, 216, 217, 253, 257, 260, 281, 290, 305, 307, 308, 318, 319
- Ночлежные дома 263, 265, 290, 291
- Общественно-политические движения, общества, кружки (западников, славянофилов, революционеров-демократов и пр.) 7, 59, 70—72, 78, 79, 81, 87, 93, 96, 97, 156, 158—161, 163, 164, 189, 228, 251, 261, 275, 324
- Общество любителей российской словесности 65, 74, 82, 86, 153, 262
- Памятники 38—40, 45, 46, 48, 49, 52, 54, 66, 67, 80, 84, 85, 87, 95, 104, 112, 122, 152, 153, 170, 174, 175, 181, 189, 190, 194, 199, 214, 215, 217, 243, 249, 250, 254, 255, 259, 267, 268, 284—288, 291, 298—301, 313, 321, 324, 325, 327, 329, 351, 354, 355
- Памятники литературным героям и скульптурные композиции 54, 67, 92, 246, 254—256, 275, 300, 301
- Пансионы частные 79, 167, 322, 333
- Парки, скверы и бульвары 15, 26, 27, 32, 47, 54, 65, 105, 121, 126, 127, 246, 254, 262, 263, 268—272, 275, 295, 296, 305, 307, 324, 327, 329, 333, 340, 343, 352, 354
- Петербург, связи с Москвой 10, 50, 54—57, 59, 60, 70, 84—86, 98—114, 116, 117, 119, 132, 146, 151, 152, 156, 159, 160, 174, 177, 179, 181, 184, 221, 231, 234, 236, 240, 252, 261, 271, 282, 306, 307, 322
- Подмосковные усадьбы и дачные поселки 6, 8, 52—54, 56, 91, 118, 163, 212, 264, 266, 273, 281, 289, 295, 296, 309—313, 323, 334, 346, 347, 349, 350
- Просветители XVI—XVII вв. 24, 47, 256, 274, 346, 348
- Раскольники (старообрядцы) 4, 8, 224, 274, 275, 344, 345

Редакции литературно-художественных альманахов, журналов и издательств 6, 45, 46, 49, 50, 53, 54, 57, 69, 73, 74, 78, 83, 85, 88, 91—94, 101—103, 121, 125, 126, 130, 174, 177—179, 182, 190, 201, 202, 233, 241, 296, 299, 303

Рестораны и трактиры 86, 89, 93, 123, 180, 191, 200, 217, 232, 253, 307, 308

Рынки 39, 93, 191, 209, 219, 311, 318

Сословия городского населения 7, 61—63, 67, 71, 72, 77, 78, 86, 89, 93, 134, 137, 139—141, 159, 164—166, 174, 175, 206—209, 212, 217—219, 221, 222, 224, 264, 273, 289, 322, 327, 351

Союз писателей РСФСР 38, 198, 201, 260

Союз писателей СССР и предшествующие ему организации 38, 101, 104, 116, 124, 140, 170, 176, 182, 197—199, 201, 202

Театры, концертные залы, цирк, кинотеатры, выставочные залы 7, 8, 11, 44, 45, 50, 51, 74, 75, 79, 81, 85, 91, 92, 96, 97, 100, 106, 113, 122, 123, 128, 129, 134, 140, 147, 149, 151—154, 156, 165, 173, 174, 180, 181, 185, 187, 190, 194, 196, 197, 206, 212, 214, 217, 223, 227, 239, 252, 268, 269, 285, 298, 299, 318—320, 325, 326

Тюрьмы 59, 84, 263, 280, 335

Центральный дом литераторов имени А. А. Фадеева 140, 202, 203

Церкви 7, 21—24, 26—31, 38—40, 61, 96, 110, 119, 135, 155, 162, 166, 172, 176, 189, 191, 205, 207, 208, 212—216, 218—220, 223, 225—227, 229, 230, 235, 240, 242, 243, 249—253, 256, 258, 259, 261, 267, 268, 273, 275, 289, 293, 310, 319, 320, 323—325, 328, 330, 331, 338, 345, 346, 359

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

(Приведена в соответствии с хронологией повествования)

- Русские писатели в Москве. М.: Моск. рабочий, 1987.
- Москва в родной поэзии: Сборник / Под ред. С. И. Пономарева. Спб.: Изд. А. С. Суворина, 1880.
- Земенков Б. С. Памятные места Москвы: Страницы жизни деятелей науки и культуры. М.: Моск. рабочий, 1959.
- Никулин Л. Старая и новая Москва в литературе: Краткий историко-литературный очерк. М.: Моск. рабочий, 1947.
- Город чудный, город древний...: Москва в русской поэзии XVII — начала XX века / Сост. Вл. Б. Муравьев. М.: Моск. рабочий, 1985.
- Бродский Б. Вслед за героями книг. М.: Книга, 1967.
- Шамаро А. Действие происходит в Москве. М.: Моск. рабочий, 1989.
- Стародуб К. Литературная Москва: Туристская схема / Научно-ред. картосоставительная часть ГУГК при Совмине СССР. М., 1977.
- Осокин В. «Его стихов пленительная сладость...»: В. А. Жуковский в Москве и Подмосковье. М.: Моск. рабочий, 1984.
- Эйдельман Н. Последний летописец. М.: Книга, 1983.
- Друзья Пушкина: Переписка, воспоминания, дневники: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1986.
- Тынянов Ю. Пушкин. М.: Моск. рабочий, 1988.
- Вересаев В. Пушкин в жизни. М.: Моск. рабочий, 1984.
- Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974.
- Назарова Г. И. Нашокинский домик. Л.: Аврора, 1971.
- Загоскин М. Н. Москва и москвичи: Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М. Н. Загоскиным. М.: Моск. рабочий, 1988.
- Сизова М. Из пламя и света. М.: Молодая гвардия, 1967.
- Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М.: Сов. писатель, 1964.
- Андроников И. Лермонтов: Исследование и находки. М.: Худож. лит., 1964.
- Золотусский И. Душа и дело жизни: Очерки о Гоголе. М.: Правда, 1981.
- Живые страницы. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Белинский: В воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах. М.: Дет. лит., 1970.
- Порудоминский В. Даль. М.: Молодая гвардия, 1971. Серия «Жизнь замечательных людей».

Арденс Н. Н. Достоевский и Толстой. М.: Моск. педагог. ин-т, 1970.

Яснополянский сборник. 1978: Статьи, материалы, публикации. Тула: Приокское кн. изд-во, 1978.

Шкловский В. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. Серия «Жизнь замечательных людей».

Родионов Н. Л. Н. Толстой в Москве. М.: Моск. рабочий, 1958.

Опупьский А. и др. Дом Льва Толстого в Москве. М.: Моск. рабочий, 1960.

Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1980.

Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула: Приокское кн. изд-во, 1960.

Маймин Е. А. Лев Толстой. М.: Наука, 1980. Серия «Истории мировой культуры».

Турков А. Салтыков-Щедрин. М.: Молодая гвардия, 1964. Серия «Жизнь замечательных людей».

Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860-х годов: Биография. М.: Худож. лит., 1972.

Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963.

Пигарев К. Ф. И. Тютчев и его время. М.: Современник, 1978.

Скатов Н. Некрасов: Современники и продолжатели. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1973.

Холодов Е. Драматургия на все времена. Островский и его время. Островский и наше время. М.: ВТО, 1975.

Путищев В. Герцен в Москве и Подмоскowie. М.: Моск. рабочий, 1963.

Желвакова И. А., Рудой И. М., Нарская Е. Г. Герцен и Россия: Альбом. М.: Сов. Россия, 1986.

Путищев В. Герцен в Москве и Подмоскowie. М.: Моск. рабочий, 1963.

Полоцкая Э. А. Пути чеховских героев. М.: Просвещение, 1983.

Чехов М. П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. М.: Моск. рабочий, 1959.

Балабанович Е. Дом А. П. Чехова в Москве. М.: Моск. рабочий, 1958.

Полоцкая Э. А. Пути чеховских героев. М.: Просвещение, 1983.

Ашукин Н. Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. М.: Федерация, 1929.

Машбиц-Веров И. Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышевское книжное изд-во, 1969.

Горелов Анат. Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1970.

Блоковский сборник: Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. 1962.

Блоковский сборник: Труды второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972.

Елкин А. Луначарский. М.: Молодая гвардия, 1967. Серия «Жизнь замечательных людей».

Белоусов В. Сергей Есенин. М.: Сов. Россия. Литературная хроника. Ч. 1. 1969.

Белоусов В. Сергей Есенин, М.: Сов. Россия. Литературная хроника. Ч. 2, 1970.

- Прокушев Ю.* Сергей Есенин: Образ, стихи, эпоха. М.: Моск. рабочий, 1975.
- Есенин Сергей: Воспоминания родных. М.: Моск. рабочий, 1985.
- Маяковский делает выставку / Сост. К. Симонов. М.: Книга, 1973.
- Маяковский В.* Полн. собр. соч. / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. Т. 12, 13 (Статьи, заметки, выступления, письма и другие материалы). М.: Худож. лит., 1961.
- Воспоминания о Н. Н. Ляшко. М.: Сов. писатель, 1979.
- Славин Лев.* Портреты и записки. М.: Сов. писатель, 1965.
- Лидин Вл.* Люди и встречи. М.: Моск. рабочий, 1980.
- Ефимов Б.* Рассказы старого москвича. М.: Моск. рабочий, 1981.
- Виленкин В. Я.* В сто первом зеркале. М.: Сов. писатель, 1987.
- Пастернак Б.* Воздушные пути. Проза разных лет / Предисл. «Звездный дождь» Д. С. Лихачева. М.: Сов. писатель, 1982.
- Пастернак Б.* Стихи / Предисл. Корнея Чуковского. М.: Худож. лит., 1966.
- Каверин В.* Эпilog. М.: Моск. рабочий, 1989.
- Яновская Л.* Творческий путь Михаила Булгакова. М.: 1983.
- Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988.
- Цветаева Марина.* «Поклонись Москве...»: (Поэзия. Проза. Дневники. Письма). М.: Моск. рабочий, 1989.
- Саакянц А.* Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества, 1910—1922. М.: Сов. писатель, 1986.
- Цветаева А.* Воспоминания. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1974.
- Влади М.* Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989.
- Живая жизнь // Штрихи к биографии Владимира Высоцкого. М.: Моск. рабочий, 1988.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Ю. М. Нагибин	4
К читателю	9

ОТ КРЕМЛЯ ДО САДОВЫХ

Глава первая.

«И ЗА РЕКОЮ КРЕМЛЬ-КРАСАВЕЦ»	15
Памятные литературные места Кремля и Красной площади	17
Летописцы древнего Кремля	17
От петровских времен до 1812 года	24
Образ Кремля в вольнолюбивой русской ли- тературе	27
Кремль глазами Чехова, Блока и Брюсова	32
Горький и Маяковский о Кремле	33
«Сороковые-роковые»	35
Кремль сегодня	37
О Красной площади	38

Глава вторая.

«КАЖДЫЙ КАМЕНЬ ТВОЙ — ЗАВЕТНОЕ ПРЕ- ДАНЬЕ ПОКОЛЕНИЙ»	44
Памятные литературные места центральной части Москвы	48
От Ломоносова до пушкинской поры	48
Пушкин и его эпоха	54
Середина — конец XIX века	80
На рубеже веков	87

В горниле революции (памятные места центра Москвы)	96
Адреса, связанные с жизнью и творчеством советских писателей в 1920—1940-е годы .	124
«...Светлый угол дома на ярко блистающей синеве...»	133

Глава третья.

«УЛИЦЫ УЗКИ У НАС, ШИРОКА У НАС ЛЕТОПИСЬ УЛИЦ»	137
Памятные литературные места Арбата и прилегающих к нему районов	141
Пушкинские адреса	141
Арбат в жизни и творчестве Грибоедова, Гоголя, Лермонтова и Белинского	150
Западники и славянофилы	160
Литературный Арбат во второй половине XIX века	164
Новая жизнь литературного Арбата	175
Арбат предвоенный и послевоенный	194

Глава четвертая.

«Я ЗНАЮ ТЕБЯ, ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ»	205
Памятные литературные места Замоскворечья	211
Начальные страницы литературной летописи «Колумб Замоскворечья»	213
Литературное Замоскворечье во второй половине XIX века	223
Начало XX века	233
«Дорогой встреч я шел в Замоскворечье»	236
В устье Яузы	242

ЗА САДОВЫМ КОЛЬЦОМ

Глава первая.

«ВИДНЫ МОСКВЫ ШИРОКИЕ ПРОСТОРЫ»	247
Панорама Москвы	247
Перед университетом	254
У Лужниковской. Излучины	256
Подле Нескучного сада	268
Литературное прошлое новых районов Юго-Запада	272

Глава вторая.

ОТ ТРЕХ ГОР ДО ПОКЛОННОЙ ГОРЫ . . .	277
Идем «трехверстной Преснею»	277
«В те дни, как Пресненское поле еще забор не заграждал»	280
Украинские тополя над Москвой-рекой	286
«Москва с Поклонной горы расстиралась про- сторно»	288
За речкой Сетунью	295

Глава третья.

«ВДОЛЬ ПО ПИТЕРСКОЙ, ПО ТВЕРСКОЙ- ЯМСКОЙ»	298
Улица Горького и ее продолжение	298
«Вот окружен своей дубравой, Петровский замок»	305

Глава четвертая.

ПРОСПЕКТОМ МИРА К СЕВЕРНЫМ ОКРАИ- НАМ МОСКВЫ	314
От дома Брюсова к дому Достоевского	314
«На светлый город пристально взгляни»	325

Глава пятая.

ОТ ЛЕРМОНТОВСКОЙ ПЛОЩАДИ К БЕРЕ- ГАМ ЯУЗЫ	328
Разгуляй, Басманная, Елоховская и их окрест- ности в пушкинскую пору	328
О яузских берегах через столетие	336

Глава шестая.

МОСКВОРЕЧЬЕ	343
Заточение неистового протопопы в Андрони- кове, заключение Александра Герцена в Крутицах	344
«Чтобы стать в городе как лесовик в лесу»	349

Глава последняя.

УРОКИ ЖИЗНИ ДАЕТ МОСКВА	356
Указатель имен	362
Предметно-тематический указатель	374
Использованная литература	378

**Корнелия Вячеславовна Стародуб
Вера Викторовна Емельянова
Ирина Владимировна Краусова**

*Я люблю
этот город
вязевый...*

Путеводитель
по литературным местам
Москвы

2-е изд., доп. и перераб.

Заведующий редакцией *А. Марчик*
Редактор *Л. Бузина*
Художник *И. Сайко*
Фото *К. Кузьмина, В. Гротте*
Художественный редактор *И. Лопатина*
Технический редактор *С. Устинова*
Корректоры *Н. Кузнецова, Т. Нарва*

ИБ № 4389

Сдано в набор 26.01.90. Подписано к печати 09.08.90.
Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гарни-
тура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ.
л. 22,68. Усл. кр.-отт. 25,82. Уч.-изд. л. 22,63. Тираж
50 000 экз. Заказ 573. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Я люблю этот город вязевый...

Дома, дома, дома...
Казалось бы, дом —
безмолвная оболочка,
охраняющая жизнь,
которая пульсирует
внутри. Уже давно нет
тех людей, которые
здесь жили прежде.
Давно другие запахи
в комнатах, цвет обоев
и мебель. Другая жизнь
кипит в этих стенах.
Но почему же нас
тянет сюда
просто побродить,
хотя нет у нас здесь
решительно никаких
будничных дел?..

Московский рабочий

